

КНИГА 2 «МОРЕ МОЁ»

Оглавление

Оглавление.....	2
«ДЫХАНИЕ МОРЯ»	3
«БЕРЕГА»	19
«КРАЙ СВЕТА».....	28
«ДОРОГИЕ ПЕРВОПРОХОДЦЫ»	37
«ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО»	76
«ОДИНОКИЕ УТЁСЫ»	84
«КАМНИ МОРЯ»	89
«ШТОРМА».....	100
«ЛЬДЫ».....	135
«О ЯПОНИИ».....	149
«КИТЁНОК»	182
«КАЛАНЫ»	200
«СИВУЧИ»	216
«БЕЛУХА».....	227
«МАТУШКА-НЕРПА».....	238
«СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»	251
«ПТИЧИЙ БАЗАР».....	262
«БАКЛАН»	292
«КАЧУРКИ»	300
«МОНЕРОН»	305
«КАЙРЁНОК»	311
«ПРИБОЙ».....	317

«ДЫХАНИЕ МОРЯ»

Удивительные явления можно подглядеть на берегу моря, когда живёшь рядом с ним постоянно! Обычно, дважды, реже – раз в сутки, море то уходит от берегов, то приходит к нему. Неопытный человек сразу и не поверит своим глазам: совсем недавно, какие-нибудь два-три часа назад, он высадился с товарищами у этих скал, на боте, и волны неистово ударялись в их отвесные чёрные склоны, а сейчас вся подводная часть у подножия скал обнажена, и по ней, в искрящихся между голых окатышей лужицах, перебегают вездесущие длинноносые зуйки и неспешно бродят важные чайки, разыскивая червей, рачков или рыбок, оставшихся в небольших ямках, наполненных водой, или закопавшихся под камни и в песок. Так величественно и с неизменным постоянством дышит необъятное морское пространство: вдох означает - отлив, выдох – прилив...

Жизнь в океане куда обильнее, чем на суше, и подавляющее количество организмов, составляющих его многообразие, - обитатели мелководных окраин морей и океанов, чьи воды постоянно обогащают приливы и отливы. Изобилие жизни в этой зоне, называемой «литоралью», не случайно.

Ритмичное дыхание моря, наряду с ветрами, волнами и течениями, перемешивает воды, обновляя запас кислорода, необходимый для жизни, и постоянно снабжает её питательными веществами, одновременно удаляя вредные отходы. Приливы, словно заботливые родители, трудятся изо всех сил, поддерживая создаваемую ими жизнь. Ещё во владениях прилива всегда присутствует живительный солнечный свет, чтобы обитатели прилива могли выжить.

А выжить, несмотря на благоприятные условия морского мелководья, бывает нелегко. В особенности - в береговой полосе, где по прихоти приливов и отливов морские организмы оказываются то на воздухе, то в воде. Образно говоря, они страдают то от засухи, то от потопа. Им приходится выносить колебания солёности и давления воды, противостоять палящему солнцу и постоянным хищническим набегам своих естественных врагов. Нигде на нашей планете нет столь переменчивых условий окружающей среды и, конечно, все эти живые существа давно приспособились к длительному отсутствию воды, когда долгое время остаются на открытом пространстве без привычной для себя водной стихии.

А если к этому добавить, что обитатели литорали постоянно подвергаются непрерывным ударам волн, порой – совершенно разрушительным, то становится понятным напряжение, которому подвергнуты обитающие здесь животные, причём, небольшие, и их расплюснутые, обтекаемые тела, несомненно, уменьшают разрушительное действие волн. Маленькие животные приливной полосы были вынуждены постоянно бороться, и это не могло не отразиться на их особой приспособляемости к окружающей среде, не всегда для них благосклонной.

Во время отлива на десятки метров открывается большая полоса дна моря у берега. Хорошо в эту пору пройтись по обнажившимся от воды скользким камням, когда они не успели просохнуть, разглядывая загадочных обитателей прибрежной полосы... Почти все камни обросли многочисленными водорослями, что прилепились к их округлым бокам, в углублениях же между ними, ещё заполненных в некоторых местах лужицами прозрачной воды, под слоёвищами ламинарии, филаспадикса и зостеры, можно заметить морских звёзд, ежей и мелких рыбок. В песке здесь живут черви-нереисы и голотурии, а кое-где на берегу попадаются выброшенные волнами студенистые медузы и белые позвонки морских животных...

Приливы и отливы создают настолько своеобразные условия жизни, что развилась особая прибрежная фауна и флора, не погибающая при уходе воды. Во время отлива большинство плавающих обитателей, конечно, уходит вместе с водой, многие скопляются в ямках и углублениях, зарываются глубоко в ил и песок или подползают под камни. Но главная масса донных организмов по своей природе неподвижна, и одни из них просто плотно закрывают створки своих раковин, другие прячутся в домики, водоросли же, живущие в зоне прилива, вовсе не боятся временного обнажения, тогда как их собратья из более глубоких частей моря быстро погибают от обсыхания. Есть и такие прибрежные животные, что приспособились получать кислород за счёт распада органического вещества своего тела!

Когда уходит вода, на обнажившемся дне появляются песцы, лисы и медведи, вороны, галки, кулики и различные чайки... Обеденный «стол» соблазнительно обилён: море оказывается щедрым для всех.

Отлив на море частенько называют «кроткой водой»... Может быть оттого, что её становится мало, и она, крадучись, сбегает в море, как будто прячется в нём на какое-то время, и то, что можно увидеть после того, как вода убежала: удивительное представление! Разве удастся вам ещё когда-нибудь походить пешком по дну, где совсем недавно было море, а вот теперь – чего тут только не увидишь! Не надо и в костюм водолазный наряжаться: бери с собой палочку с питомзой - и двигай в самую утробу моря!

Отливы на Дальнем Востоке, как и приливы, огромные, может быть даже – наиболее выдающиеся в мире! И когда вода уходит, то все цветастые водоросли, рыбы и ракушки самой причудливой формы с ежами и перламутровыми медузами, - как на блюде... Лежат себе на песчаной отмели, отдуваются, запуская в воздух серебристые фонтанчики. Ещё не обсохшие камешки переливаются всеми цветами радуги, не сразу и разберёшь – где среди них халцедоны, опалы и сердолики, а может быть даже – голубовато-молочные агаты?!

И не покидает при этом радостная мысль, что будто бы все эти драгоценности ждали именно тебя, когда ты к ним, наконец, пожуешь? А вокруг – ни души, тебе одному ушедшее море всё это богатство оставило, отводи влюблённую в него душеньку! И так весело на сердце становится,

вольготно, что шагаешь без памяти по оголившемуся влажному песочку, теряясь в догадках: налево лучше всего устремить своё внимание, или – направо? А то, может быть, броситься прямо во след убегающему морю, где уж, верно, самые драгоценные дары тебя дожидаются! Сколько же их у моря в запасе, не сосчитать, и всё тебе хочется непременно рассмотреть, хотя бы краешком глаза...

Множество моллюсков и усоногих рачков кажутся поначалу мёртвыми, но стоит только увлажнить камни водой, брызнув на них сапогом из маленькой лужицы, как створки раковин вскоре раскрываются, а те, кто сидят, плотно прижавшись к камням, начинают издавать писк: из-под краёв створок выступают пенящиеся пузырьки, и то там то здесь взлетают в насыщенное влагой пространство крохотные фонтанчики... Всё это, как правило, повторяется до тех пор, пока камни не высыхают. Таким путём морские моллюски вылавливают из воды и воздуха мельчайшие организмы: как только на камнях не остаётся воды, всякое проявление жизни опять прекращается.

Наиболее многочисленны в отлив улитки – округлые, с красиво завивающимися, плавными линиями, длиной в несколько сантиметров. Бросается в глаза их разнообразная раскраска: у одних – жемчужно-белая, у других – кремовая, у третьих – нежно-голубая. Попадаются и многоцветные, чья пестрота и многообразие оттенков – одна из форм приспособляемости. Иногда находишь очень неожиданные по расцветке раковинки, принимая их за камешки. Такими они, наверное, представляются и вездесущим чайкам, благодаря неожиданной окраске оставаясь живыми.

Самые распространённые обитатели зоны отлива – баянусы. Баянусы относятся к отряду усоногих раков, и наиболее часто встречаются именно в приливно-отливной полосе. Прикрепившись к скользким камням с помощью специальных цементных желез, баянусы живут своей неприметной жизнью вблизи берега. Шесть пластинок раковины баянуса образуют усечённый конус, прикрытый двухскатной, раздвигающейся крышечкой. Раздвигая крышечку, рак ритмично выбрасывает ножки, подгребая ими пищу – мельчайшие планктонные организмы. Когда вода отступает, рак захватывает пузырёк воздуха и немного влаги, чтобы поддержать жабры во влажном состоянии. Если какое-то время не двигаться и постоять рядом с семейством баянусов, плотно прикрепившимся к камням, то можно будет увидеть, как они дружно выпускают тоненькие фонтанчики, как будто ободряя себя в ожидании прилива и что-то тихо и радостно «нашёптывая». Рачок в течение всей жизни, слой за слоем, наращивает толщину своего наружного скелета, за счёт которого может несколько дней прожить без морской воды, но стоит ему погибнуть, как прочность сцепления со скалой нарушается и раковина отваливается.

Часто встречаются и морские блюдечки. Их отличает конусообразная раковина-домик и широкая нога, с помощью которой улитка присасывается к камням. Образ жизни у блюдечек, естественно, осёдлый, и даже если они

ненамного передвигаются в поисках корма, то после «охоты» обязательно возвращаются на старое место, где моллюск приспособливает свою раковину к любой неровности грунта. Только это позволяет улиткам достаточно прочно закрепиться и, таким образом, не погибнуть во время отлива, когда отмель выступает из воды и высыхает.

С отступлением воды отмель заполняется крохотными крабиками, которые выбираются из своих норок и тотчас принимаются кормиться. Быстро и ритмично зачерпывая клешнями песок, они отделяют его от органических частиц и подносят к жаберным щелям, откуда вся влажная масса поступает в фильтровую полость, очищается от загрязняющих крупинок и обогащает организм краба кислородом. Так, вокруг норки, постепенно растут холмики отработанного песка, причём, правильной формы, в виде своеобразного защитного вала. Своей чёткой, целеустремлённой работой крабики просто завораживают: такими примерными и озабоченными они выглядят со стороны, как будто им нет никакого дела до огромного моря, в котором они живут. Море на время отступило - и крабики тотчас принялись устраивать свои дела, не теряя ни минуты.

Издавна приливы способствовали зарождению и распространению в морях растительной жизни. Большая часть этих растений приняла вид мельчайших плавучих водорослей, переносимых приливами, иные же уцепились за каменистое прибрежное дно, довольствуясь тем, что приносят им набегающие волны. И хотя голый камень диких берегов встретил их недружелюбно, подобно хорошо организованной армии растения захватили эту сушу, создали из скал почву и научились сами вырабатывать кислород. Так повела себя ламинария, морская капуста, которая образовала у порога суши целые леса, насыщенные богатой жизнью.

Ламинария живёт в прибрежной полосе, как будто наслаждаясь сменой приливов и отливов. Купается в них, вальяжно переворачиваясь и посверкивая сочными боками. Даже самые жестокие шторма не в силах оторвать листья ламинарии от скал, к которым водоросли намертво прикрепляются ризоидами – своими подводными корнями.

Сколько красочных и причудливых существ можно обнаружить во время отлива! Но меня почему-то всегда более привлекала россыпь окатанных морем валунов самой причудливой формы. Многие из них оказываются обёрнутыми буровато-зелёными фукусами и ульвой, напоминая яйца неведомых животных, живущих у моря. Когда дно совсем обсыхает, тонкие листья фукуса и ульвы опадают и лежат поникшие, пока их высушивает солнце. Постепенно они темнеют, и, кажется, совершенно погибают, но стоит водорослям оказаться снова в воде, как они расправляются, набирают влагу и становятся упругими. Вместе с растениями оживают и валуны...

С началом прилива водоросли всплывают благодаря тому, что имеют вздутия, наполненные газом, которые и служат водорослям поплавками. В

период низкой воды листья водорослей плотным одеялом укутывают камни и защищают от высыхания многочисленных обитателей литорали: под их густым влажным покровом прячутся маленькие рачки бокоплав, крохотные змеевидные рыбки, морские жёлуди и словно покрытые лаком чёрные двустворчатые раковины мидий. Как и баянусы с блюдечками, лишённые возможности свободно перемещаться в поисках пропитания, мидии лишь открывают рты, чтобы проглотить обед, приготовленный для них самим морем.

Мидии удерживаются на камнях при помощи прочных шелковистых нитей, так называемого биссуса, вырабатываемого, как и у баянусов, специальной железой, а сопротивляться ударам волн мидиям помогает раковина, имеющая обтекаемую форму. Плавные линии её створок хочется погладить, и, прикоснувшись к скоплениям мидий рукой, сразу ощутишь силу сжатой в них жизни: мидии ещё более сожмутся и будто охнут, от чего вокруг возникнет какое-то невидимое движение. Но не дай, Бог, ступить на эти скопления мидий босой ногой – страшного пореза не избежать!

Стоит опасаться в прибойной полосе и ежей с прочными коническими иглами, которыми животные намертво расклинивают свои тела в подходящей полости между камней. Сам ёж величиной всего лишь с небольшое яблоко, а то и вовсе с монетку, но бродить по оголившемуся от воды дну лучше в сапогах. Ёж ничем не прикреплен к камням, он только упирается иглами в стенки убежища, однако силы руки не всегда хватает, чтобы вытащить его оттуда. Когда выглядывает солнце, капельки воды на иглах ежа переливаются всеми цветами радуги, так что начинает казаться – ёж радостно охорашивается!

Некоторые из обитателей приливной полосы, живущие на границе двух миров – моря и суши, выработали своеобразные привычки. Раки-отшельники, будучи лишены раковины-защиты, которой природа снабдила большинство ракообразных, ищут себе подходящее переносное жилище на берегу, не пренебрегая и изделиями человеческих рук. Они устраиваются в брошенных трубах, черепках, детских пляжных игрушках или вынесенных штормами рыбацких кухтылях. Причём, крадут всё подряд. Если неподалёку от моря располагается какое-то селение, раки-отшельники совершают набеги на дома в поисках пищи, могут лазить по деревьям, воруя плоды, и даже забираются в постель к людям.

Губки, чтобы их не сносили приливные и отливные потоки воды, прикрепляются ко дну. Когда-то их принимали за растения, но теперь установлено, что губки – животные. Омывающие губок воды оплодотворяют их так же, как ветер опыляет растения. Некоторые учёные даже считают губок предками всех животных, населяющих Землю сегодня.

Кормятся милостью приливов и прелестные актинии, которые известны тем, что, не удовлетворяясь своей исключительно продолжительной жизнью, почти до ста лет, иногда обретают своего рода бессмертие: одряхлев, они

распадаются на две части, и таким образом возникают два существа вместо одного, каждому из которых опять предстоит долгая жизнь.

Актинии, по виду напоминающие цветы и великолепно, очень разнообразно окрашенные, - самые распространённые обитатели царства приливов. Они даже изменяют свой внешний вид в зависимости от ритмичных колебаний уровня моря. Во время отлива актиния свёртывается и уменьшается вдвое, а с возвращением прилива вновь разворачивается и выпускает свои нежные смертоносные щупальца, готовая ужалить насмерть жертву. Иногда она вступает в неожиданный союз с другими животными, например, с раком-отшельником, который зачастую позволяет актинии ездить верхом на своём домике и питаться остатками со своего стола; взамен рак получает защиту, благодаря мощному оружию своего арендатора.

Многочисленные стада рыб тяготеют именно к тем зонам, где в изобилии планктон и где достаточно кислорода, а всё это есть именно в царстве приливов. Такая распространённая на Дальнем Востоке рыба, как треска, мечет икру только в приливной зоне. Сельдь, по существу, тоже пленница приливов и приливных течений, в том числе – хоккайдская, что в изобилии водится у берегов Сахалина. Приливы обеспечивают циркуляцию питательных веществ и устрицам, чьи белеющие издали банки располагаются во множестве на мелководье по всему Татарскому проливу, а в заливе Анива услугами приливных течений пользуются креветки ширимс, которых местное население называет чилимами.

Благодаря морю, и в том числе приливам, каждый может обнаружить на своём кухонном столе такой продукт как соль, которая в давние времена использовалась и в религиозных обрядах, и как валюта. Разумеется, соль в океанах – повсюду, не только в приливных зонах. Но, может быть, ключ к её открытию дала та самая белая крошечка, которую мы привыкли наблюдать на берегу при отливе, где полоска соли – результат её естественного выпаривания под действием солнечного тепла.

Все обитатели приливо-отливной полосы на редкость жизнеспособны. Вспоминается случай с одним итальянским анималистом, который держал более трёх лет на своём письменном столе, без воды, сто морских желудей. Каждые два-три месяца он помещал их на один-два дня в воду. Из тысячи тридцати шести дней морские жёлуди находились в воде лишь пятьдесят девять, и, тем не менее, ежегодно умирало не более десяти-двенадцати животных.

Правда, жизнеспособность моллюсков испытывается на крепость не только в отлив, а и в прилив, когда на берег обрушиваются его неумолимо наступающие волны... Но как ни велика сила прибоя, всё же эти огромные массы воды не могут оборвать жизнь в прибрежных районах моря. Бесконечное количество раз согнётся и опять разогнётся мягкая морская водоросль зостера или филаспадикс, и останется цела. Куда, как ни легче поднять со дна пудовый валун и оттащить его за десяток метров подальше от прибойной полосы, чем отодрать накрепко приросших к каменистому дну

мидий и баянусов. Вот когда по-настоящему пригодятся присоски тем морским организмам, кто способен крепко присосаться к скалам, как морские блюдечки! Как бы ни были угрожающе накатывающие на берег волны, блюдечки их просто «не замечают»...

Прибой же будто злится на упорных моллюсков, ещё более неистовствует, обрушиваясь всей своей мощью на незаметных прибрежных жителей, и всё бушует, бушует, бушует...

Стремление познать океан – это нечто большее, чем просто любознательность. От уровня наших отношений с ним зависит будущее человечества, а неизменные приливы и отливы лишь терпеливо свидетельствуют об этом. Уходя с отливом, море оставляет человеку девственное пространство для благих дел и мыслей, возвращаясь с приливом, сдержанно негодует: отчего мы опять ни на дюйм не продвинулись в постижении его мощи? Наступая на сушу, вечно метущийся и непревзойдённый в своей силе, океан напоминает, что недаром в наших жилах течёт солёная кровь.

Что же заставляет океан дышать? Главным виновником этого удивительного приливно-отливного явления оказывается Луна и, в меньшей степени, Солнце. Ведь взаимное притяжение тел в пространстве существовало задолго до образования Земли, и приливы, должно быть, накатывали на пустынные берега других планет в бесконечных скоплениях звёзд.

На нашей собственной планете, ещё до того, как возникла Луна, притяжение Солнца уже порождало огромные приливы, хотя она представляла собой пока только расплавленную массу... В какой-то момент эти приливы стали настолько сильными, что Земля однажды захватила Луну, а та, в свою очередь, постепенно породила высокие приливы из образовавшейся на Земле влаги, которые меняли очертания континентов и вымывали из твёрдых земных пород соль.

Со временем Луна стала отделяться от Земли, приливы слабели и, наконец, стали такими, какими мы наблюдаем их сегодня, но и теперь они достаточно ощутимы. И всё же незаметно приливы ослабевают, а через многие миллионы лет, вполне возможно, и вовсе исчезнут, но сможет ли Земля без них существовать? Если бы это случилось раньше, наш мир, наверное, стал бы иным. Завораживали бы нас своим доисторическим обликом суровые утёсы по берегам Тихого океана, дикие скалистые бухты, величавые горные хребты вдоль всего Курильского архипелага? И может быть, наконец, вообще не существовало бы жизни в приливной зоне, жизни, которая кормит всех столь щедро, ибо нас самих когда-то сотворил прилив.

Прилив, отлив... Издревле жители морского побережья заметили, что подъём и спад поверхности океана связан с фазами Солнца и Луны. Некоторые народы воспринимали Землю живым существом, а приливы – проявлением его дыхания. Другие полагали, что воды океана – это кровь Земли, приливы же – биение её пульса. За пределами Европы, от берегов

Китая до Малой Азии, прилив считался проявлением гнева морского божества, которого следует умиловить человеческими жертвоприношениями. Более возвышенный взгляд проповедовал такую истину: ангел, что сидит над морем, ставит свою ногу в море, и вот наступает прилив; потом он поднимает её, и вот наступает отлив.

Согласно закону всемирного тяготения, открытому Исааком Ньютоном в 1687 году, все тела в пространстве притягиваются друг к другу с силой, зависящей от их размеров и расстояния между ними. Поскольку Луна и Солнце наши ближайшие соседи в пространстве, и вода на земле, будучи жидкой и подвижной, реагирует на их притяжение в первую очередь, то воды океана притягиваются этими двумя планетами. В результате под ними образуется горб, который перемещается вслед за Луной и Солнцем вокруг Земли в виде всё время меняющейся приливной волны.

Но почему приливы ведут себя столь своеобразно: в одних частях света бывает два прилива в сутки, а в других – только один? И почему даже там, где бывает два прилива в сутки, они иногда равны по высоте, а иногда – совершенно различны? А ещё, порой, прилив наступает так стремительно, что если он застал тебя под отвесной береговой скалой – ты пропал. Но, в том же месте, на следующий день наступление воды происходит медленно, даже как-то неспешно, и ты не в силах найти ответа у моря, которое всегда непредсказуемо...

Да, прилив не ждёт никого, каждый день он наступает в разное время. Точнее говоря, сегодня чуть позже, чем вчера. Происходит это потому, что наши солнечные сутки разделены ровно на 24 часа, а лунные сутки длятся несколько больше, отчего Луна, медленно обращаясь вокруг Земли в том же направлении, что и Земля, не возвращается в заданную точку, и тем самым удлиняет период своего вращения.

Точно такую же роль играет в образовании приливов и Солнце. Но положение Солнца и Луны относительно Земли постоянно меняется, и поэтому силы притяжения Солнца и Луны то действуют заодно, то противоборствуют. Когда Луна и Солнце расположены на одной прямой с Землёй, две приливообразующие силы объединяются и создают приливы выше обычного, когда же Солнце и Луна расположены под прямым углом друг к другу, они противоборствуют, и тогда действие Солнца уменьшает действие Луны, и в это время приливы меньше, чем обычно. Таким образом, если Луна управляет приливами, Солнце всегда является сопративителем, иногда действуя заодно с Луной, а иногда противодействуя ей, в зависимости от их взаимного расположения. Кроме того, на силу приливов в данном месте влияет то обстоятельство, что в течение месяца меняется расстояние от Земли до Луны, а в течение года – от Земли до Солнца.

Приливы вообще не так просты, как это на первый взгляд кажется. В открытом море приливное движение охватывает большую площадь, чем у берегов, и оттого оно воспринимается незначительным, но суша образует преграду этому движению, воде некуда деться там, где её встречает поднятие

дна, мели или зауживание береговой черты в бухтах и заливах, и высота прилива значительно увеличивается. Очертания береговой линии в известной мере определяют высоту прилива и скорость приливного течения, и в некоторых местах Земли уровень воды поднимается до поразительно больших высот – восемнадцати метров в заливе Фанди/Канада/, тогда как в нашей стране самые большие по высоте приливы бывают на побережье Охотского моря – 12,9 метра. К тому же, каждый водный бассейн, то есть – океан или море, имеют свой собственный период колебаний, своеобразный ритм дыхания, который усиливается за счёт ветров и течений, и это тоже в значительной мере влияет на приливы. Ещё на приливы воздействует эффект силы Кориолиса/по имени французского учёного, который первым объяснил это явление/, вызываемой вращением Земли. Эффект проявляется в отклонении воды вправо в северном полушарии и влево – в южном. Причём, очень значительно.

Природа приливов и отливов начинает восприниматься ещё более глубже и многообразнее, когда ты сам оказываешься свидетелем этого удивительного явления, связанного с морем, имея возможность наблюдать его каждый день в течение длительного времени. И тогда ты понимаешь, что в каждом месте – свой прилив, и каждый местный прилив имеет свои характерные особенности.

В Тихом океане, к слову сказать, имеют место смешанные приливы, то есть – полусуточные и суточные. Там полная вода наблюдается дважды в сутки, но одна из них достигает большой высоты, а другая – незначительной. Собственный ритм колебаний у Тихого океана очень своеобразен, он вступает в борьбу с лунными приливами, с изменением склонения Луны в сторону от экватора, и в результате получается не совсем ясная приливная картина.

Особенно большой силы приливы достигают примерно раз в 1850 лет. Это бывает в те периоды, когда плоскости вращения Луны вокруг Земли и Земли вокруг Солнца совпадают, а расстояние Луны от Земли и Земли от Солнца наименьшее.

Океан ни на минуту не знает покоя: день и ночь вздымается его исполинская грудь. Наблюдая, с какой огромной силой набегают на берег пенящиеся валы, человек с давних пор пытался заставить океан работать на себя. В одной из жалованных грамот Ивана Грозного Кирилло-Белозёрскому монастырю на землю и угодья в Турчасовской волости на Белом море упоминается о мельнице Никиты Павлова в Усть-Золотице, а также о других мельницах, разбросанных по берегам Онежского полуострова. Хотя в тех местах высота прилива не превышала 3,3 метра, однако и этого было достаточно, чтобы вращать мельничные колёса. На Соловецких островах до сих пор сохранились остатки водяных колёс лесопилки, построенной в 16 веке. В Европе океан заставили работать ещё раньше. Имеются сведения, что почти 1000 лет назад во Франции, Англии и Шотландии на приливной волне работало много мельниц.

Нехитрым было устройство приливных мельниц в те времена. Жернова вертели лишь в одну сторону, и поэтому они работали только во время отлива – на стоке воды из бассейна в море или океан. Лишь в 60-е годы 18 века, после изобретения криволопастного колеса французским инженером Болидором, водяные колёса мельниц завертелись в обе стороны – они стали работать и во время прилива и во время отлива.

С начала прошлого века делаются попытки запрячь океан в упряжку современной энергетики – использовать огромную силу прилива для получения электрического тока. Ведь по самым скромным подсчётам энергия приливов Мирового океана оценивается в 40 млрд. киловатт. Подсчитано, что только на трение и перемешивание водных масс расходуется 11 млрд. киловатт.

Особенно перспективны берега Охотского моря, где электродвигатели могут быть особенно удобны для обслуживания маяков и барж, стоящих на якорях... Они найдут себе применение на берегах Камчатки, на Курильских и Командорских островах. Совсем недавно в Японии появился проект, предлагающий использовать течение Куроисио для получения электричества. Самым главным источником снабжения человечества электроэнергией, по-видимому, со временем станет «тяжёлая вода». Запасы её достигают поистине астрономической цифры – 274 млрд. тонн. В одном только Тихом океане тяжёлой воды содержится свыше 140 млрд. тонн. Один кубометр морской воды по количеству калорий равен 350000 литрам бензина, или 2888000 тысячам киловатт-часов электроэнергии.

Морская вода становится носительницей необыкновенной мощи и возбудительницей множества явлений в природе лишь потому, что поглощает и распределяет энергию космических лучей, исходящих из глубины необъятной Вселенной...

Всё, что касается моря, заслуживает самого пристального внимания. Это в полной мере относится и к приливам с отливами: если вы, хотя бы однажды, ощутили на себе их скрытую мощь, они оставят самое незабываемое впечатление в вашей душе. Тайна приливов и отливов вынудит вас позабыть на время даже восход и заход Солнца.

Прилив и отлив – не укрощённая и властвующая над океаном сила, могущественней которой вряд ли можно себе представить. Может быть они важнее для нас, чем сама Луна, их порождающая. Прилив – это вызов человеческому воображению, бросаемый ему каждый божий день, это – сердцебиение океана, чей пульс мы ощущаем везде и всегда.

Большинство из нас принимают приливы как нечто само собой разумеющееся и, конечно, не задумываются, какое огромное влияние они оказывают на нашу жизнь. Особенно, если вы живёте у моря, рядом с тайной, которая исподволь проникает в душу каждого. Человек и не сознаёт, насколько это соприкосновение серьёзно, но море, через приливы, привносит

в его жизнь энергию и удачу, а вместе с отливом незаметно забирает ненужное, то, что мешает. Ценой неустанного невидимого труда море постоянно очищает наши жизни, но мы почти ничего не предпринимаем для овладения скрытой силой всемогущего прилива и не менее загадочного отлива. Море же, не прекращая, зовёт нас дерзать.

С приливами связано много занимательного... В древности обладание знанием о приливах могло снискать удачу в морском сражении, и тот, кто владел этими знаниями – оказывался победителем. Так, в 1588 году испанская «Непобедимая Армада» вышла в море, чтобы завоевать Англию, и когда сэру Фрэнсису Дрейку, известному в прошлом пирату, доложили о приближении испанцев к Плимуту, он даже не прервал игру на лужайке. Это не было бравадой. Дрейк знал, что в тот момент приливы были против него: он не мог поднять паруса до наступления темноты. Но под покровом ночи его флот выскользнул из гавани вместе с отливом и захватил испанцев врасплох.

Во время второй мировой войны приливы были важным фактором военно-морской стратегии. В одних случаях они способствовали успеху военных операций, в других – препятствовали ему. Немцы, делавшие упор на применение подводных лодок, научились использовать приливные течения. Пользуясь тем, что в Гибралтаре поверхностный и глубинный слои воды движутся в противоположных направлениях, то есть в толще воды выделяются два слоя с резко отличающимися значениями плотности, немецкие подлодки проходили в Средиземное море и покидали его под самым носом у британской артиллерии, не включая двигателей, шум которых мог бы их обнаружить...

А вот в 1898 году произошла весьма любопытная история, героем которой, наравне с приливами, стало ... золото. Известно, что в кубическом километре морской воды содержится 250 грамм золота. В Новой Англии группа ловких дельцов заявила, что если должным образом фильтровать воду, то можно добыть достаточно золота, чтобы всех сделать миллионерами. Они создали предприятие в штате Мэн и начали продавать акции. Механизм операции был гениально прост. Ящики, которые именовались «аккумуляторами», погружались в море при каждой смене прилива и отлива, а водолаз слегка посыпал их золотым песком. Акции шли нарасхват. Когда махинация была раскрыта, жулики, положив в карман 10 миллионов долларов, удрали в Европу.

А жемчуг, ещё одно драгоценное порождение моря? Знают ли очаровательные и элегантные женщины, чьи шеи украшают его перламутровые нитки, что этот морской продукт – результат кропотливого труда приливов? Задумываются ли они над тем, почему жемчуг приобретает и сохраняет особый блеск при соприкосновении с кожей человека? Быть может, это – свидетельство родственной связи человека и приливов, поданными которых мы все когда-то были?

Ещё приливы терпеливо слизывают за человеком следы его бездумного отношения к жизни, очищают наши устья рек и бухты, дважды в день умывают материки на благо их жителям. Страшно подумать, во что превратились бы наши заливы и пляжи, если бы не приливы. Они были бы забиты всевозможным мусором, кишели микробами и уж, конечно, были бы непригодны для занятий подводным плаванием.

Такой город, как Венеция, например, вряд ли продолжал бы существовать, если бы не приливы. Они не только смывают городские отбросы, но и освобождают ото льда разветвлённую сеть каналов – основных путей внутригородского сообщения. У южных берегов Сахалина, омываемых водами Татарского пролива и пролива Лаперуза, порты остаются свободными ото льда только благодаря приливам.

Приливы способны влиять и на климат, который так же воздействует на человека. При определённых условиях они усиливаются настолько, что смещают полярные льды к югу и нарушают режим океанских течений. В результате наступает период суровых зим и недружелюбного лета, а если, благодаря соответствующим приливам, мы обладаем мягким климатом, то он даёт возможность выращивать зерновые и скот, то есть обеспечивает нас, в общем-то, достаточным количеством продуктов, получаемых от земли.

С одной стороны, мы видим огромную пользу, которую приливы приносят человечеству, обеспечивая нас энергией, минеральными богатствами и продуктами питания, но приливы влекут за собой и зло, нарушая нормальную работу морского транспорта, а порой и обрушиваясь на наши побережья. Что несёт нам соседство с приливами в будущем?

Заглядывая на тысячелетия вперёд, мы можем уже сейчас сказать, что приливное трение постепенно замедляет, и будет продолжать замедлять вращение Земли. Наши сутки, которые в момент зарождения Луны продолжались всего 4 часа, удлинились до 24 часов, а в неопределённо далёком будущем станут во много раз продолжительнее, чем теперь. И это же самое трение переместит Луну значительно дальше от Земли, и в то же время Луна будет всё медленнее обращаться вокруг земного шара, пока, в конце концов, лунные приливы не прекратятся вовсе. Не исчезнет ли тогда и человек с лица Земли, а если будет жив, то установит ли к этому времени самое тесное сотрудничество с океаном?

По своей природе приливные волны «невидимы» благодаря своей огромной длине... Длина приливной волны в северных полярных морях равна почти двум тысячам километров. Следовательно, длина волны более её высоты в сотни с лишним тысяч раз.

Очень велика и скорость приливной волны, она составляет 160 км в час. Беда, если, увлечшись сборами даров моря на обнажившемся в отлив дне, вы отойдёте далеко от берега и забудете о времени наступления

прилива... Убежать от прибывающей воды будет очень непросто, а порой – и некуда.

Бывает, на собственный страх и риск устремись по лайде – узкому береговому промежутку, зажатою скалами и наступающим морем, рассчитывая его проскочить, и чувствуешь, что не успеваешь, тебе здесь явно не пройти, а вода всё подступает, и каждый накатывающийся вал вздымается всё неумолимее и хищнее. Оглядываешься: поворачивать уже поздно, слишком много пройдено с тех пор, когда береговая полоса лежала более раскидисто, не стиснутая отвесными скалами, а что ждёт впереди – неизвестно... Что же предпринять?!

Подобная история приключилась со мной однажды на полуострове Шмидта, где в северной его части берега высокие и скалистые. На склонах прибрежных гор растёт хвойный и смешанный лес, который молчаливо смотрит в тебя из глубины своим тёмно-зелёным глазом. А внизу неприступные утёсы уже охвачены всё наступающим приливом, и пройти там можно только высоко подняв болотные сапоги. Местами даже приходится карабкаться по отвесным стенам, с трудом находя расщелину или выступ, где удобно было бы зацепиться...

Гул моря рождается где-то вдали от берега, и благодаря ветру, который приносит его сюда, к скалам, становится сильнее и громче. Внизу пеннистая вода бьётся в отвесные камни, клокочет и злится. Прибой с ветром мечутся, завывают в расщелинах скал и не в силах преодолеть возникшую преграду, устремляются обратно в море, отталкиваясь от обрыва. Страшно смотреть вниз, в этот кипящий каменный котёл, где бушует необузданная стихия...

Когда море яростно вспенивается у подножия нахмурившихся скал, глухо ударяя им подвздох, и ненадолго отступает – этот миг надо использовать, чтобы успеть преодолеть как можно большее расстояние. Только изредка успеваешь взглянуть вверх, где в редких впадинах между камнями оживлённо ведут себя чайки, топорки, морские курочки и тупики. Они, без умолку, кричат, то и дело взлетают и вновь усаживаются на голые камни, без всякой надобности покружив над прибывающей водою. Внизу же осклизлые чёрные стены облеплены наросшими на них за долгое время сиреневыми полипами и жемчужным ракушечником...

Ракушечник иной раз так сильно саданёт ладонь острыми краями, что в пылу такого необычного следования у самого моря ничего не заметишь, а кровь вскоре остановит перенасыщенная солью вода. Весь уже мокрый и оглохший от беспокойного вскрикивания морских птиц, ты неумоимо пробираешься вдоль скал и чувствуешь, как гул из глубины моря, порождающий этот неудержимый прилив и будоражающий чаек, входит и в твою душу. Он вливается в неё так обезоруживающе мощно, что у тебя просто не хватает сил ему противостоять. Да ты и не желаешь этого, и втайне мечтаешь с ним соединиться, чтобы так же безумствовать в своей силе, куда-то рваться и никогда не устать.

Но надо спешить... Скоро прилив войдёт в свою силу, а сколько ещё впереди прижимов – неизвестно. «Прижимами» на Дальнем Востоке называют непроходимые места, которые можно преодолеть только в полный отлив. Пока всё-таки удаётся преодолевать эти непропуски моря, оно как будто сердится, спешит перекрыть человеку дорогу, урчит недовольно, торопясь подтянуть к обрывистым скалам всю свою мощь.

Сейчас ты живёшь только этими мокрыми камнями, ощупываешь их в поисках удобного выступа, на море даже не смотришь, но чувствуешь его всем своим существом. Хорошо в такие моменты воспринимать море как нечто родное, не бояться его, радоваться тому, что оказался здесь, и сердце твоё тоже бьётся и дышит в такт дыханию морской стихии: прилив-отлив, прилив-отлив...

Вода прибывает на глазах, начинает казаться, будто её цель – повергнуть именно тебя, раздавить, уничтожить, и вода от этого радуется, безоглядно беснуясь, с рвущимся шипением накатывая на скалы. Вот она уже под самым её основанием, готова втиснуть меня в камень, хоть бы какие-нибудь приступочки попались под ногой, чтобы убежать выше, зацепиться, а там, может быть, и переждать? И кто ж тебя гнал сюда, да ещё под вечер, думаешь ты, не лучше ли было отправиться в путь верхом, хотя бы это и было сопряжено с долгим подъёмом? Но нет, захотелось обернуться быстрее, с надеждой, что пронесёт, а оно вон как оборачивается...

Ух! Ух! Окатило сначала ноги, следующая же волна накрыла уже с головой... Весь мокрый... Даже страха почему-то не стало, когда почувствовал на губах морскую соль, и вдруг будто что-то проснулось в душе и выстрелило: нужно поворачивать, причём, тотчас, не медля ни секунды.

Как оказалось впоследствии, это молниеносное решение спасло, ведь я не знал – какой берег меня ждёт впереди, может быть, там километры неприступных отвесных скал, а путь назад всё же известен, и если повезёт, то успею добраться до обширной песчаной бухты, которая не должна быть вся затоплена. И я рванул... Тут уж не приходилось думать – быть или не быть замоченным, остаться бы живу!

Море всей своей тяжестью придвинулось ко мне вплотную, и вскоре я уже почти плыл, лишь изредка нащупывая под ногами камни и, как можно сильнее, отталкиваясь от них. Прилив бросал меня на скользкие скалы и кое-где я пытался цепляться за выступы руками, и так, прижимаясь всем телом к холодным камням, передвигался, отчаянно стараясь не думать, что очередная волна обрушится сверху и скроет под собой. Пары таких мощных накатов было бы, наверное, более чем достаточно, чтобы захлебнуться. При всём моём отчаянном положении я почему-то был твёрд, как будто кто-то наблюдал за мной и держал за невидимую ниточку, которая вот-вот должна была не выдержать, но почему-то не обрывалась.

В конце концов, я поплыл, по-настоящему, поскольку вода прибывала так быстро, что дотянуться до дна уже было невозможно. И ещё мелькнула

мысль: как удачно случилось, что в последний момент, перед выходом из лагеря, я отказался от болотных сапог, и остановился на туристических ботинках, иначе бы давно пропал.

Ситуация складывалась так, что нужно было идти напролом, я сам подобное допустил, но ничего другого не оставалось. И воды уже порядком нахлебался, внутри всё горело, и одежда сковывала движения, а всё равно не тонул, даже, кажется, приспособился немножко: что-то толкало меня изнутри, и я, как живой поплавок, потихоньку продвигался к своему спасению. Очень помогло ещё отсутствие сильного волнения, просто шёл мощный прилив.

Перед самым пляжем неожиданная волна бросила меня на огромный каменный выступ, весь испещрённый глубокими круглыми отверстиями, за края которых я, что было сил, ухватился, и так, постепенно, начал передвигаться. Полз уже не чувствуя рук, и неожиданно оказался в небольшой нише, куда почти не достигала вода: здесь можно было отлежаться и перевести дух.

Какая сила!/, подумал я тогда, и мне привелось с ней соприкоснуться, хотя бы краешком... Ведь я мог погибнуть, и это бы ничего не изменило: море бы по-прежнему вольно плескалось под безмолвными скалами, билось об их неприступность и никого при этом не жалело.

И всё же, мне опять на миг показалось, что кто-то в самый критический момент поддержал моё тело и, мало того, наполнил энергией. Воспринимая себя сейчас совершенно измождённым, вымокшим до нитки, я в то же время ощущал, что стал несравненно сильнее.

Прилив – отлив, вдох – выдох... Это дыхание моря завораживает. То совсем недавно ты переживал запах отлива и обсыхающего морского дна, которое всегда так неожиданно открывает свои тайны и оттого становится даже каким-то ненастоящим, то в скором времени тебя совершенно поражает мощь и быстрота прибываемой воды, особенно – в отвесных берегах... Так и хочется самому ещё более глубоко вбирать в себя всеми лёгкими живительный морской воздух и с неохотой выпускать его.

Дыхание моря и нахождение рядом с ним наполняет неопишуемой лёгкостью и силой. Море дышит, живёт своей удивительной таинственной судьбой, и при виде его великолепия ты словно открываешь для себя второе дыхание. Дух захватывает!

Ночью, находясь на судне, когда, бывает, не спится, можно слышать, как море дышит во сне... Это – удивительные мгновения в общении с таинственной стихией. И ведь такое соединение с ней, когда, кажется, вбираешь душу огромного неведомого животного, приходит не сразу, а только после нескольких лет, проведённых в морских экспедициях. До этого ты, вроде бы, так тонко водную стихию не воспринимал, не был готов к этому...

Ты вдруг начинаешь по-новому чувствовать море, даже – понимать его, и в какой-то момент, неожиданно для себя, открываешь: сколько бесчисленных ночей провёл ты уже в его объятиях, но даже не задумывался о чутком сне и дыхании моря, не осознавая, что дышишь с ним в едином ритме. Изредка какая-то потерявшаяся волна, словно пробудившись, слегка плеснёт о борт судна, и опять затаится, а ты улыбнёшься, будто она коснулась твоего сердца, и вновь тишина... Так, незаметно забудешься в охватившем тебя морском забвении до утра, и сквозь чуткий сон всё дышишь вместе с морем, дышишь, дышишь...

Только потом, подспудно, находясь в напряжении подводной работы, вдруг всплывёт в душе потаённая ночная тишина моря, и поразит простая мысль, что вот эта ночь, с её вкрадчивым дыханием, оказывается для тебя нужнее, чем многие годы из прошлой жизни. Вереницы людей и событий проходили сквозь неё, все они сейчас кажутся пёстрыми, неживыми, а вот эта сокровенная тишина моря и его трепетное дыхание неожиданно входят в сердце как самое дорогое, без чего вся предыдущая жизнь была неполной, в ней чего-то не хватало.

Величие стихии тогда полностью насыщает тебя собой, даже – порабощает, но от этого на душе становится не тяжело, а легко. Непонятности от всего происходящего не возникает, и я впервые ощущаю глубинную связь с морем. Не возникает и глупого недоразумения по поводу того, что море – такое большое: любовь к нему настолько очевидна, что я перестаю думать о море, как об огромном неведомом животном, и воспринимаю его теперь как доброго верного друга.

«БЕРЕГА»

В физическом смысле наш мир можно разделить на три среды: землю, атмосферу и океан. Эти среды отделяются друг от друга тремя границами. Именно на границе суши и атмосферы протекает вся деятельность человека. Вечно беспокойная граница океана и атмосферы – второй рубеж их соприкосновения. Третья великая поверхность, о которой пока ещё известно очень мало, дно океана, и она всегда соединяется с берегом, а берег, в свою очередь, не может не взаимодействовать с морем. При всём этом береговую линию безоговорочно следует признать самой «жизненной линией» на земле, ибо здесь сходятся все три великие границы.

Берег... Берег моря или океана... Сколько о нём написано, а сколько мне самому приходилось жить на этой границе, разделяющей и соединяющей порой самое интересное в жизни!

И Сахалину, и многим Курильским островам присуща такая низменная прибрежная полоса, как лайда, на которой обычно удерживается только плавник – всякие случайные брёвна и прочий дрейфующий хлам, что, в свою очередь, удобно для разведения костров в случае, если вас застала в дороге ночь, непогода или вы высадились на незнакомый берег, промокли и вам следует обсушиться... Правда, во время прилива такая полоса может оказаться капканом, так как упирается в отвесные скалы, и нужно быть очень осмотрительным, чтобы не быть застигнутым подступающим морем.

Что же касается плавника, то о нём стоит рассказать подробнее. Дело в том, что природа Курил не богата на высокоствольный строевой лес, такие деревья только в небольшом количестве встречаются на южных островах или Северном Сахалине. Большею же частью – кривой березняк и ольховник, тонкоствольный бамбук и перепутанный между собой стланик, уж совсем не пригодный для какого-либо строительства. Редко-редко в укрытых от ветра долинах, за горными хребтами, защищающими от сильных ветров и туманов, может встретиться прямое дерево. Ель или берёза до десятка метров высотой – великая ценность, дома же здесь, в основном, строят именно из плавника – древесины, выбрасываемой на берег морем. А в море плавник поступает преимущественно через большие реки, которые в половодье несут много подмытых водой деревьев. Брёвна также попадают в море из рек, по которым его сплавляли и где растут рослые деревья: в основном – из Сибири, с Камчатки, из Японии и Америки.

Бывает, широкая песчаная полоса берега бесконечной лентой тянется на многие километры, ещё более расширяясь в отлив, и ничто не задерживает на ней взгляд кроме этого сухого белого плавника, обглоданного морем. Попадают сучковатые гладкие коряги, идеально отшлифованные водой и песком, доски, у которых будто специально обтёсаны и закруглены острые края, и даже целые брёвна, что всосались накрепко в песок, иногда – торчком, и на них любят отдыхать чайки, которые отрешённо сидят, смотрят на море и почему-то не произносят ни звука.

Само слово – «плавник» околдовывало необычностью своего звучания, схожего с чем-то диким и морским. Ещё недостаточно познакомившись с этим удивительным краем, я думал что плавник – это большие высохшие плавники каких-то диковинных морских рыб или животных, которые во время шторма выбрасывает на берег, и они там долго лежат и сохнут на солнце, обдуваемые ветром, пока не побелеют. Невероятным представлялось однажды высадиться на такой пустынный морской берег, и обнаружить там этот чудесный плавник.

Ещё я думал, что плавником могут быть кости каких-то гигантских морских животных, и при этом мне почему-то сразу воображались акулы с китами. Самого животного уже давно нет, - погибнув, оно было выброшено на берег и растерзано птицами, лисами и песцами, а скелет сохранился. Морские волны постепенно разбивали его крепкий остов, хищники растаскивали по всему берегу, и так эти выдубленные солью и ветром кости оказались повсюду, вызывая интерес и недоумение своими формами и цветом.

Только проработав в море какое-то время, узнал я, что плавник – обкатанное и выморенное в морской воде дерево, очутившееся однажды на берегу. Море потрудились над ним так тщательно, что отшлифовало его до белизны и гладкости кости. Топить им костёр можно вечно, ибо спрессовавшееся, выдубленное солью и почти окаменевшее, дерево, кажется, не сгорает!

Набрёдёшь на такой сияющий неестественной белизной предмет, торчащий из песка, взвешиваешь на руке, разглядываешь, и к удивлению своему понимаешь: это всего лишь кусок дерева, вернее – его выбеленная и высушенная суть, которую не в силах было уничтожить даже море. Оно только видоизменило дерево, превратив его, действительно, в крепчайшую костяную структуру, напоминающую, скорее, моржовый клык. Так вот, оказывается, что такое «плавник», думаешь ты: обыкновенное дерево, благодаря морю ставшее необыкновенным!

По усеянной битым ракушечником и плавником лайде в основном и осуществляется всё движение на берегах Берингова, Охотского и Японского морей. Идти бывает очень нелегко, ноги постоянно оскальзываются на мокрых камнях, представляющих из себя порой невообразимые нагромождения, будто наваленные неведомым великаном. А то случаются береговые отрезки с перемолотым морем ракушечником вперемешку с песком и мелкой галькой, и в таком мокром месиве сапоги обычно вязнут как в болоте. Потом опять тянутся осклизлые и острые камни, вмиг сбивающие дыхание, когда приходится перепрыгивать с одного на другой, и ты бредёшь тяжело, обливаясь потом и задыхаясь, и надеешься, что за следующим мрачным мысом камней будет поменьше. Берега дальневосточных морей, как правило, схожи в своём строении: крутые сопки чередуются распадками, а бухты разграничены каменными мысами, что тянутся один за одним и, кажется, никогда не прекратятся...

Море с такого берега видится тоже холодным, серым, неприятным. Волны озлобленно бьются о его неприступные скалы, будто не в силах постигнуть: зачем они это делают? Остановившись передохнуть, взглянешь направо – тянутся бесконечные угрюмые мысы, посмотришь налево – та же неутешительная картина. Тут, на диком дальневосточном берегу, тобой поначалу овладевают тяжёлые думы, но пристально вглядываясь в бушующее море и вслушиваясь в его грозный гул, ты неожиданно ловишь себя на ощущении, что стоял бы так без конца, теряясь в догадках, - чем приманивает тебя это однообразное движение волн, их мерный рокот, и неизменная на протяжении бесконечных километров прибрежная полоса – лайда?

Людей здесь нет вовсе или почти нет. На весь пустынный остров, если вы оказались на Курилах, Шантарах и Командорах, либо на каком-нибудь удалённом от жилья сахалинском мысу приходится, как правило, один маячник, которому обычно помогает нести службу супруга, и больше никого. Всё вокруг очень просто и первозданно.

Не покидает ощущение, что серо-коричневые сопки и изредка сменяющие их чёрные скалы будто подкрадываются к воде, но заглянув в её мутные волны, снова незаметно отодвигаются, вспомнив, видимо, как это всё однообразно и, в общем-то, порядком им надоело. Смотришь и думаешь, что нет на свете более обыкновенных мест, однако же – каковы они, эти сахалинские берега, описать ты не в силах. Берега притягивают именно этим своим однообразием, и одновременно ничего вроде бы не открывают, так что недоумеваешь: чем же зачаровывают тебя эти загадочные дальневосточные земли?

И всё-таки ты почему-то пристально всматриваешься в хмурые берега, как будто пытаешься увидеть то, чего здесь просто не существует. Потребность ли это в более насыщенном красками пейзаже или, наоборот, твоя не знающая покоя пронизательность, желание всё видеть, чувствовать и постигать, - ты не находишь ответа. Странное ощущение переживаешь ты, когда находишься здесь и, действительно, не можешь отчего-то не попытаться постичь суть удивительного острова – Сахалина, его угрюмых туманных берегов.

Берега так невыразительны, что, кажется, застыли, и только струящаяся под бортом тускло-серебристая вода даёт понять, что судно всё же движется. На фоне этих безмолвных берегов ход его представляется неуклюжим, как бы через силу. В сыром воздухе завязли жалобные вскрикивания редких чаек... Серо, пасмурно, тоскливо, и всё же чем-то эти берега завлекают.

Только лунной ночью хмурые сахалинские берега светлеют, ровно очищаются от туманного грязного налёта, и ощущение ущербности от этих мест пропадает. Днём было грустно, веяло невыразимой безысходностью и тоской, а теперь – хорошо, даже как-то покойно становится на душе.

Природа острова, как на юге, так и в средней его части по западному побережью не отличается большим разнообразием. Она уныла, почти на всём своём протяжении западный берег Сахалина вообще обходится без какой-либо растительности, исключая траву. Частое присутствие туманов съедает буйство природы, присущее острову в его глубинах, где травы поражают своим ростом, особенно в низменных долинах и распадках. Идя на судне вдоль западного побережья, и изредка взглядывая на сменяющие друг друга голые, лобастые сопки и обрывистые угольные скалы, на душе постепенно возникает чувство безысходности и скуки, после чего вообще пропадает желание изучать эти невыразительные места.

Здесь, в средней части Сахалина, и ещё севернее - по его западному побережью, деревья встречают серьёзного врага в лице неблагоприятной почвы, представляющей из себя вершок-другой перегноя, а подпочва - галька, которая в жаркие дни нагревается так сильно, что сушит корни растений, в дождливую же пору не пропускает влаги, так как лежит на глине, и предполагает гниение корней, их неразвитость. Оттого и олицетворением сахалинского берега, на большей его части, является мелкоствольная, корявая, даже будто иссохшая лиственница, которой не даёт развиваться эта самая подпочва, не пропускающая воду. Лиственница здесь служит признаком захудалости всего климата острова, где она чаще портится, не дожив до старости, и совершенно несравнима с нашей уральской или сибирской красавицей. Без вреда для себя на такой почве могут уживаться лишь растения с крепкими, глубоко сидящими корнями, как, например, лопух, без которого невозможно представить островную растительность.

Чем выше к северу, особенно в районе посёлков Мгачи, Танги, Хоэ, Трамбаус и Виахту, тем природа становится ещё печальнее и беднее. Невысокие волнообразные возвышенности вдоль берега напоминают наносы песка и глины, иногда неожиданно обрывающиеся. В основном же, на всём своём скудном протяжении, западный берег являет собой совершенную тундру, вернее даже невзрачную равнину, которую изредка украшают полосы невысокой лиственницы или чахлого кедрового стланика, беспомощно стелющегося по земле. Местами оживляют вид островки сахалинского бамбука, но и они малорослы, прибываемые нескончаемыми ветрами. Только на северном конце острова, на полуострове Шмидта, местность вновь делается холмистой, природа на нескольких десятках километров неожиданно преобразается в сосновую, еловую и лиственничную чащу с таинственными речными распадками, поросшими сочными травами, деревьями, увитыми лианами, и душа как-то незаметно успокаивается.

В самой северной своей части берег полуострова Шмидта утёсист, местами встаёт стеною, которая лишь изредка прерывается понижениями в узких ущельях, и вскоре опять взлетает кверху, внизу же, в затиснутых камнями тёмных гротах бьются неудержимые волны. А в том месте, где северная оконечность острова сужается, будто затянутая верёвкой горловина

огромного вытянутого мешка, начинается низменный песчаный берег, простирающийся далеко на юг, куда не хватает взора. Сменяющие друг друга песчаные холмы, разные по высоте, и почти отвесные отвалы из песка и глины, несмотря на явную схожесть, представляются, между тем, достаточно живописными, если светит солнце. Сахалин вообще неповторим в этой простой и трудно описуемой живописности, но понимаешь это далеко не сразу, только отдав ему всю душу.

И всё-таки во всём природном облике Сахалина чувствуется какая-то надтреснутость, необъяснимая недоговорённость, будто кто-то неизвестный и очень могущественный распорядился не быть острову прекрасным краем, а человеку обязательно надлежит превозмогать суровый островной характер. Берега Сахалина на большем своём протяжении выглядят действительно очень негостеприимно, за весь апрель-май, когда мы обычно начинали работу в Татарском проливе, здесь может быть случалось два-три солнечных дня, и вообразите себе – какого нам приходилось в эту пору, да ещё под водой!

Берег Сахалина у Александровска-Сахалинского, расположенного как раз в средней части острова, произвёл на Чехова очень удручающее впечатление, особенно, мыс Жонкиер, своею тёмной тяжёлою массой выдающийся в море... Берег совсем отвесный, с мрачными ущельями и угольно-чёрными пластами не вызывал ничего кроме растерянности. Каторжане, которых ссылали в те времена на остров, впервые завидя его неприветливые берега – плакали. И всё-таки именно эти, удручающие своим мрачным видом берега с обычными для них ветрами, промозглыми туманами и оголяющимися в отлив острыми камнями, меня очевидно, в глубине души, всё же радовали...

К тому же, когда выглядывало редкое солнце, то, что совсем недавно пугало и наводило полное уныние, уже не производило такого удручающего ощущения. Напротив, поблескивающая на такелаже судна роса, лёгкая туманная дымка и розовеющий воздух, пронизанный несравнимой ни с чем морской свежестью, создавали удивительную картину первозданности этих удалённых от мира человека мест, чем-то необыкновенно завораживая. Хотелось заглянуть за эти чёрные скалы: что там, в глубине острова, который начинал представляться загадочным животным, растянувшимся у самого океана на сотни морских миль с юга на север...

Впрочем, берега здесь опасны, потому что обрывисты и имеют перед собой широкую полосу каменистых подводных рифов. В отлив зазубренные верхушки этих бесконечных подводных нагромождений значительно оголяются, угрожающе предостерегая тех, кто осмеливается приближаться к берегу, в прилив же скрываются, не теряя при этом своей коварно подстерегающей сути. Их трудно угадать, между ними невероятно сложно лавировать даже на лёгком боте, и лучше всего наблюдать издали – как вспениваются над опасным местом мутновато-серые буруны и тотчас гаснут. Коварство этих подводных банок испытало на себе не одно судно.

Во время хорошего шторма волны, расшибаясь об отвесные каменные стены, достигают чуть ли не самого их края, и от этих многолетних ударов скалы постепенно трескаются и осыпаются. Иногда в отколовшихся кусках горной породы попадаются различные древние отложения – отпечатки папоротников, рыб, насекомых или ракушек. Особенно часто такие находки попадаются именно у мыса Жонкиер, отличающегося своей высотой и монолитностью, таящего в себе множество неразгаданных тайн.

А порой берег Сахалина на всём своём протяжении столь низок, что виден только в близком расстоянии, но и находясь от него неподалёку – с трудом обнаруживаешь отличительные места. Правда, там, где берег горист – ряды всё новых гор открываются вашему взору, но ни одна из них не запоминается ни особенною высотой, ни видом. Берега Сахалина или низменны, незаметны, или однообразно утёсисты и всегда приглушённо жёлтого, грязновато-бурого цвета.

Строение западных берегов Сахалина, впрочем, как и восточных, в значительной степени связано с особенностями строения прибрежной суши. Так, в непосредственной близости от моря, почти вдоль всего острова, простирается Западно-Сахалинский хребет, то приближаясь вплотную к берегу, то несколько отступая вглубь, и соответственно, там, где морем срезаются отроги гор, берега высоки и обрывисты, а где к морю подходят пологие склоны предгорий, берег снижается.

Смотришь на этот пустынный, безжизненный берег, который то однообразно высокий, то неизменно низкий, и не находишь в нём ничего примечательного. Пытаешься всмотреться во внутренность острова, в покатые безликие горы, которые покрыты скорее мраком, чем как-то освещены, и опять ничего не обнаруживаешь. Наводящая грусть удручённость Сахалина повсюду, но именно в ней постепенно угадывается скрытый свет, который придаёт острову глубину и создаёт его суть. Мрачность света, если хотите, но не отсутствие его, лицо этого необыкновенного острова, совершенно неповторимого, по-особенному одинокого и почему-то родного. За этот брезжущий во мраке свет Сахалин и стал особенно любим мною, однажды войдя в сердце болью радостного постижения. Угрюмый, когда-то кандальный остров пробудил во мне сначала робкое, а затем – неистребимое чувство признательности ему, даже – преданности, которое со временем только крепло, становясь непоколебимым.

Чем ещё интересна береговая линия Сахалина?

Почти на всём протяжении западного побережья встречаются чистые песчаные пляжи, ширина которых на разных участках колеблется от пяти до двадцати пяти метров. Но мощность песчаных накоплений незначительна, такие пляжи, как правило, кончаются у самого уреза воды, а местами из-под песка обнажаются коренные скалистые породы, похожие на неуклюжих старых моржей или сивучей, которые будто задремали под усыпляющий шёпот набегающих волн и ничего их здесь не тревожит.

Для западного берега Сахалина характерно и обильное расчленение берега молодыми распадками и небольшими речками, которые очень часто открываются к морю висячими устьями, образующими водопады. Водопады худосочные, к тому же – не высокие, и вода ниспадает вниз почти неслышно, рассыпаясь в мелкие брызги о выступающие из моря камни. Смотришь неотрывно на такой водопад и вскоре подступает ощущение необъяснимой неудовлетворённости, как и от значительной части береговой полосы острова. Водопад будто завис в воздухе от осознания собственного бессилия, ему не хватает внимания могущественного острова, который, кажется, тоже забылся в своих туманных думах...

Ещё береговая линия острова часто образует плавные изгибы, что зависит от характера пород, образующих её. В основном это сланцы, туфы, глины и песчаники, которые легко разрушаются водами суши и морским волнением. Как равномерно море накатывает свои валы – так равномерно и плавно размывается берег, создавая правильно изогнутые и изящные, как линия чайчьего крыла, берега...

Местами мягкая осадочная толща прорвана вулканическими выходами на поверхность твёрдых пород – базальтов, образующих небольшие береговые площадки, а иногда из таких базальтов сложены целые выступы суши, как, например, мыс Ламанон в средней части западного побережья Сахалина. Вообще же, при знакомстве с берегами Сахалина, прежде всего бросается в глаза простота очертаний, и многие отрезки на протяжении десятков километров совершенно прямолинейны. Море тщательно поработало с островными берегами, за тысячелетия срезав большинство их неровностей, будто намеренно оттачивая линии огромного лосося, с которым часто сравнивают Сахалин, и готового устремиться на нерест, к своей северной родине – в одну из многочисленных речек северо-западного Охотоморья...

Вообще, и берег, и остров производят совсем иное впечатление, когда поднимешься на какую-нибудь прибрежную скалу, и твоему взору откроются воды Татарского пролива. Здесь, наверху, тебя уже ничего не сковывает, над тобой не давят монолитные угрюмые утёсы и вроде как становится легче дышать. Смотрел бы и смотрел сквозь туманную дымку на шевелящиеся внизу волны, необозримость морского пространства, в отличие от сжатого берега, уже не пугает, и хочется доглядеться до какого-то скрытого во всём этом смысла. Взял бы и полетел, как чайка, над бескрайней водной поверхностью, впитывая её ширь и глубинную тайну, и мысли твои мало-помалу превращаются из береговых, приземлённых – в свободные, морские. Тут только понимаешь, как тяготит человека сахалинский берег и как нелегко не думать на нём о далёкой родной земле.

Далёкий материковый берег как-то неясно манит к себе, и ты вдруг открываешь, что он не менее грустный и тоскливый, чем сахалинский. Тем более, что он хорошо знаком тебе, когда в многочисленных экспедициях от ТИНРО ты проходил на научных судах вдоль него, работал в не менее

однообразных и серых бухтах, взирал на унылые тёмные скалы, поросшие чахоточными лиственницами и елями. Порой начинало даже казаться, что не выберешься отсюда уже никогда, как бы твоё сердце не желало свободного полёта.

И вот тогда, только после нескольких лет работы в этих суровых местах, в душе незаметно возникало спокойное преодоление в себе желания непременно когда-нибудь выбраться с острова... Это было осознанное, постепенно выношенное стремление уже во чтобы то ни стало остаться и довести начатое до конца, разобравшись в сути острова, в его непривлекательных берегах, постоянных туманах, нескончаемых дождях и великом счастье обладания всем этим.

В жизни любого моряка наступает момент, когда путешествие подходит к концу, и он испытывает неодолимую потребность полечиться от дальнего плавания берегом. Ещё немного усилий, может быть – неделя, другая, и вы ступите на берег, дороже которого ничего, кажется, не существует. Как встретит он вас, не укачает ли?

А между тем, по мере приближения, берега родного Сахалина воспринимаются как-то негостеприимно: они выглядят неприступными. Отвесные чёрные скалы, особенно на северо-западной стороне острова, страшат, здесь нет и намёка на признаки жилья, да и кому оно здесь нужно? Изредка на голый берег выходят медведи, время от времени взвизгивают чайки, и опять странная тишина. Кстати, в переводе с языка айнов, населяющих когда-то остров, «Сахалин» означает «чёрная речка», по-видимому, вытекающая из его глубин к морю среди чёрного и серого камня.

Пусто, порой до невозможности голо вокруг, и если вас не занимает этот пейзаж, вы почувствуете потребность спуститься в каюту. Улёгшись в шконку, сразу постараетесь заснуть, но сон не пойдёт к вам. Одежда покажется слишком жёстким, подушка – неудобной, сбившейся в маленький твёрдый ком, да и на душе – какое-то неясное беспокойство... Так, вроде бы, ничего существенного, а неприятно. Сам не осознаёшь: чего тебе не хватает?

Лежишь, будто ни о чём и не думаешь, но отчего-то опять хочется оказаться поближе к воде. Повертевшись с боку на бок, всё же встаёшь и медленно поднимаешься по трапу, где, конечно, ударяешься о какой-нибудь металлический предмет, в сердцах чертыхаясь. Наверху – ветер, вдали – берега, которые будто тянутся за его устремлениями и трепещут упругой полоской сурового полотна на фоне неудобного морского неба. Но только на мгновение представляется возможность подобного, после чего скалы у горизонта вновь тяжелеют и угрюмо замирают.

Характер здешнего места совершенно очевиден: вглядывание в эти суровые берега не приносит удовлетворения. И всё же привилегия путешественника не позволяет тебе оставаться равнодушным к линии берега. Ты пристально всматриваешься в него и постепенно эта окаменелость оживает, пусть даже ты пока и не получаешь какого-то важного ответа.

Главное, что можно не спеша обдумывать свои впечатления, и если даже это – безжизненные утёсы, в них всегда скрыта притягательная тайна.

Как берег ни хорош или, наоборот, ни пустынен, к нему загорается огонёк интереса лишь когда он обитаем. Проходя же вдоль сахалинского берега, жизни не встречаешь, и его немота потихоньку сжимает сердце. Спросить бы у этих понурых холмов и одиноких каменных кряжей, - когда они впервые увидели свет, и что происходило на их долгом веку?

Даже искущённому в путешествиях человеку, жадному до любых знаний вскоре станет скучно среди этих пустынных берегов. Надо быть, наверное, невероятно одарённым и очень чутким, чтобы наслаждаться величием однообразных каменных изваяний, с молчаливым равнодушием взирающим на человека. Неужели он может посчитать горы облизанных морскою пеною камней как нечто близкое для себя и дорогое?

Судя по себе, ответу: да, может. Здесь, в маленьком уголке России, в десятке тысяч вёрст от нашей столицы, среди неумолчного рокота волн, расшибающихся о необжитый и дикий берег, мне становилось всё более интереснее жить и работать, находя в окружающей природе радость от её постижения, и однажды я вдруг совершенно отчётливо для себя осознал, что нахожусь ... дома!

«КРАЙ СВЕТА»

Дальний Восток – удивительный край, где можно всегда применить энергию во имя замечательных открытий. Край обетованный, исконный, куда многие отчаянные головы очень сильно стремились попасть, и сила его, благодаря всем этим устремлениям, не уменьшалась, а только росла. Край ещё и незабываемый, какой-то неземной именно своим необъятным величием, притягивающим нескончаемое число первооткрывателей и землепроходцев. С одной стороны – край манил своей доступностью, до которой, при известных усилиях, вполне реально было добраться, а с другой – какой-то околдовывающей нескончаемостью, которую даже при непременном пионерском духе всех путешественников невозможно было охватить. Только бы прикоснуться, хотя бы заглянуть за этот вожделенный краешек земли или морской горизонт, что притягивали к себе неотвратимо, бесповоротно.

Что-то тут было раньше, как выглядели эти берега в глубокой древности? Если попытаться заглянуть в далёкое прошлое, то все наши три дальневосточных моря – Беринговое, Охотское и Японское, считают геологи, подвергались затоплению постепенно. Если впадина Берингова моря в южной своей части получила основные очертания в кембрий около 500 млн. лет назад, а пространство, занимаемое теперь Охотским морем, подверглось первой трансгрессии в девон – 400 млн. лет, то часть суши, занимаемая в настоящее время Японским морем, была затоплена лишь в нижний карбон... Соответственно, во времени это выражалось уже тремя сотнями млн. лет до нашей эры, и в момент заполнения земной чаши водами будущего Японского моря в полном расцвете находились кораллы, появлялись первые ракообразные и рыбы селахии...

Какой первозданностью дышало тогда древнее море! По его берегам ещё не ходил человек – собиратель раковин моллюсков, сушу только заселяли первые позвоночные и древовидные папоротники, и часто, стоя на обрывистом берегу мыса Крильон – самой южной оконечности Сахалина, и глядя на простирающееся до горизонта морское пространство, я уносился в мыслях туда, в далёкую палеозойскую эру, представляя себя древней диковинной рыбой или каким-либо причудливым ракообразным, уже вкусившим морского бытия и не без удовольствия, наверное, открывающим его неограниченные возможности... Древнее море на краю времени не могло не отразиться в здешних местах, и бывшие отголоски его до сих пор тревожат наше жаждущее открытий сердце.

Оказавшись в этих местах, начинаешь думать, будто ты – первый, кто ступил на первозданный дикий берег. Во всём, что окружает, нет ничего, напоминающего присутствие человека. Лишь галька, выбеленный плавник, туман и море, которое вроде бы остаётся безучастным к происходящему, но, между тем, всё запоминает, сохраняя в своих таинственных чертогах. Сразу проникаешься пониманием, что здесь – край...

Здесь, на Краю Света, тебя не покидает ощущение, что ты находишься на пороге какой-то тайны, и кажется, что вот-вот распознаешь её для себя, и завеса незнания спадёт с твоих глаз, и ты откроешь то, к чему давно подспудно стремилась твоя душа...

... Проходит, к примеру, один из рядовых рейдов по обследованию прибрежной акватории у северо-западного Сахалина, которые мы обычно совершали сотни раз за каждую экспедицию, снаряжаемую от Тихоокеанского института океанографии, и всегда тебя не покидает ощущение, что ты находишься на Краю Света, где нет никого кроме тебя и твоих товарищей, угрюмых скалистых утёсов и сурового моря... Всё удивительно пустынно, дико, и в то же время наполнено невероятной скрытой силой.

Наш бот тихонько продвигается в тумане вдоль отвесных серовато-бурых скал, и на слегка колышущейся зеленоватой воде, прямо под ними, мерно покачиваются утки – чернеть и каменушки. Вспугнутые, утки устремляются в разные стороны, судорожно взмахивают крыльями, но не взлетают. За расплывающимися в стороны утками на воде остаются изумрудно-вспенённые дорожки, а у самых близких к боту птиц заметны оранжевые лапки, которыми они быстро-быстро перебирают, образуя серебристые ниточки мельчайших пузырьков...

В густом тумане звуки тарахтящего движка глохнут, бот движется как в немом замедленном фильме, и дикая первозданность этих берегов отчего-то вдохновляет. Чувствуешь себя чуть ли не первопроходцем, который первым оказался в Богом забытых северных местах, на Краю Света. Хочется кричать от переживаемого восторга, и в то же время чутко вслушиваться в неестественную для слуха тишину. А тишина эта просто повергает своей неизведанностью... Вернее, завораживает.

Завораживает именно простота происходящего и то рождающееся радостное понимание, что тебе, оказывается, не составило особого труда открыть для себя этот мир, и ты сразу осознал, что не представляешь без него своего существования. И как бы ни были промозглы здешние липкие туманы, и угрюмы отвесные серые утёсы, ты любишь их какой-то особой любовью, как будто уже когда-то жил в этом мире, наслаждаясь его неброской красотой, а очутившись сейчас в нём – лишь вспомнил и обрадовался. Край Света – твой родной край, где ты просто давно не был...

После знакомства с удивительной дальневосточной стороной, сразу посещает мысль о том, как тут всё необыкновенно – и сурово, и замечательно, даже – божественно. Переживая встречи с морскими животными, заливами, мысами, островами, просто наблюдая за обыкновенной чайкой или бакланом, ты во всём, исподволь, не скрывая истинного восторга обнаруживаешь частицу собственной души, когда-то основательно позабытой и оставленной, но при этом не чувствуешь себя опустошённым, а наоборот – незаметно перерождаешься в ещё более сильного и восприимчивого человека. Край Света окрыляет, делает чище и

возвышеннее, потому как здесь ты предоставлен только самому себе: на что решишься – так и будет.

Я полюбил этот край сразу, бесповоротно, как только увидел однажды на остановке вываливающегося из автобуса рыбака... Он, видимо, только что пришёл из дальнего рейса, приехал в областной центр из небольшого приморского городка, ещё не успев переодеться, потому, как был облачён в рыболовецкий оранжевый костюм, а красными натруженными руками крепко обнимал маленького тюленёнка, живого, с усами, и это его появление с ещё необычным для меня морским зверем посреди большого города почти не вызывало недоумения или удивления у прохожих. Вероятно, что-то похожее им уже не раз приходилось видеть, и жители областного центра относились к подобной картине довольно спокойно. Здесь это было обычным делом, и такого рода экзотика совершенно меня очаровала...

Захотелось тоже, как и этот рыбак, попасть туда, где живут тюлени, иметь возможность наблюдать за ними, работая рядом, и чтобы такое соседство никогда не прекращалось. И ещё, чтобы можно было видеть могучих серых китов, белобоких стремительных косаток и игривых дельфинов, отрешённо парящего над морской равниной альбатроса, только на мгновение, когда солнце опускается за море, вспыхивающий у горизонта таинственный зелёный луч, настоящий тихоокеанский ураган, который, конечно, принесёт с собой самые невероятные события, и ты их, несомненно, с достоинством преодолеешь, почувствовав свою неразрывную связь с могущественной морской стихией... Всё, что бы не приключилось на твоём пути, ты обязательно выдержишь, товарищей в беде не оставишь, и куда бы не завела тебя беспокойная судьба – будешь всегда помнить дорогую сердцу дальневосточную сторону, Край Света...

Главное в жизни – ни сколько ты проживёшь, а сколько в твоей жизни будет событий, созданных, по возможности, самим тобой. Одним из таких событий для меня оказалась встреча с Тихим океаном, на Краю света...

Как ни странно, но именно в молодые годы, когда, казалось бы, у тебя нет ещё никакого жизненного опыта, ты особенно способен на решительные поступки, и для тебя ничего не стоит взять и уехать на Край света. Понимание того, что ты должен действовать во чтобы то ни стало именно сейчас – скорее только угадывается в тебе, чем отчётливо осознаётся, но откуда же в двадцатилетнем возрасте возьмётся знание законов, предполагающих развитие души? А Край Света, между тем, сразу принимает тебя, хотя и начинает тотчас проверять, и все его проверки представляются поначалу такими незначительными, что их, в общем-то, не замечаешь. Ясным становится только одно: ты – в каком-то необычном мире, в котором многое из того, что ещё совсем недавно было очень близко и дорого, теперь почти ничего важного для тебя не содержит или просто отсутствует, тогда как всё новое вдруг становится дорогим и близким, вмещающая только

неизведанное. Это неизведанное, наверное, и оказывается первопричиной того, что ты очутился на Краю Света.

Край Света – это такое необычное, удивительное понятие, которое никогда раньше серьёзно не занимало моего воображения, да и, честно признаться, я о нём не подозревал. Оно, это понимание существования некоего края, где всё только по-настоящему начинается, наверное, подспудно жило во мне, ненавязчиво подсказывая, что когда-нибудь воплотится в действительность, если ты этого очень захочешь. И это однажды произошло, потому что ты действительно очень захотел достичь задуманного, выносил в себе это желание и, наконец, добился его исполнения.

И вот, материк пересечён, я – на Сахалине, в самой южной его точке, на мысе Крильон, и прямо передо мной – Японское море, вернее – пролив Лаперуза... Неведомый край, к которому я так стремился! Морской воздух, запах соли и выброшенных водорослей, ощущение чего-то нового и неведомого, того, что будто распаивается от взмаха чайных крыльев, бесповоротно охватывает тебя, и лежащее перед тобой огромное пространство воды преобразуется в простирающееся уже в твоей душе неопишное состояние, когда проникаешь и в даль, и в ширь, и в глубину, и в бесконечные небеса, бездонно отражающие весь этот необозримый морской простор...

В своём неустанном стремлении на Восток, к Краю Света, душа твоя словно увеличивается, не успевая впитывать в себя всё новые и новые впечатления, как будто ей открылась доселе неведомая страна. Стремясь вобрать как можно больше, душа не боится при этом переполниться, и всё впитывает и впитывает, переваривая немыслимое количество открытий. Невероятно, но именно эта занимающая твоё восприятие насыщенность происходящим и перегруженность событиями незаметно приводит в тебе всё в надлежащий порядок, который и помогает безбоязненно заглянуть за нескончаемо возникающие горизонты. Постепенно ты обнаруживаешь, что только здесь, на Краю света, лежат удивительно бесконечные пространства, таящие такие же бесконечные возможности, и они терпеливо ждут внимательного отношения к ним равнодушного человека.

А к юго-востоку от Сахалина, на курильском острове Шикотан, там, где отвесные скалы и утёсы расположены рядом с ярко-зелёными склонами, песчаные пляжи соседствуют с причудливыми нагромождениями огромных глыб и валунов, с пещерами и гротами, можно увидеть и настоящий «Край Света» – так называется один из мысов острова. Мыс Край Света – плоский, приглубый, но являясь оконечностью полуострова, выступающего в море на три кабельтовых от северо-восточного берега острова Шикотан, служит хорошим радиолокационным ориентиром, и именно благодаря устремлённости в океанские дали, наверное, и получил своё имя.

И остров Сахалин с проливом Лаперуза, и Курильские острова, и Тихий океан действительно предполагают именно особое состояние устремлённости духа, которое можно ощутить только здесь, на Дальнем

Востоке. И ещё – удивительно радостное переживание чувства сопричастности тому, что открывает взору эта дальняя сторона. Какое здесь раздолье и воля, на все четыре стороны света – мудрая простота и красота самого синего цвета! Нет всему этому великолепию конца и края, где ты проникся ощущением полёта и ... полетел.

Разливающийся повсюду свет, излучаемый и небом, и морем, и воздухом – тоже особенный, каким он присутствует именно здесь, на рубеже суши и океана. Стоит только преодолеть земное притяжение, отправившись в морское путешествие, и открывается уже иное свойство этого дальневосточного светового состояния: свет тут как будто раздвигает морские горизонты, образуя вокруг необыкновенно светоносную сферу, что ощущается повсюду, и, по всей видимости, не ведает границ. Удивительно возвышенными ощущаются теперь и душа, и тело, и вся твоя жизнь, будто ты заново родился. Белый свет человеку на волю дан, а где ещё сыщешь такую свободу, как не здесь? На Дальний Восток попал – свет увидал!

«Жилуха» - так на Дальнем Востоке, особенно на Сахалине и Курилах, местные жители называют обжитые территории материковой части страны. А здесь, про себя, гордо и независимо провозглашают: «Край Света-а!»

Как будто предполагают там, на материке, не вполне серьёзную жизнь, удалённую от какой-то важной человеческой истины, присущей только этим местам с их суровым климатом, всей природной обособленностью, Тихим океаном, течением Курисио... Там, в больших городах, люди, вроде как, забывают о своём высоком предназначении, разменивая себя на недостойные внимания мелочи, и только очутившись на Дальнем Востоке, на Краю света, человек, по мнению старожилов, способен в полной мере осознать смысл жизни, поверив в собственные силы.

Вот и отношения между людьми в этих удивительных местах сводятся большей частью к первобытному коммунизму, когда во всём присутствует какая-то первозданная честность. К ней трудно сразу привыкнуть, но с ней легко жить. Вероятно, иначе нельзя – это залог жизни, иные отношения здесь просто невозможны. И не напрасно именно на самых окраинах нашей необъятной страны, на Краю Света, собираются настоящие люди...

Тот, кто приезжает сюда подзаработать, обычно больше двух-трёх лет не выдерживает... Но вот те, кого увлекает на Дальний Восток белоснежная морская чайка, возле человека никогда не садящаяся, и они не представляют себя без работы, связанной с морем, оседают надолго. Мне посчастливилось угадать в своей душе потребность быть на далёком острове Сахалин, и, не смотря ни на что, я не побоялся сюда приехать.

Отсюда я будто чувствую весь мир, всё вижу и понимаю, и меня больше никуда не тянет. Ну, если только в наш уральский лес... А ещё очень остро ощущаешь здесь свою нужность, какого бы малого дела это ни коснулось, и именно поэтому, наверное, знаешь, что всего себя отдашь людям, которые точно так же, если понадобится, отдадут себя тебе. Все тут отвечают друг другу одним и тем же – удивительной спаянностью, простотой

отношений, переживать это – непередаваемо радостно, и только здесь, на Краю Света, невозможное оказывается необходимым. Край света – особенное место для того, кто задумал найти себя и познать мир, потому как где ещё переживёшь такие чистые и сильные чувства, как ни на берегу самого великого океана? Ты счастлив, что находишься рядом с ним, и переживаешь его жизнь как свою.

Всегда чувствовать себя ближе к настоящему мужскому делу, отчаянному напряжению сил, даже – к опасности, на Дальнем Востоке обернулось для меня не громким словом, а непреложной истиной, которая на поверку оказывалась для мужчины единственно достойным и наиболее верным состоянием. Тем же, кто бежал от такого жизнепонимания, эта самая жизнь уже не сулила ничего примечательного, заслуживающего внимания. И ещё именно на Дальнем Востоке никогда не покидала уверенность: всё, что мы тут делаем – настоящее... Отними у человека эту возможность заниматься любимым делом, быть в нужное время в своей географической точке, и он становится незаметным, ровно себя теряя, вернее – не обретя. По-настоящему интересно в жизни только то, что по-настоящему трудно.

Всё необыкновенное, кажущееся недостижимым – на самом деле удивительно просто, и нет ничего интересней, чем разгадывать его. Ведь у человека всегда достаточно сил, чтобы осуществить любую мечту. Одной из самых прекрасных возможностей, чтобы воплотить переживания своего сердца в жизнь – есть непоколебимое устремление отправиться в море.

Для человека не может быть ничего важнее, чем его собственный достойный и интересный путь, но никто так не мешает ему следовать им, как он сам... Если же решишься однажды отправиться в дальнюю дорогу, то будешь уже следовать по ней долго, может быть – всю жизнь. Важно не останавливаться на полпути, не идти на поводу предательских сомнений...

Здесь, на Краю Света, можно было учиться у дельфинов, прибрежных голубоватых агатов, промозглой сырости и нескончаемости туманов... Всё имело свою обособленную чудесную жизнь, между тем, не отделимую от всеобщего целого, объединяющего и сушу и море. Море воспринималось исконной и непоколебимой древностью, оно было самым мудрым из всего, что я знал и видел, и как было хорошо и интересно отправиться к неизведанному краю самых невероятных возможностей!

Но дальневосточный морской простор – это не безусловная, относительная пустота, а насыщенное жизнью пространство, океанское вольное раздолье, где душа, не испытывая никакого стеснения, вроде бы может праздно парить в оказавшейся свободе, однако же скоро эта душа понимает, как она здесь ограничена именно нравственно. Белый свет, говорят, не клином сошёлся, простору много, да только надобно правильно себя в нём приложить, применив всё своё умение и волю, а более – терпение с неутомимостью, без которых никакой радости не сыскать... Особенно – в

море! Это только на первый взгляд простору здесь – на все четыре стороны, но попав в бескрайний водный мир, призадумаетесь: а не большая ли воля живёт в вашей душе? До неё ум в последнюю очередь доходит, прежде в достатке морской водицы испив, и если в море тебе, наконец, начинает слышаться простор собственной души, значит, стал ты насквозь морским человеком.

В первую очередь здесь воспринимается именно море, всё отвечает и определяется принадлежностью ему одному: и небо, и прибрежные камни, и чайки, и ветер, и ты сам, пронизанный морским духом насквозь. Быть здесь, работать, преодолевая трудности, мечтать, - этого требует всё твоё существо, а море для тебя – самое великолепное явление в мире.

Воды дальневосточных морей представляются тоже бескрайними, но когда их стремительно разрезают плавники косаток и дельфинов, над ними взмываются фонтаны китов, а на покачивающиеся волны присаживаются утомлённые чайки, они оживают и воспринимаются близкими, даже родными, так что сразу забывается их необъятность. Если безмерный морской покой воцаряется вокруг надолго, то кажется, что его уже и вовсе не растревожить. Но крепок покой моря до поры, пока оно не вздумает показать свою бескрайнюю удаль, на Краю Света...

Край Света и океанские просторы неразделимы. Именно остров Сахалин, растянувшийся сразу за материковым побережьем почти на тысячу вёрст и открывающий собой эти огромные, манящие к себе пространства, можно в полном смысле слова назвать Краем Света, даже – порогом дома, в двери которого бьётся могучий Тихий океан. Если вы пришли к порогу этого дома заслуженно, совершив достаточные душевные усилия, вашему взору предстаёт совершенно новый, неизведанный мир.

Остаётся только толкнуть дверцу и, набрав полную грудь воздуха, устремиться в завораживающую бескрайность... Уверю вас, вы – не разочаруетесь, более того – поймёте, что до этого самого момента просто не жили.

Крыша этого великого дома – небо, а опорой ему служат необузданные волны и неприступные скалы. Бесценные каменные нагромождения, которые никто и не пытается никак оценить. Они – молчаливые хранители великой тайны, которую скрывает океан.

Эти скалы, находясь на берегу ревущего океана, с невозмутимым видом прислушиваются к гулу тысячелетий и несмолкаемому грохоту прибоя. Попробуйте себе представить величие этой мощи и терпения! Здесь невозможно испытывать разочарование, а жить в этих местах нужно только тому, кто многое чувствует, и стремиться постичь, он научился этому устремлению на пути к Краю Света и заслуженно на нём оказался.

Тихий океан... Океан неизведанных знаний и силы, ненавязчиво стучащийся в наши сердца. Лишь Время старше его... Тихий океан постепенно учит пониманию: как ценно время, половину которого мы тратим на то, чтобы придумать – куда девать вторую... И ещё – необходимости

делать то, чего ты не делать никак не можешь. Это – твоё предназначение, неразрывная с морской стихией судьба.

Даже когда океан настроен миролюбиво, биение его пульса очень ощутимо. Океану присуще такое явление, как крупная зыбь: волнения вроде бы и нет, а нос судна то взлетает вверх, то с шумом окунается в воду, так что замирает дух. Жить в такт океанскому дыханию, значит - обрести собственное.

Океан не испытывает никого без всякой на то надобности, он не предлагает вам одуматься или остановиться. Придя к нему – вы уже нашли силы преобразовать свою жизнь к лучшему, и если океан повергает вас, вы просто не готовы к его восприятию. А воспринимать океан следует осознанно, с полной отдачей сил и готовностью ко всему, что он может тебе предложить. Разве возможно отказаться от его великодушного отношения, ведь это – океан, суть многого из того, о чём ты и не подозревал, а вот теперь способен впитывать и сделать своим. Решившись однажды на путешествие к Краю Света, к Тихому океану, ты, несомненно, становишься богаче.

Край – это, на первый взгляд, самый конец, предел, за которым, кажется, ничего не должно быть, рубеж земли, куда тебя привёл долгий путь, та дальняя сторона, где лежит неизведанное... Словом, кромка, грань или пустынный берег, за которым взгляду открывается уже нескончаемый горизонт. Всё, чего было возможно достичь, ты, вроде бы, достиг, дальше – только бескрайний мир воды...

Так я думал раньше, пока не решился на это дальнейшее путешествие и не преодолел в себе многое, что обычно удерживает человека на привычном для него месте. Когда же преодолел, добрался и увидел всё собственными глазами, то понял: всякий край – это, конечно, предел чего-то, но возможно его принять и за начало... Здесь, на так называемом «крае земли», только начинается дальняя дорога, которая никогда не прекратится. Мало пройти из края в край, непременно следует отыскать в себе терпение к бескрайнему пространству.

Все, кто однажды решились отправиться в неизведанное морское путешествие, руководствовались одним неистребимым для путешественников желанием – посмотреть мир и узнать: а что скрывается там, за горизонтом, и ещё дальше? При этом они готовы были находиться целые месяцы и даже годы в окружении воды, терпеть многие лишения и неудобства, и всё только для того, чтобы удовлетворить свою любознательность и быть может – что-нибудь открыть, чего ранее никто и не ведал? Край для открывателей всегда оказывался рубежом, отправной точкой для будущего полёта их мыслей и поступков, и, наверно, не было ничего более сокровенного и дорогого для отправляющегося в дальний путь, чем

возможность преодоления неведомой грани, в первую очередь, в себе, когда ты, бесстрашно перешагивая через край, вырастаешь...

Когда А. П. Чехов преодолел на пароходе «Байкал» Амурский лиман и его взору за туманной пеленой открылся каторжный остров Сахалин, ему показалось, что тут конец света и что дальше уж некуда плыть. Дикий берег, теряясь в собственных извилинах, исчезал во мгле на неведомом севере и, по словам писателя, душой его овладело чувство встречи с чем-то необыкновенным, даже устрашающим.

И действительно, несмотря на то, что Дальний Восток ещё с 17 столетия стал привлекать внимание первых исследователей его богатств, это почти дикое огромное пространство до сих пор остаётся как бы нетронутым. Но тем сильнее возникает желание проникнуть туда и непременно что-то открыть для себя. Огромность дальневосточного пространства и его дичь, конечно, предполагают верную возможность осуществления этого: ведь дикая природа чаще всего пытается убедить человека в его беспомощности, которую он преодолевает с присущими ему смелостью и упорством.

Пугая человека, эта неисследованная дальневосточная пустыня всё же больше располагает его к поиску, нежели повергает своими размерами, суровой стихией и неизвестностью. Действительность, конечно, внесёт свои решительные изменения в твои путешествия, поставит перед многими неожиданностями, да только человек растёт не ощущением безудержного счастья, а препятствиями, и потому всё преодолимо, было бы желание открывать, переживая при этом наивысшую радость.

«ДОРОГИЕ ПЕРВОПРОХОДЦЫ»

Дальний Восток всегда манил человека своими богатствами – и драгоценными минералами, и полезными ископаемыми, но когда человек только начинал свои путешествия в дальневосточные земли, ни нефть, ни каменный уголь, ни руды его не влекли – он их плохо знал и мало в них нуждался. Пищу, укрытие от непогоды, средства передвижения и многое другое людям давали флора и фауна.

Вот и получилось, что если западные конкистадоры в тёплых морях искали золото и пряности, то русские люди, совершавшие великие географические открытия в Сибири и на Дальнем Востоке, во многом были обязаны, в первую очередь, соболу, составлявшему основную часть «мягкой рухляди», морскому бобру – калану и моржу с его клыками – «рыбьим зубом». Именно эта своеобразная валюта 17 века влекла в дальневосточные края многочисленные ватаги промышленного, торгового и служивого люда.

Трудно представить, в каких условиях совершались в давние времена дальние плавания... При маломерности судов длиной в два-три десятка метров на них обычно располагались десятки людей. Ужасная теснота, скученность и предельная неблагоустроенность отличали всю корабельную обстановку. Люди месяцами спали, не раздеваясь, на палубе или в трюме, в зависимости от того, какая стояла погода. Отхожих мест не было, облегчались прямо за борт/если позволяло состояние моря/, дезинфицирующие средства – один уксус, съестные припасы уже после двух недель плавания становились затхлыми, пресная вода предназначалась только для питья и всегда выдавалась по норме. Если вы хотели умыться или постирать бельё, что считалось высшей роскошью, надо было самому доставать воду за бортом, только когда не слишком штормило. И всё это длилось месяцами, а то и годами. Если же вы заболели или получали ранение, то оставалось только уповать на Господа, беспрестанно произнося покаянные молитвы.

А те, кто пробирался к морю просто на собачьих упряжках, лошадях или даже пешком? Что переживали они, какие неслыханные испытания пришлось им одолеть на этом нескончаемом пути преодоления себя? И всё только чаще лишь за тем, чтобы увидеть эту бескрайнюю морскую даль, и в скором времени, быть может, устремиться ещё дальше – в неизвестность...

Порой отважные мореходы в погоне за богатой добычей всё дальше уходили в неведомые моря, открывали всё новые и новые острова, иногда проводя на них по нескольку лет. Одним из них улыбалось счастье, и их суда возвращались гружённые сотнями и тысячами бобровых, котиковых и собольих шкур. Другие находили вечный покой в холодных водах Тихого океана. Но всё-таки, не смотря ни на что, на следующий год вновь отправлялись в дальние странствия очередные экспедиции смельчаков, вознамерившихся попытать и свою удачу.

Да, в основном все плавания, совершающиеся в 16 и 17 веках, предпринимались большей частью с целью обогащения: в северных морях – в поисках котиков, каланов, моржей и китов; в экваториальных и южных широтах – для овладения новыми землями, изобилующими золотом, серебром и пряностями. Но, всё же, были и такие мореплаватели, которых не соблазняла только нажива, а влекло великое дело первооткрывательства, ибо не хлебом единым сыт человек!

На такое опасное путешествие, даже ради наживы, по тем временам мало кто мог решиться! И конечно, отправляющиеся в дальнюю дорогу смельчаки не обходились в своих устремлениях к неведомым землям без доли романтики. И наверняка душами их владели идеи и чувства, возвышающие человека. Предчувствие неизвестно чего сулящего в путешествии, к тому же – в чужеродной стороне, не могло не настраивать человека на романтический, открывательский лад, когда представление рисовало ему не только вороха каланьих и котиковых шкур, но и увлекательные приключения. Как было обойтись без них?!

И всё же Семён Дежнёв, первый из русских в 1648 году прошедший пролив Беринга/названный так уже впоследствии/, об этом своём великом географическом открытии говорит порой очень скупой, главной увлекательной заслугой считая нахождение знаменитого моржового лежбища на Анадырской карге – так называемой Русской Кошке. А после того, как был быстро истреблён сибирский соболь, его место занял морской промысел калана и котика. Значение экспедиции Беринга, возглавившего две Великие Северные экспедиции в первой половине 18 века, не только в том, что она усмотрела с востока берега Америки, но и привезла на Русь первые сведения об этих животных. Именно за ними устремились сюда промышленники, завершившие географические открытия на севере Тихого океана. А потом Север манил песцом/десятки Песцовых островов, мысов, рек, озёр разбросано по всей Арктике/, ибо горностаевые и лисьи меха всегда уступали ему в своей численности, а олени и медвежьи шкуры – в стоимости. Но как можно было обойтись людям в те нелёгкие времена, в не менее суровых краях, без тёплых шкур этих животных и вкусного питательного мяса?!

Много споров в этом отношении ведётся и вокруг бесследно исчезнувшей морской коровы... Морскую корову, обитавшую у Командорских островов, открыл и описал в 1741 году спутник Беринга Георг Стеллер. Это был большой и безобидный зверь, длиной до восьми-десяти метров и весом до трёх с половиной тонн, питавшийся водорослями на мелководье. Охота на него была несложной, а мясо вкусным. Для моряков в долгих странствиях он играл роль живых консервов, для чего в тёплых морях использовались большие черепахи. Поэтому морскую корову истребили уже к 1765 году.

Конечно, промысел морских коров вёлся крайне неумеренно и добычи легко судить с высоты наших сегодняшних знаний об этом животном, но если поставить себя на их место, то вряд ли бы мы поступали

иначе... Для людей того времени, находясь в очень суровых природных условиях, это была не праздная охота, а зачастую вопрос жизни и смерти. Ведь им тогда было невдомёк, что это животное уникально и больше нигде, кроме, как на Командорах, не встречается. Они ступали на неведомую землю и видели невиданных доселе зверей, которых и били себе на пропитание.

Когда в 1743 году императрицей Елизаветой была приостановлена деятельность Второй Камчатской экспедиции, поиск новых земель вёлся только по инициативе промышленников. Ими были открыты и освоены все острова Алеутской гряды. Одним Андреем Толстым в 1761 году была открыта целая группа островов, которую мы называем сейчас Андреевскими. Причём русские мореходы и купцы вывезли с Алеутских островов пушнину и морского зверя в «государеву казну» на 200 тысяч рублей. Именно это возродило интерес к окраинным землям России и привлекло на Восток якутских, сибирских и других купцов, способствовавших развитию Охотска, Усть-Камчатска, Петропавловска-на-Камчатке. В свою очередь, Командоры служили мореходам и промышленникам как бы трамплином, откуда можно было, перезимовав и «мяса коровья вдоволь запасаясь, в вояж пускаться». Можно смело утверждать, что морская корова была принесена в жертву ради открытия Алеут и Аляски.

И потому огульно причислять к браконьерам наших мореходов и промышленников нельзя. Тот же Андреев Толстой в 1750 году завёз и выпустил на остров Атак несколько молодых голубых песцов, отловленных на острове Беринга. Как писал побывавший там спустя двенадцать лет купец Черепанов «... на одном алеутском острове песцы размножились до тысячи, и оттуль ныне промышленниками улавливаются, а до завезения на том острове песцов не было».

Беспокоила наших первопроходцев судьба животных, в том числе – и морских коров. Уже в 1755 году купец Пётр Яковлев, посетивший Командорские острова, советовал запретить промысел морских коров, чтобы «не чинить искоренение» этих животных. В конечном итоге дело свелось не к тому, что была сознательно организована охота на последнюю морскую корову, а скорее всего из-за выборочного промысла разрушились семейные ассоциации коров, что и могло явиться основной причиной угасания стада. Били-то, в основном, менее подвижных самок, а животные эти, как отмечал Стеллер, держались в окружении своего потомства, которое, естественно, тоже погибало.

Но если вернуться несколько назад, то первые русские ступили на дальневосточные земли намного раньше выше описываемых событий. К слову сказать, стихийное движение россиян на Восток было обусловлено многими причинами, и одна из них – уход от крепостничества. Сюда шли выходцы со всей земли русской: мезенцы, холмогорцы, пинежане, вологодцы, те, кого нельзя было запугать ни холодами, ни отдалённостью неизведанных земель, ни прочими трудностями многолетнего

изматывающего пути в неизвестность. И шли они поначалу не столь за наживой, сколь за свободой. А первому, как известно, всегда труднее, ибо ему за всем не уследить: он – первый, вынесший на себе всю тяжесть впервые проторённого пути. Первый взваливает на свои плечи принятие самых неожиданных решений, за последствие которых приходится отвечать ему самому, он решается преодолевать такие невиданные трудности, которые ещё никому и не снились, он оказывается первым именно по той причине, что первый отважился пройти дорогу, до него никем не проходимую, он её прокладывает первым.

А если что не так было сделано или где-то сил не достало, то первого и Бог прощает, потому как кто первее, тот и правее, и, совершив ещё до него не существующее, отважный первопроходец, наверное, перво-наперво помолится Господу. Как молились своим таинственным богам древние племена тончей, ороков, айнов и нивхов, впервые пришедших на далёкие восточные земли за лучшей жизнью. Как взывали к Богу первыми прошедшие вокруг света моря и океаны путешественники. Как молятся про себя поколения современных первооткрывателей знаний, в которых будут нуждаться их потомки. Все первооткрыватели – всегда первопроходцы, потому что идти – это, значит, в первую очередь, решиться на первый шаг: благослови Бог почин! И кого же нам ещё сейчас благословлять, как ни первых отчаянных героев, наших дорогих русских землепроходцев – первооткрывателей Дальнего Востока, что однажды отправились за счастьем для всех людей, не задумываясь отдавая на этом пути свои силы и жизни!

Первым из русских людей увидел неведомые европейцам просторы Тихого океана Иван Юрьевич Москвитин, через горы и дремучие леса, по рекам и озёрам прорвавшийся в 1639 году с группой томских казаков числом тридцать один человек к Охотоморью. В этот же год они вышли в море, совершая незначительные по продолжительности и времени походы вдоль морских берегов. От местных жителей казаки узнали о существовании острова Сахалин, на котором проживают «сидячие гиляки» и «мохнатые айны». Да и сами они, доходя на своих кочах по Татарскому проливу вплоть до Амурского лимана, не могли не видеть северо-западное побережье острова.

До недавнего времени многие историки считали, что первыми из европейцев Сахалин открыли участники голландской экспедиции Мартина Геррица де-Фриза/15 июля 1643года/. Теперь же, на основании новых данных, выяснилось, что именно Иван Юрьевич Москвитин и его спутники смогли увидеть сахалинские берега ещё за три года до того, как голландские моряки побывали у берегов южного Сахалина. Следовательно, первыми из европейцев остров Сахалин открыли русские, а не голландцы, которые, кстати сказать, принимали сахалинское побережье за северную часть острова «Иессо», то есть – Хоккайдо.

Знаменитый русский историк Карамзин несколько напыщенным слогом описывает подвиг Ивана Москвитина: «Достигнув берега Великого

океана, он не стал, подобно испанскому конкистадору Бальбоа, крестить море мечом и не вошёл в его холодную воду с королевским флагом, а построил зимовьё и поселился в нём на берегу открытого им океана». Но разве в столь суровых краях у Ивана Москвитина с товарищами оставался иной выбор? Идя вверх по Мае, с Лены, казаки вышли к берегу Охотского моря западнее теперешнего Охотска, и поставили там, среди тунгусского населения, ясачное зимовьё, потому как им не оставалось ничего иного, а в ближайшие годы люди из отряда Москвитина разведали берег Охотского моря на восток до Тауйской губы. Так был основан первый русский опорный пункт на берегах Тихого океана, открытого русскими «охочими людьми», и их подвиг справедливо можно назвать одним из величайших событий в истории открытия Земли, когда они за какие-нибудь тридцать-сорок лет бескровно освоили огромные, тысячевёрстные пространства Сибири и прочно стали на берегах Тихого океана.

Участники следующего похода под водительством Василия Даниловича Пояркова в 1645 году вышли к берегам Охотского моря чуть севернее отряда Ивана Москвитина. Правда, путешествие это началось ещё в 1643 году, когда воевода Пётр Головин отправил из Якутска «на Зию и Шилку реку» письменного голову Василия Пояркова и с ним служилых людей 112 человек. Казаки уже знали о существовании Татарского пролива, о том, что зимой Амурский лиман и наиболее узкая часть Татарского пролива замерзает, и по льду с материка на Сахалин и обратно издавна совершают поездки нивхи/гиляки/. По-видимому, поярковцы даже высаживались на Сахалине, когда собирали с местного населения острова ясак.

Отправившись весной 1645 года в бурное Охотское море из Амурского лимана на небольших плоскодонных судах, Василий Данилович Поярков со своими соратниками совершил беспрецедентное по тем временам плавание: двенадцать недель морские волны бросали судёнышки, когда отважные путешественники шли вдоль материкового берега по Татарскому проливу, и, наконец, пристали в устье реки Ульи, где несколько лет назад основал зимовьё Иван Москвитин. Перезимовав на реке Улье, Поярков в 1646 году, через горы, вернулся по Мае и Алдану с 33 служилыми в Якутск, потеряв в течение трёхлетнего похода сто человек, но привезя чертежи пройденного пути и подробный отчёт о плавании, не забыв рассказать о быте и нравах населяющих те места народов. И Иван Юрьевич Москвитин, и Василий Данилович Поярков несомненно обогатили русскую географическую науку, первыми совершая свои труднейшие по тем временам плавания по Амуру и Охотскому морю. Им, конечно, хорошо были видимы берега неведомой земли – Сахалина, но мы, к сожалению, не знаем подробностей их морского путешествия и того – бывали ли эти отважные первопроходцы на острове.

В 1647 году путь Ивана Москвитина и Василия Пояркова повторил казак Семён Шелковник, он прошёл от реки Ульи/где Москвитин поставил струг и перезимовал в 1639-1640 годах/ сто километров на северо-восток до реки Охоты/тунгусы называли эту реку Ахоть, что значит «большая»/ и в

трёх верстах от её устья тоже заложил зимовьё. Острожек, основанный здесь и выросший впоследствии в первый порт России на Тихом океане, получил название Охотска. Кстати, во времена Москвитина и Пояркова Охотское море называлось Ламским от тунгусского слова «лама», означавшего «море», «вода», или Ламутским и Тунгусским по имени населявших берега Охотского моря народностей. Но именно благодаря реке Охоте, которой достиг казак Семён Шелковник, и родилось утвердившееся теперь название прилегающего к материковой земле моря. Охотское море имело прежде и другие названия, например, Камчатское и Пенжинское, представляющие в географическом смысле более широкие понятия, но остановились в наименовании моря всё-таки на маленькой речке...

Три года провёл на берегах Охотского моря участник похода Шелковника казак Алексей Филиппов с группой товарищей. Выйдя на кочах из Охотского острожка в июне 1648 года, он исследовал большой участок северного побережья и подробно описал его. Это была первая лоция Охотского моря, которое в теперешнем своём виде появилось меньше, чем миллион лет назад. Тогда же Тихий океан соединялся с Ледовитым через Берингов пролив, а Сахалин только превращался в остров.

И так, основанный при участии Ивана Москвитина, Василия Пояркова, Семёна Шелковника и Алексея Филиппова, Охотск надолго стал главным опорным пунктом русских в их движении на восток и в освоении Тихого океана. В годы расцвета Российско-Американской компании отсюда ежегодно шли суда со снабжением русских поселенцев в Америке, здесь была база всех новых экспедиций, исследовавших просторы Тихого океана, а проложенный к Охотску Аянский тракт, вплоть до начала двадцатого века, служил главным Транссибирским трактом, соединяющим западные и восточные рубежи нашей Родины.

Здесь, в Охотске, был создан один из первых атласов дальневосточных морей и Тихого океана – «Атлас Кашеварова», названный так по имени своего составителя, коменданта Охотска и капитана Охотского порта. Однако гавань Охотска не была удобной для морских судов, и новый шаг в освоении дальневосточных морей был сделан открытиями капитана Геннадия Ивановича Невельского, проложившего морской путь от устья Амура к берегам Приморья через весь неведомый до этого Татарский пролив и водрузившего русский флаг на южной оконечности Сахалина. Это случилось в 1848 году, а вскоре за тем были открыты залив Петра Великого, залив Находка, и уже в 1860 году был заложен город Владивосток, ставший столицей Дальнего Востока и одним из лучших портов нашей страны.

Но всё это было потом, почти через два столетия после описываемых выше событий, и понадобились усилия ещё многих отчаянных храбрецов, чтобы все эти неведомые земли на краю Тихого океана были хотя бы частично освоены. Таковыми явились и участники четвёртого похода под водительством Онуфрия Степанова Кузнеца, сменившего на посту главы отряда небыизвестного Ерофея Хабарова, которые в 1655 году предприняли

очередной выход к устью Амура, совершили переход через наиболее узкую часть Татарского пролива и побывали на Сахалине. Богатства «земли гиляков» произвели исключительно большое впечатление на амурских казаков, но по предположениям некоторых историков все эти казаки были впоследствии убиты нивхами.

Помимо участников официально организованных походов со второй половины 17 века на Сахалине могли также побывать русские люди, самовольно пришедшие на Амур. Как раз в середине 50-х годов 17 века в Сибири начались многочисленные побеги казаков и крестьян на вольный Амур, который встречал беглецов сурово: одни гибли от голода, другие от рук местных жителей, третьи попадали в плен к маньчжурам. И, несмотря на это, некоторые из русских людей всё же умудрялись добираться по Амуру до далёкой земли гиляков, то есть – острова Сахалин, и даже оседали там.

К тому же, очень многое в исследованиях русских землепроходцев на Дальнем Востоке оставалось неизвестным ... из-за нехватки бумаги. На Руси 17 века все «начальные люди» от московских дьяков до приказных и целовальников самых отдалённых острожков и зимовьёв обязаны были вести различные учётные книги. На местах особое внимание уделялось составлению так называемых «ясачных книг», в которых вёлся поимённый учёт собранной дани/ясака/, «записных книг» - по учёту десятинной пошлыны, собранных при различных сделках, «книг судовых запасов», в которых вёлся учёт расхода полотна на паруса, пеньки и бечевы, якорей и различного инструмента, используемого при строительстве морских и речных судов и т. д. Велась, также, книги, в которых фиксировался расход «зелья»/пороха/ и свинца на пули или регистрировались «известные челобитные» и судебные дела. Однако казна далеко не всегда обеспечивала «начальных людей» бумагой для ведения всех этих книг. В те времена бумага ввозилась из-за границы и потому её часто не хватало. Отписки и челобитные русских казаков, осваивавших Сибирь и Дальний Восток, полны жалоб именно на нехватку бумаги. На это жаловались и Семён Дежнёв, и Михаил Стадухин, и многие другие землепроходцы. Очень часто из-за нехватки бумаги путешественники вынуждены были предельно кратко сообщать о своих замечательных географических открытиях.

И всё-таки, несомненно одно: все походы, совершаемые русскими людьми с начала 50-х годов 18 века не прошли даром, особенно – для русской картографии. Активный участник этих походов Стенька Поляков, который в августе 1652 года ушёл от Ерофея Павловича Хабарова служить в низовьях Амура «своей головой», смог не только собрать богатые сведения о Сахалине и первым из русских на Дальнем Востоке поведать о далёких японцах – народе «чижем», но и представил чертёж Сибири, где был изображён Амур с притоками и остров Сахалин.

Тогда же, во второй половине 17 века, в Тобольске стали создаваться общие чертежи Сибири, на которых Сахалин стал показываться в виде

маленького островка в самом устье Амура. Первые такие чертежи появились в 1667 году.

По мнению многих историков, есть основание предполагать, что первый общий чертёж Сибири с изображением Сахалина попал в 1673 году в Амстердам, а в 1687 году там была отпечатана знаменитая карта Татарии Н. К. Витсена, оттиски которой в 1691 году, в марте, были отправлены одновременно в Россию и Англию. Конечно, изображение Сахалина на карте Витсена было ещё весьма примитивным: остров там показан в виде небольшого треугольника. По-видимому, такое представление было заимствовано с каких-то русских чертежей, составленных на основании рассказов жителей Приамурья, нередко называвших Сахалин «трёхмысовым островом». Вероятно под «тремя мысами» имелись в виду северная и южная оконечности острова, а также мыс Терпения, достаточно отступающий от основной островной части Сахалина. Именно благодаря русским первопроходцам остров только начинал обретать в сознании людей свои истинные границы.

Честь освоения восточных берегов Охотского моря тоже выпала на долю русских казаков и первым на Камчатку попал коч Федота Алексеевича Попова, вместе с Семёном Дежнёвым показавшим в 1648 году всему миру, что Азия отделена от Америки проливом и не следует принимать обе части света за один материк. О подвиге Семёна Дежнёва и Федота Попова долгое время в Европе не знали, хотя в Сибири память о них переходила из поколения в поколение. Так получилось, что во время этого великого путешествия кочи мореплавателей разбросало штормом, и Дежнёв с товарищами оказался на Анадыре, а Попов – на Камчатке. Позже, в конце 17 века, из Анадырского острога, основанного Семёном Дежнёвым, казаки настойчиво стали продвигаться на юг, и теперь известно, что самые ранние походы русских на Камчатку относятся к 1686-1688 годам. Это отряды Ивана Голыгина, Василия Кузнецова, Луки Морозко, а исторический поход Владимира Васильевича Атласова в 1697-1699 годах закрепил успехи русских и именно Атласов основал на Камчатке первые остроги.

С шестьюдесятью служилыми людьми в начале 1697 года Атласов вышел из Анадырска к устью реки Пенжины, откуда первые две недели шёл к югу вдоль западного берега Камчатки, а затем, повернув к востоку, вышел на восточный берег Камчатки у реки Олютора. Разделив здесь свой отряд на две части, он послал одну из них к югу вдоль восточного берега Камчатки, а сам отправился со второй на западный берег к устьям рек Полак, Тигиль и Камчатки, куда и дошёл 18 июня 1697 года. Встретившись здесь с камчадалами, Атласов направился вдоль западного берега Камчатки дальше на юг к устью реки Голыгиной. Отсюда он видел остров с вулканом Алаид – самый северный в Курильской гряде, названный позднее его именем.

Несомненно, что Федот Алексеевич Попов не мог не видеть во время своего плавания хотя бы первого Курильского острова. И, наверное, он рассказал бы об этих островах, если бы остался в живых, но первое

упоминание о Курильских островах и Японии принадлежит Владимиру Атласову, в 1700 году записавшему в своём отчёте: «А против Первой Курильской реки, на море, видели вдали, как острова кажется, и иноземцы сказывают, что подлинно там острова есть, и на тех островах города каменные, и в них люди живут царственные, а какого государства и какие люди, про то сказать не умеют». С тех пор интерес к Курильским островам значительно возрос.

Несмотря на свои организаторские способности, силу духа и неоспоримые заслуги перед отечеством, Владимир Атласов оказался жестоким человеком, и в 1711 году среди казаков вспыхнул бунт, закончившийся его гибелью. После бунта казаки избрали своим атаманом Данилу Анцыферова, а есаулом – Ивана Козыревского, которые и возглавили восстание. Под их руководством казаки продолжали служить на Камчатке и собирали ясак. Проведывая всё новые места, они вскоре сообщили сибирскому воеводе об убийстве нелюбимого и жестокого приказчика, и, желая оправдаться перед сибирскими властями и памятуя о пользе государственной, решили просить разрешения отправиться на приобретение новых земель, лежащих к югу от мыса Лопатка, являющегося окончательностью Камчатки. О землях этих слышали они от местных жителей.

Отсюда на байдарках смельчаки в 1711 году переправились на первый курильский остров – Шумшу. «На сем острову живут иноземцы, званием Курила. И на дальние острова, которые ходят и те головы свои бреют до затылку по тамошнему обычаю и кланяются на коленках. Також из дальних островов приходят ради покупки бобров и лисиц, и орлов, и орлового перья». Так описал Козыревский первые впечатления об острове, дальше которого они в тот год не пошли. 29 сентября 1711 года путешественники возвратились в Большерецк, на Камчатку, и этот день считается датой открытия жемчужного ожерелья Дальнего Востока – Курильских островов, а отчёт Козыревского – первый письменный документ о посещении Курил.

В феврале 1712 года Данила Анцыферов с 25 служилыми был убит камчадалами на реке Аваче, но Иван Козыревский не отказался от затеи побывать на Курильских островах и в 1713 году во главе 55 служилых и 11 камчадалов ещё раз отправился «для проведывания морских островов и Японского государства». Козыревский на этот раз посетил два острова – Шумшу и Парамушир/возможно, побывал и на третьем – Онекотане/. Он составил «чертёж как Камчадальского носу, также и Морским островам, коликое число до Матмайского и Нифона островов неведомо...», и собирал ясак, по тем временам невиданный.

Здесь стоит упомянуть несколько слов об Иване Козыревском, как о незаурядной личности, прожившего богатую на события жизнь. В 1717 году Козыревский постригся в монахи и стал монахом Игнатием в Успенской обители – между устьем реки Камчатки и Нижнекамчатским острогом, но однажды неосторожно высказавшись об убийстве Владимира Атласова и о властях на Камчатке, впал к ним в немилость и его арестовали.

В Якутске Козыревскому удалось оправдаться, и в 1721 году он строил Покровский, а в 1722 году Спасский монастырь. Затем он опять попался – присвоил деньги, и в том же Спасском монастыре был посажен на цепь. В 1724 году он бежал, а после побега просился на Курилы и в Японию. В Якутске 6 июня 1726 года с ним беседовал сам Витус Беринг! Козыревский представил Берингу историю проведывания Камчатки, Курил и чертёж Камчадальского носа с Морскими островами, но в экспедицию его не взяли. Вместо Курильских островов Козыревский на судне «Эверс» в 1727-1729 годах ходил по Лене до устья. В 1730 году он поехал в Москву, там добился у сената решения о постройке Успенского монастыря на Камчатке и об ассигновании на это 500 рублей, а затем опять всплыло дело об убийстве Атласова, и как ни доказывал Козыревский, что он хотя и был в заговоре, но сам никого не убивал, ничего не помогло. Оказавшись в Московской тюрьме, он скончался там 2 декабря 1734 года.

После путешествия Атласова походы русских людей из Якутска на Камчатку стали обычным делом, но все они были сухопутными вдоль берега Охотского моря, в обход Пенжинского залива, и требовали много времени. От Якутска до Анадырского острога только шли полгода! Да и, кроме того, такие путешествия были очень трудны как для самих путешественников, так и для местных жителей, которым приходилось обеспечивать приезжающих всем необходимым. С 1703 по 1716 год по дороге из Анадырска на Камчатку погибло около двухсот человек, поэтому возник вопрос об отыскании морского пути на Камчатку.

В 1713 году Пётр 1 подписал указ об отыскании морского пути на Камчатку, повелев прислать из Петербурга в Охотск опытных мореходов и кораблестроителей, выходцев из Охотска. По размаху принимаемых правительством мер можно было судить о том значении, какое придавалось регулярному мореплаванию из Охотска на Камчатку и обратно. В состав экспедиции вошли: начальник Кузьма Соколов, опытные мореходы во главе с Никифором Треской да 21 служилых с пятидесятником Михаилом Кривоносовым. Экспедиция прибыла в Охотский острог 23 мая 1714 года и весь 1715 год ушёл на постройку лодьи «Восток», длина которой была восемь с половиной сажень, ширина три, осадка три с половиной фута. Эта лодья – была первая, построенная в Охотске, да и вообще на всём море-океане Восточном русскими мастерами-кораблестроителями.

В июне 1716 года экспедиция отправилась в неизвестный путь, не без приключений всё-таки добралась до Камчатки, зазимовала там, а в мае 1717 года пустилась в обратный путь, прибыв в Охотск 8 июля. Морской путь на Камчатку был открыт. А. С. Пушкин писал об экспедиции Соколова-Трески: «Открытие пути через Пенжинское море имело важное следствие для Камчатки. Суда с казаками приходили ежегодно, экспедиции следовали одна за другою, и искать неведомые земли стало проще, для чего необязательно было совершать путешествие до Анадырского острога, а потом ехать через всю Камчатку».

В 1719 году по указу Петра 1 снаряжается экспедиция, в которой впервые участвуют геодезисты, окончившие курс наук в Морской академии, первые флотские офицеры, прибывшие на Тихий океан – Иван Михайлович Евреинов и Фёдор Фёдорович Лужин.

В открытой инструкции от 2 января 1719 года говорилось: «Ехать вам до Tobольска и от Tobольска взять провожатых ехать до Камчатки и далее куды вам указано. И описать тамошние места, где сошлася ли Америка с Азиею, что надлежит зело тщательно зделать не только сюд и норд, но и ост и вест, и всё исправно на карту поставить». Кроме того, геодезисты имели секретную инструкцию – «... и далее куды вам указано». Курильские острова были особым предметом их исследований.

Плавание было совершено на той же самой соколовской лодье «Восток». Она вышла из Охотска в сентябре 1720 года под командой Кондратия Мошкова и Андрея Буша, благополучно подошла к берегам Камчатки и зазимовала в реке Иче, а ранней весной перебралась в Большерецк.

22 мая 1721 года экспедиция покинула Большерецк и направилась к шестому острову Курильской гряды. Описание этого плавания не сохранилось. О нём можно судить лишь по некоторым документам да по составленной карте. Ясно одно: экспедиция осмотрела первые шесть островов. На острове Райкоке искали таинственную серебряную руду, о которой доносил в своё время Козыревский, пытались найти эту руду на следующих островах, а может быть, отыскивали морской путь в Японию. Геодезисты осмотрели острова Матуа, Расшуа, Ушишир, Кетой и стали на якорь у острова Симушир. Штормом сорвало лодью с якоря, долго носило по морю и на седьмые сутки принесло к острову Парамушир. Ничего больше не оставалось делать, как идти на Камчатку. В конце июня лодья пришла в Большерецк.

Двадцать лет потребовалось для того, чтобы освоить Камчатку, проложить туда морской путь и нанести на карту Курильские острова, открытые Иваном Козыревским.

В 18 веке наступление русских на Востоке России успешно продолжалось. За кратчайший исторический срок, менее чем за одно столетие, русские землепроходцы сумели пройти всю Сибирь, выйти к берегам Тихого океана, обосноваться на севере Сибири и завершить свои походы крупнейшим географическим открытием Федота Попова и Семёна Дежнёва, подтвердившим предположение, что Азия отделена от Америки проливом.

Но требовалось завершить и научно обосновать все открытия первых землепроходцев в 17 веке. Сведения о великом географическом открытии Дежнёва и Попова в течение длительного времени были похоронены в сибирских архивах. Учёные в России и в Европе не имели ясного

представления о том, соединяется ли Азия с Америкой или между ними есть пролив и, следовательно, возможно ли плавание из Северного Ледовитого океана в Тихий океан. Слухи о Японии, Курильских, Шантарских островах, о близком соседстве Америки с российскими владениями доходили до Европы и требовали подтверждения. Россия была жизненно заинтересована в этом. И Пётр 1 незадолго до своей смерти, 23 декабря 1724 года подписывает указ о снаряжении экспедиции, которую должен возглавить офицер русского флота Витус Ионссен Беринг. Причём, в 1724 году Беринг по неизвестным причинам вышел в отставку в звании капитана 2-го ранга, но вскоре специальным указанием Петра был возвращён на флот с чином капитана 1-го ранга.

Экспедиция отправилась из Петербурга в Охотск в начале 1725 года, а прибыла туда только в январе 1727 года. Летом 1727 года спустили на воду построенный в Охотске шитик «Фортуна», другое же судно, названное «Святой Гавриил» - в июне 1728 года. В июле 1728 года экспедиция вышла в море и направилась к устью Анадыря.

Войдя в пролив, называемый теперь Беринговым, и достигнув широты 65 градусов 30 минут, Беринг 13 августа собрал совет офицеров, чтобы обсудить, что делать дальше. Из-за густого тумана при прохождении пролива с судна не был замечен американский берег, поэтому нужно было принять решение о дальнейших планах экспедиции.

На совете лейтенант М. П. Шпанберг, назначенный помощником Беринга, предложил плыть на восток до 16 августа и затем повернуть обратно, считая, что если и дальше нигде не будет видно американской земли, то, следовательно, она не соединяется с азиатской.

Другого мнения придерживался лейтенант А. И. Чириков, второй помощник Беринга в этой экспедиции, который настаивал на плавании вблизи берега до тех пор, пока судно не подойдёт к устью Колымы. В этом случае было бы совершенно точно доказано существование пролива между Азией и Америкой. Но начальник экспедиции послушался совета Шпанберга, и «Святой Гавриил», добравшись до широты 67 градусов 18 минут, то есть, находясь уже в Чукотском море, повернул обратно.

В проливе между Азией и Америкой судно снова застиг густой туман, и увидеть берега Америки на этот раз тоже не удалось. В проливе был открыт остров Диомид/на самом деле там два острова и скала; другое их название – острова Гвоздёва/.

1 сентября экспедиция возвратилась в Нижнекамчатск, где и зазимовала. В следующем году Беринг предпринял ещё одну попытку пройти на восток в поисках земли, о которой он слышал от Козыревского, когда был на Камчатке, но помешали сильный ветер и туман. Беринг дошёл морем до Большерецка, а оттуда 23 июля 1729 года прибыл в Охотск. В марте 1730 года после пятилетнего отсутствия экспедиция возвратилась в Петербург.

Несмотря на то, что экспедиция не разрешила окончательного вопроса о существовании пролива между Азией и Америкой, значение её было

велико. Беринг представил много очень интересных этнографических сведений о якутах, чукчах, камчадалах, коряках. Экспедиция произвела несколько точных астрономических наблюдений и составила карту Чукотки на основе достоверных данных. В течение пяти лет в судовом журнале накопилось не малое свидетельство о географических открытиях, но труднообъяснимая особенность записей в нём состояла в том, что моряки «Святого Гавриила», за редким исключением, не присваивали собственных названий всем впервые увиденным или положенным на карту географическим объектам, а предпочитали описательные названия: «зюйдовый угол острова высокого, горы каменная» и т. д. Совершенно естественно, что более поздние мореплаватели, в том числе и иностранные, ошибочно считая себя первооткрывателями, давали этим же географическим объектам свои названия...

Первая экспедиция Беринга была разведкой, прологом к дальнейшим исследованиям Северо-Востока Азии. Сам Беринг хорошо это понимал и писал по возвращении, что «Америка, или иная, между оной лежащая земли, не очень далеко от Камчатки...

Не без пользы было, чтоб Охотской или Камчатской водяной проход, до устья реки Амура и далее, до Японских островов, выведывать...

Ежели за благо рассуждено будет, северные земли или берег от Сибири, а именно от реки Оби до Енисея, а оттуда до реки Лены, к устьям оных рек можно свободно и на ботах или сухим путём выведывать».

В этих словах Беринга заключается суть его проекта, поданного по прибытии в Петербург в Адмиралтейств-коллегию и озаглавленного «О мерах к устройству Охотского края и Камчатки, о проведывании пути к Америке и Японии для учреждения с оными странами торговли и о проведывании северного берега Российской империи между Обью и Леной».

В проекте Беринг предусматривал многие мероприятия по устройству Охотско-Камчатского края и Чукотки и выдвигал требование о создании сильного военного и торгового тихоокеанского флота, предполагал устройство в Охотске порта.

Проект был одобрен и 16 марта 1733 года последовал именной указ об организации экспедиции, которая теперь по праву называется Великой Сибирско-Тихоокеанской экспедицией. Начальником её вновь был назначен Беринг, помощниками – прекрасно себя зарекомендовавшие А. И. Чириков и М. П. Шпанберг. Экспедиция эта являлась грандиозным предприятием, общий состав участников её доходил почти до шестисот человек. Главный отряд, называемый иногда Второй Камчатской экспедицией, под непосредственным руководством Беринга и Чирикова должен был отправиться к берегам Америки и исследовать северную часть Тихого океана; отряд, руководимый Шпанбергом, описать Курильские и Шантарские острова, а затем идти к Японии и постараться завести с японцами дружественные сношения. Кстати, вместе с Берингом в плавание отправился натуралист Стеллер, благодаря которому впоследствии и была названа

небезызвестная всем морская корова, а также в отряде находился будущий известный исследователь Камчатки С. П. Крашенинников.

Беринг прибыл в Якутск в октябре 1734 года, ещё раньше туда прибыл Шпанберг, вскоре отправившийся в Охотск подготовить суда, а подготовка в Якутске к отправлению в Охотск всего необходимого продолжалась три года. Достаточно сказать, что для пропитания участников экспедиции требовалось в год 16000 пудов различных продуктов. Доставляли их сначала в Якутск, а оттуда в Охотск. Такие тяжёлые предметы, как, например, железные якоря и бухты каната для кораблей, приходилось распиливать или разрубать на части, перевозить в таком виде в Охотск и там снова соединять или сращивать. Тысячевёрстный путь от Якутска до Охотска таил на каждом шагу опасность. Дорога проходила горными тропами, и пробираться по ним можно было только верхом на лошадях. Таким путём перевозили все грузы. Многочисленные горные речки и реки приходилось переходить вброд. Метеорологические условия тоже были очень сложными.

Все участники Тихоокеанской экспедиции собрались в Охотске к осени 1737 года. Там под наблюдением Шпанберга были выстроены два новых судна: бригантина «Архангел Михаил» и дубель-шлюпка «Надежда», а также отремонтированы старые боты «Святой Гавриил» и «Фортуна», на которых Шпанберг и вышел в плавание к Курильским островам и берегам Японии 18 июня 1738 года.

К началу 18 века берега Японского моря были ещё не обследованы. На картах крайней северо-западной части Тихого океана господствовала необычайная путаница. Некоторые из них изображали восточнее японских островов несуществующую землю Гамы, другие присоединяли остров Хоккайдо к Америке, третьи отождествляли его с Камчаткой. Первое выяснение местоположения островов Японии и их частичная съёмка обязаны трудам именно Великой северной экспедиции. В мае 1739 года М. Шпанберг на трёх судах вышел из Большерецка и подошёл к берегам Японии на широте 39 градусов. Повернув к югу и не найдя никаких признаков земли Гамы, он высадился на берег под 38 градусом 20 минутами северной широты, впервые сделав попытку познакомиться с японцами, принявшими его с большим гостеприимством. Лейтенант Вальтон, командовавший другим судном экспедиции Шпанберга, подходил к японскому берегу под 35 градусом 10 минутами северной широты и обследовал его до 33 градусов 30 минут северной широты. В 1742 году Шельтинг – третий участник отряда Шпанберга – подошёл к восточному берегу острова Сахалин на 50 градусах 10 минутах северной широты и обследовал его до пролива Лаперуза. Эти мореплаватели совершили весьма важные для того времени географические открытия. Они нанесли на карту Курильские острова, доказали отсутствие земли Гамы, нашли путь к Японии с севера и положили на карту её восточные берега. Позднее, в 1745 году, вновь полученные материалы были использованы при составлении Академического Российского Атласа, на

котором Курильские острова, берега острова Сахалин и Японии нанесены по данным Шпанберга.

В то время как Шпанберг с товарищами уже начал свои морские исследования, на охотских верфях для главного отряда экспедиции строились двухмачтовые пакетботы «Святой Пётр» и «Святой Павел», которые в июне 1740 года были спущены на воду, а в сентябре вышли в море. Пакетботом «Святой Пётр» командовал Беринг, а пакетботом «Святой Павел» - Чириков. Суда благополучно двигались на юго-восток, чтобы выяснить, существует ли мифическая земля да Гамы, но во время сильного шторма они потеряли друг друга из виду.

Беринг решил двигаться на северо-восток, и после трёхнедельного перехода, находясь в широте 58 градусов 14 минут, моряки увидели на горизонте высокие горы. Это была Америка.

20 июля подошли к острову Каяк/Беринг назвал его островом Св. Ильи/. На берег был послан «для сыскания гавани» Софрон Хитрово с командой из 15 человек. На другой шлюпке на остров был высажен натуралист Г. Стеллер в сопровождении казака Фомы Лепихина. В течение шести часов Стеллер сумел произвести многочисленные наблюдения, собрать богатые коллекции, сделать ценные находки.

Беринг торопился с выходом. Его беспокоил обратный путь. В ответ на нападки Стеллера он с горечью заметил: «... Мы воображаем, что всё открыли, и строим воздушные замки; а никто не думает о том, где мы нашли этот берег? Как ещё далеко нам до дому? Что ещё может с нами случиться? А берег нам незнакомый, чужой, провианта на прозимовку не хватит...».

На рассвете 21 июля пакетбот «Святой Пётр» снялся с якоря и взял курс на юго-запад, придерживаясь берегов Америки. 26 июля прошли близко от острова Кадьяк, который был виден с судна. 2 августа открыли остров Укамок. Условия плавания ухудшились. Из-за недостатка свежей пищи появились больные, началась цинга. В конце августа умер матрос 2-й статьи Никита Шумагин. Его похоронили на одном из островов, названных Шумагинскими. Во время стоянки у этого острова впервые встретились с жителями Алеутских островов – алеутами, которые подъезжали к судну на байдарках. Несмотря на то, что времени было мало, Стеллер, Ваксель и Хитрово сумели и здесь произвести достаточно точные и подробные наблюдения.

Путь от Шумагинских островов к Камчатке становился всё более трудным. Начался сентябрь, а с ним и штормовая погода. С 8 сентября штормы почти не прекращались, а 23 сентября разразился шторм такой силы, что старый штурман Эзельберг, избородивший все моря и океаны, признавался, что не видывал в своей жизни ничего подобного. Положение судна было тяжёлым. Большая часть команды болела, не хватало воды и продуктов, члены экипажа, даже не больные цингой, были до того измучены качкой, что не могли ничего делать. С каждой новой волной ожидали гибели судна.

Наступил октябрь. Бури не утихали, люди умирали один за другим. К концу месяца скончались от цинги и голода двенадцать человек. Тяжело заболел капитан Беринг. Он не мог подниматься, и управляли судном Ваксель и Хитрово.

Два месяца непрерывных мучений, когда не было возможности ни лежать, ни сидеть, ни стоять, в конце измотали людей, да и смерть товарищей угнетала оставшихся в живых. Мало кто надеялся возвратиться на Камчатку. Понятна была поэтому радость, когда 4 ноября увидели перед собой прямо по курсу на расстоянии около 15 миль высокую землю. Всем хотелось, чтобы это была Камчатка. Многие даже узнавали очертания берегов.

Вечером 5 ноября пакетбот «Святой Пётр» выбросило на берег. Это был остров – теперь остров Беринга в группе Командорских островов. Стали готовиться к зимовке: нарыли землянок, запасались топливом. Остров был богат морским зверем. Больше всего пришлась по вкусу морская корова, описанная Стеллером.

Всё было подчинено единственному желанию – выжить. Но был человек, который не только выжил, но и упорно занимался изучением того клочка земли, на который волей судеб они были заброшены. Даже в этих страшных условиях учёный оставался учёным. Этим человеком был Георг Вильгельм Стеллер. Впоследствии он напишет: «Я был один, под открытым небом, должен был сидеть на земле, мне мешали холод, дождь, снег и часто беспокоили звери; у меня не было нужных инструментов, и при том, я не надеялся, чтобы когда-нибудь моя работа сделалась известной и принесла кому-нибудь пользу». А сделать он успел многое. Менее чем за год учёный собрал большой гербарий и описал 224 вида растений. Чтобы оценить это, следует напомнить, что сейчас полный список всей флоры островов насчитывает около 400 видов. Здесь же, на острове, им была написана работа «О морских животных», в которой он впервые описал легендарную морскую корову, сохранившуюся только на этих островах и впоследствии выбитую поголовно. Ныне это единственное подробное описание громадного животного.

Такие тяжёлые испытания были уже не под силу больному шестидесятилетнему капитан-командору Берингу, и 19 декабря 1741 года он скончался. «В яме/землянке/, в которой он больной лежал, песок со сторон всегда осыпался, заваливая у него ноги, коего он напоследок больше огребать не велел, сказывая, что ему от того тепло, а впрочем де он согреться не может. И так песку на него навалилось по пояс; а как скончался, то надлежало его из песку вырывать, чтоб тело пристойным образом предать земле», - вспоминал Г. Ф. Миллер.

Сорок шесть человек благополучно перезимовали, а весной 1742 года из остатков пакетбота и из плавника начали строить новое судно, которое летом было готово. 13 августа вышли к берегам Камчатки, а 26 августа почти на вёслах вошли в Петропавловскую гавань, где все считали их погибшими.

Стеллер был незаурядным учёным и необыкновенно трудолюбивым человеком. После столь трудной зимовки он, будучи больным, всё же нашёл в себе силы продолжить исследования на Камчатке, где сменил Крашенинникова. Уже возвращаясь в Петербург, он успел завершить свой последний труд «Путешествие от Камчатки к Америке вместе с капитан-командором Берингом». Но силы были подорваны, и уже ничто, даже работа не смогли поддержать его. Стеллер умер в Тюмени в 1746 году, так и не добравшись в столицу и не увидев опубликованными свои труды.

Разлучившись с Берингом 20 июня, Чириков продолжал путь самостоятельно сначала на восток, а потом на восток-северо-восток. 15 июля увидели землю. В журнале Чирикова есть запись: «В 2 часа пополудни впереди себя увидели землю, на которой горы высокие, а тогда ещё не очень было светло, того ради легли на дрейф; в 3-м часу стало быть землю свободнее видеть». Это была Америка. Пакетбот находился вблизи мыса Аддингтона острова Бейкер в широте 55 градусов 20 минут. Чириков послал к берегу шлюпку со штурманом А. М. Дементьевым. Она не вернулась. Искали её неделю и затем послали вторую – с боцманом Сидором Савельевым. Но не возвратилась и вторая шлюпка. Гибель посланных так и осталась загадкой.

Чириков долго ещё был у берегов Америки, но продовольствие кончалось, и 6 августа пакетбот пошёл к Камчатке. На обратном пути открыли несколько островов Алеутской гряды: Умнак, Уналашку и другие. 20 сентября с острова Адак в группе Андреяновских островов приезжали на байдарках «американцы». В начале октября был открыт остров Агатту из группы Ближних островов. Чириков, как и многие из команды, был болен. Пакетбот вёл штурман Иван Фомич Елагин. Вскоре умерли офицеры И. Чихачёв и М. Плаутин. Лишь 22 октября удалось войти в Петропавловскую гавань. Из 75 человек возвратилось 51, а из офицеров только двое – Чириков и Елагин.

После смерти Беринга экспедицию возглавил Чириков, который ходил на поиски пакетбота «Святой Пётр», был рядом с островом Беринга и не знал, что там лихорадочно готовятся, строят судёнышко, чтобы добраться до Камчатки. Так ему и не удалось найти товарищей – они добрались сами.

Героическое плавание русских моряков завершилось открытием Северной Америки со стороны Тихого океана и открытием Алеутских островов, а отряды Великой Сибирско-Тихоокеанской экспедиции в это время заканчивали свои работы по описи всего северного побережья Сибири. Инициатор, организатор и руководитель экспедиции Витус Беринг до конца исполнил свой долг перед Родиной. На всех картах мира море, по которому он плывал, носит имя Беринга; пролив между Азией и Америкой назван Беринговым, острова, куда выбросило пакетбот «Святой Пётр», называются Командорскими, а остров, где отважный капитан-командор нашёл вечный покой, именуется островом Беринга.

Привлекая к себе пристальное внимание отважных русских путешественников, смелых и предприимчивых землепроходцев – людей, бескорыстно преданных делу служения своей отчизне, Дальний Восток начинает будоражить умы и у деятелей культуры. Желание проникнуть в дальневосточные земли морским путём высказывают в 18 веке – М. В. Ломоносов, а в 19 веке – Д. Н. Менделеев, представляя правительству свои докладные записки. Так, к экспедиции капитана Чичагова, состоявшейся в 1765 году, М. В. Ломоносов подготовил «Примерную инструкцию морским командующим офицерам, отправляющимся к поисканию пути на восток Северным Сибирским океаном», в которой присутствовала любопытная деталь: Ломоносов предлагал «для признания в близости земель взять со Шпицбергена на каждое судно по несколько воронов или других птиц, кои на воде плавать не могут, и в знатном отдалении от берегу пускать на волю. Ибо когда такое животное увидит землю, в ту сторону полетит; а не видя земли и уставши опять на корабль возвратится».

Очень трогает и поэтическое высказывание Михаила Васильевича об освоении русскими Тихого океана, которое он написал в 1752 году:

«Напрасно строга я природа
От нас скрывает место входа
С берегов вечерних на восток.
Я вижу умными очами:
Колумб российский между льдами
Спешит и презирает рок».

Главное, что в его словах звучит удивительная радость: Тихий океан открывают отважные люди, которые описывают свои открытия в воспоминаниях и отображают в картах, и то, что его соотечественники побывали на краю Земли первыми – его необыкновенно воодушевляет.

Хвала неукротимому человеческому духу, и морю, и всей Природе за то, что были Семён Дежнёв и Михаил Васильевич Ломоносов, Василий Поярков и Иван Козыревский, Витус Беринг и Георг Вильгельм Стеллер! Они обессмертили свои имена только тем, что были честными по отношению к самим себе и самому главному в жизни, на свой страх и риск устремившись в неведомые дальневосточные земли. «Государству не может быть иначе яко к пользе и славе, ежели будут такие в нём люди, которые знают течение тел небесных и времени, мореплавание, географию всего света и своего государства», - было записано в Регламенте Академии Российских наук в 1747 году. Будьте же честными по отношению к себе и вы, все читающие эти строки, и подумайте о том хорошем, чего вы всегда желали достичь, но по каким-то причинам не совершили этого.

Но, несмотря на подвиг отважных участников Великой Тихоокеанской экспедиции и её замечательные итоги, открытия Дальнего Востока на этом не прекратились. Историю освоения Охотского моря, его побережий в 18 веке невозможно представить и без имени Фёдора Ивановича Соймонова – учёного-гидрографа, администратора и политика, ещё в 1722 году

предлагавшего Петру 1 заняться исследованием Северо-Востока России. В своё время Соймонова приговорили к смертной казни по обвинению в государственной измене, но затем сослали на Дальний Восток. В сентябре 1741 года бывший коллежский прокурор, виднейший гидрограф и картограф России, автор крупных трудов по теории и практике мореплавания, составитель атласов Каспийского и Балтийского морей в качестве колодника прибыл в Охотский острог. Вскоре, однако, он был помилован и возвратился в подмосковную деревню. Через 11 лет вынужденного бездействия он вновь принимается за дело. На 61-м году жизни Соймонов возглавил Нерчинскую экспедицию с целью возобновления работ камчатских экспедиций Беринга. Для России в тот исторический момент стало крайне необходимо обеспечить беспрепятственные плавания по Амуру и морем к Охотскому и Удскому острогам. Предстояло войти в контакт с жителями новых, неизвестных ещё мест, и склонить их в подданство российское.

Кстати, русские казаки, собирая с местного населения ясак, в то же время брали их под свою защиту от японских и американских браконьеров. Многие айны, например, уже во время плавания Шпанберга в 1739-40 годах были обращены в христианство. По ревизии, проведённой в 1781-87 годах, все айны Курильских островов считались православными.

Особые интересы царского правительства на Дальнем Востоке привели даже к отмене в 1779 году всяких сборов ясака с населения Курильских островов и Приамурья. «Курильцев, - писала Екатерина 11, - оставить свободными и никакого сбора с них не требовать, да и впредь обитающих тамо народов к тому же не принуждать...»

Что же касается Фёдора Ивановича Соймонова, то став сибирским губернатором, он прилагает много усилий к развитию судоходства по Охотскому морю и северной части Тихого океана, изучению Курильских островов, и специализации хозяйствования на Северо-Востоке России с учётом размещения местных природных ресурсов. Вернувшись в Москву, он предлагает правительству проявить заботу об интенсификации земледелия на Камчатке.

Вообще, по праву первооткрывательства, новые земли, а также вновь открытые Алеутские острова и Шантары, вместе с островом Ионы, обнаруженным к северу от Сахалина экспедицией И. И. Биллингса и Г. А. Сарычева, естественно становились собственностью России. Общая их площадь поражала современников своими размерами: она составляла свыше полутора миллионов квадратных километров! Полвека спустя, в 1799 году, для освоения богатств этого огромного края по инициативе «Коломба русского», рыльского купца Григория Шелихова – человека большого, государственного кругозора, основывается Российско-Американская компания, в последующем способствовавшая укреплению позиций России на тихоокеанских берегах, а также географическому изучению и освоению этих территорий. Имея право «... на монопольное использование как прежних русских открытий в северной части Тихого океана, так и на дальнейшие

открытия, торговлю и освоение земель, не занятых другими державами, от 55 градуса северной широты на американском побережье до Берингова пролива и за оный, а также на островах Алеутских, Курильских и других», она надолго становится самым восточным российским форпостом. И хотя главной своей целью вновь утверждённая компания ставила в первую очередь получение пушнины и промысел морского зверя, она в тоже время организует заселение Алеутских островов, а также и американского побережья. С этой целью основываются прекрасные гавани: Трёх Святителей, Николаевская, Константиновская, Павловская, Деларовская, Капитанская и другие. Строится крупный порт Ново-Архангельск, закладывается крепость Росс. На огромном американском побережье от Аляски до северной Калифорнии воздвигаются десятки русских поселений, крепостей и редутов.

Предпринимая попытки завести хлебопашество, скотоводство и промыслы, компания в ещё большей степени способствует укреплению позиций России на Тихоокеанском побережье, распространяя тем самым русское влияние на всё северо-западное побережье Америки. Но только ли русские первооткрыватели обессмертили в походах свои имена, которые были увековечены на географических картах, в названиях островов и заливов, мысов и бухт дальневосточных морей?

Ещё в середине 17 века, в 1643 году, голландцем Фризом был открыт один из островов Малой Курильской гряды – Итуруп. На исходе 18 века в Охотское море заглянули англичанин Кук и американец Броутон, а в водах северной части Тихого океана, примерно в это же время, начинают появляться английские и американские купцы с промышленниками. Выменивая в русских колониях пушнину контрабандным путём и выгодно сбывая её в китайский порт Кантон, они тем самым подрывали традиционное развитие русско-китайской торговли через Кяхту. Кроме того, не довольствуясь контрабандной торговлей, американцы и англичане, снабжая местные племена порохом и свинцом, нередко подстрекали их к вооружённым нападениям на русские поселения.

Когда во Франции уже назревала Великая буржуазная революция, 1 августа 1785 года из гавани Бреста, расположенного на французском Атлантическом побережье, отправились в научное кругосветное путешествие два фрегата – «Буссоль» и «Астролябия», возглавляемые известным французским учёным Жаном-Франсуа Лаперузом, чтобы через несколько лет на картах Дальнего Востока появились имена его отважных соратников – Крильон, Жонкиер, Ламанон и Де-Лангль... Кстати, в список участников экспедиции тогда не внесли имя одного из учеников Парижской военной школы, отчего он был сильно опечален, даже разгневан, и это был ни кто иной, как Бонапарт...

Из Лоций Японского и Охотского морей, по которым тоже происходило моё знакомство с Дальним Востоком, я узнавал названия неведомых ещё мысов, островов и заливов, сравнивая их впоследствии с

увиденным... Благодаря их наименованиям здесь ощущалось постоянное присутствие бесстрашных первооткрывателей, в честь которых они были названы. В этих, казалось бы, не подходящих для французов местах именно Жан-Франсуа де Гало Лаперуз проник из Японского моря в Татарский пролив до 51 градуса 30 минут северной широты. Следуя вдоль берега Сахалина от мыса Жонкиер на юг до мыса Крильон и открыв на пути остров Монерон, Лаперуз прошёл между Хоккайдо и Сахалином к Камчатке, откуда уже повёл свои фрегаты к островам Самоа.

Именно он увековечил имена своих соратников и видных людей Франции, придавших впоследствии неповторимый колорит уголку дальневосточной природы. Обнаруженному им у юго-западного побережья Сахалина острову Лаперуз дал имя инженера экспедиции – Монерон. Залив в северной части Татарского пролива получил название благодаря морскому министру Франции – Де Кастри. Нетленный дух члена Туринской академии наук Ламанона до сих пор витает над небольшим мысом в средней части западного побережья острова. Непревзойдённой чести был удостоен капитан одного из судов экспедиции – Де Лангль. И наконец, Крильон – знаменитый французский генерал, участник Семилетней войны – своей дерзостью и умом дал повод обозначить собой на карте южную оконечность Сахалина. Имя самого Лаперуза соединило два достойных друг друга моря – Японское и Охотское.

Наличие французских имён будто обогатило эти берега, вдохнуло в них недостающую жизнь. Но чем дольше находился я там, тем более понимал, как хороши они сами по себе, в своей невзрачной, незаметной красоте.

А между тем освоение этих дальневосточных красот продолжалось, и, конечно, время требовало иных путей освоения неисчислимых богатств удивительного края. Поводом к возникновению русских кругосветных плаваний послужило неудобство снабжения российско-американских владений сухим путём, через Сибирь, и осуществили их первыми капитаны Иван Фёдорович Крузенштерн и Юрий Фёдорович Лисянский. В 1803 году два судна Российско-Американской компании «Надежда» и «Нева» вышли под командой выдающихся мореплавателей в кругосветное путешествие. Экспедиция наряду со многими гидрографическими и океанографическими поручениями должна была доставить посольство в Японию. Обогнув мыс Горн и пересекши Тихий океан, Крузенштерн 2 июля 1804 года прибыл в Петропавловск-Камчатский, отсюда – в Нагасаки, и после пятимесячного пребывания в Японии приступил к съёмке западного берега Японского моря до пролива Лаперуза, чрез который он вышел в Охотское море, продолжая съёмку южного и восточного берегов острова Сахалин.

Кстати, ещё в 1786 году, задолго до плавания Крузенштерна и Лисянского, состоялся указ о снаряжении экспедиции для плавания кругом

света. Начальником её был назначен капитан Г. И. Муловской. Но по случаю войны с Швецией и Турцией экспедиция была отложена.

Будучи определённым ещё 15-летним пареньком в Морской корпус с обычными для екатерининских времён грубыми нравами, казённой муштрой и изошрённой бранью, которые неизмеримо тяжело переносились подростками и юношами, Иван Фёдорович уже в этих жестоких условиях жил мечтой о морской жизни, о боевых кораблях и дальних плаваниях, о борьбе со стихией и героических подвигах.

Впоследствии, как истинный патриот, он подавал докладные записки царю Павлу 1 о необходимости для России строить корабли на русских верфях в Балтийском море, грузить их всевозможными товарами для Русской Америки и направлять мимо мыса Горн через Тихий океан к Аляске и Алеутским островам. Разгруженные же на Севере суда должны были, по его мнению, принимать пушнину и доставлять её для продажи в Китай, где возможно также закупать китайские товары, затем суда возвращаются в Россию, обгибая Африку. Для того времени это являлось необычайно смелым предложением, которое не было услышано, и только при новом царе Александре 1, бывшим даже пайщиком Российско-Американской компании, проект Крузенштерна вспомнили, сам он был вызван из Ревеля и ему предложили отправиться морем в северную часть Тихого океана для установления морской торговли с Китаем и Японией.

Иван Фёдорович тщательно готовился к дальнему плаванию. Помимо экономических целей, он предусматривал обширную научную деятельность экспедиции, а для этого поддерживал связь с Академией наук, был избран в члены-корреспонденты Академии наук и в течение всего трёхлетнего плавания присылал туда свои научные заметки и многочисленные коллекции, вёл переписки со многими русскими учёными.

Иван Фёдорович, как всякий настоящий капитан, любил и уважал русского матроса, ценил в нём умение, сноровку, смелость и выносливость – те качества, которые необходимы моряку. Перед своим кругосветным плаванием, начавшимся 26 июля 1803 года, когда «Надежда» и «Нева» вышли из Кронштадта, он сумел выхлопотать матросам жалованье: 120 рублей в год. В те времена, когда на корабли набирали матросов из крепостных, не спрашивая о их желании, это был первый и совершенно исключительный случай. Вся команда была снабжена хорошим платьем. Запасы провизии отличались прекрасным качеством и даже были взяты противоцынготные средства. Вообще, в своих докладных записках Павлу 1, Иван Фёдорович первым предлагает кроме обычных молодых дворян, принимать в морской кадетский корпус ещё по сто человек из других сословий. По мнению Крузенштерна, капитаны флота, из соображений приобретения весьма полезных для государства людей, обязаны выбирать из числа корабельных юнг/подростков/ наиболее способных для определения в корпус.

Каковы же были намерения Крузенштерна в этом первом кругосветном плавании русских моряков к Великому океану? «И так, намерение моё состояло в следующем: обозреть юго-западный и северо-западный берега Японии и определить пролив Сангарский, которого ширина по всем лучшим картам составляет более ста миль, но японцы полагают одну только голландскую милю, или четыре итальянских; исследовать западный берег острова Иессо/Хоккайдо/, отыскать остров Карафуту, который по японским картам должен находиться между Иессо и Сахалином и которого существование казалось мне весьма вероятным; описать с точностью сей пролив и исследовать остров Сахалин от мыса Крильон до северо-западного берега, откуда, если найдётся там хорошее якорное место, намерен я был послать баркас в канал, разделяющий Сахалин от Татарии, дабы, действительно, увериться, возможен или нет проход оным и определить положение устья реки Амура, наконец, пройти новым проливом между Курильскими островами севернее канала Буссоли. Таков был мой план, который удалось исполнить счастливо, хотя и несовершенно. Не нашёл безопасного якорного места у берегов Сахалина, увидели мы, что посылка баркаса сделалась невозможною и внимания достойное исследование осталось неисполненным. Основательное определение западного берега Японии и пролива Сангар должно быть предоставлено пользующимся японскою благосклонностью голландцам, которым, может быть, теперь не поставлено будет в преступление, если осмотрят берега своих приятелей. Берег Кореи от 36 до 42 градуса широты, в настоящее время благодаря предприимчивости европейцев, не останется, конечно, долго в неизвестности. Торговля с населяющим оный до ныне неизвестным народом обещает такие выгоды, которых тщётно искать в Японии. обстоятельнейшее исследование восточного берега Иессо и дальнейших к югу островов Курильских, конечно, будет довершено нашими мореплавателями».

Так писал И. Ф. Крузенштерн, так он мечтал и осуществлял свои мечты, и я глубоко признателен этому человеку за то, что он был. Я бы, наверное, отдал многое, чтобы стать участником его кругосветной экспедиции в качестве обыкновенного матроса, чтобы воочию насладиться лицезрением множества китов возле берегов южного Сахалина, где их сейчас практически встретить невозможно... «Даже и малый залив Лососей наполнен был ими столько, что с осторожностью должно было ездить на берег. Корабль наш при входе в залив и выходе из одного окружён был китами. В заливе Терпения видели мы оных едва ли не более», - писал Иван Фёдорович в своей книге «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Неве». Разве не стоит хотя бы одно это того, чтобы перенестись на двести лет раньше и оказаться с Крузенштерном и его товарищами там, в бухте Лососей, в самой южной части Сахалина?!

В отношении Курильских островов следует заметить, что благодаря плаванию Крузенштерна он открыл среди них четыре каменных острова, названные им «Каменные ловушки». Течение около них было настолько

сильное, что при свежем ветре и ходе 8 узлов корабль не только не двигался вперёд, но его даже относило на подводный риф. Теперь на карте Курильских островов можно видеть проливы Надежды и Крузенштерна, острова Ловушки – память о работе экспедиции в этом районе.

Правда, основываясь на исследованиях уважаемых Иваном Фёдоровичем Броутона и Лаперуза, считавшими, что Сахалин – полуостров, а также собственных неудачных попытках Крузенштерн тоже ошибочно пришёл к выводу, что Сахалин – полуостров и соединяется с материком низменным песчаным перешейком. Он не обратил должного внимания на старые карты Сарычева, составленные им в результате путешествия в 1785-1793 годах, на которых Сахалин был показан островом, и даже сам Г. А. Сарычев, отличающийся большой скрупулёзностью и точностью в своём «Атласе северной части Восточного океана», изданном в 1826 году, показал Сахалин/ссылаясь на Крузенштерна и доверяя его авторитету умелого мореплавателя/ полуостровом. Эта ошибка была окончательно исправлена лишь в 1849 году Геннадием Ивановичем Невельским.

Кстати, здесь следует отметить отношение Крузенштерна к названиям посещённых им островов. Иностранцы обычно давали какие-нибудь свои названия вновь открываемым островам в честь святых или покровителей. Однако, из-за плохой информации и ненадёжных определений их положения, бывало, что одни и те же острова получали разные названия, вследствие чего возникала путаница, карта была усеяна множеством несуществующих островов, которые затем постепенно стирались с неё. Крузенштерн правильно считал, что называть острова надо, по мере возможности, местными названиями, под которыми они значатся у туземцев – тогда будет гораздо меньше неразберихи. Начиная с Крузенштерна, так и делали все русские мореплаватели, которые открыли немало новых островов.

В дальнейшем, после путешествия «Надежды» и «Невы», продолжавшееся 3 года и 12 дней, в первой половине 19 столетия русские совершили ещё около 40 кругосветных плаваний – значительно больше, чем англичане и французы, вместе взятые, и многие из них, такие как Ф. Беллинсгаузен, Ф. Литке, О. Коцебу являлись участниками легендарного плавания И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского.

Героическую эпопею представляет собой также плавание к берегам Сахалина и Курильских островов Гавриила Ивановича Давыдова и Николая Александровича Хвостова. В 1802 году они поступили на службу в Российско-Американскую компанию и прибыли на Камчатку. В том же году на шхуне «Святая Елизавета» эти офицеры совершили переход в Русскую Америку и обратно. В 1802-1803 годах они составили описание островов Алаид, Парамушир, Ширинки, Маканруши, Онекотан с проливами между ними. В 1803-1804 годах они через Сибирь добрались до Петербурга, затем вернулись обратно на Камчатку, а в следующем году на судне «Святая Мария» совершили вторичное плавание в Русскую Америку.

В это время Николай Петрович Резанов – дипломат, которого Александр 1 назначил посланником в Японию для установления дипломатических отношений, один из инициаторов учреждения Российско-Американской компании, находился на Камчатке и разрабатывал план постройки большого порта на острове Уруп с тем, чтобы связать Аляску и Курильские острова с заливом Анива на Сахалине. Получив сведения, что японцы захватили острова Кунашир, Итуруп и хозяйничают в заливе Анива, Резанов, зная самоотверженность офицеров Хвостова и Давыдова, поручает им изгнать захватчиков.

В октябре 1806 года Хвостов на бриге «Юнона» подошёл к заливу Анива, высадился с небольшим отрядом на берег и обезоружил японский гарнизон. Всем японцам он предложил покинуть русскую землю и никогда не появляться здесь, кроме как в целях торговли. Обнаружив на берегу незаконно построенные склады, он сжёг их, а запасы риса и соли раздал айнам.

8/20/ октября 1806 года команда «Юноны» в присутствии большого числа айнов на берегу Анивского залива вблизи нынешнего селения Южное установила русский государственный флаг. Старшине айнского селения Хвостов выдал свидетельство, в котором говорилось: «1806 года октября 12/24 российский фрегат «Юнона», под начальством флота лейтенанта Хвостова, в знак принятия острова Сахалина и жителей оного под всемилостивейшее покровительство российского императора Александра Первого, старшине селения на западном берегу губы Анивы пожаловал серебряную медаль на Владимирской ленте. Всякое другое приходящее судно, как российское, так и иностранное, просим старшину сего принимать за российского поданного. Подписано: Российского флота лейтенант Хвостов. У сего приложена герба фамилии моей печать».

Весной следующего года Хвостов и Давыдов вышли из Петропавловска на судах «Юнона» и «Авось», чтобы утвердить права России на южные Курилы. Как выяснилось позднее, японцы, прослышав после приезда Резанова о богатствах открытых русскими островов, уничтожили на Кунашире и Итурупе наши государственные знаки, убили несколько зверопромышленников и всячески притесняли айнов, называвших себя русскими поданными.

На Итурупе Хвостов и Давыдов, высадившись с горсткой храбрецов, обратили в бегство японский гарнизон. Восстановив государственные знаки на Итурупе и других южных островах Курильской гряды, русские моряки отправились на исследование Хоккайдо. Побывав ещё раз на Сахалине и убедившись, что японцы туда не возвращались, Хвостов и Давыдов вышли в Охотск.

К слову будет замечено, оба отчаянных морехода – Давыдов и Хвостов, пройдя моря и океаны, несуразно погибли не где-нибудь, а в родном Петербурге в 1809 году. Давыдов с Хвостовым допоздна засиделись у друзей по Русской Америке – натуралиста Г. И. Лангсдорфа и судовладельца

Вульффе. Возвращаясь домой, мореходы не успели перейти через Неву – мост уже развели. И тут Давыдов подбил Хвостова на очередное безрассудство: давай перепрыгнем! Но друзья не рассчитали прыжка, и оба утонули в Неве, в своё время беспрепятственно преодолев необъятные пространства Тихого океана...

В 1807 году Российско-Американская компания организует вторую кругосветную экспедицию под командой капитана Василия Михайловича Головнина. 29 июня 1807 года шлюп «Диана» выходит из Кронштадтского порта на Камчатку и прибыв в Петропавловск, Головнин свыше двух лет посвящает изучению Камчатки и Русской Америки. 1 мая 1811 года «Диана» отправляется к островам Курильской гряды.

«Работы Головнина, - писал М. А. Сергеев, - составили целую эпоху в исследовании Курильских островов. Им самим и штурманами Хлебниковым и Новицким определены на Южных Курилах 34 астрономических пункта и произведены описи этих островов; до 1870-х годов Курильская гряда всегда наносилась на карту по съёмкам Головнина. Многим обязана ему историческая география островов. Он внёс окончательную ясность в порядковое исчисление и названия островов. Установленное им в полном согласии с историческими данными исчисление сохранило свою силу до сегодняшнего дня. Все названия южных островов были им проверены путём вопроса населения - айнов, причём были исправлены ошибки Крузенштерна».

Производя описание этих островов, экспедиция дошла до Кунашира. Здесь в бухте, называемой ныне Залив Измены, Головнин, штурман Хлебников, мичман Мур в сопровождении четырёх матросов и переводчика-айна сошли на берег, чтобы запастись водой и продуктами, но были вероломно схвачены японцами и отправлены на Хоккайдо. Из мести за урок, полученный от Хвостова и Давыдова, японцы всячески издевались над группой Головнина, морили русских моряков голодом.

Помощник и друг Головнина лейтенант Пётр Иванович Рикорд принимал все меры к тому, чтобы спасти товарищей. Три раза на корабле «Диана» он подходил к берегам Японии. Только 23 сентября 1813 года, узнав о разгроме Россией наполеоновских войск и опасаясь прихода русских военных судов, японцы освободили русских моряков, продержав их в плену 26 месяцев и 26 дней.

Прибыв на Камчатку, Головнин сушей добрался оттуда до Петербурга. В 1817 году он был назначен снова начальником кругосветной экспедиции, которую совершил на шлюпе «Камчатка». Описание обоих путешествий и книга члена-корреспондента Академии наук, вице-адмирала, писателя В. М. Головнина о пребывании в японском плену, а также исследования адмирала, академика П. И. Рикорда явились крупным вкладом в русскую и мировую науку.

С 1825 года после того, как Российско-Американской компанией были основаны русские посёлки на Шумшу, Симушире и Урупте, начались ежегодные плавания туда компанейских судов.

В освоении природы Охотоморского побережья можно ещё выделить трудное и опасное путешествие академика А. Ф. Миддендорфа, который в 1842-45 годах на кожаной байдаре совершил смелое плавание по морю вдоль западных берегов к Шантарским островам. Во время пребывания в Охотском море Миддендорфом были собраны богатые коллекции моллюсков и других морских животных, описанные им в трудах, до сих пор представляющих крупную научную ценность. Им же были собраны хорошие коллекции по млекопитающим, птицам и пресмыкающимся. Обработка этих данных позволила составить первое представление о характере фауны побережий Охотского моря.

Интересно, что освоение прибрежной полосы и Охотского, и Японского, и Берингова морей началось именно с моря, а приобрело это изучение масштабность и систему в середине 18 века, когда энергичный и опытный офицер русского флота Геннадий Иванович Невельской в августе 1849 года привёл из Кронштадта к устью Амура парусный транспорт «Байкал».

Невельской досконально обследовал устье Амура, и после многих неудачных попыток ему удалось найти фарватер, соединяющий Японское и Охотское моря, и тем самым исправить неверное предположение своего прославленного предшественника – И. Ф. Крузенштерна, что Сахалин – полуостров. Геннадий Иванович Невельской доподлинно установил, что Сахалин является островом. К тому же им была доказана доступность устья Амура для морских кораблей и основан Николаевский пост, выросший впоследствии в главный портовый город Приморской области – Николаевск-на-Амуре.

Понимая важное значение для России прибрежных районов страны, Невельской направил экспедицию под командованием лейтенанта Бошняка для исследования побережья Татарского пролива. А вообще Амурская экспедиция 1849-1854 годов под руководством Невельского проделала огромную работу по описи и гидрографическому обследованию материкового берега Японского моря от нынешнего пролива Невельского до Советской Гавани/бывшая Императорская/, Амурского лимана и западного берега острова Сахалин. На берегу же залива Анива, в Бухте Лососей, членами экспедиции под руководством Д. И. Орлова был основан пост Корсаков – ныне крупнейший порт на Южном Сахалине.

В пятидесятых годах 18 столетия Англия, Франция, Америка и другие государства стали проявлять повышенный интерес к Дальнему Востоку. В Тихоокеанских водах стали появляться иностранные корабли. Залив Посьет впервые был обследован французами в 1852 году. Два года спустя прославленный писателем Гончаровым фрегат «Паллада» под командой адмирала Е. В. Путятина вошёл в залив. Не зная о проведённой французами работе, русские моряки исследовали и описали залив, назвав его в честь одного из офицеров «Паллады» - Посьет. Этой же экспедицией был открыт залив Петра Великого.

В 1858 году с Китаем был заключён Айгунский договор, закрепляющий права России на владения Приамурским и Уссурийским краями, и гидрографические работы на прибрежной полосе Японского моря продолжились. Большой вклад по его изучению внёс военный моряк штурман Василий Бабкин. Имея под своим командованием корвет «Новик», клипер «Разбойник», корвет «Клевала» и паровой буксир, он обследовал и изготовил точные карты огромной прибрежной полосы Японского моря с заливами Петра Великого и Татарского пролива. Сотни географических объектов получили название и были внесены им на карту, талант же писателя Гончарова осветил немеркнущим пламенем славы исследовательскую работу фрегата «Паллада».

Гораздо меньшей известностью пользуется парусно-моторная шхуна «Восток», которая была построена в 1851 году на английской судовой верфи. Шхуна имела стальной корпус и парусное вооружение. Купленная русским морским министерством для исследования малоизвестных берегов Дальнего Востока, она была подвергнута реконструкции с установкой паровой машины. 6 января 1853 года шхуна вместе с фрегатом «Паллада» покинула берега Англии. Суда проделали долгий, полный опасности путь к берегам Приморья и прочно связали свою судьбу с дальневосточными морями. Им предстояло открывать новые острова, мысы, заливы и погибнуть.

Относительно малая осадка, крепкий корпус и паровая машина сделали шхуну «Восток» незаменимой на Тихом океане. С отрядом русских кораблей под командованием адмирала Путятина шхуна побывала в портах Японии, Кореи, Китая, проводила гидрографические исследования у берегов Сахалина. Шхуна первой в июле 1854 года прошла через пролив Невельского из Японского моря в Охотское, доказав его судоходность.

Около трёх десятилетий скромный корабль-труженник бороздил дальневосточные моря, участвуя в гидрографических исследованиях Японского, Охотского и Берингова морей, развозя корреспонденцию и выполняя различные поручения. В 1883 году шхуна была одним из самых старых судов русского флота, производя промеры глубин в районе архипелага островов на стыке Уссурийского и Амурского заливов, а затонула в июне этого же года, налетев на рифы во время шторма у острова Красный. По мнению краеведов, шхуна «Восток» за своё тридцатилетнее исследование морей Дальнего Востока сделала намного больше, чем знаменитый фрегат «Паллада».

К первопроходцам Сахалина, которых в полной мере можно назвать «пионерами», следует отнести и наших русских солдат, потому что они жили на острове до учреждения каторги. На солдатах, по уставу, как их прямая обязанность, лежало исполнение всех работ, которые затем несли на себе каторжане. Остров был не обжит, на нём не существовало никаких строений и дорог, и именно солдаты должны были раскорчёвывать участки под

жилища, осваивать необследованные территории сахалинской тайги, участвовать в транспортировке грузов. Нечего было и думать о какой-либо езде, скажем, верхом, а только пешком, по заваленному валёжинами лесу, через крутые сопки, сквозь густой кедровый стланик и бамбук. Основные усилия в этих нелёгких условиях ложились, таким образом, на плечи солдат.

Солдат на Сахалине служило немного, но они были разбросаны почти по всему западному, южному и юго-восточному побережью. Места их пребывания назывались постами и были, в прямом смысле, оплотами русского государства на далёком дальневосточном острове, имеющем задатки будущей колонии. В то время по всему южному берегу можно было встретить японские дома и сараи, и очень возможно, что это близкое соседство японских построек не обошлось без влияния на русские посты, на их внешность, какие-то еле угадываемые черты, которые затем так же незаметно передавались и последующим поколениям русских на острове. По воспоминаниям очевидцев посты эти имели вид поселений какого-то особенного типа, который, как ни странно, трудно было назвать чисто русским или японским, даже инородным, с налётом жизни коренных обитателей острова – айнов и гиляков, и было им присуще нечто чисто сахалинское.

В каждом посту – по десятку человек, отделённые друг от друга пространством в несколько сот вёрст, отданные под начало унтера, жили эти обитатели русского государства на острове совершенно дико и просто. Уединённость и значительная удалённость предполагали крайне однообразное и скучное существование. Обычно посты находились на берегу моря, куда в летние месяцы приходило судно, оставляло солдатам провиант, обмундирование, инструмент, и уходило. Изредка, может быть, раз-два в год, приезжал священник, зимою же посты были предоставлены самим себе. Какое-то оживление вносил в жизнь присутствие гиляков да несчастья: то беглые нападут, как это случилось с маяком на Крильоне в 1885 году, когда каторжники разграбили всё имущество и убили матроса, бросив его со скалы в пропасть, то какого-нибудь солдата задерёт медведь, то в пургу, которая на острове за обыденность, занесёт весь пост, а иной раз так разыграется море, что унесёт с собой людей или разрушит постройки...

Служба на острове была тяжкая. От отсутствия разнообразия, от стеснённых жилищных условий, от постоянной смены с караула в конвой, а так же на перетаску грузов, солдаты не успевали овладеть военным делом, что, в свою очередь, сопровождалось разного рода недоразумениями и выражением недовольства. Подобное положение дел скорее приравнивалось к наказанию, а за что его должен был испытывать несчастный служивый – оставалось неизвестным. Антон Павлович Чехов в своей книге «Остров Сахалин» писал, что солдаты, гонясь в тайге за беглыми, до такой степени истрёпывали свою одежду и обувь, что однажды сами были приняты за беглых и по ним свои же стреляли.

Как это не прискорбно звучит, но про удивительный и неповторимый Сахалин, называемый сейчас многими старожилками не иначе как «остров сокровищ», во времена существования на нём каторги говорили так: «кругом вода, а в середине беда». Не замечали в нём обделённые свободой люди, к которым, в общем-то, относились и солдаты, необыкновенного простора, который он в себе всегда предполагал, и мечтали только о побеге или скорейшем возвращении на материк, хотя это было и нелегко. Причём, главным препятствием в этом видели как раз ни море, а непроходимую сахалинскую тайгу, непрекращающуюся сырость, по несколько дней кряду метели, болота и комарьё. И всё-таки бежали, даже солдаты, поскольку не искали выхода в покаянии, - тревожила сердце не утихающая в нём жажда жизни. То, что составляет в любом человеке главное – и гнало его к свободе.

А свобода, между тем, была рядом, её просто не замечали из-за постоянной угнетённости духа и, конечно, думали, что истинное счастье – жить в России, на материке, где-нибудь в Екатеринбургской или Вологодской губернии. О Сахалине, о здешнем климате, растительности, море говорили с пренебрежительным отвращением, досадой, а о русском воздухе лесов и равнин как о недостижимом благе. Невозможно было представить, чтобы житьё на острове кто-либо воспринимал за счастье или того пуще мечтал здесь пустить корни, занимаясь исследованием необжитого края. Только бы помереть дома, а не на далёкой чужбине, у непонятного дикого моря: кому была радость тут оставаться!

А свободой был замечательный остров, который невозможно было представить без моря. Море, Татарский пролив, отделяющий Сахалин от материка, пролив Лаперуза, через который почти угадывалась загадочная Япония, сам остров, напоминающий, как утверждали те же старожилы, почему-то рыбу стерлядь, непередаваемый воздух и незабываемый климат, то нечто удивительное и неуловимое, что составляет островную суть, - всё это определяло сахалинскую неповторимость. Но нелегко и не сразу было разглядеть тайну острова, которому предназначалось быть оплотом на пути проникновения людей в ещё более таинственную страну, и потому, став сахалинцем, ты поначалу обращал внимание только на материковый берег в самом узком месте Татарского пролива, между мысами Погиби и Лазарева, что манил своей туманной полоской земли с красивыми горными вершинами и чёрным морем тайги. И разве не являлись первопроходцами все мы, жадные до приключений молодые ребята, что отправлялись в дальнюю дорогу на свой страх и риск, по существу тоже впервые открывая для себя такие притягательные дальневосточные земли, где мы надеялись обрести своё счастье, которое заключалось ни в материальных благах, а в достижении правды жизни?

Странное впечатление возникало у меня, когда я просматривал отчёты всех походов первооткрывателей на Дальний Восток: по большей части в них отсутствовал остров Сахалин. Он был всё равно как обетованная земля, находящийся сам по себе, отдельно, который и изучать надлежало как-то

отдельно, с расстановкой, предполагающей, к тому же, особый интерес... Но какой интерес тогда мог вызывать невзрачного вида остров, значительную долю времени находящийся в тумане или скрываемый за непроницаемой стеной дождя, где, казалось, ничего существенного не растёт, никто не живёт и ничего не происходит? Создавалось впечатление что остров ни у кого не вызывает достойного интереса и внимания. Зачем же он был нужен?

Продвигаясь вдоль его мрачного побережья, русские первооткрыватели и мореходы, вероятно, не предполагали в существовании острова какую-то глубоко скрытую природную идею. Они обследовали прохождение судов через Амурский лиман, пытаясь доказать судоходность Амура, северо-западную часть Охотского моря вместе с Шантарскими островами, расположение на них лежбищ морских котиков и сивучей, в конце концов – само присутствие острова Сахалин с нелюдимыми и невзрачными берегами, непонятной сутью и тайной, почти не привлекающей, но, между тем, тревожащей душу. Как будто всем первооткрывателям было дело только до высоких широт с богатыми залежами моржовых бивней, песцовыми, котиковыми и каланьими шкурами, соболем – разменной монетой при всех этих бесхитростных сделках, не имеющих в конечном итоге никакого смысла...

Да, пожалуй, так всё и обстояло, и потому, думается, что первооткрывателями больше двигало стремление наживы, а не постижения, вот отчего удивительный во всех отношениях остров Сахалин оказывался в тени, несмотря на внимание к нему таких отдельных исследователей, как Крузенштерн и Невельской. И всё-таки Сахалин явился предметом их изысканий, они видели в нём его прошлое, настоящее и будущее, поскольку научились понимать и постигать жизнь, которой, по их мнению, не могло быть без такого необыкновенного острова, как Сахалин. Именно Сахалин для них заключал тайну, суть которой они стремились разгадать, и нужно заметить – не напрасно...

Читая на картах имена первопроходцев, узнавая из книг об их отчаянных путешествиях и восхищаясь мужеством в освоении Дальнего Востока, словом, покорённый романтикой этого неподражаемого морского и сухопутного подвига, я совсем упустил из виду, что предки этих самых первопроходцев появились на дальневосточных землях ещё в глубокой древности, тысячелетия назад, и задумался я о первых людях, пришедших на дальневосточные берега... В особенности после того, как обнаружил однажды под водой, в лагуне Буссе, изделия из камня времён неолита...

Обнаруженная на дне протоки чашка, аккуратно выдолбленная из кварцита, и нефритовый топорик, изящно вытянутый, с безукоризненно отточенным остриём и пересекающимися друг друга ложбинками для бичевы, которой к топорнику крепилось древко, до такой степени захватили моё воображение, что я, помнится, позабыл и про напряжённую добычу трепанга,

и про сильное течение в протоке, которое мешало, постоянно отвлекая внимание, и про забавных подводных обитателей... Чашка с топориком тотчас были извлечены на поверхность, уложены на выбеленную корму кунгаса, и когда я тщательно рассмотрел свои неожиданные находки, то был поражён техникой обработки и их цветом. Чашка оказалась тёмно-бордовой, почти чёрной, а топорик – серо-зелёным, с чёрными вкраплениями, но будто светящийся изнутри. И до того мастерски выделанные, море, по-видимому, ещё более отшлифовало за тысячелетия эти каменные орудия древнего человека, отчего они выглядели уж совсем какими-то приглаженными, будто даже не настоящими. Я сидел на палубе в мокром неопреновом костюме, смотрел сквозь слипшиеся от влаги ресницы на свои чудесные трофеи и никак не мог представить себе древних людей, которые их изготовили.

Как быстро и глубоко захватило меня это дыхание неведомой древности, так что всё до сей поры самое восхитительное, связанное, конечно, только с морем, сразу отошло на второй план. Время будто остановилось, и всё в моей душе радостно замерло от ощущения, словно я нахожусь в этих местах в эпоху неолита... Моря здесь тогда, конечно, не было, оно омывало берега ещё не существующего Сахалина где-то южнее, а вот под нами, где находился сейчас на якоре промысловый кунгас, располагалась, видимо, древняя стоянка, и древние люди, может быть, ели из таких каменных чашек рыбу, и разрубали каменными топорами из нефрита крепкие кости морских животных...

Да, когда-то на этом удивительном острове жили люди, которые не знали металлов. Это были жители каменного века. Задолго до Пояркова, Москвитина, Крузенштерна и Лаперуза с Невельским они осваивали эти суровые края и, по-видимому, не уступали им в отваге и неутомимости. Вероятно, они даже превосходили наших замечательных исследователей неведомых земель в своём мужестве, были терпеливее и наблюдательнее, замечали и усваивали мелочи, на которые русские казаки-первопроходцы и вовсе не обращали внимание. Древние люди были ближе к окружающей их дикой природе, понимая её в той мере, в какой она это позволяла, а им вполне хватало дарованных ей знаний для жизни.

Однажды на западном берегу полуострова Шмидта я нашёл кремниевые пластинки, предназначенные, скорее всего, для игры или украшений, поскольку отпечатанные на них природой ещё в большей древности раковинки и веточки растений были сознательно обпилены, так чтобы изображение оказалось посередине пластинки. Поскольку кремня на Сахалине никогда не было, можно было заключить, что древние люди получали его от соседей с материка, а значит, когда-то давно, перешеек в самой узкой части Татарского пролива всё же существовал, и во времена неолита древние люди передвигались по нему, устраивая на своём пути временные поселения.

В результате археологических раскопок, производимых в Сибири, в частности – в Приамурье, стало ясно, что первые переселенцы проникли в

Азию и на Американский континент в период, когда на Амуре жили люди нижнего палеолита, выделявавшие свои примитивные орудия из целых галек кварцита. Древний человек, соотнесительных находок в Сибири, Центральной Азии, на Японских островах, Сахалине, Курилах и Камчатке, видимо, постепенно передвигался из Азии в Америку, и происходило это не только через узкое место Берингова пролива, который когда-то являлся перешейком, но и по островным цепям Курил на Камчатку и далее по Алеутским островам. Большинство исследований склоняются к мысли, что впервые человек появился в северо-восточной Азии и на Американском континенте около 30 тысяч лет назад, ибо многие сибирские вещи имеют прямые аналогии с материалами древних стоянок Аляски и Алеутских островов.

Вероятно, это были племена, стоящие на относительно невысокой степени развития, которые веками вырабатывали способы защиты от холода, жажды и голода, жили просто, сравнительно небольшими общинами, и пока не являлись народом оседлым. Обработка каменных орудий труда постепенно достигала у них совершенства, отчего и появились зачатки игры и украшения, но вот железные предметы ещё отсутствовали.

Камень был единственным удобным материалом, из которого можно было выделять не только орудия и различную хозяйственную утварь, но и игрушки, украшения и даже, быть может, магические знаки, с помощью которых самый просветлённый член общины помогал соплеменникам справиться с невзгодами сурового существования. Так, помимо кремниевых пластин с отпечатавшимися на них раковинками-сердцеведками, веточками папоротника, рыбьей чешуи и каких-то диковинных насекомых, на том же полуострове Шмидта, в месте, где когда-то остров, вероятно, действительно соединялся с материком, я натолкнулся на россыпь буровато-сиреневых камешков из песчаника. Были здесь и круги, и квадраты, и ромбы, и прямоугольники, и камни самой причудливой формы, явно обработанные человеческой рукой.

По тому, как они располагались на песке, было понятно, что камни находились вместе, возможно так хранились, и представляли чей-то древний загадочный интерес. Может быть с помощью их кто-то пытался гадать, возможно, они являлись набором для священнодействия какого-либо древнего шамана или ими просто играли, наподобие шашек и шахмат, не исключено также, что с помощью камней зачем-то издавали какую-то дивную музыку, - они, кстати, очень мелодично звучали... Словом, камни, как и обнаруженные на дне лагуны Буссе предметы, тоже поразили, даже заворожили, и я их до сих пор храню, иногда показываю тем людям, что приходят ко мне в гости, и у всех обнаруживаю на лице неподдельное удивление, сопровождаемое длительным молчанием... И мне начинает казаться, что те неведомые древние люди будто неслышно оказываются в моём доме, ощущаются рядом с камнями, но никак больше себя не

проявляют. Такие они древние, почти неуловимые, действительно, наверное, первыми появившиеся на берегах Охотского моря...

Азиатские племена продвигались по материке на север, вдоль побережья, и конечно, не могли миновать и Сахалин, и Курилы, по которым попали на Камчатку и далее, на Чукотский полуостров, откуда уже перебрались по Беринговому перешейку на Аляску. Какими представляются эти первобытные открыватели неведомых дальневосточных земель, о которых никто не помнит и даже не упоминает? А ведь именно они, может это были люди в первобытных шкурах, неуклонно двигались племенами или в одиночку на север и восток, робко открывая для себя пугающие их поначалу земли. С нехитрым скарбом, примитивными орудиями труда и охоты, эти первые люди совершали подвиг при столкновении с неизведанным, и можно только восхититься их мужеству, отваге и великому терпению в овладении элементарными знаниями о жизни, когда их души были так незрелы. Кто же были они, действительно первыми открывшие эти таинственные земли на краю ещё более завораживающего мира великой воды, таящей совсем уже необъяснимые загадки?

Об этом остаётся только предполагать, но на основе сравнительных данных, полученных в результате исследований Сахалинского отряда Дальневосточной археологической экспедиции института истории материальной культуры Академии наук СССР под руководством выдающегося учёного А. П. Окладникова, проведённых на огромных пространствах всего Дальнего Востока, сейчас доподлинно известно, что культура древнейших обитателей Сахалина и Курил разделена на три периода. Первый относится ко второму и первому тысячелетиям до нашей эры, второй – с конца первого тысячелетия до нашей эры до конца первого тысячелетия нашей эры, третий этап – от конца первого тысячелетия нашей эры. По материалам двух первых этапов можно сделать вывод, что древнейшими жителями Сахалина были тончи, и пришли они, вероятно, из Приамурья и Приморья. Часть тончей ассимилировалась позднее с айнами, а большинство их, теснимое айнами и нивхами, переселилось ещё позже на Алеутские острова.

Очень сложной представляется история и айнов. Неожиданно появились они во втором тысячелетии до нашей эры на островах Охотского моря, резко отличаясь от прежних обитателей видом и обычаями. Ещё в 1565 году монах де Фроэс в «Японских письмах» отмечал: «... айны почти европейским внешним видом и густыми волосами, покрывавшими голову, густыми бородами и усами резко отличались от безбородых монголоидов». Их воинственность и выносливость, обычай женщин чернить губы, одежда, сводившаяся иногда лишь к поясу стыдливости, столь распространённому среди островитян тропической зоны Тихого океана, - всё это поражало воображение путешественников. Некоторые даже называли айнов чёрными людьми. В записках Василия Пояркова за 1644-1645 годы говорилось об острове, лежащем к востоку от устья Амура/очевидно, речь шла о Сахалине/,

о нивхах, населяющих его северную часть, и «чёрных людях», живущих на юге и называемых «куями».

По мнению профессора Л. Я. Штернберга, культура и антропологические признаки айнов сближают их с некоторыми народами Южной Индии, Океании и даже Австралии. Айны с островов, прилегающих к Австралии, переселились сперва на острова, занятые современной Японией, оттуда, вытесняемые японцами – на Сахалин и Курильские острова. Между айнами и тончами часто происходили сражения. Люди никогда не могли обрести между собой мирного сосуществования, к какому бы времени и национальности они ни принадлежали...

В более близкие к нам времена на Сахалин с низовьев Амура переселились уже эвенки, орочи и нивхи, жизненное обустройство которых представляло собой первобытную родовую общину, но и им не удалось найти здесь лучшей жизни, ибо айны, начавшие значительно раньше меновую торговлю, ушли несколько вперёд нивхов, и из всех народностей, входивших в дальнейшем в состав Российского государства, нивхи, вследствие этого, и ещё своей изолированности на Сахалине, находились на самой низкой ступени общественного развития, которое и в дальнейшем не отличалось особым ростом.

Только в период интенсивного, но хищнического забоя котиков, моржа и нерпы нивхи жили в относительном достатке, но этот достаток стал последним пиршеством уже смертельно больной нации. Повальные болезни привели к почти полному вымиранию небольшого народа. Причин было много. И прежде всего дикие семейные обычаи: с восьмилетнего возраста – свадьбы, кровосмешение, обмен жёнами. К этому примешивалось и другое зло – пьянство. Это и так называемое зюйдварение – приготовление браги из сахара, корешков папоротника, сока ягод и хмеля, курение и жевание лемешины. Здоровые дети были чрезвычайно редким явлением, у основной массы – туберкулёз, порок сердца, катар кишечника и прочие болезни. Многие дети были умственно отсталыми, учились с трудом, почти не воспринимая и не запоминая новый материал. Весь маленький народ был болен не только физически, но и нравственно, не приучен к систематическому труду, несмотря на целые поколения охотников и рыболовов, занятые промыслом по большей части сезонно, забит и безынициативен. И не помогла им даже советская власть, которая, подарив нивхам надежду на лучшее будущее, всё сделала в дальнейшем для того, чтобы его отобрать.

Как показывает жизнь во все времена: люди ленивы и не любознательны. Лень – это нежелание ставить перед собой какие-либо задачи, уж тем более – самые высокие, и добиваться их осуществления. Легче – не ставить, так спокойнее, и люди, мечтая о дальних странствиях, морях и звёздах, всё же не в силах отправиться к ним. «Все мы сидим в

сточной канаве, но лишь немногие из нас смотрят на звёзды», - сказал один мудрец. От себя добавлю, что ещё меньше находится таких, кто отправляется к ним.

Почему же так происходит? Может быть – всему своё время, и для каждого оно определено? Но отчего его не в силах определить для себя человек, хотя бы раз в жизни возжелавший открытия неизведанного?!

Невежественное отношение к собственным силам и предоставляемым жизнью возможностям – главная беда человека, призванного, между тем, развивать их, поскольку незнание всегда приносит страдание сознанию, а самодовольство умело приноровившегося к себе равнодушия не способно отличить правду ото лжи. Время, проскальзывающее меж пальцев у тех, кто его не ценит, вскоре проносится мимо них уже сплошным потоком. Становясь неуправляемым, оно, в конце концов, измеряет собой тысячи потерянных для него жизней, оставляя человечеству лишь толику надежды на возрождение. Даже сама идея обладания недостижимым прекрасным журавлём, витающим в небе, становится порядком захватанной и извращённой, чтобы воспользоваться ей открыто, не вызывая намеренного сопротивления и злых усмешек тех, кто во всеуслышание презирая какой бы то ни было полёт, не перестаёт поносить упрямо воззрившихся в небо, обвиняя их в вопиющем несходстве с собой...

Время для них – источник накопления личных меркантильных достижений, спрос на которые с каждым часом неумолимо возрастает, судорожно выхваченные куски уже не лезут в рот, и только единственное желание – не отстать в накапливании материальных богатств, ещё подхлестывает мозг в своём разбушевавшемся тщеславии. Истинная подлинность человеческой жизни ставится ими под оскорбительное сомнение, с видимым вызовом противопоставляя единственно достойному для человека пути – отчаянное множество шакалиных троп, в пустынных дебрях которых без усталости рыскают их обитатели, в тайне ото всех радуясь, когда к ним попадает очередная жертва неверия в собственное предназначение.

Чтобы попробовать достигнуть давно задуманного – человеку следует самому отправиться в путешествие, то есть – стать журавлём, а не ловить большую птицу жадным взглядом, уподобляясь тем, кто превосходно обходится такой доступной синицей. Надо суметь оторваться от дома, всего привычного и устоявшегося в нём, от верного достатка на сегодняшний день и располагающий не меньшими надеждами завтрашний, чтобы, не заблуждаясь понапрасну, для какой-то глубокой человеческой потребности, понятной, быть может, пока только самому себе, взлететь в высокое небо. Но великий смысл жизни заключён не в бесконечном отрыве от земли, а лишь в допустимой возможности взлетев и хорошенько осмотревшись – приземлиться более богатым духовно.

Всё это в полной мере было присуще нашим дорогим первопроходцам – и Ивану Москвитину, и Василию Пояркову, и Семёну Дежнёву, и

Владимиру Атласову, и Ивану Крузенштерну, и Геннадию Невельскому, и именно в этом был заключён для них секрет нескончаемости любого путешествия, когда в полёте успеваешь увидеть и понять неизмеримо много. Время тогда вмещает в себя не только всю твою жизнь, но и твои мечты, а это уже значит по-настоящему б-ы-т-ь, заслуженно открывая для себя с высоты своё назначение и волю. В этом полёте незамедлительно приходит величие и простота совершаемого, позволяющие самому человеку измерить своими поступками время – либо останавливая его, либо подвигая.

Сладостные попытки открытий в длительных хождениях по неведомым дорогам правды рано или поздно приводят к глубоко желаемому, ещё небывалому. Оно, это небывалое, по моему убеждению, должно быть всегда прекрасным, потому как является самой жизнью. Выбрав надёжный корабль, следует только определить верный курс для своего большого путешествия за секретом совершенства человеческого духа. Управлению парусами предстоит овладеть непосредственно в пути.

Избирая себе дальнюю дорогу, человек не имеет права уклониться от подвига. Он должен научиться принятию разнообразия человеческих сердец и, избавившись от обременительных иллюзий, что всё рано или поздно произойдёт само собой, создать своё истинное жизнепонимание, прожив именно свою жизнь. Всё это даётся не сразу, и приходится часто сходить с дороги, оступаясь, а потом возвращаться и вновь подвергать себя испытаниям, с горячим чувством преданности переживая её крутые повороты, запахи, энергию поиска и исчезающий в нескончаемых далях морской простор.

Во имя Ивана Фёдоровича Крузенштерна, Василия Михайловича Головнина, Геннадия Ивановича Невельского и ещё многих-многих первооткрывателей неведомых земель, я и поклялся себе, что во чтобы то ни стало напишу эту книгу о прекрасных далёких краях и неизведанных морских путешествиях, потому как мы обязаны использовать всю силу наших сердец, волю и мужество, чтобы заставить поверить других людей в то, как это важно: мечтать и осуществлять свои мечты, ставить себе настоящие цели и добиваться их. Для тех, кто живёт настоящим, следует понимать – будущее невозможно без решения насущных теперешних дел, связанных с открытием себя и окружающего мира. Это так ощутимо осознаёшь, когда верен своей самой сокровенной мечте и долгу, предполагающему отдачу собственных сил во имя прекрасного будущего для всей Вселенной.

Больше всего мне хочется написать в этой книге именно о становлении души, которая по малейшим знакам угадывает свой путь к Богу. Если душа отважилась на него, ничто не сможет воспрепятствовать ей при этом: душа тогда становится сильна и целеустремлённа, она живёт в согласии с телом. И ещё с окружающей Природой, частью которой является, но должна думать в первую очередь о себе самой, о том, какой она предстанет пред Богом.

Достоинство предстать пред Богом способна только развивающаяся душа, которая внемлет и звёздам, и ветру, и морю, - всему окружающему миру. Душа решается на многое, она готова пожертвовать уже существующим, устоявшимся образом жизни только ради того, чтобы узнать больше. Жить только своей внутренней жизнью и не воспринимать отголоски мудрой Вселенной, проявляющиеся во всём, значит не понимать сути жизни. А суть жизни заключена во внимательном отношении к ней, когда ты и любишь, и веришь, и терпеливо надеешься на то, что все устремления твоей души не окажутся напрасны, и, вмешиваясь в окружающую жизнь, ты преобразуешь собственную, становясь содержательнее, мудрее.

И, наверное, именно поэтому, я, простой уральский парень, проживший молодые годы вдалеке от моря, но почему-то любящий его, решил в своей жизни на поступок: отправился на Дальний Восток, ничего о нём не зная, но чувствуя манящую притягательность этой неведомой земли. Наверное, мои духовные и мысленные устремления были сродни устремлениям наших российских первооткрывателей, но ведь они шли первыми, до них никто там не был, не осмелился решиться на подобное, а я всего лишь повторял множество раз пройденный путь, хотя и впервые именно для себя, для своей неповторимой жизни. Это было, видимо, важнее всего, когда ты преодолевал собственную лень и страх, к тому же, Дальний Восток манил невероятно, притягивая тем, чего я не ведал, но чувствовал.

Сахалин был так необычен, непохож ни на какое другое место, что мои личные воспоминания о нём, даже по прошествии многих лет, никогда не теряли своей свежести. Уже окончательно вернувшись с острова на родной Урал, я отсчитывал жизненные события не иначе, как с момента отъезда на Сахалин или возвращения с него. Я благодарил судьбу за то, что она предоставила мне возможность совершить своё главное в жизни путешествие, что я не спасовал, не повернул назад, когда стало страшно, и жажда странствий во мне ещё более обострилась. Поездка на Сахалин, работа в море, только усилили моё восприятие жизни, которая дарила на острове необычайные впечатления. Это путешествие соответствовало моему внутреннему миру и дополнило его, а самым важным в нём стал труд над собой, определяющий самые высокие цели.

Мне ни разу в жизни не приходилось бывать за границей, и я даже не был в Петербурге, но думается, что впечатления от самого красивого города России не затмили бы увиденное на Сахалине и Курильских островах, где я обрёл зачатки истинной радости, предполагающей нескончаемо увлекательный внутренний рост. Я будто заново родился на острове, выпил приобретённое там знание до дна и стал мудрее. Придавая очень серьёзное значение своей поездке, встрече с Океаном и дикими островами, как-то незаметно возникло желание стать лучше, а главное – захотелось творить... И ещё я всегда переживал на Дальнем Востоке неослабевающее ощущение того, что и сам в какой-то мере являюсь первопроходцем, открывая в этом путешествии и себя, и неповторимый мир дальневосточной природы.

«ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО»

Все мореплаватели, побывавшие в дальневосточных морях, всегда жаловались на необыкновенно густые и длительные туманы, не только губительные для судоходства, но ещё и препятствующие близкому подходу к берегам для осмотра и описи оных. Я и сам не раз испытывал подобное неудобство, когда во многих экспедициях высаживался с товарищами на берег, и составил впечатление об этом явлении как совершенно удивительном. Порой эти туманы меня пугали, если обстоятельства складывались почти безвыходными, временами же – очаровывали, чудесным образом увлекая, но одно очевидно – они никогда и никого не оставляли равнодушными.

Туман для Сахалина и Курильских островов - неотъемлемое и поразительное явление, то, без чего нельзя себе представить Дальний Восток. Это как будто волшебный занавес, за которым природа скрывает не менее волшебную землю. Туман здесь бывает такой густой и сказочно-таинственный, что, бывает, месяц с лишним пройдёт в рейсе, а судно так и не покинуло промозглой туманной пелены.

Туман повсюду и звук рынды вязнет в нём как в вате. Порой туман так плотен, что представляется, будто судно находится в каком-то тесном колодце. Это ощущение не пропадает даже ночью, и когда на палубе зажигаются прожекторы, от работающих людей на туманную стену ложатся длинные тени...

Днём туман тоже удивляет своим необычным видом и самым неожиданным появлением. Только что перед тобой было открытое море, как вдруг, прямо по курсу судна взгромоздились высокие скалистые вершины. Откуда, почему? – вахтенный штурман в ужасе бросается к карте и, затаив дыхание, пытается быстро оценить обстановку, но на самом деле вокруг бескрайние мили чистой воды... Это неожиданно надвинулась граница спустившегося не весть откуда тумана.

Бывает и так: нос судна не виден – скрыт туманом, а за кормой почти чистый горизонт. И наоборот: случается, что обозреваешь только незначительную часть палубной надстройки, на которой стоишь, вокруг же – сплошная туманная завеса. Кажется, ступишь шаг – и провалишься в бездонную серую пропасть, под которой нет даже моря.

Попадают и такие места, где туман образует круг. Внутри круга ясно и вверху виднеется безоблачное небо, а вокруг плотная белая стена. Это районы так называемых холодных морских пятен, где в результате особенно интенсивного перемешивания тёплых вод с холодными глубинными температура воды на поверхности значительно ниже, чем на окружающей акватории. Смотри не зевай, если не желаешь угодить носом в чей-нибудь проходящий рядом борт!

Иной раз механики то и дело застопоривают ход/машину/, вахта на мостике переживает, вглядывается, вслушивается... И только убедившись,

что поблизости никого, малым ходом, потихоньку, судно возобновляет продвижение в обволакивающем тумане. Порой такой туман прозрачен и лёгок, в нём даже дышится спокойнее и ничего на тебя не давит, но иногда туман просто душит, и хочется вырваться за его границы!

А что такое туман с научной точки зрения? Туманом называется скопление мельчайших, видимых глазом капель воды, взвешенных в атмосфере вблизи земной поверхности. Согласно международному определению, туман уменьшает горизонтальную видимость в атмосфере до одного километра и менее. Над водой обычно отмечают два вида туманов: адвективные туманы, вызываемые переносом тёплого влажного воздуха над холодной водной массой, и туманы испарения/морские туманы/, обусловленные прохождением холодного воздуха над относительно тёплой водой.

Сахалину присущи именно адвективные туманы, которые и в Татарском проливе, и в проливе Лаперуза, и в Амурском лимане, и вдоль восточного побережья наблюдаются преимущественно с апреля по август, чему способствуют юго-восточные и южные ветры, которые несут с юга большое количество влаги. Тёплые воздушные массы, попадая на более холодную подстилающую поверхность, охлаждаются и при этом образуются устойчивые туманы.

Число дней с туманом в разных районах неодинаково и чаще всего они возникают там, где имеются холодные течения или выходы глубинных холодных вод. В Татарском проливе – это льды, движущиеся весной с севера, со стороны Охотоморья; вдоль восточного побережья острова на юг перемещаются стывшие воды Восточно-Сахалинского течения, а с северо-запада, от берегов Камчатки и, минуя Курильскую островную дугу, к южным берегам Сахалина направляется холодное течение Ойясио... Сахалин можно с уверенностью назвать туманной страной.

В здешних местах никогда невозможно предугадать: где и насколько долго застигнет тебя туман? Весной, из-за контраста температур между успевшей прогреться почвой, тёплыми потоками воздуха с юга и ещё холодным морем непроглядный туман может появиться будто из-под земли и тотчас исчезнуть, а порой над берегом всплывает лишь узкая ватная полоска тумана и держится так, изредка прерываясь, не одну милю целыми днями...

Тончайшая туманная занавеска не скрывает береговой линии, лишь придаёт ей таинственность, и хоть такой туман и жидок – всё-таки иной раз приходится обходить подозрительные буруны, одерживая бот или судно мористее. А вот когда сквозь туман пробивается солнце, но его самого пока не видно, на душе всегда становится радостно, и уже заранее знаешь: стоит только вырваться из этой лёгкой туманной завесы – и прямо по курсу откроется упёршаяся в море радуга. Вот за тем ближайшим мыском или чередой кекуров, переливаясь с одного конца моря на другой, радуга вдруг так засияет, что на мгновение ослепит своей чистотой, и ты тоже неожиданно

почувствуешь в себе сохранившуюся с детства свежесть восприятия, как казалось давно утерянную.

Какие ещё бывают туманы? Этот вопрос может показаться странным для того, кто никогда не был на Дальнем Востоке и живёт где-нибудь на Вологодчине или в Подмосковье. А между тем туманы являют собой значительное различие...

На Сахалине и Курилах туман обычно низовой, он льнёт к холодным дальневосточным водам, будто не желая с ними расставаться, и всегда создаёт какую-то особую дымку, которую на материке и не встретишь. Её тонкой, голубовато-молочной вуалью окутано всё, что тебя окружает у моря на Дальнем Востоке, но это не придаёт морскому пейзажу туманной пасмурности. Туман пронизан изнутри своим особенным светом, отчего воспринимается как нечто живое, будто только что родившееся благодаря морю обыкновенное чудо.

Чистое и белое, чудо это будто спускается с неба как чудесное облако, тогда как выше сияет солнце. Такой туман пронизан светом, он не вызывает удручённости духа и дарит предощущение чего-то радостного.

Благодаря такому туману массивные скалистые берега представляются воздушными, а вода – матово-стеклянной поверхностью, на вид вполне твёрдой, по которой можно ходить, не опасаясь, что провалишься, и постоянно не покидает ощущение, что очутившись между небом и землёй, ты находишься в каком-то взвешенном состоянии, которое очень приятно.

Парящие чайки возникают из туманной пелены будто японские бумажные журавлики, бездыханно витающие на ветру и тут же исчезая из вида. Как ни странно, в тумане не слышно их привычных жалобных вскрикиваний, стонов, и кажется, чайкам тоже удивительно приятно существовать в этом сыром и неуютном для человека мире, в котором далее двух десятков метров в любом направлении ничего не видно.

Даже лёгкие колебания непроницаемого воздуха в этом тумане начинают дышать в лицо теплом, будто идущим от близкой земли; на самом же деле – за бортом только мрачные отроги скал, источающие непреодолимый ледяной холод. Даже настырные, неопределённого цвета волны теряют свою силу у их подножия, и как будто смиренные такой неприступностью, тоже сердито замыкаются в себе, еле слышно всхлипывая. И ты понимаешь, что призрачное тепло порождено туманной дымкой...

Бывают туманы промозглые и рваные, своими грязными лохмотьями словно цепляющиеся за скалы, с неясными просветами, которые уже не радуют и не несут душе никакой доброй надежды. Эти туманы наиболее часты, по ним моряки и судят о их губительности, а о рейсе – как надоевшем, порядком вымотавшем все силы...

... Будто утопая в стылом «молоке», судно почти беззвучно идёт вдоль скалистой береговой гряды, и постепенно начинает чудиться, будто весь мир состоит из мокрых неприступных скал, бесконечно простирающихся куда-то кверху, в неведомую высоту, серовато-зелёных волн, лениво хлюпающих под

пластиковым бортом, густой туманной пелены, окутавшей собой всё пространство, и необычно молчаливых, будто неживых морских птиц... Всё утонуло в этом безбрежно-промозгом мире тумана и воды, и пробирающая до костей вьедливая сырость, кажется, выхолаживает и душу.

Часто туман возле берегов Сахалина напоминает собой чьи-то злые чары... Стоит мёртвый штиль, нет никакой надежды на ветер, который бы разогнал эти зловеще роящиеся клубы тумана, и его непроницаемость почему-то становится жуткой. По крайней мере, так начинаешь воспринимать его влажные, нерасторжимые объятия, что окутывают своей липкой плотью и, кажется, даже не дают дышать.

Вся эта белёсая сыроватая мгла производит впечатление какой-то неприятной неопределённости и держит в ожидании неведомой опасности, которую никак невозможно предотвратить. На ум постоянно идут бесчисленные подводные гряды камней, коими так изобилует западный берег Сахалина. Всё время представляется, что судно внезапно наскочит на них и разобьётся. Недаром моряки не любят туманы, предпочитая им ураганы и шторма. Неизвестность – вот что самое неприятное несут в себе коварные туманы, когда нервы до предела напряжены, все ожидают самого худшего, но ничего не происходит. От туманов можно уберечься только в результате звукового предупреждения, и оттого на особо опасных местах следования судов, как правило – на выдающихся в море мысах, исстари устанавливались колокола...

Случаются ещё туманы тяжёлые, ватные, до предела насыщенные влагой. Стоит попасть в такой туман и побыть в нём некоторое время, как одежда твоя тоже быстро становится влажной. Сквозь эти туманы абсолютно ничего не видно и не слышно, они обнимают весь мир своими ватными объятиями и будто душат. В них мгновенно гаснут любые звуки, и в какой-то момент хочется остановиться и замереть от ощущения, что весь мир пропал, и ты остался один.

Вот и на береговую растительность туманы действуют разрушающе благодаря большому содержанию соли и сырости, отчего высокие деревья почти отсутствуют, кустарники жмутся к земле, бамбук не вырастает выше пояса, да и обыкновенная трава случается не везде, и бывает, как правило, редка и худосочна. Чаше береговая линия представляет из себя облезлые камни, чёрные скалы и голый песок.

А иной раз, на такую неприятную землю опускается обыкновенная мелкая морось, будто сотканная из хмурых туманных останков непогоды. Она висит в воздухе и, кажется, не падает, поддерживает в нём туманные очертания прибрежных валунов, обрывистые утёсы, контуры морских птиц, которые уже покинули пространство над берегом, но ощущение их пребывания здесь осталось. Порой даже начинает представляться, что птицы и вовсе не в силах преодолеть этой скопившейся в воздухе влаги, задержались на неопределённое время и не знают, как им поступить дальше... Туман-морось объемлет всё островное пространство, воздух над

ним, море и твою душу. Если ты знаешь – зачем находишься здесь, на Краю Света, что хочешь найти для себя и чем сейчас живёшь, такой туман не одолевает тебя безысходностью и мрачным настроением, а наоборот, создаёт присутствие тайны, которую хочется разгадать.

Постоянно думаешь: вот, расступится туманная дымка и взору предстанет то, ради чего ты не побоялся приехать сюда за тысячи километров. Это придаёт всему, что с тобой происходит некое обаяние, и ты веришь, что обретёшь драгоценное знание, которое уже нельзя будет потерять. Знание заключается в умении ценить самое обыденное и неприметное – пасмурную погоду, въедливые туманы, пронизывающий холод под водой, ветер, готовый унести тебя с собой, мерный гул моря, как живое существо переворачивающееся с боку на бок, утомлённо вздыхающее... Всё это учит тебя дорожить любой жизнью, которая не бывает не интересной, если ты не считаешь её таковой, и ещё укрепляет веру: следует, не уставая, трудиться душой, обретая в борьбе с самим собой лёгкость воспарения обыкновенной белоснежной чайки, чтобы уже ничто не смогло удержать тебя от радостного полёта.

Туманам присущи разные цвета и оттенки... К примеру, густой туман с преобладающим в нём агатовым нежным переливом, исходящим от усыпанного камнями берега, отчего-то ненавязчиво волнует душу, вызывая незнакомое доселе беспокойство. Что-то неясное тревожит сердце, будит непонятные мысли, даже куда-то зовёт... Скорее всего, влечёт заглянуть за этот туманный цветной занавес, в сам туман: а что там внутри и за ним? Верится, что и туман, и то, что он скрывает, как и чудесные агаты, тебя не разочарует.

Бывает туман и душистым... В нём вроде бы можно даже купаться, да только об этом не мыслишь, а просто воспринимаешь его как нечто родное, движущееся тихонько на тебя и от тебя. За таким туманом хочется наблюдать, впитывать его дух, быть зачарованным этой клубящейся пахучей завесой, которая скрывает то, что почему-то воспринимается всегда знакомым и близким.

Но попробуй войти в туман и сразу почувствуешь, как он освежил душу. О том, что может быть сокрыто в тумане, забываешь: приятно само прикосновение этого туманного волшебства, его переживание рядом, возможность быть тут, на далёких дальневосточных берегах, делать неспешную морскую работу и чувствовать себя счастливым.

А порой туман такой густой и сочный, что его, кажется, можно резать ломтями. Он всё наплывает с моря, громоздится над узкой песчаной полосой, лезет по скользким камням наверх, к самой вершине, и ты ловишь себя на мысли, что воспринимаешь туман живым существом. Сразу представляется что-то сказочное в нём, а вернее – в том, кто его волшебным образом откуда-то вынимает и льёт без устали на эти дикие берега, острова и море. Что за неведомая исполинская сила движет всем в этом царстве камней, воды и тумана?! Какими неслыханными сюрпризами она ещё располагает?

Собственные догадки тоже наплывают на тебя какими-то необыкновенными туманными клубами, и, затаившись в душе, ровно дремлют, ничего не проясняя. На туманном острове туманными становятся и помыслы, и душевные устремления. Всё незаметно подминает под себя загадочный сахалинский туман, навевая такие же расплывчатые видения и образы. Но трудно оторваться от этой белой густой пелены, и всё время кажется, что оставив – пропустишь что-то очень диковинное, дорогое.

В таком особенном тумане и сам Сахалин возникает перед глазами неким загадочным существом, остров будто парит над обступающей его голубоватой дымкой. Весь он, конечно, не объятен для взгляда, это не какой-нибудь островок, Сахалин – огромный кит, вольготно расплывший своё могучее тело в юго-западной части Охотского моря. Растворяясь в туманных далях, теряется у горизонта его воображаемая голубоватая спина – вершины многочисленных хребтов, высота которых, издали, кажется одинаковой. Хорошо видна только какая-нибудь часть острова, растянувшегося с юга на север на целых девятьсот сорок восемь километров, отчего начинает казаться, будто кит-остров то погружается в туманную дымку, то всплывает, и ты поражаешься его природной мощи.

Сырой расплывчатый мир сахалинских туманов очаровал мою душу. Правда, сначала он поверг её в необъяснимую растерянность и даже – тоску, но по мере узнавания – наполнял знаниями, силой и поэтикой этих северных вод, которые не могут обходиться без туманов. Туманы – лицо и душа Сахалина, его неотъемлемая замечательная суть, над которой можно гадать бесконечно и быть ей очарованным. Можно читать о туманах, слушать о них рассказы бывалых моряков, смотреть научно-популярные, очень познавательные фильмы, но действительность превосходит все ожидания, поскольку туман – это само море, море романтических тайн, звуков и переживаний, что в мгновение проникают в тебя, и ты сам становишься частью удивительного туманного мира. Так этот мир необъясним и глубок, призрачен и в то же время реален, он – бескрайний морской парус, что, отражая в себе и воду, и небо, и воздух, движет нашими мечтами.

Туман, туман... Как не хватает его мне, оказывается, сейчас, когда я пишу эти строки и уже давно не ощущаю на себе его липучее, именно по-сахалински промозглое прикосновение, со временем оборачивающееся чем-то необыкновенно приятным. Приятны и воспоминания о сахалинском тумане, и сам туман, и то, что его порождает. Приятно просто жить, радоваться возможности бывать в таких удивительных местах и видеть то, чего никогда не увидишь, если не приложишь к этому достаточно душевных усилий.

Сложно объяснить это туманное ощущение, когда всё в твоём восприятии острова, вроде бы, сопряжено с его природной неустроенностью, а между тем она тебе приятна! Виной тому – и сырая туманная погода, не

прекращающаяся порой в течение всей весны и большей части лета, и суровый серовато-дымчатый пейзаж, в котором не на чем заострить внимание, и постоянный ветер, перемежающийся с нудно морозящим дождём, и какая-то присущая этому удалённому от людей краю угнетающая тоска, когда хочется синего неба и солнца, но они не показываются, и начинаешь думать, будто солнечный свет здесь уже никогда не появится... Трудно оставаться невозмутимым, если подолгу окружают голые камни и сопки, угрюмые берега и утёсы, за которыми прячется нескончаемая туманная пелена, а всё равно что-то неуловимое ненавязчиво убажывает твоё сердце, и ты не сразу почувствуешь в себе это благодное настроение, поначалу поддаваясь лишь неустроенности сахалинской погоды. И всё-таки тебя не может не коснуться обаяние этих мест, несмотря на то, что туман часто сменяет лишь пасмурная погода и дождь.

Иногда туман будто замирает, даже затаивается, и тогда над островом устанавливаются мягкие, проникновенные дни, в которые хоть ничего и не видно перед собой более чем на дюжину метров, но всегда чудится нечто завораживающее. Звук в таком насыщенном влагой воздухе будто повисает, украдкой обволакивает предметы, но не вязнет. Шорох еле накачивающегося прибоя слышится отчётливо, шаги на прибрежных камнях разносятся на удивление громко. И тебя вдруг начинает забавлять такое пребывание в тумане, причём, он совершенно непохож на то, что ты уже узнал о нём благодаря лесу, у себя на Урале, и ты незаметно проникаешься любовью к тому, что сейчас вокруг происходит.

Туман, кажется, даже вступает с тобой в игру, пытается тебя расшевелить, если видит, что ты замкнулся, и ненавязчиво подводит к какому-нибудь открытию. Может быть - это сиреневато-дымчатый красивый камень в форме яйца, по расцветке напоминающий пасхальное, подвернувшийся под ногу, а может – маленький дикий пляж, о котором ты не подозревал и, конечно, не ждал с ним встречи, но он неожиданно появился в окружении чёрных скал и удивил своей потаённостью вместе с затейливой береговой линией... Временами же туман становится такой рельефный и густой, что его можно принять за скалистый берег...

А бывает, даже сквозь очень густой туман начинает проглядывать солнце, но ты это замечаешь не сразу. Туман потихоньку наполняется светом, звуки в нём становятся ещё более отчётливыми и уже угадываются невидимые ранее очертания береговой линии и скалистых уступов. Прибойная полоса окрашивается нежно-кремовыми разводами, над голубовато-молочной водой роится лёгкая розовая дымка, и камни у самой воды радужно переливаются. И вдруг – словно раскрывается театральный занавес, и всё вокруг обретает своё лицо... Но как было хорошо, когда туман ещё не рассеялся, а неведомый морской пейзаж оставался сокрытым!

То, что туман обычно скрывает, всегда занимает своей таинственностью. Ведь загадки диких дальневосточных берегов

неисчерпаемы. Что-то, думаешь, откроется на сей раз за этим мутновато-белёсым загадочным пологом?

Случается, что так ничего и не открывается: туман стоит несколько дней кряду, даже – неделями. Вокруг – туманное море, к липковатой сырости которого просто привыкаешь. Туман не покидает тебя ни утром, ни вечером, ни ночью, и ты уже забываешь, что ещё совсем недавно хотел отправиться по этому необъятному и таинственному миру за замечательными открытиями.

И всё-таки ни одно самое красочное описание не передаст живое восприятие дальневосточного тумана и морского воздуха. Туман действует успокаивающе на человека, который по собственной воле оказался в этих недружелюбных на вид местах. Всё здесь, на Краю Света, устроено по-другому, ни как на материке, но ощущение дискомфорта это не вызывает. Чаще мне приходилось испытывать чувство неловкости в городской обстановке, среди людей; в бескрайнем же царстве воды, подёрнутом густым туманом, там, где из него выплывают неведомые острова, я себя чужестранцем не воспринимаю, и только переживаю тихий восторг единения со всем, что окружает.

Ты и морское пространство – одно целое, гигантское море вместе с бесконечными скалистыми утёсами и туманами не давляет над тобой, не взирает сверху вниз, а приглашает войти в свою неподражаемую по глубине и чистоте обитель. Более того, море какое-то время еле слышно всплескивает у твоих ног, будто ластится, и ты не должен пропускать оказанного им тебе внимания. В такой проникновенной обстановке лучше всего оставаться самим собой, впитывать окружающую действительность до последней капли и благодарить море за его красоту и силу, а туманы – за их непредсказуемость и тайну.

Но рано или поздно наступает момент, когда однообразие тумана над морем может порядком наскучить, стать даже убийственным, но вот вдруг услышишь, как протяжно и ненавязчиво постанывают где-то морские птицы – качурки, будто управляющие в открытом море судном, и настроение сразу меняется. Море опять представляется необъятной доброй чашей, а туман – обыкновенным чудом, находясь в котором угадываешь Божественное присутствие.

«ОДИНОКИЕ УТЁСЫ»

Так уж сложилось, что одинокие утёсы или мысы на Дальнем Востоке – это всегда негостеприимные и пустынные скалы. А между мысами прячутся бухты, заметные только с моря. Чаще всего отстоящие друг от друга на километры, мысы всё же соединяются вогнутой в линию берега отвесной скалистой стеной, отчётливо отображающей пласты давно минувших геологических эпох. Когда прилив или штормовой прибой окатывают холодной пеной эту неприступную стену, она преобразуется и из невыразительной, бесцветной превращается в живую, будто придя в себя, вспоминая свою глубокую древность. Именно эти слои, обычно скрытые от глаз и составляющие суть скалы, и придают её очертаниям недостающее своеобразие.

Изредка, в местах соприкосновения разных эпох наружу выступают зазубренные карнизы, которые по цвету подстать своему слою. Там впору уместиться только морским птицам и они непременно рассаживаются по этим каменным полкам, чуть ли не прижавшись к друг другу. Чаще всего ими почему-то оказываются вездесущие кайры и неловкие бакланы. Выпятив вперёд грязновато-коричневые и пепельные грудки, в них между тем нет никакой горделивости, и они просто замирают так в отрешённых позах, кажется, ничего не замечая. Сверху донизу скала испещрена подтёками их белёсого помёта, и весь этот зачарованный покой нарушается лишь сиплыми завываниями ветра, да шумом прибоя. Неприступные каменные громады открыто противостоят могучему океану, который так же открыт в своём бесконечном противодействии любой преграде, возникающей на его пути...

Море веками пыталось овладеть сушей и это не могло не отразиться на ней. Именно на границе моря и суши возникает её совершенно своеобразный рельеф: то это огромные наносные террасы, то исключительно причудливый рисунок береговой линии, образующей заливы, и только мысы остаются непоколебимы под натиском метущихся морских валов, сохраняя неизменную непреклонность.

Отчуждение и одиночество отдельных утёсов, выдающихся далеко в море, хотя они и являются продолжением берега, остающегося в сравнении с мысом непримечательным, порой оказывается слишком очевидным. Так берег, обычно более приземистый в отличие от самого мыса, безнадежно пропадает в туманной дымке, ползущей над береговой полосой. Утёсы, как военные корабли, отчаянно устремлены в морскую неизвестность: ничто их, кажется, не удерживает, но всё равно чего-то им в последний момент не хватает, чтобы окончательно оторваться от земли. Они и стремятся в манящую неизвестность, и в последний момент будто задумываются: а всё ли они должным образом исполнили на границе воды и суши? Что-то как будто позабыли, вспоминают, вспомнить не могут и потому остаются не движимы. Но уважение своей целеустремлённостью всё-таки вызывают и не дают

сидеть без дела, словом, зовут за собой, между тем, оставаясь на месте. И при этом каждый утёс живёт на свой лад.

Так воспринимаются утёсы с моря, но другое впечатление возникает, если наблюдаешь за ними, когда идёшь по береговой полосе, мучительно преодолевая нескончаемые расстояния между ними, а они всё не кончаются. На смену одному, огромному, замкнувшемуся в себе, вскоре появляется другой великан, ещё более угрюмый и таинственный, а за ним из туманной пелены выступает третий... Идёшь, и всё думаешь: откроется ли за очередным скалистым массивом нечто, способное принести долгожданное отдохновение, а может быть тебя ожидает там встреча с чем-то неизведанным? Как бы то ни было, но думы эти помогают преодолеть нелёгкий путь.

Тяжело, но интересно преодолевать расстояние между мысами, и при этом не находишь слов, чтобы передать плавные очертания бухт, сменяющих одна другую. Вроде бы, они и схожи между собой, но чем-то неуловимым отличаются. Каждая бухта отделяется от другой далеко выдающимся в море высоким утёсом, который тоже имеет свой характер.

Все морские мысы, вышедшие из-под искуснейшей руки природы, на первый взгляд почти всегда воспринимаются одинаково. Неудивительно, что иногда они страшат людей. На деле же скалистые чудовища не страшны, и удручают только своим обречённым на неподвижность существованием.

Появившись благодаря вулканическому извержению и представляющие собой языки расплавленного камня, одновременно устремившиеся к воде, мысы, по-видимому, так же в одно время когда-то и застыли. Их замершие обличья по большей части величественны и непреклонны, порой – угрожающи, но никогда эти грубые с виду, безжизненные каменные глыбы не вызывают равнодушия.

Повторяющаяся торжественность этих вздыбившихся над морем каменных изваяний не утомляет, и хочется поскорее увидеть или угадать – каким будет следующий мыс, потому что он всегда несёт в себе нечто новое. Обычно подобная игра воображения вместе с ожиданием отвлекают от однообразной утомительной ходьбы по осклизлой гальке...

Когда долго идёшь по нескончаемому скалистому берегу, то он неминуемо начинает казаться невыразительным, и способен вызвать самые тоскливые ощущения, даже если ты не можешь обойтись в своей жизни без этих серых скал, густых туманов и одичалого завывания ветра в глубоких расщелинах. Но при кажущейся схожести во всех этих монолитных горных породах, застывших так десятки, а может быть и сотни тысяч лет назад, угадывается не только чья-то гигантская суровая воля, но и поразительное своеобразие. Каждый мыс – словно занавес, скрывающий от тебя очередную долгожданную надежду увидеть что-то удивительное. Идёшь километр, другой, и начинает казаться, что вот за этим угрюмым и неприступным мысом откроется, наконец, нечто такое, что поразит внимание. Но нет – это опять угрюмый, неприступный и какой-то бесцветный в своей извечной

окаменелости мыс, скрывающий за собой бесконечную цепочку точно таких же, бесцветных, и уже порядком надоевших частей суши, выдающихся острым углом в море.

Порой скалы так угрюмы, что приходит мысль, будто в них способен заскучать сам дьявол. Редки здесь даже отчаянные вскрикивания чаек или вопль одиноко сидящего на прибрежной скале баклана. Неизвестно откуда вдруг налетят тучей раздосадованные чем-то пернатые, с истошным клёкотом облепят верхушку молчаливого утёса и метят серыми кляксами его шероховатые бока, а внизу им вторит прибой. Массивные волны бьются в незаблемую скалу, их солёные, как слёзы, брызги летят вверх, до самых птиц, и кажется, будто морские валы тоже несут неприступным каменным отрогам мрачные слова угрозы.

Внимая этой немислимой мелодии, и сам проникаешься какой-то неприступной твёрдостью. Взмывая над твоей головой, стаи кричащих птиц уже не кажутся ужасными, без дела орущими, и взмахивания их упругих крыльев воспринимаются как жизнеутверждающие. Заслоняющая свет серая туманная пелена расступается, незаметно привнося во всё успокоенность и мягкость. Вот когда захочется тебе взобраться на один из этих утёсов, что само по себе покажется достойным занятием, к тому же – с него можно обозреть прилегающие окрестности.

Утёс поднимается вверх на десятки метров от поверхности моря подобно какому-то сказочному собору. Такое в нём чувствуется напряжённое внутреннее содержание. Видимый на расстоянии многих миль, утёс, несомненно, вносит свою неукоснительную лепту в нескончаемый скалистый пейзаж, и атмосфера таинственности, витающая над этими пустынными берегами, только усиливается благодаря одинокому морскому утёсу.

Если утёс выдаётся далеко в море, то издали, подёрнутый туманной завесой, он напоминает нос флагманского корабля, гордо устремившегося с рейда в очередное героическое странствие. Иногда же, освещённый редким солнцем, пробивающимся сквозь насыщенную влагой пелену, одинокий мыс воспринимается величественной грот-мачтой, увешанной разноцветными парусами. Паруса наполнены ветром, напряжены, и парусник вот-вот тронется, выйдет из тумана на чистую воду и засверкает во всей своей красе. Так и плывёт неслышно, подёрнутый золотисто-голубоватой дымкой, но подойдёшь поближе – и призрачный корвет тотчас превращается в обычную серую скалу. Всё значительное, обычно, видится на расстоянии...

Отвесные стены некоторых скалистых мысов во многих местах бывают рассечены от вершины до поверхности моря прямыми трещинами, порой очень широкими, напоминающими гигантский каменный гребень. Иные мысы стоят одинокими гладкими утёсами, кажется, навеки задремавшими, а иногда встречаются такие устремлённые, острые, что не покидает ощущение: они вот-вот рванутся в открытое море и ничто их не удержит.

Облик отдельных мысов слагают чёрные, красные, серые, желтовато-коричневые и белые пласты, которые перерезают скалы вдоль и поперёк, но

все эти краски имеют несколько приглушённый оттенок, и лишь море, вспучивая неутомимые валы, освежает скалы своей прозрачно-зелёной, чистой влагой. Зеленоватыми становятся и тучи, подсвеченные снизу водой, которые, кажется, умышленно уцепились за верхушки стометровых скалистых глыб, не желая их миновать. И тогда безмолвие этих каменных нагромождений почему-то не давит, а только скрывает их неизведанные думы и таинственные желания. Глядя на парящих в вышине чаек - в очередной раз жалеешь, что не умеешь летать, не можешь вознестись над этими геологическими эпохами, не в силах постичь могущество камня, солёное дыхание моря, едкий запах мокрого песка и морской травы...

Но зато ты можешь бывать в этих местах, видеть всё и сопереживать происходящему вокруг... А ещё стремиться больше узнать и разобраться во многих вещах, научиться не останавливаться на достигнутом, и идти в изучении жизни дальше, до конца осуществляя задуманное. Ты в состоянии преодолеть любые трудности, чтобы познакомиться с удивительным миром дальневосточной природы. В том числе – и с одинокими утёсами, всей своей завораживающей монолитностью устремившимися в безбрежность океана. Но иногда мысы, позабыв о море, замыкаются в себе, будто наслаждаясь собственной необычностью и красотой...

Взять хотя бы остров Кунашир, с охотоморской стороны, где обращает на себя внимание результат изумительного мастерства природы – скалистый утёс шестиугольной формы, мыс Столбчатый... Излившаяся порода – кварцевый андезит, при застывании образовала здесь узкие шестигранные столбы около 20 сантиметров в поперечнике. Столбы эти составляют сплошной массивный выступ, омываемый волнами моря, и поднимаются высокой стеной. Что-то наподобие гигантского природного органа, на котором морской ветер выдувает замысловатые природные мелодии.

Столбы слегка наклонены друг к другу в верхней части, веерообразно расходясь к основанию. У подножия столбчатой стены лежат в беспорядке, подобно ровно отпиленным дровам, отшлифованные бруски светло-серого цвета. Морские волны выровняли эту вымощенную каменными кусками платформу, и попав на неё, ты невольно начинаешь ощущать себя в громадном органном зале, изваянном земными недрами и морем.

Мыс Жонкиер, названный так Лаперузом в честь одного из участников его экспедиции, уже нечто совсем иное. Расположенный на западном побережье острова Сахалин, высокий и обрывистый, он образован северо-западным склоном горы высотой около двухсот метров. Со стороны мыс напоминает громадное доисторическое животное, которое задремало, опустив голову в воды Татарского пролива, но не покидает ощущение, что туловище его с высоким горбом готово в любой момент двинуться, чудовище встанет во весь рост и море расступится перед его невероятной мощью. Смотришь зачарованно - и не в силах поверить, что всё это только игра твоего воображения, так правдоподобно природа образует изваяния из камня...

А вот на северо-восточной оконечности курильского острова Итуруп взгромоздился над морем красавец-мыс Илья-Муромец, восстав из морских глубин непобедимым богатырём во имя неведомого для него самого подвига. Он стоит на страже покоя земли у Края Света непоколебимо, готовый, если понадобится, низвергнуться опять в океанские глубины. Так бы и человеку: стоять за кого или за что-то горюю, нестигаемым морским утёсом, несмотря ни на что защищать, утверждая: надейся на меня, что на каменную гору или, вернее, непоколебимый морской утёс, потому как если гора только мышь родила, то утёс у моря рождает в человеке уверенность в собственных силах, твёрдость в принятии решений и понимание, что не за дальними мысами лежит счастье, а в тебе самом, если ты крепок как скала, безропотно выдерживающий нескончаемый натиск морских волн, олицетворяющих собой жизненные невзгоды и несправедливость.

«Пусть бес качает горами, только не нами, моряками», - может смело заявить любой, кто хотя бы однажды сходил в море, высаживался на диких островах у одиноких мысов, любовался их неповторимой красотой и силой. И, может быть, даже преодолевал нескончаемые километры от одного гордо выступающего в море мыса к другому, невольно заглядываясь на их величественную и непостижимую стать. Именно для них, не равнодушных к собственным возможностям людям, связавшим свою судьбу с морем, угрюмое молчание этих неприступных утёсов никогда не будет казаться беззвучным. Сквозь тишину древних, застывших отложений они всегда уловят еле приметную музыку горделивого таинственного камня, какой-то и печальный и жизнеутверждающий напев, напоминающий дыхание времени в бесконечном вселенском пространстве, у скалистых берегов Великого океана, в который первыми глядятся одинокие и загадочные утёсы...

«КАМНИ МОРЯ»

Морские камни... Что, кажется, могут принести они, кроме отрешённого любования ими? Позабыв обо всём, разглядываешь на ладони цветастый прохладный кружочек, почти не ощутимый на вес, но и не воздушный, со скрытым в себе значительным содержанием. И посещает вдруг мысль, что существует он не пустой забавы ради, так сказать, по причине случайного природного каприза, а по чьему-то неведомому и мудрому провидению, что определило ему быть вот именно таким – не больше и не меньше, со своим неповторимым оттенком, и, значит, настроением. Призван, видимо, этот камешек невидимой силой смущать души людей, вынуждая их невольно задумываться о чём-либо простом и глубоком, о чём они без него бы ни за что не помыслили.

Невидимо и почти неосязаемо несёт в себе камешек свою загадку, будто ненавязчиво подзадоривая человека: а, ну-ка, отгадай мою таинственную каменную сущность! Чем я таким привлек твоё внимание, отчего ты протянул ко мне руку и бережно положил на ладони, и почему-то трепетно и напряжённо вглядываешься в мои разноцветные прожилки, изредка подкидываешь и как-то уж особо заботливо поглаживаешь пальцами, то и дело переворачиваешь, не уставая всматриваться? Видишь ли ты во мне то, свидетелем чего явился я сам? А может быть, ты способен пойти ещё дальше в разгадывании моего далёкого прошлого?

Хорошо, оказывается, внимать обыкновенному камешку, обнаруженному у самого уреза воды: ни халцедону, ни сердолику, ни агату, и даже ни красиво раскрашенному природой песчанику, превращённому морем в плоский, переливающийся всеми цветами радуги блинчик, а простой гальке, напоминающей собой светло-сиреневое яйцо морской птицы, будто скатившееся с уступа скалы к её подножию... Из всех камней почему-то отличишь именно его, затем, подняв, ощутишь приятную тяжесть, полюбуешься, как оно безукоризненно выточено морем и, поднеся каменное яйцо к глазам, различишь, что сиреневый оттенок создают серые, бурые, чёрные, белые и голубоватые вкрапления-точки. Яйцо хоть и каменное, но настоящее, живущее своей неведомой жизнью здесь, у северного моря, особенно когда волны накатывают на берег и оно становится фиолетовым, почти чёрным... Как не взять его с собой?!

Но забрав камень, ты начинаешь замечать, что со временем он блёкнет, теряя свой внутренний свет, и даже если опустить камень в воду, он лишь на время оживает, но уже без прежней силы, которая почти растратилась. Вернее, она осталась там, на берегу солёного моря, где камень жил вместе с другими камнями долго-долго, наполняемый силой морской воды, вольного ветра и воздуха, и оторванный от родного места, он захватил только её часть, постепенно угаснув... Жизнь в нём чуть-чуть теплится, не проявляясь даже под твоим долгим взглядом, и лишь когда ты достаёшь камень из шкафа и берёшь его в руки, он еле ощутимо откликается. Камень утратил свою силу,

но находясь рядом с другими камнями, всё-таки живёт, о чём-то переговаривается с ними, особенно ночами, а под утро отрешённо замирает. Нужно ли было забирать камень с собой, лишая его своей силы?

Тогда ты об этом не думал. Тебе хотелось увезти с собой воспоминание о море, чтобы оно присутствовало хотя бы в камне или раковине, и утешало твоё разгорячённое воображение. Ты так горел путешествиями и морем, что само собой разумеющимся считалось собирать камни и яйца птиц, изготавливать чучела, составлять гербарии. Разве мог ты предположить, что камню в неволе когда-нибудь станет плохо, и он угаснет? Но может быть камни, собранные тобой когда-то на берегах дальневосточных морей и находящиеся долгое время рядом, просто постепенно отдали свою энергию тебе?

Само слово «камень», вроде бы твёрдое в произношении, несёт в себе глубоко скрытую мягкость того, из чего оно когда-то возникло. Однажды, после вулканического извержения, остывнув, камень долгое время держал в себе мягкую силу, затвердевая постепенно по краям. Оболочка эта всё более затвердевала, веками нарастая, но и мягкость, сжимаясь, до конца не уходила, будто заключая в себе суть камня. Чем больше проходило времени, тем загадочнее становился камень, и тайна его скрывалась уже не за семью, а за семьдесятю семью печатями. Эта тайна – душа любого камня, не позволяющая затвердеть ему до конца, и наполняющая его жизнью.

Какой камень ни возьми – в нём ощущается жизнь. Порой совсем махонькая, еле-еле пробивающаяся сквозь его окаменевшие бока, она всё же пульсирует в сжатых древностью каменных глубинах. Чтобы почувствовать её, нужно натолкнуться взглядом на камень, обнаружив в себе желание поднять именно его, а взяв в руки – подержать какое-то время, тихонечко поглаживая, может быть, положить в карман, даже позабыв о нём, и обнаружив – радостно удивиться произошедшей с ним перемене. Камень тоже почувствовал тебя, вернее, твоё тепло, и откликнулся на него, мягко в себе перевернувшись. Ты, конечно, не мог этого пропустить.

Отмечаешь всегда один какой-то камень, он, вроде бы, и сам показал себя тебе, удачно попался на глаза и сразу привлёк своим цветовым рисунком или необыкновенной формой. Но чтобы камень подвернулся под руку – его обнаружения следует желать точно так же, как и открытия тайны. Нужно всегда искать необычное, жить ожиданием встречи с ним и оно обязательно себя проявит. Камни в этом отношении – бесконечно разнообразное и глубоко скрытое царство, впрочем, постоянно напоминающее о себе, если ты терпелив, вдумчив и наблюдателен.

А иногда, бывает, проходит год, пять, десять, а ты ровно и не ощущаешь в найденном камне жизни: зачем однажды ты им заинтересовался, взял с собой и привёз домой из дальней экспедиции? Шероховатый, большой, желтовато-бурого или серебристо-серого цвета, он лежит у тебя дома, в шкафу за стеклом, и ровно ждёт, чтобы ты к нему прикоснулся. Для него, видать, ещё не наступил черёд в коллекции собранных тобой когда-то

на Дальнем Востоке камней, и он терпеливо прислушивается к тому, что происходит вокруг, тяжело и неспешно переваливая в себе свои неясные мысли. О чём они и как давно всё это было?

Когда-то камень образовал всю толщу земного шара, омываемую морями, и поэтому любой камень состоит из солей – соединения щёлочи с кислотой. Камень может быть как самым обыденным, вроде бы ничего полезного из себя не представляющим, так и с содержанием добываемого выплавкою металла, называемый рудой. Порой встречаются камни полудрагоценные и драгоценные, употребляемые в наряде и украшениях, имеющие особую цену. Но чаще всего попадаются просто красивые камни, воспринимаемые из-за этого необыкновенными. И хоть говорят, что с камня лык не надерёшь, и от него не может быть плода, как и от вора добра, да только любой, даже самый обыкновенный камень несёт в себе скрытую силу и загадку, а случается и такое в жизни, что откусил бы и от камня!

Чаще всего камни можно встретить на берегу моря... Любой, наверное, слышал, как морские волны перебирают разнообразные по величине и цвету камешки, и те тихонечко крокочат между собой. Волна нахлынет на берег – и камешки будто оживают, волнуются, когда же сходит – они вздыхают раздосадовано, ожидая её возвращения. Камешки не могут обойтись без моря, которое к ним тяготеет.

Если вырос камешек в крутой горе, на берегу дикого бескрайнего океана, - разве место ему лежать промеж атласа и бархата? Лучше, если он опять однажды окажется на границе суши и моря, омываемый солёной пеною и обдуваемый ветрами. Обхватят его всей своей мощью морские волны, закружат в безудержном водовороте, и камешек наполнится когда-то утраченной силой. Сила камня – в его неразделимой связи с окружающей природой, где он появился, и его омывают чистые ручьи, дожди и море, а обдувают солёные ветры. Попал камень на волю – и сразу взял силу! Ведь даже жемчуг на шее красавицы тускнеет...

Но как бы ни был крепок камень, а и его, бывает, рушат. Вот и от огня он трескается, вода же, попав в узкие щелочки на его поверхности и замёрзнув, способна и вовсе камень расколоть. Сила камня ещё и в его терпении, которого не занимать только воде, что каплей его точит, в своей частоте достигая небывалых результатов. И камень поддаётся любой настойчивости, если она велика.

Я всегда любил морские камни, отчего-то выделяя их среди других природных предметов. Это кажется странным для человека, проживающего в городе, где такие камни отсутствуют, но мне пришлось долгое время быть связанным с морем, а работать в море и не встречать самые разнообразные камни невозможно. Они – всюду, и порой обыкновенный, ещё не обсохший после ночного шторма дикий пляж совершенно преображается, зачаровывая человека выброшенными прибоем морскими дарами.

Чего только не выбрасывает море на дикие пляжи, особенно после шторма, и порой самые пустяковые находки на берегу обретают значимость

бесценной добычи. Выброшенные морем предметы, уже оттого несущие в себе тайну, могут оказаться обыкновенным рыболовецким кухтылём, пластмассовым ящиком из-под пива японского производства или детской игрушкой, но когда такая штука валяется на мокром песке, ещё не обретя своего хозяина, в ней видится нечто неизведанное и манящее.

Не спеша, пытаясь унять сбивчивые удары сердца, подходишь к своей находке, уже издали завидев её приманивающий цвет или форму, и всегда пытаешься отгадать – что скрывается за ней, а приблизившись – иной раз даже вскрикиваешь от восхищения. Именно этого предмета тебе отчего-то и не доставало, драгоценней его сейчас, кажется, нет ничего на свете, и ты вот так, замечательно и просто, становишься его обладателем. В этом завораживающем поиске нет никакой жадности, только, наверное, стремление обрести то, что соединяет берег и море, составляя их чудесную суть. Сами по себе все эти находки, на взгляд многих людей, ничего интересного из себя, вроде бы, не представляют, но мною всегда воспринимались просто необыкновенными.

Даже выбеленный морской солью до цвета кости плавник, в изобилии встречающийся по берегам дальневосточных морей, я поначалу принимал за останки каких-то неведомых подводных обитателей, по воле случая оказавшихся на пустынном морском берегу. Окинешь взглядом такой берег, теряющийся в туманной дымке за дальними утёсами, и почувствуешь вдруг, как легко и надёжно укрепляется твоё сердце.

Кстати, морфологически человек мало специализирован к добыванию определённой пищи, и его исходная экологическая ниша – именно собирательство плодов, корней, раковин, яиц. Способ, конечно, малопродуктивен и требует достаточно энергии, поскольку пищевые ресурсы ограничены. Отсюда, развитая веками целеустремлённость человека в подобном поиске, неискоренимое желание, во что бы то ни стало, отыскать искомое, овладеть им и сделать навсегда своим.

Даже и не передать, как мне нравилось ходить по прибрежной полосе и рассматривать выброшенные морем предметы. В этом была какая-то особая прелесть нахождения у моря, когда живёшь рядом с ним долго, но оно не надоедает и каждый день дарит что-нибудь замечательное, если ты любознателен и неутомим. Тебя безоговорочно, хотя и ненавязчиво охватывает замечательная морская романтика, ещё с детства навеянная прочитанными книжками о пиратах, с выброшенными в морские волны бутылками, взывающими о спасении, затонувшими сокровищами погибших кораблей и подводными чудищами. Порой начинало казаться, что океан можно постигать и на берегу, причём, с не меньшим интересом, чем в море или на глубине, под водой...

Когда на море надвигался шторм, и появлялось свободное время, я всегда без усталости бродил по пустынному берегу, надеясь встретить какое-либо морское животное, птицу, забавных крабиков или причудливые водоросли. Словом, искал какого-то разнообразия при невозможности

работать из-за непогоды, и этим разнообразием чаще всего оказывался тихо замкнувшийся в себе мир самых обыкновенных, а иногда - и полудрагоценных камней... При сборе морских камней очень важно иметь верный глаз, чувствовать, куда море выбрасывает красивые, необычные камни. Берега дальневосточных камней славятся самыми причудливыми камнями, и порой их встречается так много, что теряешься. Даже не захватывая камни в горсть, и не пересыпая на ладони, можно часто отыскать среди них яшму, халцедон, сердолик, агат, янтарь или просто замысловатые по форме и раскраске камни.

Самые красивые камни, которые не взять было невозможно, я находил у кромки прибоя, особенно после штормов, и лучше всего эти вылазки удавались рано поутру, когда тебя ещё никто не мог опередить, день выдавался спокойным и мягким, с нежной туманной дымкой над морем, и тогда самые ценные находки оказывались твоими. Идешь неторопливо по укатанному прибоем песку и с удовольствием разглядываешь всё вокруг.

Почему-то интересные камни встречаются именно у самого уреза воды... Чуть глубже – уже нечто серое, невзрачное, выше – совсем обыденное, примелькавшееся, а вот у черты прибоя, особенно когда море спокойно и волны не набегают, а лишь размеренно накатывают на берег, камни будто сами стараются попасть на глаза и, освежённые водой, тихо и радостно поигрывают цветастыми боками.

Природа – мастер самых неожиданных сочетаний, и то, чего она достигает в камне – оказывается порой совершенством. Красивые, необычные камни очень редко встречаются в жильном проявлении, то есть, не бывает такого, чтобы их было рядом много и из одной породы, а скорее обнаруживаешь такой камешек в единственном экземпляре, в форме какой-нибудь небольшой, овальной и очень гладкой разноцветной галечки или пластинки. Будто маленькое сокровище, исполненное самой природой, неожиданно открывается перед тобой...

Конечно, эту красоту надо старательно поискать и поиску этому должно сопутствовать непременно везение. Постоянно находимые тобой прекрасные камни должны ждать лишь тебя, открывая себя только твоему взору.

Морские камни удивительным образом развлекают, так что обо всём забываешь. Даже не думаешь про море, которое плещется совсем рядом. Не зря, наверное, в старину верили, будто камни способны исцелять раны, лечить и успокаивать. Несомненно, в камнях заложена чудодейственная сила, скрытая, непонятная, но что-то из них, в тоже время, и излучается, особенно у тех, от которых глаз не отвести.

Тут может играть роль и форма, и цвет, и вес, и ощущения, остающиеся от прикосновения к камню, например, его мягкая гладкость. И всё же, невидимое энергетическое излучение составляет, пожалуй, главную суть камня, суть, которую ты безошибочно угадываешь.

Несомненно, что некоторые морские камни излучают таинственный свет, а иные – невидимую энергию, еле ощутимо угадываемую человеком. Конечно, можно легко, с помощью научных доводов, объяснить это излучение законами физики, но ощущение таинственности при этом не пропадает. Трудно примириться с мыслью, что камень, излучая свет, какое-то только ему присущее тепло, не обладает своей, внутренней энергией жизни, даже – душой. Чаще всего этот каменный огонь невидим глазу, но его всегда можно угадать, какое-то время подержав камень в руке. Безусловно, что все эти цветовые, световые и тепловые особенности камня вызывают в нас загадочное чувство, а красота его кажется необъяснимой.

Хорошо и очень удобно, что большинство камней на берегу – мелкие, потому как попадают в море в результате разрушения древних террас, некогда намытых и наслоенных именно такой мелкой галькой. Так и чередуются эти отложения едва ли не с конца третичного периода, с той поры, когда на Дальнем Востоке мало-помалу затихла, наконец, вулканическая деятельность, угомонилась клокочущая огненная плоть, уйдя в глубокие недра. Более ранняя стадия образования самоцветных камешков – это заполнение в морских подушечных лавах пустот-пузырьков, из которых вышел газ массой халцедона, а уж халцедон под действием химических процессов постепенно и преобразовывался в агаты, сердолики, опалы и яшму...

У мыса Крильон – южной оконечности острова Сахалин, живут в прибойной полосе такие чудесные камни, как агаты – природный сплав кварца и яшмы, сердолика и халцедона. Неприметно покоятся они в прохладе прибрежной воды, надёжно храня в себе историю этих берегов, но стоит опуститься перед ними на колени и рассмотреть поближе, как тебя непременно очаруют их чистые и нежные краски.

Вода здесь совершенно прозрачная и каждый камешек на дне отчётливо виден, но более всего поражает обилие агатов... Они и на берегу, и под водой. Можно собирать целыми горстями, но как раз этого делать не хочется, а хочется класть их в карман по одному, каждый внимательно разглядывая и любуясь.

Сразу почему-то угадываешь самый красивый камень, как будто уже знал его давно, только потерял на время, а вот теперь, к радости своей, обнаружил. Но агатов много, и сколько бы ты не собирал их, они не кончаются, мягко крокочут под волнами, набегающими на берег, чуть слышно переговариваются. Наверное, о том, что повидали на своём долгом веку, и ещё – как им привольно живётся на стыке двух необыкновенных морей – Японском и Охотском, на берегу далёкого пролива Лаперуза.

Загадочно-дымчатые и голубоватые, белые и кремовые, им всегда присущ удивительно тонкий рисунок, который хорошо различим внутри камня даже без его распилки. Рисунок, вроде бы, является свидетельством временных наслоений, застывших в полупрозрачной окаменелости, но иногда эти наслоения приобретают форму какого-либо реального

изображения, и именно это поражает более всего. Глазки, колечки, чуть ли не рукотворные кружева можно рассмотреть в агате, но как образовалось это чудо? Тайну загадочной слоистости агата не могут раскрыть до сих пор, и она ждёт своей разгадки. Уж больно тонка её вязь, совершенны вылепленные природой образы!

Вот и опалы – туманно-молочные, изящные и в тоже время простые, нередко встречающиеся на южной оконечности острова, очень напоминают собой агаты. Чаще всего попадаются камни именно такой расцветки, но иногда натыкаешься и на беловато-сиреневые, будто слабо светящиеся изнутри. Холодный язычок еле угадываемого трогательного пламени переливается внутри камня только под солнцем, когда камень поднесёшь к глазам, в остальное же время – опалы будто затаиваются в своих туманно-нежных сонных переливах, так же затаенно ожидая чего-то загадочного и неисполнимого.

Если вам никогда не приходилось рассматривать в микроскоп шлиф агата или опала – тончайший срез камня, то вам трудно будет представить, насколько он прекрасен. Даже самый неприметный на вид камешек, подобранный где-нибудь у прибойной полосы, имеет внутри множество радужных прожилок и оттенков. Обо всём забываешь, когда держишь в руках такую легковесную, почти воздушную природную миниатюрку, отрешённо разглядываешь её, а море с шипением подкатывает к ногам, ластится, будто одобряя твой выбор...

К чудесным камням моря с уверенностью можно отнести и янтарь. Он появляется за счёт моря, хотя и не является в полной мере его продуктом. Янтарь состоит в основном из окаменелой сосновой смолы. Образование янтаря приходится на период, предшествующий раннему четвертичному. Именно тогда, 35-40 млн. лет назад, росли по берегам древнего океана сосны янтарного леса.

Можно предположить, что из всех хвойных деревьев – сосны, пихты, ели и лиственницы, сосны были особенно легкоранимы, и из мест излома выделялись целые потоки смолы, так как иначе трудно объяснить происхождение огромных запасов янтаря на Сахалине. Смола образовывала на взрослых деревьях большие комки, которые в течение миллионов лет окаменевали и затем были погребены под илом последующих морских вторжений.

Особенно крупные скопления янтаря сосредоточены на южном и юго-восточном побережье Сахалина, в районе посёлков Стародубское и Взморье. Правда, на берег волны выбрасывают значительно меньше янтаря, чем оказывается сокрытым на дне моря. Но мне почему-то приятнее сознавать, что большая часть этих драгоценных сгустков остаётся под водой нетронутым природным богатством, и, воображая себе неведомую прохладную глубину, находящуюся под морем, отчего-то не содрогаешься, а только ещё более загораешься романтикой путешествий.

Эту окаменевшую древесную смолу на острове называют «солнечным камнем», и о нём, конечно, нельзя умолчать, рассказывая о Сахалине. Первые его находки здесь относятся ещё к середине 19 века, а заслуга в их открытии принадлежит участникам Амурской экспедиции под руководством Г. И. Невельского.

Сахалинский янтарь на редкость красив... В отличие от прибалтийского, имеющего светло-жёлтые оттенки, островной янтарь привлекает густым вишнёвым цветом, а на свету издаёт приятное тёплое мерцание, напоминая душистые капельки гречишного мёда. Янтарь этот отлично полируется и высоко ценится. Происходя из угленосных отложений, образовавшихся миллионы лет назад и вымываясь из углей, янтарь переносится течениями вдоль восточного побережья Сахалина, и местные жители в обилии собирают его, изготавливая самые причудливые ожерелья. Наиболее крупные куски янтаря – до шести с половиной килограмм весом, геологи обнаружили около посёлка Остромысовского.

Нелегко отыскать долгожданный янтарь. Ноги осторожно ступают по упруго поблескивающему отливу, чуть склонённая спина напряжена, глаза пристально всматриваются в песок. Кажущиеся воздушными на ладошке камешки встречаются нечасто. Особенно редок крупный янтарь, с густым винным оттенком, по замечательной случайности заключающий в себе какого-нибудь насекомого или кусочек растения. Всегда почему-то думалось, что такую находку непременно надо заслужить.

Вначале, во времена третичного периода, смола хвойных деревьев была вязкая, клейкая, и служила смертоносной ловушкой для животных. В основном, конечно, пленниками липкой смолы становились насекомые и, замурованные в янтаре, прекрасно сохранились до наших дней. Среди них много всевозможных муравьёв, мух, комаров, уховёрток, цикад, жуков и пчёл.

Помимо насекомых в янтаре часто попадаются пауки, скорпионы, сколопендры, улитки и даже ящерицы. В жидкой смоле могли оставить следы своих лап неизвестные звери. А ещё она хранит довольно чёткие отпечатки птичьих перьев, плавники рыб и, конечно, самые разнообразные ракушки.

Янтарь, таким образом, интересует не только ювелиров, но ценен и для науки. Около шести сот лет до нашей эры учёный-грек Фалес Милетский открыл удивительные свойства янтаря. Если натереть его сукном, янтарь обретёт загадочные свойства притягивать к себе сухие листья, травинки и вообще все лёгкие предметы: он – наэлектризовывается. По-гречески янтарь называется «электрон», от него и произошло слово «электричество».

Однажды на берегу бухты Де-Лангля, расположенной чуть севернее мыса Крильон по западному побережью Сахалина, мне довелось обнаружить кусочек янтаря размером с шарик для игры в пинг-понг. Янтарь был почти округлый, тёмно-вишнёвого цвета, и в серединке его застыл в настороженной позе длинноногий древний комарик, будто пытающийся приподняться на

цыпочки. Хорошо различимый в чистой застывшей смоле, он, казалось, вот-вот взмахнёт тоненькими крылышками и улетит. На ощупь янтарь был всегда тёплый, и постоянно хотелось рассматривать его, поднося к яркому свету. Помнится, долгое время хранил я этот янтарь, изредка показывал родным и близким, пока не подарил одному хорошему человеку.

А как-то мою коллекцию морских камней пополнила окаменевшая внутренность огромной древней раковины, крупнее самого большого ныне существующего приморского гребешка. Натолкнулся я на неё, погружаясь под воду у мыса Жонкиер, при выполнении работ от Тихоокеанского института океанографии. Мыс Жонкиер всегда славился у местных жителей интересными находками и нередко на его склонах неожиданно обнаруживались каменные отложения с отпечатками давно не существующих рыб, животных и растений. Под действием нескончаемых ветров и морского прибоя скалы постепенно разрушались, обнажая необыкновенные образования. Но чаще на подобные сюрпризы можно было натолкнуться именно под водой, и это представлялось куда более заманчивым.

Когда-то, давно, раковина мирно покоилась на дне первобытного моря, и створки её были широко раскрыты: она дышала вольным морским простором. И тут, по-видимому, произошло внезапное землетрясение, расплавленная каменная масса хлынула в полость раковины и своим давлением захлопнула створки, навечно запечатлев, таким образом, рисунок всех её замысловатых линий, впадин и изгибов.

Раковина пролежала под водой долго, может быть, миллионы лет, и неисчислимые шторма, приливы и отливы содрали с неё весь известковый корсет. Обкатанная песком, гальками и водой, она стала красивой и гладкой, вытянутой в форме гигантской слезы, с одной стороны закруглённой крючком, наподобие мидии. Её так приятно было держать в руках, ощущая эту многовековую тяжесть, и в то же время она казалась лёгкой, живой.

Когда я увидел под водой это чудо, которое для своего времени ничего особенного, в общем-то, не представляло, оно меня околдовало. В мутновато-голубеющей холодной воде, на глубине десять метров, среди серых камней и галек умиротворённо покоилось свидетельство чего-то неизмеримо далёкого и в то же время родного. Как будто я увидел кусочек древней жизни, к которой принадлежал и сам, он был мне очень дорог, но многое из этой жизни я забыл. А сейчас вспомнил и обрадовался.

Ещё внутренность раковины напоминала слепок ступни какого-то неведомого чудовища. От неё веяло именно древностью, которая почему-то не представлялась суровой и выглядела обыденно. Когда я осторожно взял в руки этот первозданный отпечаток невообразимо далёких времён, то вдруг остро осознал, что к нему никто не прикасался миллионы лет...

Потом я не раз бывал с экспедициями в здешних местах и неизменно совершал у мыса Жонкиер подобные находки. Среди них встречались отпечатки исчезнувших животных, насекомых и древовидных веточек

папоротника, а однажды подвернулся даже отпечаток рыбьего плавника. Но, как бы ни были хороши все эти обретения, дороже раковины уже ничего не попадалось.

Теперь окаменевшая внутренность древней раковины лежит у меня дома, в шкафу за стеклом. Иногда я подхожу к ней и дотрагиваюсь её холодного бока, после чего мне сразу вспоминаются мрачные скалы мыса Жонкиер, промозглые воды Татарского пролива и серовато-голубеющая немая глубина. Я гляжу на окаменевшую раковину, и мне постепенно начинает казаться, будто прошлое вернулось, я опять нахожусь на Сахалине, и меня несколько не пугают капризная островная погода, нелёгкая работа под водой и неприглядные чёрные скалы.

Но между тем эти высокие и обрывистые скалы, образованные северо-западным склоном неприступной горы высотой около двухсот метров, таили за собой удивительно покойную и уютную бухту, которую мы назвали «Бухтой полосатых камней». С берега в неё можно было проникнуть тоннелем, прорытым политкаторжанами во времена сахалинской каторги, но в прилив – только со стороны моря. Скрытая от глаз, бухта, наверное, неслучайно хранила свои берега от постороннего взгляда, ибо была усеяна самыми причудливыми разноцветными камнями.

Когда мы высадились на берег, то в лица нам дохнуло застоявшейся дикой теплотой... Сразу появилось такое ощущение, будто до нас здесь никого не было. Крутой берег резко уходил вглубь, создавая впечатление громадной чёрной бездны, но мягкие краски камней и теплота роящегося в бухте воздуха сглаживали неприятное ощущение. Казалось, оступись – и полетишь куда-то вниз, в неведомую холодную глубину, где не слышен пенистый шум прибоя.

Среди камней не было ни одного, который походил бы на другие. Вытянутые и округлые, сдавленные в лепёшку и напоминающие птичьи яйца, камни очаровывали не только формой, но и расцветкой. Зелёные, песочно-бурые и розовые с лазурью разводы на них, казалось, совсем не вяжутся с пасмурной, даже – чёрной окраской острова, и, тем не менее, камни скромно горели в себе, не теряя при этом какой-то обаятельной, внутренней гордости.

Камни на самом деле были горды от изливаемого ими света и, конечно, чувствовали, как нравятся тем, кто их находит. Перед ними сразу хотелось опуститься на колени и, позабыв обо всём, восхищённо разглядывать, осторожно трогать рукой, а наиболее замечательные, быть может, даже присваивать. Обладание такой драгоценностью было ни с чем несравнимо.

Особенно много встречалось полосатых камней, покрытых разноцветными слоистыми кольцами, жилками или пятнышками, что создавали на их шероховатых боках самые невероятные картинки. Порой перед тобой открывались целые пейзажи, причём, морские, чуть ли не в точности повторяющие окружающие. Иногда же подворачивались камешки с

тонкими рисунками зверей, насекомых и растений. Чаще это были почему-то папоротники...

Меня тихо радовали все эти пёстрые, округлые камни. Как-то по-хорошему волновало их безмолвное пребывание здесь, наедине с набегаящими на песок шипящими волнами, за которыми так же неторопливо набегали мысли о причине скопления в одном месте стольких красивых камней, о неизбежности скрытого смысла их нахождения в непосредственной близости от постоянной сырости и мрака.

Если камням суждено было до скончания века быть омываемыми морской пеной, изо дня в день подставляя бока солённому ветру и неприкаянным дождям, значит, всему на свете, в том числе - и человеку, отводилось своё место и время. Их только нужно было определить, как определили это для себя разноликие и прекрасные морские камни.

«ШТОРМА»

Прошедшей ночью я вдруг совершенно ясно осознал, что мне удивительным образом не хватает шторма, переплёскивающихся через борта серо-зелёных волн, куда-то улетающей из-под ног палубы... И тут же родилось и счастливое, и немножко горестное чувство, что всё это было в моей жизни, было и ушло. Но всё-таки случилось, и необычайно озарило молодость только начинающего жить человека, сделало эту жизнь настоящей!

Правда, как бы кто-то не любил море и не знал его, никому, наверное, не дано достаточно полно и выразительно описать шторм. Ведь многие слова, которыми мы обычно располагаем, например, «гул», «мощь», «шквал», «ужас» и «буря» - давно обесцвечены повседневым употреблением их многими поколениями моряков в борьбе со стихией. Чудовищная сила шторма настолько превышает всех этих, пусть даже искренних восклицаний, с которыми мы сталкиваемся в обыденной жизни, что, кажется, она не подвластна описанию, и более того – истинному пониманию её сути. Действительность, как правило, оказывается бесконечно страшнее, могущественнее, чем мы пытаемся передать её даже самыми верными словами.

Шторм потрясает и изматывает, а если это повторяется изо дня в день, в течение месяца и более, - охватить всю его силу и максимально проникнуться ей, не потеряв верного восприятия, невероятно сложно. Нужно слиться с безумствующей стихией, подчиниться ей, но при этом - умудриться не потерять над собой контроль, постоянно управляя ситуацией. Победить свой страх, не разозлиться на беспрестанно охаживающие тебя высокие волны, несмотря ни на что поддерживать с ними внутреннюю невидимую связь, не дав ей порваться, - значит быть достойным безудержной морской силы.

Не возгордиться и не упасть, а выдержать этот ритм, заданный природой, - единственно верное в подобном положении устремление. Мало того, тебя должно всё устраивать в море, и ты не должен сердиться и уповать только на спасение; ты обязан жить всем, что тебя окружает, дышать, рваться вместе со штормом, затаиваться на мгновение и вновь бушевать, как это делают коварные волны. Ты и море, море и ты, в буре этой – вы едины, и главный урок, который преподаёт неукротимая стихия: умей наслаждаться жизнью, как бы она ни была тяжела!

Опасность шторма может исходить откуда угодно, просто только потому, что это – шторм, явление, не похожее ни на какое другое, существующее на земле, трудно описуемое и ещё более мучительно переносимое, никогда и никого не оставляющее равнодушным, невероятно закаляющее дух, если ты его достойно преодолел, и, конечно, не забываемое... Это может быть и так называемая волна-убийца, в несколько раз превышающая среднее волнение и повергающая всё на своём пути. Не

менее опасно совпадение волновых впадин, когда образуется огромная яма, в которую судно ухает как в бездну. Порой подобное совпадение может прийти с самой неожиданной стороны, а довершает серьёзность ситуации наличие нависающих над этой бездной огромных разрушительных волн.

Губительна и беспорядочная волновая толчея, моряки называют её «толкачик» или «сулой», когда отовсюду наваливаются великие океанские гребни: волнение в этих сулоях, действительно, толкучее, похожее на кипящую воду, и воронки водоворотов могут закрутить и опрокинуть судно. Невозможно примениться к системе волн в сулое – они возникают на поверхности в самых неожиданных местах, то есть - совершенно хаотически, не образуя характерных для обычного ветрового волнения гряд. Даже, казалось бы, самые обычные приливо-отливные течения, как это случается в Курильских проливах, доставляют немало хлопот мореплавателям, и, достигая в проливах скорости более 10 км в час, как щепку выносят судно либо в океан, либо в Охотское море, и чтобы совладать с волнением и привести судно в заданное место, надо быть смелым человеком и хорошо знать время смены течений...

Но при всём этом море не ведает ни ярости, ни гнева, оно просто не может не быть таковым, и лучше всего не беспокоить себя попусту мыслями о разрушительной силе морской стихии, ибо двум смертям не бывать. Не всё ли равно – когда это случится, если ты относишься к своей жизни честно? А лишения только обостряют жизненные силы и видение, в полной мере давая то, что соединяет наше сознание со всей Вселенной...

Чарльз Дарвин, вернувшись из кругосветного путешествия на «Бигле», которое обернулось для него четырьмя годами морской болезни, сказал так: «Лишь крайняя необходимость может вынудить человека выйти в море». Но отвага и жажда познания вынудила его вступить в спор с морем.

Да, нелегко длительное время оставаться среди свирепствующего шторма и не поддаться его яростному натиску и собственным страхам, воспринимая его к тому же естественно, как нечто родное. Нелегко потом даже рассказывать об этом знакомым, пытаясь как можно живее передать его захватывающие перипетии. И уж ещё более непросто написать об этой ничем не сдерживаемой силе так, как она того заслуживает, но я всё же попытаюсь...

Есть род путешественников, которые, отправляясь в дорогу, стремятся собирать любые впечатления, и в свою восприимчивую котомку набирают постепенно не то, что нужно, тогда как существенное, вполне готовое к восприятию, ускользает, оставаясь просто незамеченным. Надо же, чтобы после твоих долгих и упорных усилий по изучению себя и мира, открытия приходили к тебе неожиданно, и накапливались в душе так, как будто ты их и не ждёшь, а они возникают. Только такие впечатления заслуженны.

Большая ошибка, когда люди думают, что всё им рано или поздно откроется, - стоит лишь куда-нибудь уехать. Отыскивать свою жизнь нужно в самом себе, в преодолении собственного страха, лени и равнодушия. Ты даже можешь вообще никуда не уезжать, но при этом должен жить полной жизнью, постоянно реагируя на происходящие вокруг события. Важна твоя реакция на них, то, какие шаги ты совершаешь.

Лучше всего совершать их на краю света, рядом с океаном, где всё подразумевает борьбу и испытания, настоящий порыв и чудесное проникновение в тайны жизни. Одним из таких испытаний оказывается обыкновенная качка, проявления которой не заставят себя долго ждать, если вы отправились на свой страх и риск в море. Тем более - в зимнее, штормовое, как будто вознамерившееся разнести всё, что встречается ему на пути, в щепки, не оставив следа.

Началась на море качка, изволь соответствовать её хаотическим, необузданным желанием. Ходи по палубе - будто притоптывая, широко раздвинув локти. Случится отправиться в какое-нибудь нужное тебе место, не стоит роптать, коли угодил ненароком в другое, да при этом набил себе шишек... Следи постоянно, чтобы посуда была закреплена в специальных для этого приборах и дверцы шкафов были надёжно обвязаны резинкой. Да сразу и не примешь всех мер безопасности против неприятных случайностей, которые несёт с собой качка.

Вам придётся привыкать даже к такому обычному делу, как отход ко сну, засыпая в такт раскачивающейся шконке, когда голова, кажется, убегает куда-то в ноги, и через секунду внутренности уже подкатывают к самому горлу. А вокруг – топот ног, ужасающий скрип металлических уключин, такелажа и звонкая дрожь переборок, извечная суматоха машинной команды с судовыми механизмами, железный распорядок вовремя сменяемой на мостике вахты, и надо всем этим – невообразимо завораживающий, глубокий гул беснующегося моря...

Ещё совсем недавно вы пребывали у себя в каюте в спокойном расположении духа и даже не подозревали, что через какой-нибудь час-другой вам придётся противостоять разбушевавшейся стихии. Качка застаёт вас во сне, и когда вы приоткрываете свои полусонные очи – на вас обрушивается треск в переборках или поток забортной воды, хлынувшей в растворённый иллюминатор, который вы не потрудились с вечера задрать. Что такое? – не можете вы ничего понять спросонья, где я нахожусь? Но холодная охотоморская вода быстро приводит вас в чувство, и вы вскакиваете с постели и со всех ног бросаетесь ловить упавший графин или книжку, судорожными движениями рук пытаетесь закрутить барашки иллюминатора, при этом больно ударяясь о край стола и чертыхаясь. Раздосадованный и ещё толком не пришедший в себя, вы, наконец, осознаёте происходящее, но очередной удар волны вновь бросает вас на стол, уже изрядно поддав распахнувшейся дверцей шкафа, с верхней полки на вашу голову сыплются раковины, засушенные морские звёзды и бычки, и тут

повторный удар сотрясает всё судно, мутновато-зелёная, будто озлобленная чем-то вода хлещет в стекло иллюминатора, а лампочка в подволоке лихорадочно мигает. Заснёшь ли тут опять?

Вообще, качка – пренеприятное событие, если вы к ней достаточно не привыкли, не находились в длительных экспедициях, после чего она не воспринимается в диковинку, и хотя донимает порой своей нескончаемо-утомительной монотонностью, но не так остро, как поначалу. Человек ко всему привыкает и, порядком измучившись, рано или поздно засыпает, уже не пробуждаясь после каждого удара волны, пусть и сокрушающей всё на своём пути. Слова «буря», «шторм», «волнение» постепенно становятся родными, не пугают, и тебе даже иной раз захочется подняться на палубу, «подышать свежим воздухом», несмотря на то, что не только стоять, а сидеть в подобных условиях очень не просто.

Помнится, однажды, в свой самый первый рейс, я решил подняться на верхнюю палубу. Ходить по ней было невозможно, да и небезопасно, и я остался стоять какое-то время в двери, наблюдая, как беснуется море, и не мог на него наглядеться. Больше всего захватывало дух, когда море вдруг совсем скрывалось из глаз, исчезая где-то под трапом, и палуба перед тобой возникала стоймя, а то она неожиданно пропадала, и вместо неё поднимался столб воды, который наступал неотвратно, рушился и готов был вот-вот погрести всё под собой. Но страх вскоре проходил, потому, что как бы грозно не выглядела надвигающаяся волна, она непременно исчезала в этом безграничном пространстве воды, надо было только постараться быть внимательным и осторожным, правильно выбирая положение тела и место и, конечно, за что-нибудь держаться. Подолгу простаивая в этом немом созерцании бушующей стихии, меня удивляло, что другие члены экипажа, не задерживаясь, проскакивают мимо по своим делам, оставаясь совершенно равнодушными к происходящему. Оно, конечно, интересно увидеть всё впервые, а если каждый год, да не по разу, то впечатления постепенно снисходят до привычного однообразия: качка становится скучным, обыденным делом.

Прошло года три, пока я стал воспринимать штормовую погоду в море как нечто само собой разумеющееся, но, всё же, нет-нет, да любовался на морское волнение, не в силах отказать себе в этом удовольствии. Раньше я, помнится, уставал от одной досады, что ничем невозможно занять себя в качку, даже – почитать, теперь же, сидя ли, лёжа ли, с книгой или за обедом, вроде бы, как и вовсе не думал о равновесии, машинально упираясь то ногой, то рукой, а то всем телом лоя единственно верное положение. Всё происходящее воспринималось на подсознательном уровне, естественно, и прежде я предпринимал что-либо, уже потом думая и чувствуя.

Впрочем, даже среди бывалых моряков, проходивших в море не по одному году, нередко встречаются и такие, что в качку бледнеют и сереют лицом, страдая неимоверно. Порой сутками не выходят из каюты, нарушая всякий морской распорядок, когда день смешивается с ночью, а завтрак

превращается в ужин. Лежат пластом, искусывая в муках углы подушки, зарекаются бросить море, проклиная его, на чём только свет стоит, но стоит завершиться рейсу, или уляжется шторм и установится хорошая погода, и все мучения позабыты. И уже не вспоминается, что совсем недавно не было никакого житья от этого шторма, и был совершенно убеждён: ты занят не своим делом. Не знал - кого бранить!

Всё привычное, к чему вы были в течение жизни приучены на берегу, здесь, в море, когда на нём разыгрывается шторм, теряет своё значение. В каюту ты неходишь, а влетаешь; держа в руках обычное ведро воды, в качку оно тебя просто вдавливая в палубу; ты кое-как добираться до родной кают-компании, до которой рукой подать, нужно только пересечь коридор; и уж совсем смешно, когда изо всех сил стараешься удержаться на ровном месте, упиравшись ладонями в надвигающиеся на тебя переборки... Ахнуть не успеешь, как набьёшь себе шишек, нужные вещи, всегда находящиеся под рукой, потеряешь и уж отыщешь не скоро, скорее всего – случайно, в гости к тебе никто не приходит, да и сам ты не особо расположен кого-либо видеть, одним словом – качка!

Качка бывает килевая, то есть идущая вдоль судна, продольно килю, боковая, кидаящая судно поперёк – то на один борт то на другой, а ещё встречается смешанная, представляющая из себя умопомрачительное сочетание всего перечисленного, когда не знаешь – куда и упасть: всюду туго и не к месту, полный кавардак! У кого-то при этом в голове лишь одно – караул, кому-то же всё происходящее безобразие – за истинную морскую поэзию, полную неповторимой прелести и красоты! Одних качка похорошему злит и будит скрытые силы, у иных вызывает ярко выраженное неприятие, но находятся и такие, кого шторм, каким бы свирепым он не разыгрывался, ровным счётом никак не занимает.

Взять хотя бы нашего боцмана по прозвищу «Сизый» с легендарного «Дальневосточника», принадлежащего Сахалинскому Управлению Гидрометеослужбы, когда-то давно переоборудованного из среднего рыболовного траулера немецкой постройки в научно-исследовательское судно, на котором боцман и проходил оставшуюся часть своей морской жизни. Так вот этому самому Сизому, прозванному подобным образом за огромный сливообразный нос соответствующей окраски, было вообще всё едино: штиль ли за бортом или всесокрушающая буря. Заглянув к боцману в каюту во время самой отчаянной качки можно было застать его за вязанием ... банных тапочек, рукавичек и мочалок, над которыми он сосредоточенно склонялся с крючком, что-то непонятное шепелявя себе под сизый нос. Было очевидно, что в такие моменты всё боцмана в наилучшем виде устраивает, и на лице его всегда присутствовало полное умиление. Качка, похоже, его несколько не раздражала, а наоборот – приводила в самое доброе расположение духа, когда он, оторвавшись от близкого своему сердцу времяпрепровождения и воззрившись в иллюминатор, вдруг торжественно провозглашал беззубым ртом: «Ну, ты ешо порагговаривай у мене,

шволочь!»), после чего опять умиленно улыбался и принимался старательно накручивать петли. Затворив тихонько дверь, и достаточно проникнувшись увиденным и услышанным, тебе и самому всё происходящее за бортом начинало казаться пустою забавою, и ты невольно проникался к боцману уважением. Если морская природа ни разу в жизни не угостила вас своими сюрпризами, достойны ли вы тогда подобного отношения?

И, тем не менее, встречаются на белом свете любители, которые не прочь насладиться качкой с берега: зачем им быть участниками этого небезопасного предприятия? Чего уж тут хорошего, убеждены они, когда огромные валы в жутком вое перехлестывают друг друга, с остервенением беснуются и поднимаются чуть ли не до неба, пытаясь повергнуть всё, что попадает им на пути, в том числе судно, на котором кто-то в данный момент находится? Другое дело, если вы наблюдаете за всем происходящим со стороны, может быть, даже сидя на диване, перед телевизором, и восхищённо замираете при виде, как судно взбирается на гребень волны, вздрагивает от напряжения и, падая на бок, начинает скользить с пенной горы куда-то вниз, чтобы в следующее мгновение, перевалившись на другой бок, взлетать уже на новую гору из метущихся волн. Водяные стены, вздымающиеся по обеим сторонам судна, кажется, вот-вот сомкнутся и погребут его, но оно почему-то не исчезает под их натиском, а наоборот – вытягивается, к вашему удивлению, вертикально... Что-то переживают там отважные моряки?!

В глубине души вам, конечно, хотелось бы быть сейчас там, на судне, мужественно противостоящему стихии, но её неудержимая мощь всё-таки наводит на вас страх. А между тем, в самый разгар качки, на борту судна у членов экипажа на лицах нет и тени сомнения, или осознания какой-либо опасности: моряки лишь стараются лучше исполнить свои обязанности. Они упираются, тянут, безропотно подставляют плечо своему товарищу, когда в этом возникает потребность, и горя им нет от того, что судно в который раз катится с вершины волны к её основанию, в самый водоворот, где, кажется, должно разлететься от сокрушительных ударов в щепки. Знайте, праздно смотрящие и извечно колеблющиеся наблюдатели, что эти удары не вызывают у моряков чувство покорности, а возбуждают в них лишь здоровую злобу соревнования с морем, с самим собой, когда они не спят сутками, только забываются в полудремоте от усталости, и в этом состоянии способны выполнять любую отчаянную работу. Водяные бугры, с шумом и брызгами, кажутся им родным домом, так же как вам сейчас уютная постель в покойных стенах – воображаемой и никогда недостижимой каютой. Что ж поделать, такова прекрасная и одновременно жестоко отрезвляющая действительность!

А вот я нахожусь в своей каюте, на настоящем судне и его обнимает ревущий океан. Когда-то я не побоялся отправиться к нему через всю страну, преодолел множество препятствий, чтобы только устроиться на рыболовецкое судно в качестве матроса-уборщика, выполняющего самую

грязную работу и, конечно, мечтал о дальних островах и настоящей морской качке. Добившись же своего, вдруг понял – как всё в жизни замечательно и просто устроено. Нужно только очень захотеть, непременно осуществив свою мечту, и тогда эта достигнутая тобой простая истина невероятно обогатит для тебя окружающий мир и собственную жизнь.

Каждый шторм показывал мне тёмную сторону океана и мою собственную, но и вдыхал в душу знание: величие и морской стихии, и человека – в красоте и мечте, в её осуществлении, в том, чтобы быть верным самому глубокому в себе – Божественному присутствию, что открывается только, когда ты побывал в пучине моря. Таков закон Бытия, призванный чтить и в себе, и в мире радость и великолепия существования. Если ты принял его – ты настоящий морской пёс.

Шторм, как это обычно водится в морской жизни, приходит чаще всего без предупреждения, неожиданно. Вдруг резко переменится ветер, затем внезапно задует с другой стороны, миг затянут небо тучи, и вот уже нешуточные валы сталкиваются между собой, подгоняемые ветрами, поднимается тяжёлая зыбь, и ударяет шторм. Всё происходит очень быстро, что требует от экипажа чёткой, слаженной работы, когда малейшее промедление может обернуться в дальнейшем немалыми бедами.

Стоит испытать в своей жизни хотя бы один настоящий шторм, тем более – лобовой! Я испытал, и не раз, и это одно из самых запоминающихся событий, которые произвели на меня огромное впечатление в жизни и наделили знанием и недостающей энергией. Однажды меня потрясла встреча с Тихим океаном, который меня, оказывается, ждал, и произошло это на острове Уруп, а потом я пережил в его метущихся недрах сокрушительный шторм, и стал ему родным.

Такой шторм развивается безудержно, мгновенно захватывает всё вокруг и ширится постоянно, то и дело крепчая, когда, кажется, дальше уже наращивать свою мощь невозможно. Измерить его энергию никто не в силах, не в силах постичь это всепоглощающее смятение морских сил, неудержимый шквал и истошный вой, когда всё рушится, рушится весь мир, и нет, кажется, никакого спасения... Но человек может выдержать всё, в том числе и это: нужно просто самому нести в себе бурю, любить её, не бояться быть слитным с морской стихией, и тогда ты сам превратишься в морской ветер, обрадовавшись этой необыкновенной слитности и перевоплощению!

Шторм вдохнёт в тебя такую силу, благодаря которой ты преодолеешь любые препятствия. Нужно уметь жаждать шторма, встречая его всегда достойно, и тогда всё с тобой будет в порядке. Море чувствует человека и постоянно проверяет его, наказывая за малейшую гордыню. Нужно и самому чувствовать его ритм, стараться жить в такт с ним и не приносить в море ничего своего: в нём достаточно знаний и сил на всех, ими только надо уметь воспользоваться. Лучше – не перечить морю, относясь к нему с уважением. И

конечно, его стоит любить, не теряя с ним никогда связи. Море всегда возвращает то, что оно получает...

... В море всё бело от взбитой пены и густой дымки из брызг. Хорошо, если шторм застал судно далеко от берега, когда не нужно опасаться подводных рифов. Удары волн огромной силы несутся прямо на тебя, сотрясают весь корпус судна, а пеннистая свинцовая вода гуляет по всей палубе. Иногда судно вообще полностью скрывается под ней и, кажется, ему уже не выбраться, но, всё же, другая мощная волна выносит его на поверхность, подымает чуть ли не до небес, и опять бросает в жуткую кипящую бездну. Выдержать это зрелище способен только духовно сильный человек, который не боится смерти, потому что всегда готов к ней. Конечно, в море встречаются и менее выдержанные люди, но они всё равно проникнуты духом единства и волей морского труда.

Капитан стоит на мостике и, не мигая, смотрит в несущуюся на него огромную волну. Через несколько секунд она ударит прямо в лоб судовой надстройки, кажется, погребёт под собой всё судно, но капитан спокойно произносит: «На румбе двести двадцать. Так держать». И всем становится спокойно, команда верит, что судно преодолет все преграды и благополучно вернётся в родной порт. Капитан уверен в себе, уверена в своих силах и команда. Ничто не сможет поколебать стойкости моряка.

Но вот одна из волн начисто срезает контроллер, прибор, представляющий из себя металлический столб, предназначенный для поднятия и стравливания якорной цепи. Мало того, эта же волна, а вслед за ней и другая, третья, пробивают в этом месте палубу, и холодная вода устремляется в носовую каюту. Это уже чревато, и матросы со шлангами устремляются туда, чтобы откачать воду, но огромные беснующиеся валы, постоянно перекатывающиеся через палубу, не позволяют им этого сделать. Ничего не остаётся, как преодолевать сопротивление стихии, ибо иного пути, как через палубу, туда нет.

Всё кругом металлическое – борта, комингсы, лебёдка, тамбучины с кнехтами, талрепы, о них может ударить волна, но поскольку всё из перечисленного довольно обтекаемое, хоть и крепкое, удержаться за него не представляется никакой возможности... А преодолеть палубу нужно, иного выхода просто не существует, но как это осуществить – непонятно. Совершенно очевидно, что приходится рисковать, все это понимают, и потому готовятся к решительному штурму. Может спасти шланг, за который все держатся, он - что-то вроде связующей пуповины, и именно таким образом, на «ура», увёртываясь от наибольших по силе волн, матросы пытаются осуществить свой бросок...

А шквальный ветер совсем обезумел, абсолютно ничего неслышно: бескрайний зев моря устрашающе раскрылся и его не обозреть. Как совладать с этой звериной пастью?

Повсюду скрежет, грохот, гулкая стукотня и вой. Страшно подумать, какие чёрные глубины простираются под днищем судна. Здесь, где мы сейчас

находимся, а именно – в проливе Екатерины, разделяющей острова Кунашир и Итуруп, они достигают нескольких сотен метров и это при очень сильных, часто случающихся шквальных ветрах.

Мы же – лишь щепка в необъятном морском пространстве, судно может вот-вот опрокинуться, на морском языке – совершить «оверкиль», но об этом лучше даже не помышлять. Бездонная морская пропасть – не самое страшное, чего стоит опасаться людям, которых застиг шторм, главное – не потерять веру в себя. И потому – аврал, аврал для всей команды на борьбу со стихией и за выживаемость судна, аврал с самим собой, чтобы прогнать страх.

Ситуация же, казалось, вот-вот выйдет из-под контроля... Льялы откачивали каждые двадцать минут, а потом уже и вовсе без перерыва. Помещения на баке залило водой, металлические трапы со спардека на палубы сорваны, релинги на полубаке либо отсутствовали начисто, либо были погнуты и смяты. Одну шлюпку разбило и смыло, контроллера нет, палуба на баке продавлена запасным винтом так, что он оказался в одной из носовых кают, где вырвало и двери, и лежанки, выдавило иллюминаторы... Словом, стихия побушевала на славу, но при этом нам ещё повезло: можно было считать, что мы легко отделались, ибо оставались на плаву!

В таком положении, конечно, можно на время лечь и в дрейф, то есть отдаться на волю волн, тогда чудовищные массы воды примутся швырять и бить судно, как им вздумается, полновластно распоряжаясь его судьбой. Страшные стены морской толщи вырастают перед глазами, прямо за бортом, и просто гипнотизируют своей неохватной мощью. Скорее бы добраться до родных берегов, но шторм только начался, он продолжается всего несколько часов, а длиться ему не один день...

Аквалангисты тоже переоделись в гидрокостюмы и, обдаваемые волнами, потянули через заливаемую многотонными валами палубу шланги водопомпы. Людей, которые держались на палубе только за счёт того, что обхватывали кишку шланга, не имея возможности уцепиться за такелаж, бросало на борта, разбивая в кровь лица и руки... А в это время исполинская сила срезала как ножом металлические части палубных механизмов, с корнем вырывала закреплённые троса и закручивала металл в узел. Уродливые куски палубной обшивки торчали вкривь и вкось, звенели и гудели, сила шторма только нарастала...

В следующее мгновение сорвало шлюп-балки, следовало немедленно их закрепить, а болтающийся такелаж обрезать. Палубная пробоина в носовой части, под воздействием многотонных валов быстро расширялась, нужно было срочно завести на пробоину пластырь, но его смыло огромной волной, а один из матросов, помогавший при транспортировке пластыря, потерял сознание, ударившись головой о комингс, и его чудом не выбросило за борт.

Когда первая аварийная группа спустилась в носовую часть судна, там творилось невообразимое: катались канистры и посуда, плавали матрасы и

спасательные жилеты, как бешеный метался в темноте сорванный контроллер... Следовало всё убрать, тяжёлые части приварить или хотя бы взять на оттяжки, откачать воду.

Слышно было, как в машинном отделении звучали короткие и длинные звонки, тревожно орал «ревун», странным казалось, что удары волн всё ещё не разбили стёкла иллюминаторов в судовых надстройках. Но каждый работал по мере сил, матросы прибегали в судовую кают-компанию промокшие до нитки, и старпому вновь, скрепя сердце, приходилось их посылать туда, где через борта перекачивались волны многометровой высоты. Совесть не позволяла никому расслабиться, каждый отдавал себя полностью. Главное же, приходилось всё время выскакивать на палубу, чтобы перебраться в нос, и это всякий раз было сопряжено с риском для жизни.

Вода вообще не успевала сходить с палубы. Судно как будто двигалось под водой, и было странно, что мы ещё не тонем. Неистово ревел ветер, где-то бухало металлом о металл, нутжно скрипели снасти: всё судно словно кричало от боли. Общая тревога давно превратилась для всего экипажа в привычное дело. Вторые сутки никто не спал. Да и как уснуть при такой сумасшедшей болтанке и душераздирающем скрипе? Но капитан непоколебимо уводил судно в море, чтобы к подходу основной силы тайфуна быть подальше от берегов.

А ветер усиливался час от часу. По синоптическим картам становилось понятным, что центр тайфуна неукротимо надвигается прямо на нас, и, кажется, должен вскоре просто уничтожить, - так велика была мощь ветра. Стрелка на шкале, показывающая его силу, уже давно прыгнула за «30». Из рубки было видно, как неудержимо растут водяные валы, прикреплённые к металлическим стойкам канатами бочки, словно сумасшедшие, начинают носиться над задраенными трюмами, легко сбивая барашки на крышках люков. Всё на судне давно было закреплено по-штормовому, но от бешеной качки и порывов ветра крепления постепенно развинчивались, всё вокруг трещало, ухало, в помещениях накапливалась вода. И нельзя было запретить выходить экипажу на палубу, который самоотверженно боролся за живучесть судна.

Один раз меня самого захлестнуло волной, потащило и ударило лопатками о лебёдку... В глазах померкло. Хорошо, рядом оказался наш водолазный старшина, оттащил под трап, привёл в чувство. Постепенно я отдышался, и опять – выжидаем, когда волны откатятся, и бежим, сломя голову, на бак, в носовую часть, где вода не только не уходит, а прибавляется. И что поразительно, в этом хаосе и полном разгроме на лицах людей проскальзывают улыбки, звучат уверенные нотки в голосах. И всё это тогда, когда одному - приходится работать, чуть ли не распластавшись по палубе, а двум другим прижимать его своими телами, чтобы не смыло за борт. Море само вдыхает в людей мужество.

Но, вот, помпа поперхнулась и ... встала: тьфу, чёрт, все предыдущие усилия оказываются напрасными. Снова спешим обратно, в машинное отделение, враждебная же сила океана нас не пускает, и становится вовсе не по себе. Когда же этому безумию конец: не успеешь с огромными усилиями предотвратить одну беду, тотчас наваливается другая, а вместе с ней неисчислимы потоки воды? Совсем недавно воспринимаемая как друг, теперь вода оказывалась врагом, с каждой минутой утяжеляя обстановку.

Время от времени прекращалась подача воды для охлаждения двигателей. И приходилось переключаться на балластные насосы, забирающие воду из кингстонов. Но и они иногда, когда судно приподнимало на волне, засасывали воздух, а по палубе уже металась не только бочки, но и бог весть откуда взявшиеся кислородные баллоны, сметая леерные устройства и вентиляционные футштоки, возвышающиеся над палубой.

Между тем помповый шланг оборвало и выбросило за борт... Матросы в спасательных жилетах, держась друг за друга, замерли вдоль борта, выстрел из линемёта – и оплетённая на конус груша, совершив круглую траекторию, чёрной точкой перехлестнула извивающуюся в кипящей воде кишку. Попали! Все, навалившись, хватают линь и ведут его к носу, горы же воды обрушиваются на людей, норовят увлечь в своих бурлящих потоках. Вот, наконец, показался шланг, его хватают и тянут изо всех сил, тянут эту тяжёлую брезентовую плетть толщиной в ногу. До чего же всё надоело! Но главное – не потерять головы, двигаться, держаться друг за друга, и, даст Бог, стихия смилостивится...

Силами полдюжины отважных матросов и аквалангистов, ежеминутно избиваемых тоннами ледяной воды, всё же удалось пробраться на бак, откачать воду и худо-бедно заделать в палубе пробоину. Но чего это стоило?! Впрочем, матросы выполняли свои прямые обязанности, подтверждая силу морской спаянности и хватки.

Двое суток не прекращалась борьба за живучесть судна. Двое суток не спали, не отдыхали, почти ничего не ели. Да, и не лезла в глотку никакая пища, все были охвачены напряжением. Была, конечно, беготня, суета, крики, но без паники. Все смотрели на капитана, его спокойствие передавалось экипажу, и начинало вериться, что шторм мы рано или поздно одолеем.

И вот, моторы снова режут, не безнадежно пытаясь перекрыть рёв моря, и судно медленно переваливается с волны на волну. Впереди – длинная морская дорога, сколько ещё всего может случиться, а застывшие матросы в кают-компании уже греются за горячим чаем, перекидываются шутками. Не всё во власти морской бури!

Когда судно оказывается ввергнутым в шторм, команды на мостике звучат одни и те же: «Больше право!», «Больше лево!», «Средний назад!», «Полный вперёд!», «Ветер крепчает до 9 баллов...», «Держать бейдевинд!». Крутая охотоморская волна проходит право по борту, а за ней – другая, по

левому, и так – до бесконечности, только успевай перехватывать руль. И каждый навал моря – это сосредоточенное внимание всего экипажа, расслабляться нельзя ни на секунду, ведь судно должно продвигаться вперёд, не теряя обороты двигателя. Шумит и негодует Охотское море, ни на секунду не утихая, и только ещё более отчаянной становится волна...

Нигде я не испытывал такого напряжения физических и душевных сил, забывая обо всём, а когда начинал потом вспоминать эти суровые дни, то понимал, что ничего лучше в моей жизни никогда и не было. Буря неистовствует, рвёт всё на своём пути, но иначе она не может, и нужно не противостоять ей, а принять, слившись с этой неуправляемой и грозной силищей. В какой-то миг до твоего понимания доходит, что нет у тебя никого больше, только вот эти безудержные волны и ветер, и их можно пересилить, если не бояться моря, даже – дружить с ним, и ни о чём худом не думать.

Перед глазами, в рваных белёсых клочьях пены, качается свинцовая мгла моря, а ты на неё не серчай, не гони от себя, и воспринимай, как захватывающий фильм. Тогда преодолевать шторм становится не так муторно и нудно. Нужно, вообще, взять за правило радоваться в море всему, что оно преподносит, но только когда этому научишься?! А учиться приходится каждый миг, если хочешь стать настоящим морским «волком», и море постепенно отпустит, смилостивится над тобой, обернув всю свою лихую натуру в забавную игру...

Учиться у моря – одно удовольствие, ибо оно много чего знает, желанная же суша порой только портит. Выпало счастье быть учеником у морской стихии – будь ей благодарен, да смотри не пропускай уроки, переучиваться некогда будет, ежели терпения в своё время не проявил. Приучайся к собственному жизненному порядку. Ученье лучше богатства!

Когда по глазам стегаёт ветер, а лицо обдаёт солёной водяной пылью, жить становится намного веселей. Одичалая буря извивается и воеет за окнами надстройки, время, захваченное ею – остановилось, но ты не поддавайся на её ухищрения, пусть себе бурлит и бранится. На то она и буря, и если уж она взялась поздней осенью за своё губительное дело, то скоро не остановится... Ты же – набирай свою силу!

Только после двух-трёх лет работы в море стал я замечать, что у штормов бывает разный цвет. Он либо окрашен в решительные, резкие тона, отличающиеся ясностью и даже чистотой, либо это – злобная, неразборчивая муть, объявляющая собой всё водное пространство. Когда море злое, с тяжёлыми тягомотными волнами, то и на душе становится тяжело, а если разбушевавшаяся стихия набрасывается на корабли и скалы в открытую, желая тотчас растерзать и повергнуть, то отчего-то принимаешь эту его бесшабашность, так что и самому становится весело, задорно. И тогда уже недобрые ощущения в душе уступают место собственной, неизвестно откуда взявшейся лихости, что тоже побуждает в душе желание побороться со стихией, не спасовать, и в голове даже рождаются необузданные мечты: ты

рвёшься в них куда-то, кому-то что-то пытаешься доказать, а худые думы исчезают.

Хорошая штука шторм, когда всё в нём ясно, и нужно только проявить терпение и отвагу, отчего сердце радостно, как щенок, тыкается, просится на свободу, и ты не в силах его сдержать. Невтерпёж же держать в себе разгневанное, непонятное море, и ты, кажется, не взрослеешь с ним, а только мучаешься. Но что тут поделаешь: стихии моря присуще беспокойство, такова его природа, и человеку надлежит пребывать с ним в добром согласии, сопоставляя собственные мысли и чувства с его настроениями, и как это замечательно, если между тобой и морем устанавливается взаимопонимание: тогда и горе не берёт!

Охотское море вообще очень коварное. Шторма тут налетают внезапно, да и синоптики к тому же довольно часто ошибаются, но в море никогда не прогадаешь, если будешь ожидать худшего, оставаясь начеку при любых обстоятельствах. Чаше Охотское море выглядит громяющим, вздыбленным, и тогда кажется, что оно не может быть иным. Вдобавок, дыхание севера сковывает это море льдами, нагромождая их вереницей искристых торосов, и лишь под ними море успокаивается до будущей весны.

Коварство стихии начинается с того, что небо у горизонта вдруг забелеет, зелёная вода будто подёрнется серой плёнкой, солнце засветит как-то тускло, и неожиданно исчезнет в ещё совсем недавно отсутствующих тучах. Мгла из пепельного марева зароится над водой, подует лёгкий порывистый ветерок и появится зыбь. А через каких-нибудь пять-десять минут в судовые борта уже бьёт накат, водяные валы растут на глазах, верхушки на них лихо пенятся, и ощущается порядочный крен. Давно ли мирно синело небо, ласково светило солнце, но будьте уверены: ещё полчаса – и вас захватит жестокий охотоморский шторм!

А пока в скулы судна бьют ещё небольшие волны, хотя каждый новый порыв ветра сильнее предыдущего. И вот, наконец, загудело, завыло всё пространство над морем. Солёные хлопья, вперемешку с брызгами воды оторвало и бросило в окна надстройки, судно неожиданно зарылось носом в волны и стремительно скользнуло вниз, задрав корму и оголив винт. Мотор в такие моменты начинает быстро набирать обороты, работая вхолостую. Значит, стихия даёт уже баллов семь, а то и восемь!

Если же посмотреть на бушующее Охотское море с высоты птичьего полёта, той же самой большой североморской чайки или малого буревестника-глупыша, то вы будто воспарите над грозным скалистым ущельем, окутанным густой туманной завесой и низкими мрачными тучами. Перед вами предстанет нечто невообразимо-хаотическое и необъятное, почти неопишуемое в своей бескрайней вздыбленности оголтелых волн. Граница между морем и небом в этом таинственном мире исчезает вовсе, а огромные водяные валы, кажется, не знают, куда им мчаться. Кем ты чувствуешь себя здесь и почему ты оказался в самом жерле этой разбушевавшейся стихии?!

А то ещё, вдобавок к шторму, напорется судно на потерянные рыбаками или утащенные бурей сети! Сети не тонут, а, гонимые волнами и течением, кочуют в море, угрожая бедой судам. Винт траулера, бывает, подцепит такого «кочевника» и становится беспомощным, как малый ребёнок. В безветренную погоду моряки умеют быстро освобождать винт от такого «сюрприза», но если нагрянет шторм – быть беде!

Вот и приставать в качку к борту судна на боте либо шлюпке – тоже задача не из лёгких. Шлюпку то и дело приподнимает, чуть ли не до фальшборта, порой даже выше, и нужно найти в себе ловкость тотчас среагировать на такое молниеносное сближение. Как только подоспел подходящий момент, цепляйтесь за борт и прыгайте на палубу, так делают все, кто связал свою жизнь с морем, и ничего задорного в этом нет. Но вот если вы прозевали, а то, ещё хуже, трусили, волна вмиг отступит и утащит шлюпку на добрый десяток метров, после чего уже совершить удачное сближение удаётся не сразу, и вы в волнении ожидаете подходящего случая, который подолгу не подворачивается, и к своему неудовольствию чувствуете, как сердце охватывает смятение. Ничего не попишешь: море проверяет вас на прочность.

В шторм и просто ступать по палубе – нешуточное дело, когда она вырывается из-под ног и словно взлетает, а ты остаёшься в каком-то непонятном, взвешенном состоянии, в то же время не чувствуя веса собственного тела. Нужен хороший вестибулярный аппарат, изрядный опыт и даже своего рода особое искусство, чтобы, выбрав необходимые паузы, умело пробираться по ней, не набив себе шишек. Вряд ли при этом встретишь на своём пути какого-либо члена экипажа, и кают-компания, обычно оживлённая, теперь пуста, потому, как все отлёживаются по каютам. Слышен неустанный гул моря, скрип раскачивающегося такелажа, да однообразный стон переборок. Судно упрямо штурмует непогоду, в глухо задраенные иллюминаторы бьются могучие пенные валы, и ревуший вой ветра проникает в малейшие щели. Вздрагивает и гудит днище, корма, устремлённый в бурю нос судна, а шторм только усиливается, всё более свирепеет.

Качка из размеренной - незаметно превращается в порывистую болтанку, но вскоре судно и вовсе куда-то проваливается, будто не чувствуя под собой водной тверди. Оно летит, бухаясь в непроглядную тьму, и страсть от этого затаенного неведомого падения целиком охватывает твоё сердце. За что держаться и стоит ли вообще предпринимать к этому какие-либо усилия в таком безудержном парении – тебе ничего не приходит на ум. Только бы уже упасть куда-нибудь, в любую бездну, и быть охваченным ею навечно: чего уж думать о том, как дела наверху?

А между тем – происходит обыкновенное дело на море! Чем-то оно схоже с нашей действительностью, в которой жизнь каждого человека – это нескончаемое поле загадочных поступков и ошибок. Но море не должно повергать тебя своими размерами, так же, как и жизнь, ибо ошибки эти –

неисчислимо богатство. От того, как ты ими распорядишься – и будет зависеть ценность прожитого тобой времени, дороже которого ничего и нет. Море, как ничто, напоминает об этом, ненавязчиво присутствуя рядом: ты можешь его не заметить, а можешь обратить свой внутренний взор к его неиссякаемой энергии. И в штиле, и в качке оно необыкновенно полезно.

Как писал Константин Паустовский – «штормы проветривают сердце»... Что означает для человека испытать красоту шторма, его дикую отчаянную силу? Только ради этого стоит сходить в море, чтобы почувствовать небывалость штормовой стихии, всю её нескрываемую мощь. Шторм неутомимым голосом призывает человека в свои объятия, но никогда при этом не обманывает. Он несёт в себе энергию необыкновенной глубинной чистоты...

Странно, но шторм в ясный солнечный день воспринимается более величественно и грозно, нежели в хмурую, ненастную погоду. Море от самого горизонта будто кипит, не зная – куда ему деться, и когда долго видишь перед собой эту безудержную толчею волн, закрывающую горизонт, голова незаметно начинает кружиться. Невозможно смотреть одновременно и на пляску волн, и на солнце, которое, кажется, тоже слегка пританцовывает, пытаясь удержаться в небе над бушующей морской стихией. Хорошо ощущать в такой день слитность со штормовым морем, переживая только радость.

Ощущения во время девятибалльного шторма – непередаваемы! Это нужно прочувствовать самому, на собственной шкуре, и это есть настоящее испытание для человека не только на физическую выносливость, но и на силу духа, поскольку шторм изматывает всех уже через сутки, а может длиться и двое, и трое, сколько угодно... Главное, ты не знаешь – на какой срок рассчитывать, и тут самое лучшее жить в ритме с морем, подстроиться под его буйный лад и терпеть, умея получать при этом ещё и удовлетворение. Вас должна охватывать приятная, бодрящая злость от всего происходящего, иначе вы - не моряк. Море – просто не ваша стихия, ведь тихо оно бывает, пока стоишь на берегу.

Палуба кренится, чуть ли не на пятьдесят градусов то в одну, то в другую сторону, и нужно иметь хладнокровие не обращать внимания на подобную свистопляску, умело и быстро изменять положение тела, и при этом не бросать выполняемой работы. Руки беспрестанно перехватываются за разные выступы и опоры, ноги выделывают невообразимые кренделя, тело, кажется, напряжено до предела, предельно напряжены и нервы: легко ли находиться в таком состоянии длительное время?

Замечено: самые настоящие моряки в этой штормовой ситуации – хладнокровные, почти не замечаемые люди, внешне никак не реагирующие на происходящее. Их немилосердно кидает, бьёт о механические части механизма, если это, скажем, механики, но они будто не обращают на происходящее никакого внимания и всё делают, как давно заведено. Штурмана и матросы неизменно сменяют друг друга на вахте, буфетный

рубит мясо и чистит картошку, кандей варит щи и печёт хлеб, маркони выходит в эфир, а мотыль измеряет щупом уровень масла в танкерах. Всё идёт своим чередом, и каждый, на своём месте, старается надёжно исполнить возложенные на него судовые обязанности. Судно, несмотря ни на что, живёт обыкновенной экспедиционной жизнью, и это спокойствие отражается в лицах моряков.

В своём первом морском рейсе я нет-нет, да пытался разглядеть за этой размеренной морской обыденностью скрытую браваду, то и дело всматривался в лица моряков, но ничего у меня не получалось: все члены экипажа были совершенно искренни в своём поведении. Да и сам я скоро понял, что к шторму, в конце концов, привыкаешь. Ни как к чему-то занудному, что вынужден, несмотря ни на что, терпеть, а как к неотъемлемой части твоей жизни, посвящённой морю. Постепенно, даже не замечая того, ты перестаёшь думать о страшных глубинах, простирающихся под днищем судна, гигантских волнах, готовых его низвергнуть в неведомую пучину, о морской болезни... Она перестаёт тебя навещать, если ты занят делом.

Волны и глубина уже воспринимаются как нечто неотъемлемое, без чего ты, оказывается, не представляешь собственной жизни, и тебе даже нравится всё то, что тебя сейчас окружает. Можно сказать, что ты даже счастлив, правда, ещё не до конца осознаёшь это замечательное состояние. Веришь, что вопреки любой буре, будешь всегда идти к намеченной цели, чего бы тебе это ни стоило. И уже не удивляешься ничему в окружающей тебя морской жизни, а только радуешься, как может радоваться свободный человек: повелевать волнами ты, конечно, не в силах, но вот становится с каждой экспедицией немного лучше, сильнее, вполне осуществимо.

- На румбе 190! – доносится сквозь рёв моря и ветра с капитанского мостика, и понимаешь: ты находишься там, где и должен находиться, и всё у тебя в полном порядке.

- Ну, как? – спросит тебя однажды в лихую качку бывалый матрос. – Не растабанило?!

- Ничуть, - резво отвечаешь ему. – Даже – хорошо, злить начинает малость...

- Ну-ну... - лукаво косится матрос. – Поначалу-то любого разболтать может. Пока ещё пообтерпишься! А есть такие храбрецы, у которых в первый шторм ровно пробку вышибает, и уж потом – хоть кверху ногами ходи, всё тебе нипочём! Кто-то же, наоборот, всю жизнь в море проваландается, но так никогда и не привыкнет. Тут, брат, свой расклад иметь надобно!

У меня, похоже, сразу обнаружился «свой расклад», и я уже потом никогда не отступал от него, каким бы сильным шторм не оказывался. Помнится, ещё при первом выходе в море, на пробное траление, укачивать начало сразу, хотя волнение было незначительное. За бортом плясала открытая, теперь уже не сдерживаемая брекватером, покатающая волна, и в лицо резко, до тошноты, ударяло сладковатой морской свежестью. Запах разогретого топлива и звук подрагивающих переборок окутывали с ног до

головы, чайки с надоедливый гамом то и дело мелькали в распахнутом иллюминаторе, и было слышно, как на камбузе размеренно погрохатывает посуда. Со всем этим, а более с собственным волнением, пока ещё трудно было справиться.

Я долго крепился, мужественно борясь с подступавшим к горлу комком, но удержаться, всё же, не смог. А потом вдруг стало необыкновенно легко, волнения почти не ощущалось, и если заниматься каким-нибудь делом и ни о чём плохом не думать, то и вовсе становится как-то удивительно свободно. Нужно только ко всему немножко привыкнуть, сделаться увлечённым, более сильным человеком, и тогда окружающее тебя штормовое море воспринимается радостно, с предвкушением чего-то таинственного и необычайного, как нечто родное.

Именно так, по-родственному и очень просто воспринимают разбушевавшееся море старые моряки. Сколько раз потом приходилось мне присутствовать при самом обыденном обсуждении шторма этими моряками, и я не переставал удивляться тому сдержанному обаянию, с которым такие беседы происходили.

- Однако, наваливает! – с серьёзным видом, бывало, заметит вахтенный штурман, стараясь принять такое положение, чтобы не стукнуться. – Ещё вчера, с вечера, когда выходили с Малокурильской бухты, изрядно засвежело!

- В точности так, Кузьма Петрович, - благодушно подытоживает боцман. – Капитан всю ночь не сходил с мостика. Только прилёт... Погода – не приведи, господи! Ровно наши сахалинские сопки качаются...

- Ты сам-то, боцман, остерегаешься болтанки? – от нечего делать интересуется штурман.

- Не без этого, Кузьма Петрович! – простодушно отвечает боцман.

- А вот капитан наш ничего не боится! С любым штормом справится, и всегда смотрит ему в лицо, - авторитетно замечает Кузьма Петрович. – Самая адская качка ему нипочём!

- И то верно, - с напускной небрежностью вторит ему боцман. – Долг дисциплины, знаете, обязывает.

По лицу боцмана видно, что он пытается скрыть волнение, и оно не оставляет его.

- Ну, и рвёт! – в лёгком возбуждении, будто самому себе, произносит боцман. – Пронзает наше судёнышко наскрозь!

- Потихоньку выдюжим, - как бы задумавшись, покойно убеждает и себя и боцмана штурман.

- Никуда не денешься.

- А ушёл бы? – усмехается Кузьма Петрович.

Боцман какое-то время молчит, а потом еле слышно добавляет: - Рази отседова уйдёшь? Кругом вода!

И действительно: океан поглотил собой всё видимое пространство, сокрушая своими мощными ударами судовые надстройки. Штурман же

глядит в окна, не мигая, и когда очередная водяная гора погребает всё судно, он только недовольно крикает и потирает усы.

И всё же, в преддверии шторма, каждый моряк, каким бы опытным он ни был, собирает всю свою волю в кулак и полон решимости на этот раз, наконец, не поддаться морской болезни. Всегда чутко прислушиваешься к себе – появляется ли ощущение тошноты, и если нет, то испытываешь глубокое удовлетворение: ты сроднился с морем, вошёл с ним в единый жизненный ритм, и твоё сознание от этого крепнет, оно становится ещё более поставленным, а значит – управляемым. Ничто теперь тебе не страшно, и оглянувшись вокруг – ты понимаешь, что чувствуешь себя по-настоящему счастливым.

Вообще, наступление морской болезни располагает к сдержанности даже самые отчаянные головы. Обычно шумные и вездесущие, члены экипажа, с началом шторма, довольно внезапно перестают общаться со своими товарищами, куда-то надолго исчезают, так что о них все даже забывают, а то присаживаются в каком-нибудь укромном местечке на палубе, и в таком забытии вглядываются тихо вдаль, как правило, в направлении исчезающих берегов. Ничто теперь, кажется, их не интересует, даже – вкусный обед, аппетитные запахи от которого немилосердно распространяются с камбуза, и наши присмирившие приятели без сожаления пропускают обычно всегда желанную трапезу. Сейчас для них нет ничего прекрасней, чем подышать прохладным морским воздухом – солёным и свежим, как будто это только что сорванный с грядки огурец. И вот они переходят от борта к борту, не в силах им надышаться, и тошнота, вроде бы, отступает, но пока они и помыслить бояться о том, чтобы спуститься во внутренние помещения... Свежий морской воздух – лучшее лекарство от морской болезни!

А однажды нас вылечил от морской болезни напряжённый труд всего экипажа, ибо труд лечит и от тоски и от всех бед на земле. Дело в том, что каждый район моря обычно диктует свои особенности плавания по нему, и их, конечно, следует учитывать. И как тут не вспомнишь, что почти на всём протяжении Татарского пролива, вдоль западного побережья острова Сахалин, располагаются под водой каменистые гряды, что в прилив совершенно не видны...

Часто здесь по весне и в начале лета задувает с моря норд-ост, он быстро усиливается до степени шторма, а рейд вдоль западного берега, особенно – вблизи Виахту, Мгачи и Дуэ открыт для этого ветра. Уйти в море, как правило, невозможно, а прямая береговая линия без удобных бухт и заливов, в свою очередь, не предполагает возможным укрыться от непогоды, и судно должно пережить шторм на якорях, если оно застигнуто им врасплох. Якоря же не выдерживают, машина порой не в силах выгрести против ветра, и часто якорные цепи рвутся и судно выбрасывает на камни.

И вот, в одну из экспедиций от ТИПРО, нас и понесло неотвратно на эти гибельные «кошки», что-то случилось тогда с машиной... И, конечно, я

сразу невольно представил себе капитана, как он напряжённо раздумывал, еле удерживаясь на мостике, что тут можно ещё предпринять: стравить якорь-цепи до жвака-галса в надежде, что те, коснувшись грунта, зацепятся за него, и ... ждать?! «Вытравить до жвака-галса» - означает выпуск якорной цепи на всю её длину, а поскольку основным назначением жвака-галса является сцепление якорной цепи и корпуса судна, то в случае необходимости якорная цепь с его помощью отсоединяется от судна, и тогда оно, может быть, выгребет благодаря сопротивляющемуся якорю от этих проклятых камней?

Оставалось, действительно, только ждать, что какая-нибудь неизведанная, но сопутствующая человеку сила отворотит судно от каменных рифов, над которыми, это уже хорошо видно, вздымаются осатанелые буруны, желая разбить эти камни вдребезги. А судно взлетает и падает, и его всё так же, неудержимо сносит в эту каменную западню... Вся надежда – на якоря, но сколько выдержат они на скальном грунте, в такое волнение?

Ведь волны бьют, не прекращаясь, на смену одним – подступают другие, и нет им конца. А шторм только ещё более свирепеет, он и не думает утихать, будто подсмеиваясь над бесполезными усилиями людей, набирает неизвестно откуда берущуюся мощь... Наверное, из самых таинственных глубин океана!

В конце концов, эта безудержная мощь сначала обрывает один якорь, а затем – и второй. Но ничего не поделаешь: море есть море. Что такое девятибалльный норд-ост – знает любой моряк на Сахалине, хотя бы раз прошедший море. У моря свои законы, их нельзя нарушать, а можно только следовать им, не забывая, что и человек живёт не только по земным законам, но и по божественным, и они предполагают, порой, совершенно непредсказуемый расклад, когда за существование людей, если они достойны своего звания, вступаются божественные силы, помогая миновать, казалось бы, безвыходную ситуацию. И мы тогда каким-то чудом всё-таки выбрались в пролив...

Вернее даже будет сказать, благодаря догадке «деда», который безрезультатно хлопотал у двигателя со своими механиками весь день. Все, помнится, извелись и уже не замечали ни времени суток, ни мощь шторма, а только чувствовали, что и судно и людей может спасти единое напряжение сил, направленное на борьбу за выживание нашего многострадального старенького сейнера, которого стихия немилосердно сносила, между тем, на каменные гряды. Сигнал «SOS» был послан, но кого ожидать в такую непогоду? К тому же район для подхода спасателей был очень уж неудобным... Оставалось, не покладая рук, бороться изо всех сил, до самой последней возможности уповая на себя и Бога.

- Пока до нас кто-то доберётся, расцелуемся со скалами, - невесело замечает вахтенный матрос.

- Не бойсь, выберемся, - отвечает ему второй штурман. – Наш «дедушка» что-нибудь обязательно придумает!

А капитан хмурится... Сейнер, тяжело подвывая машиной, карабкается почти в отвесную гору воды, вершина которой щетинится пенными барашками: только бы отойти подальше от берега! Оголившийся винт с завыванием бессильно сечёт воздух, только изредка касаясь лопастями серой воды, волна же на глазах всё растёт, вздымается, и не пускает судёнышко дальше в море, отбрасывая его к коварным подводным грядам... Ну что здесь поделаешь?

И тут на мостике появляется «дед»... Вид – самый измочаленный, какой только можно себе представить, словом – никакого лица на нём нет, и, несколько замявшись, обращается к капитану:

- Я, Михалыч, вот что подумал... Сейнеришко у нас, конечно, старенький, но двигатель-то новый, только установлен во время зимнего капремонта. Может нам ограничитель-то, того, значится, снять?

А нужно заметить, что любой новый двигатель имеет два предела мощности. В начальный период эксплуатации на двигателе стоит ограничитель, и пока механизм не отработает положенного времени, и его детали ещё, как следует, не притрутся, разрешается достигать лишь первого предела. Впоследствии, когда все детали приработаются одна к другой, разрешается снимать ограничитель и пускать двигатель на полную мощность. Наш «Армавир» был только недавно оснащён двигателем с завода, и ему ещё долго предстояло работать с ограничителем...

- И действительно, - размышляет вслух капитан. – Отчего не снять, коли этакая катавасия приключилась, а про то, что срок не позволяет, мы как бы забудем. Рискнуть, да и закаяться! Ну, ты, дед, голова! Кабы на ней капуста росла, так был бы огород, а не плешь!

И вот плomba с ограничителя снята, наш сейнер вздрогнул, всё в нём задребезжало, заныло, будто натянулось, но не лопнуло, а стало, будто, выправляться... Мощно заработала машина. В рулевой рубке оживление:

- Ай, да, дедушка, молодец! Ещё бы чуть-чуть – и ночевать нам на камешках! Придумал-таки выход! – радостно восклицает штурман.

- Стихия слепа, а мы люди! – вторит ему старпом.

- И то верно! Богу молись, а сам трудись. Без труда не будет добра!

А маленький сейнер, которым управляли люди, их знания и воля, и который совсем недавно терпел настоящее бедствие, благополучно выходил в пролив. И хоть по-прежнему стёкла рулевой рубки заливали клокочущие потоки воды и громадные волны перекачивались по палубе, настроение у всего экипажа было совсем иное.

К слову сказать, за потерю якорей капитана лишают диплома, и он, наш дорогой и любимый Михалыч, уже позже вспомнил, что несколько лет назад какое-то судно утопило свой якорь в ковше Чехова, чуть южнее, куда мы и направились после того, как шторм улётся, желая восполнить потерю хотя бы одного якоря. В результате долгих поисков аквалангисты якорь всё-таки

отыскивали, подвели под него стропы, и подняли на поверхность, что опять же не обошлось без приключений, и честь капитана была спасена. Но долго ещё все не могли забыть коварные каменистые гряды, скрывающиеся под водой у северо-западных берегов острова, и сплочённый труд всего экипажа, незаметно избавивший нас от переживаемых мучений: за напряжённой работой мы и думать забыли о морской болезни!

В такие моменты, что даются неслучайно, вдруг невольно подумаешь: и очень даже хорошо, что море так растабанилось! Когда ещё увидишь подобное? Нет, жизнь для того и дана, чтобы попробовать в ней всего в достатке, хотя бы вот этот девятибалльный шторм.

Только в такую бурю ты начинаешь слышать своё сердце, недоверчивое отношение к жизни отступает, и в тебе рождается какой-то иной человек, что готов поспорить и с безудержной морской стихией. А почему нет?! Спокойное житие, как ты уже не раз убеждался, не приносит глубокого удовлетворения, но такое штормовое море тебе по нраву, его ещё нужно заслужить в собственной жизни, ну, а уж если оно заглянуло в гости – прими его достойно, и оно, ты не поверишь, обрадуется тебе!

Ты только не предавай себя, той чудесной возможности, что предоставляет тебе Существование, и тогда, может быть, море примет тебя, и ты не будешь бояться любой передраги, потому как эти неожиданные напасти учат вольной, настоящей жизни. Тебя захлестнёт от радости эта твоя моряцкая лихость, но лишь на короткое время, пока ты тотчас не остепенишься, не возьмёшь себя в руки, и не станешь незаметно сильнее... Всякое случается в жизни, всё может быть в море, и это, наверное, есть самое чудесное, что отличает наше существование на земле, по соседству с морем, проверяющему людей на крепость.

- Тавота и грифеля не жалея при смазке троса, тогда он выдержит любую бурю! – любил говорить наш боцман.

Уйти на долгие месяцы в штормовое море, и вернуться живым, - это ли не радость?! Чайки опять станут кружить над твоей головой, махая белоснежными крылами, а ты будешь пьянеть от того, как судьба испытывала твоё терпение и волю, и ты выдержал её буйный нрав, и если так, то можешь петь гимн этой жизни, что не подвела тебя. Ты завязал ещё один морской узел!

Когда судно находится вдали от берегов, оно порой начинает балансировать на гребне волны высотой с многоэтажный дом, и кажется вот-вот должно ринуться в пропасть, но этого почему-то не происходит. Такие волны иногда приходят в сильный шторм, они не опасны, и, поняв это, ты даже начинаешь получать удовольствие от такого головокружительного балансирования. Когда я их замечал, у меня появлялось острое желание быть к ним поближе, смотреть неотрывно и как будто проникать в их суть. Так можно было отвлечься от приступов морской болезни...

А судно, тем временем, спокойно ползёт и ползёт вверх по склону этой бесконечной, как будто заснувшей волны, и потом, также спокойно, вниз, и ничего ужасного не приключается. Эти гигантские волны временами даже успокаивали, и отчего-то я всегда чувствовал себя при них ещё более уверенным в себе, нежели при полном штиле.

Смотришь на волны – и постепенно тебя завораживает то беспокойное копошение, с которым они накатывают друг на друга, неизвестно зачем беснуются, шумят. Какую волну не выхватишь взглядом из общей непонятной толчи, всякая, кажется, старается забраться выше других, гонит собой остальные, вроде как пытаешь себя показать. А на неё уж с шумом наваливается иная, завиваясь белым пушистым гребнем, и тут же – ещё одна, более свирепая, да всё с безудержным натиском, как-то одичало...

Скоро голова начинает кружиться от этого беспорядочного волнения, и вот уже воображается, будто в штормовом море нет никакого смысла. Жалость ему не присуща, хоть бы в этом штормовом жерле гибли корабли и люди: море бы без всякого сожаления разбивало суда, погребало под собой людей, не разбирая никого – ни достойного, ни труса. Одну жестокость несёт бушующее море, рушит всё на своём пути, не боясь ни молний, ни ночного мрака, ни собственного отрешённого одиночества, и лишь ветер ему брат. Всё штормовому морю нипочём, и если бы случилось ему иметь душу, то оно точно также бы, наверное, рвало, метало и безжалостно крушило. Не видать вокруг ни краешка земли!

В какой-то момент провалы между волнами так страшно начинают чернеть, что чудится, будто это таинственная морская глубь пытается вырваться наружу, отчего-то истосковавшись по неведомому для неё свету. По-видимому, долго сдерживаемая мощь таинственной глубины порождает ближе к поверхности неопишное волнение, которое, между тем, холодит кровь. И тогда в глубине души тоже начинает подниматься нечто тяжёлое и тёмное, напоминающее неизведанную морскую глубину и её отчаянное волнение. Как тут не «заболеть»?!

Далеко не всегда ты ощущаешь себя при шторме полным сил и энергии. Часто тебя одолевает вялость, сонливость. Таково следствие бессистемной качки, вернее же – непрерывно меняющегося биоритма, с неполноценным отдыхом, всегда с каким-то не проходящим напряжением и готовностью к авралу, постоянным нервным накалом.

Интересна в этом отношении эволюция переживаний людей, вызванных длительной оторванностью от земли, одиночеством и постоянной болтанкой. Сперва на человека наваливается ещё непривычное для его тела притяжение, когда невероятная сила будто вдавликает тебя в палубу, трап, всё металлическое оборудование судна, которое, со своей стороны, стремится всей непроницаемой тяжестью втиснуться в твои члены, и ты не в силах понять – отчего этого на самом деле не происходит. Мысли в такой начальный период шторма обычно сразу становятся сбивчивы, обрывисты и переваливаются в голове подобно сорвавшейся со столов в кают-компани

посуде – дребезжащих по палубе кружек и чашек, после чего в скором времени вообще перестают присутствовать. Нечто схожее, наверное, случается с перебродившей в бутылки брагой, которая готова вот-вот вырваться наружу, но пока лишена этой возможности.

Неприятные ощущения от разгорающегося не на шутку шторма следует, как правило, просто мужественно перемочь, но для многих, даже бывалых членов экипажа такое преодоление себя оказывается непереносимым, и часто не менее половины его впадают в лёжку, отдаваясь на волю разбушевавшейся стихии. Для них восприятие действительности на неопределённое время перестаёт существовать, и сами для себя они тоже как будто исчезают, проваливаясь в какую-то неминуемую безысходность, которая/вот уж безумие!/ оказывается неотъемлемой частью их любимой работы. Только суровое в своей неукоснительности слово «вахта» способно ненадолго вывести страдающую морскую душу из непрекращающегося кошмара, когда нет ни низа, ни верха, ни прошлого, ни настоящего, а есть лишь неопишимо отвратительное, ни с чем другим несравнимое состояние, называемое среди моряков просто – «морская болезнь».

Но не тот, говорят, болен, кто лежит, а тот, кто над болью сидит. Больному-то всё горько, ему и киселя в рот не вольёшь, а дай боли волю, полежав, так и умрёшь! Многих, конечно, на море тошнит, только не всякий это показывать должен.

Слов нет, тошно в жестокий шторм жить, выполняя ко всему прочему нелёгкую работу, но ведь и умирать не находка. Остаётся одно: надо терпеть. А вырвало, да и скинуло с души!

Но об этом несколько позже, а пока попробуем разобраться с теми, кто в эту самую лёжку не впадает или быстро выходит из неё. На флоте таковых, конечно, большинство, и они, только каждый по-своему, научились преодолевать неприятное недомогание. Так сказать, в силу длительного морского опыта обрели некий секрет или способ вывода организма из состояния потерянности и переживание неразрывной связи с морем, которая подразумевает содержание в нас воды и соли, как и в самом море.

Кстати, эту самую соль, посыпанную на сухарик из чёрного хлеба, бывалые моряки и рекомендуют употребить, когда у вас в организме начинается известного рода томление духа. Когда от качки лицо человека зеленеет, принимая цвет морской воды, и его выворачивает наизнанку – советуют так же пожевать кусочек солёной, а ещё лучше – вяленой рыбы. Кому-то помогает дикий чеснок черемша, пахучие листья которой нужно держать во рту, изредка сглатывая или сплёвывая в зависимости от переживаемых ощущений. Находятся страждущие, что не гнушаются пососать гудрон или, на худой конец, лимонные и апельсиновые корочки, а особо утончённые не в силах обойтись без плитки шоколада. Так или иначе, но все эти вкусовые причуды, скорее всего, свидетельствуют о внушаемости человека, пытающегося подобным образом избавиться от одолевающей

напасти, и у каждого моряка спасительным может оказаться любой продукт, якобы способствующий его исцелению.

А Нельсон?! Известный английский адмирал всю жизнь не выносил качки, и всё же выиграл много морских сражений, справляясь с собою тем, что в любую погоду поднимался на капитанский мостик, преодолевая подступающие приступы морской болезни. Воспоминание о знаменитом адмирале, его мужестве, тоже, как ни странно, помогает взять себя в руки, и человек в подобных думах успокаивается, и больше не хнычет.

Обычно самый сильный недуг от морского волнения переживается только поначалу, его нужно переболеть, словом – испытать на себе в полной мере, и в дальнейшем неприятные ощущения отступают. К качке действительно можно привыкнуть, если ходишь в море часто и постоянно делаешь там работу. Работа в этом смысле очень отвлекает. Ничего не поделаешь, море требует плату за те секреты, что открывает человеку, такое положение вещей просто следует принять, и чем раньше это произойдёт, тем лучше.

Порой разыграется такой шторм, что даже и у бывалых моряков начинает сосать под ложечкой, и они, как правило, нагоняют на себя равнодушный вид и молодцевато передвигаются по палубе или трапу. Мол, шторма для них – обычное дело, сам чёрт им не брат, и в гробу у дядюшки Джонса видали они это волнение. Но бушующий седой океан, характерный вой ветра в снастях и постоянно ударяющая в лицо водяная пыль тотчас возвращают тебя к морской действительности, и мысли тоже незамедлительно настраиваются на экспедиционный лад. Ты – в море, а не на земле, и как бы ни было там хорошо, твоя теперешняя жизнь – здесь, в бескрайнем царстве воды, где надлежит вести себя особо...

Но бывает, величественный вид бушующего океана незаметно прикуёт твоё внимание, наполнит душу благоговейным трепетом перед неудержимой стихией, и ты вдруг обо всём позабудешь, покорённый осознанием слитности с этой могучей силой. Кажущиеся издали не такими уж и большими, морские валы вблизи преображаются в неодолимые горы, меж которыми как щепку бросает маленькое судёнышко. Его крутит, раскачивает в разные стороны, бешеные волны разбиваются о борта судна и перекатываются через всю палубу, а ты будто сливаешься и с судном, и с морской стихией, и, прочувствовав в полной мере это слияние, уже ничего не боишься, ни какая морская болезнь тебе уже не страшна. Ветер же ревёт, срывая целые верхушки гигантских волн, рассыпает их серебристой холодной пылью, и всё воет, воет, воет, точно негодуя, что не может применить свою сокрушительную силу в полной мере.

Ну и, конечно, встречаются в море такие индивидуумы, что вовсе не подвержены даже самому грозному штормовому волнению. Что для этого нужно? Во-первых, великолепный вестибулярный аппарат, который есть абсолютно гармоничное восприятие себя в окружающем пространстве, где бы вы ни находились, когда вам не мешает темнота, чтобы мгновенно

отыскать в ней дверную ручку, либо ходящая ходуном под ногами палуба не вызывает у вас особых затруднений для её беспрепятственного преодоления. Кстати, по-научному «морская болезнь» так и формулируется: ухудшение состояния человека/головкружение, тошнота, рвота/ в результате раздражения вестибулярного аппарата при качке судна, которое усиливается от жары, духоты, запахов и других воздействий на нервную систему.

Затем – беззаветная любовь к тому, чем вы сейчас занимаетесь, в том числе – и к морю, каким бы своенравным оно порой не бывало. Непременно – и знание дела, которому вы посвятили всю свою жизнь и не перестаёте получать от его выполнения непередаваемую радость. Ещё следует, наверное, отметить доброжелательность и жизнелюбие, с коими вы относитесь и к поставленной задаче и к товарищам, когда для вас не составляет труда после своей честно проведённой вахты, отстоять и вахту приятеля, если он занемог или же страдает от злополучной «морской болезни», которая вас лично не особо донимает. Любые преграды, хотя бы и в бушующем море, преодолет организм восприимчивый к окружающей его среде, не равнодушный и ясно представляющий для себя – чего он хочет.

Жизнь, где бы она ни протекала, на суше ли, на море, везде одинакова, с присущими ей радостями и печалью. Одним из таких неминуемых морских неудобств, как ни крути, во все времена оставалось для мореходов последствие сильного волнения на море, когда вы не в состоянии ни работать, ни заниматься каким-либо даже самым маломальским делом. Вы только лежите и проклинаете и море, и свою судьбу, помышляя лишь о спасительном берегу, который вы так опрометчиво покинули, на время отказались от него, и во имя чего?! Как потом окажется, и вполне резонно, в том числе и ради вот этой безудержной качки, когда вы не находите себе места, часто бегаеете травить в галюн, и опять клянёте своё незавидное положение, на которое сами же себя и обрекли.

Нередко случается так, что морская болезнь вызвана даже не сильным волнением, к которому организм всё же скоро привыкает, а тем, что происходит вокруг, то есть – общей напряжённой атмосферой. Стиснутая железом сумрачная обстановка оказывает удручающее впечатление на человека, только что очутившегося в штормовом море, тем более – в первый раз. Обстановка эта давит отсутствием воздуха и вынужденной скованностью движения, очень естественно ограничивая самые необходимые потребности. Застывшая тишина кажется непрошибаемой и невыносимо гнетущей. Хочется, всё, к чертям, бросив, развернуться и выскочить на палубу, подставить лицо свежему ветру с колючим снегом, и стоять долго-долго, постепенно возвращаясь из тяжёлой тишины к такому приятному, в своей доступной простоте, воздуху и свету.

Наверху, на ветре, ощущение морской болезни не так мучительно, как внизу, в духоте каюты, и хотя качка, когда ты стоишь на палубе, и воспринимается страшнее, но переносишь её гораздо легче. Видя перед собой гигантские водяные валы, испытывая на себе резкий, холодный ветер,

чуть не сбивающий с ног, и постоянно осыпаемый мелкой водяной пылью, ты, как ни странно, чувствуешь большую свободу, а главное – слитность с бушующим морем, рёвом, стоном и свистом ветра в снастях, и незаметно преодолеваешь жгучий страх, а страдания от морской болезни, кажется, уменьшаются... То, что в каюте воображалось ужасным и страшным, здесь, на свежем воздухе, воспринимается постепенно как нечто обыденное, хотя и незабываемое.

К любой, даже самой жестокой качке всё же привыкаешь... И не пугают уже огромные водяные валы, суровый напев ветра в снастях, жалобно поскрипывающие переборки. Досадно только, что качка сковывает твои действия и движение, кусок пищи в горло не лезет, и нет-нет да сосёт под ложечкой неприятное ощущение оторванности от твёрдой почвы под ногами, привычной для тебя среды. Не слышно обычных оживлённых разговоров, шуток и смеха, и кажется – всё на неопределённый срок уснуло, забылось, даже – умерло. Судно охватила безопасная, но очень неприятная «морская болезнь»...

Кают-компания постепенно пустеет... На столах приподняты штормовые бортики, чайники, чтобы не скользили по столу, поставлены на мокрые полотенца. Принимать пищу приходится, придерживаясь одной рукой за стол, а уж если нужно нарезать хлеб – широко расставляешь ноги. Правда, редко кто выходит завтракать, обедать или ужинать.

В задраенные иллюминаторы ухает обезумевшая волна, и потом, на миг, напряжённая тишина... Судно будто проваливается в какую-то онемелую одурь и начинает казаться призраком, который движется сам по себе, напоминая легендарный «летучий голландец». Но это ощущение возникает лишь потому, что палубных работ нет, и у экипажа остаётся время для ремонта оборудования или плетения мочалок. А кто-то принимается, наконец, за обработку даров моря: отбеливает щёлоком раковины, аккуратно закрепляет на фанерках многолучевые причудливые звёзды, прежде чем засунуть их подальше от глаз старшего механика в машинном отделении, развешивает на ниточках под подволоком изогнутых морских драконов, покрытых лаком. В море каждый найдёт себе дело даже во время шторма, ибо никогда не пропадает у настоящего моряка забота.

И тогда, за каким-нибудь нехитрым морским делом, как чудный сон вспоминаются бесконечно длинные, идиллические вечера во время штиля... Оранжевое солнце садится, нежно озаряя весь небосвод, и вскоре уже море утопает в объятиях бархатной звёздной ночи, вокруг – проникновенная тишина, и только вода чуть плещется под бортом, да поскрипывает штурвал. Штурман изредка шелестит картой в рубке, мурлычет себе что-то под нос, и ты думать забудешь, что по несколько дней кряду случаются отчаянные, выматывающие душу шторма, когда всё в твоей жизни уходит на задний план, а остаётся только великое напряжение сил и борьба с жестокой стихией.

Но и в штиль суда, особенно при парусном флоте, претерпевали лихо... Тот же Беринг, обречённый на медлительность судов в отсутствие ветра при возвращении в Петропавловск-Камчатский, передвигался в таких случаях с помощью верпов – малых якорей. Эти верпы завозились на шлюпках, и к ним вручную подтягивалось судно. И как только вообразишь всю усталость от такой изматывающей работы, то захочется тебе опять неутихающего шторма и безумствующего ветра, наполняющего паруса свободой, а сердце – жаждой жизни. И уж более не клянёшь море за его непредсказуемую силу, а наоборот – принимаешь её всем сердцем.

Ведь море не может быть иным, оно просто существует, и следует воспринимать его таким, каким оно бывает чаще всего – беспокойным, непредсказуемым, штормовым. Это наиболее очевидно для того, кто связал с ним свою жизнь. Что значит настоящее морское волнение, скажем, для обывателя? Для него это нечто неопишное и совершенно непередаваемое, ибо в представлении обывателя, если бы он хотя бы на секунду оказался в эпицентре шторма, увиденное было бы сравнимо с катастрофой. А морякам в подобных условиях приходится работать всю жизнь.

Равнодушие моря или его свирепая неприкаянность и даже одержимость не должны вызывать в человеке раздражения, так же как человека не должна смущать мысль о собственной ничтожности в сравнении с ним. Море необходимо воспринимать как огромный живой организм, существующий по своим глубинным законам, и человек обязан принимать эти законы целиком, даже в их мелких проявлениях, ничего не пытаясь переделать, или изменить. Общаясь с морем, человек должен постоянно изучать его, хорошо знать, оставаясь при этом в согласии с самим собой, особенно, когда судно подвержено риску крушения.

Часто можно услышать расхожее мнение о том, что, якобы, гибель кораблей напрямую зависит от разыгравшегося шторма... Однако у кораблекрушений существуют свои законы, которые, как ни странно, исходят не из закономерностей штормовой погоды. Большинство судов терпит аварии вблизи берегов, попадая на мели и подводные камни. Гибель судов вдали от берегов случается редко. В открытом море суда могут погибнуть от столкновения друг с другом или с плавучими льдами, от пожаров и реже всего от бурь.

К тому же, навигация приобрела надёжность и уверенность с появлением на флоте гирорудевого, то есть, как его ещё часто называют, автомата. Волшебный этот прибор – «гиро»! Конечно, плавание с ним стало чуть менее романтическим, зато более надёжным. Покинув порт, пройдя мели и прочие опасности, в открытом море, где долгие часы предстоит следовать одним курсом, включают «автомат», соединённый с гироскопом на дне трюма. С этого момента он с сухим пощёлкиванием неугомонного сверчка, будто спрятавшегося за приборной доской эхолота, ведёт судно, выправляя положение руля после каждого крена, тогда как вахтенному штурману или матросу остаётся только следить за поверхностью моря.

И всё же, никто не застрахован от вероятности угодить в штормовую погоду на мель, либо напороться на камни, а что вода берёт, говорят моряки, обратно не отдаёт. Но нужно не забывать, что потерпевший кораблекрушение попадает в естественную среду, хоть и не безопасную, где у него имеется не малая возможность выжить. Ведь в одном м³ морской воды в 200 раз больше питательных веществ, чем в м³ земли! Главное же спасение человека – в его психологическом состоянии, когда разум, всё существо человека, может возобладать над страхом и победить его.

В этом отношении знаменателен пример с гибелью «Титаника», 14 апреля 1912 года столкнувшегося с айсбергом. Первые суда подошли к месту катастрофы всего через три часа после того, как пароход исчез под водой, и в спасательных шлюпках уже было немало мертвецов и сошедших с ума, но среди тех, кто поплатился жизнью и безумием за свой панический страх, не было детей моложе десяти лет. Малыши, по причине своей душевной чистоты и отсутствия какой-либо испорченности неблагоприятной жизнью, не успели испугаться так сильно, чтобы довести себя до сумасшествия!

Вообще, сильнейшие штормовые ветры, а дополнительно к ним – льды, внезапные туманы, песчаные отмели, или коварные подводные рифы привели к образованию в Мировом океане целого ряда «кладбищ кораблей». В так называемом «Гнилом углу» Атлантики только у мыса Гаттерас за последние 400 лет затонуло более двух тысяч судов, причём, несмотря на навигационные ограждения, этот мыс продолжает оставаться «пожирателем» кораблей и в наши дни. «Кладбищем кораблей» называют также район Багамских островов. В Бискайе и у мыса Горн скелеты судов громоздятся друг на друге, образуя порой целые пирамиды. Галионы, каравеллы, фрегаты, клиперы, парусные барки, пароходы, дизельные грузовые суда и танкеры – все они покоятся здесь вот уже многие века, словно немой памятник морской стихии, жестокому шторму...

Кстати, на примере отношения к жесточайшему шторму именно наших моряков - можно было судить о чистоте русской души! Ни у одного народа не было заведено такого обычая, как у русских матросов: перед возможными крушениями они всегда надевали чистые рубахи. Это какой внутренней чистотой следовало обладать обыкновенному русскому человеку, зачастую – неграмотному, пришедшему на флот из крестьян, чтобы уважать в себе и мире божественное, несмотря на близкую смерть ему просто и искренне поклоняясь!

«Кто на море не бывал, тот Богу не маливался», - гласит русская пословица, да только правда здесь в том, что не от страха молится человек в море, а оттого, что ближе ощущает и в себе и над собою Бога, явственнее чувствуя его присутствие. Ведь Богу в первую очередь интересно быть там, где человек себя преодолевает и становится лучше. А что до страха в бушующем море-океане, так это всё обыкновенные для него происшествия. Конечно, случаются в море кораблекрушения, гибнут суда и люди, да разве на берегу народу гибнет меньше?!

Часто можно услышать мнение, что человеку особенно страшно оказаться за бортом, в открытом море, когда под тобой простирается бездонная водная толща, и ты предоставлен только воле Всевышнего... Жутко становится, как только представишь подобное, и уж не пожелаешь такой участи даже врагу своему. Оказавшись совершенно один, в этом бескрайнем мире воды, тобой, по всей видимости, овладевает ощущение брошенности, своей ничтожности, и воля твоя неминуемо приходит в упадок.

Должно быть, легче было бы пропасть на суше, думаешь ты, от какой-либо болезни... Тогда хотя бы кто-то окажется рядом и поддержит тебя в твою последнюю минуту. В море же ты предоставлен самому себе, а твои товарищи, скорее всего, вынуждены будут переживать то же, что и ты, разделив такую же судьбу.

И всё же – так ли это плохо, если вокруг тебя играют зелёные волны, вытягиваясь и обласкивая своей нежной прохладой, над головой вскрикивают чайки, может быть, сквозь тучи изредка пробивается солнце? И даже когда на море наваливается серое небо, твоё тело подбрасывают серые, почти бесцветные валы, и нет никакой надежды на спасение, разве не оберегает тебя величественная стихия, не причиняя при этом никакой боли, а лишь убаюкивает, и ты постепенно будто засыпаешь? Если угодно, море даже заботится о тебе, забирая к себе бескровно, постепенно и ласково заключая в свои материнские объятия. В море – горе, а без него нет и того!

Да, в борьбе со штормом человеку, конечно, не совладать, слишком велика мощь морской стихии, но находить согласие с ней, благодаря своей смекалке, ему иногда всё-таки удавалось. Так, чтобы уменьшить волнение, в старину на поверхность моря выпускали масло. Достаточно 50 кубических сантиметров жидкого масла, чтобы оно в течение 20 секунд растеклось на площади в 1500 кв. метров тончайшей плёнкой в 0,0002 миллиметра толщины, и погасило бы мелкие волны. С этим явлением хорошо были знакомы русские поморы ещё в древние времена. Академик Лепехин в 1772 году писал: «Средство сие состоит в ворванном сале, которое во время заплёскивания судна льют в море, или пускают подле боков судна мешки, наполненные оным. Средство сие издревле нашим поморянам известно и за многие годы прежде было у них в употреблении, нежели европейские ведомости о сём средстве, как некоем важном открытии, были напомнены».

Понятно, что таким способом нельзя погасить большие волны. Но это даёт возможность спустить при волнении моря шлюпку и посадить на неё людей, а в древние времена, когда плавали на мелких судах, можно было избежать сильной качки и заплёскивания. К тому же, подобный способ мог облегчить перегрузку туш убитых морских животных – котиков, каланов, моржей, когда этого требовала экстренная ситуация после непосредственной добычи зверя в момент разыгрывающегося шторма.

За всю историю морского флота моряки разных стран учились бороться со штормом, постепенно приобретая в этой борьбе необходимые знания и средства, одним из которых является международный сигнал бедствия. В

радиорубке каждого морского судна обязательно имеются большие настенные часы с белым циферблатом. Они похожи на все часы мира, только поперёк их циферблата наклеена узенькая бумажная полоска. Не знающему неписанных законов моря человеку она может показаться совсем ненужной, ибо закрывает несколько минутных делений. Однако это не так.

Чуть только минутная стрелка приближается к бумажной полоске, на всех судах мира замолкают радиостанции. Радисты прерывают всякие разговоры и лишь слушают эфир. Дважды в течение часа – с пятнадцатой до восемнадцатой и с сорок пятой по сорок восьмую минуты – в эфире царит бдительное молчание. Сорок восемь раз в сутки корабли во всех морях и океанах земного шара одновременно прислушиваются, не звучит ли на частоте 500 килогерц сигнал бедствия – призыв о помощи. Неписанный международный закон моряков в эти минуты молчания разрешает посылать в эфир лишь единственный сигнал –SOS! Услышав этот международный сигнал бедствия, все находящиеся поблизости суда должны спешить на помощь тем, кто её просит.

Сигнал «SOS», передаваемый азбукой Морзе в форме ... - - - ... короткий и ритмичный, состоящий из трёх точек, трёх тире и трёх точек, он может быть легко понят, если даже его начнут передавать очень быстро и непрерывно. В начале своего появления, по подписанной 3 ноября 1906 года в Берлине Международной радиотелеграфной конвенции, сигнал «SOS» не имел ничего общего с трагической фразой «Спасите наши души». Уже значительно позже моряки различных стран стали истолковывать сочетание этих трёх букв такими английскими фразами, как «Save Our Souls»/»Спасите наши души»/, «Save Our Ship»/»Спасите наше судно»/, «Send Our Succour»/»Пошлите нам на помощь»/, а от обозначения сочетания этих трёх букв на русском языке «СОС» - была придумана фраза «Спасите от смерти».

А как принято измерять на море силу ветра и волнения? Морякам всего мира известна тринадцатибалльная шкала английского адмирала Бофорта, введённая в 1805 году и просуществовавшая почти полторы сотни лет. А некоторые пользуются ею для определения силы ветра и сейчас. Нулём - оценивался полный штиль, при котором, например, дым из трубы поднимается вертикально вверх без малейших отклонений.

Лёгкий и слабый ветер по шкале Бофорта характеризовался от 1 до 3 баллов. Для умеренного и сильного ветров были соответственно баллы 4, 5 и 6. Крепкий ветер оценивался в 7 баллов, а ветер в 8 баллов назывался штормовым. По мере дальнейшего усиления шторма он именовался или сильным – 9 баллов, или крепким – 10 баллов. А для ещё более мощного шторма в 11 баллов было особое название – жестокий шторм. Наконец, 12 баллов – это ураганный шторм, причиняющий катастрофические разрушения.

Чтобы определить балл ветра, пользовались, например, такими признаками: если ветер ощущается лицом как лёгкое дуновение, если он слегка колеблет флаги с вымпелами, и листья на деревьях временами

шелестят, то сила ветра 2 балла. Если ветер свистит в ушах, полощет флаги и колеблет большие деревья – 5 баллов. Восьмибалльный ветер раскачивает большие деревья, ломает ветви и сучья и затрудняет движение против ветра. А в 9 баллов он ломает небольшие деревья, сдвигает с места лёгкие предметы и повреждает крыши.

На корабле балл ветра определялся в зависимости от того, сколько и каких парусов мог нести корабль, взяты ли рифы, то есть, уменьшена ли площадь парусов, какой ход имеет судно или как выглядит поверхность моря. Шкала Бофорта включала даже такие, например, признаки: для ветра в 7 баллов – «одномачтовые рыболовные парусные суда в море не выходят, а суда, уже находящиеся в море, ложатся в дрейф»; для ветра в 8 баллов указывалось, что «все суда, находящиеся в море, направляются в укрытие, если оно близко».

Понятно, что, пользуясь такими признаками, очень трудно определить действительную силу ветра, тем более в 12 баллов: в этом случае скорость ветра превышает 29 м/сек, а может достигать 40-50 м/сек., и выше.

Чтобы точнее характеризовать силу ветра в баллах, в 1946 году ввели новую шкалу с 18 баллами.

Однако правильнее и удобнее всего определять скорость ветра не в баллах, а в метрах в секунду или же в старой, понятной всем морякам мере скорости – узлах. Один узел есть одна морская миля в час, или 1,852 км/час.

Миля – единица не случайная. Это путевая мера длины, единая у моряков всех стран. Происхождение её – чисто земное, ибо миля есть линейная протяжённость такой дуги меридиана на поверхности Земли, угловая мера которой равна одной минуте. Но сухопутные мили не отличаются постоянством: в разных государствах длина одной мили различна.

А теперь о баллах волнения. Эти баллы учитывали преимущественно внешний вид поверхности моря, а главный для моряков показатель – размеры волн, для разных баллов характеризовался весьма неопределённо. Например, небольшие чешуеобразные волны – 1 балл, волны становятся длиннее – 3 и 4 балла, начинается образование гребней большой высоты – 5 баллов, высота и длина волн заметно увеличиваются – 7 баллов. Только для 8 баллов характеристика была весьма красочной – высокие гороподобные волны. Любопытно описание волнения в 9 баллов: «Высота волн настолько велика, что находящиеся в поле зрения корабли временами скрываются за ними».

Из-за недостаточной конкретности и определённости признаков для оценки балла - появилось очень много различных шкал волнения. Почти в каждой стране действовали свои баллы волнения, и даже в одной и той же стране существовало одновременно по нескольку шкал. Однако во всех шкалах был один общий момент: самый большой балл волнения равнялся девяти.

Понятно, что разноразличной шкал породил неопределённость количественной характеристики волнения. Чтобы этого не было, в 1951 году

вместо всех существующих шкал ввели единую, для всех акваторий: океанов, морей, озёр и водохранилищ. Она была названа шкалой степени волнения. Балл степени волнения определяется теперь строго и однозначно в зависимости от высоты волн: чем больше высота волн, тем больше балл.

Чтобы оценивать внешний вид поверхности моря, временно сохранили ещё одну шкалу, которую так и называли – шкала состояния моря. В настоящее время балловые оценки волнения употребляются всё реже: когда нужно охарактеризовать высоту волн, чаще пользуются просто метрами. Это просто, удобно и вполне определённно. Дело лишь за тем, чтобы правильно измерить высоту волн, а это можно сделать только с помощью специальных приборов.

В последнее время спутники обнаружили в океане чудовищной величины и мощи бродячие волны, которые, кажется, не подпадают ни под какие баллы. Они, как призраки, возникают вдруг стеной из океанской глади, обрушиваются на палубы кораблей и исчезают неизвестно куда. По подсчётам экспертов жертвами бродячих волн ежегодно становятся сотни судов.

Высота этих волн достигает не менее 25 метров, её засекали радары со спутников, нацеленных на океан. Обычно высота волн зависит от силы ветра, от того, сколько времени он дует, а также от площади открытой воды, но даже за неделю, при сильном ветре и площади открытой воды в несколько тысяч километров, волна способна достигнуть не более 15-20 метров, бродячие же волны порой вырастают до 30-35 метров и учёные готовы поверить, что на просторах океана можно ожидать волн и по 50 метров! И это на весьма ограниченном пространстве и без сильного ветра. Может быть, эти волны возникают там, где ветры тормозят быстрые океанские течения, а ослабев, отпускают воду, которая устремляется дальше чудовищным валом? Учёные более склоняются к версии, по которой в отдельных районах океана имеют место обширные гравитационные аномалии, то есть – выпуклости и вогнутости на поверхности воды глубиной в несколько десятков метров. Первыми эти чудеса заметили с орбиты космонавты, и суть этих необычностей заключена в том, что аномалии имеют разницу в силе тяжести с окружающей водной поверхностью, к тому же они способны, вероятно, перемещаться, что возможно и порождает гигантские волны.

И ещё одна странность: некоторые монстры-волны поднимаются из океана по три, четыре, а то и пять гигантских стен и преодолевают, не опадая, тысячи километров. Что лежит в основе такого необычного волнообразования – пока остаётся неизвестным, но ясно одно: гигантские волны существуют и ждут своих исследователей, для которых поле изучения остаётся поистине необъятным. Ведь мировой океан изучен на 1-2 %, и можно только догадываться – какие чудеса он скрывает.

Взять хотя бы тот же шторм, вернее то, что происходит с морем, когда шторм начинает сходить на нет... Ошибкой было бы считать, что с ослаблением ветра и волны теряют свою силу. Очевидно, что они постепенно

принимают сглаживающую форму, но из беспорядочных волн на поверхности моря появляются не менее мощные правильные колебания, называемые зыбью.

Чаще всего зыбь вызвана именно штормом, когда волны уходят в районы, где ветра нет. Но не следует думать, что зыбь – это лёгкое и безобидное волнение, ибо впечатление спокойствия, которое она производит – обманчиво. Волны зыби обладают иногда такой силой, что, обрушиваясь на незащищённый берег, могут вызвать огромные разрушения. Становится жутко, когда наблюдаешь, как в море, где не ощущается ни малейшего дуновения ветерка, зыбь срывает суда с якорей и превращает пристани и молы в бесформенные массы стали и бетона.

На побережье Тихого океана разрушительная зыбь – довольно обычное явление, а волны зыби, регулярно обрушивающиеся на берег, заслужили настолько дурную славу, что даже получили особое название – «бешеное море». Такая зыбь иногда распространяется на много сотен и даже тысяч километров от центра штормовой области. Известны случаи, когда зыбь, порождённая штормами у берегов одного континента, разрушала портовые сооружения у берегов другого. Даже при полном безветрии зыбь существует и называется мёртвой.

По мне, так крутые и совершенно непредсказуемые волны зыби куда опаснее и неприятнее, чем обычные – штормовые. Никогда не знаешь – чего можно ожидать от волн зыби, они будто издеваются над судном, играют им, а когда оно попадает в затяжные провалы между коварными валами, то сердце просто обрывается и летит в пропасть, тогда как непрекращающаяся зыбь уже бросает судно в другую сторону, и вертит им как хочет. Невероятно сложно привыкнуть к подобной бессистемной болтанке, нередко продолжающейся и сутки, и двое, и трое...

И действительно, порой буря на море не особенно опасна, гораздо страшнее оно тогда, когда ветер не управляет движением волн, и они толкнутся в самом непредсказуемом направлении. Такое неопределённое состояние морской поверхности называется в морской практике «толчейей» или «сулоем», о чём вкратце упоминалось в начале этого рассказа. Среди морских терминов, как ни в какой другой области, наверное, встречаются поистине поразительные, оставаясь, между тем, простыми, поскольку море не принимает напыщенности. «Толчая» и «сулои» - верное тому подтверждение.

Попасть прямо в сулой или толчею – само по себе событие, если вы серьёзно посвятили себя однажды морю. Сулой не всегда можно встретить, даже находясь в самом жестоком шторме, и должно присутствовать сочетание нескольких непеременимых обстоятельств, благодаря которым он возникает. Главное, чтобы осуществилась встреча изрядного ветра и стремительного течения. Вот они и порождают ту неопишемую морскую ситуацию, которую дай Бог вам не знать.

И всё-таки лучше, если вы когда-нибудь отважитесь попытать своё счастье в море. Чего стоят эти духовные и физические потуги, вам будет не стыдно вспоминать, когда вы их преодолеете. Конечно, ожидание опасностей, которыми изобилует морская профессия, а так же неуверенность и страх – присутствуют в душе каждого моряка, пусть даже самого прожженного, прошедшего не одну бурю, но разве выгоднее не подвергнуть себя достойному испытанию, расходуя свой интерес к жизни по мелочам?

Несмотря на то, что беды и огорчения не оставляют нас и на берегу, и ради того, чтобы их избежать - совсем не обязательно его покидать, человеку от рождения присуща отвага: необходимо поддерживать её в своём сердце, чтобы преодолевать робость и закалять решимость. Ведь человек неминуемо проигрывает, когда противопоставляет дальнему морскому путешествию домашний комфорт и уют, а награда за собственную смелость представляется ему недостижимой. Но не попробовав настоящего шторма - разве постигнешь вкус самого пьянящего из вин, волну? И уж, конечно, никогда не узнаешь, что такое «толчея» или «сулой», это удивительное смятение волн и ветра, порождённое морской стихией!

И так, сулой – это встреча ветра и течения, образующих порой огромную и очень неприятную зыбь. Волны, сшибаясь, вздымаются на невообразимую высоту, предугадать их форму и движение невозможно, и, стремительно наваливаясь на судно, они подхватывают его словно щепку. Затем метущаяся вода неожиданно разверзается - и судно, продолжая ход, какое-то время как будто повисает в воздухе, а когда начинает стремительно лететь в пропасть между волн, какая-нибудь из них, которая превозмогла всех своей мощью, подхватывает судно и несёт его уже вверх, так что ощущение морской твердыни опять теряется. А тут ещё налетает вновь возникшая водяная гора - и судно в очередной раз летит в томительную пустоту, бешено загребает воздух винтом, но звук двигателя даже не слышен. Разъярённые волны хлещут через палубу, судно, кажется, больше не сдюжить эти безудержные потоки воды, и вот-вот не миновать беды... Но сулой проверяет на крепость больше людей, чем судно.

Умозрительно я всегда представлял себе под толчëй такое сложение волн, которое происходит, когда встречаются различные по свойствам водные массы: холодные и тёплые, глубинные и поверхностные, имеющие неодинаковую скорость и направление. И действительно, чаще всего сулой образуется в таком месте на поверхности моря, где в условиях небольших глубин встречаются течения противоположных направлений. При их столкновении возникают беспорядочные всплëски, завихрения, и вода словно кипит, никуда не двигаясь. Попавшие сюда суда, особенно в давние времена – парусники, подвергались опасности быть выброшенными на мель, и затем быть разбитыми на ней волнами. Ярко выражено это явление на севере Татарского пролива, в Амурском лимане, а так же почти вдоль всего северо-западного побережья Сахалина, где присутствует множество подводных камней – целых гряд, протянувшихся на многие мили вдоль береговой линии.

Глядя на это водное кипение, когда ты в него попадаешь, иногда начинает чудиться, что это не Охотское море и не Японское, а какое-то иное, на другие вовсе и не похожее, ибо присутствует здесь удивительное своеобразие. Может оно предстать и вздыбленное небывалым штормом, и подёрнутое густым пахучим туманом, и пронизанное солнцем, с зелёными упругими волнами в белых барашках, и уныло-свинцовое, бесконечное и прекрасное в своей завораживающей тоске однообразия...

Вот серое небо, кажется, навалилось своей тяжёлой грудью на море, где тысячи белых холмов высоко вздымаются и замирают, упершись в него своими верхушками, а вода между ними крутится, будто кипит в огромном котле, и, наблюдая с судна за этой толкотнёй морских волн, не приходит на ум иного сравнения, чем «толчая». Волны именно толкутся меж собой, и поначалу в этом их завораживающем движении не наблюдаешь ничего кроме самих волн, переплетающихся белопенными верхушками, но постепенно угадываешь ритм совершающегося волнения и зачарованно вглядываешься в него, будто боясь чего-то упустить. Думаешь: чем-то всё это должно закончиться?

Может быть, море расступится, или, наоборот, всё покроет гигантская волна, вырвавшаяся из неведомой глубины? Но нет, ничего не происходит, по-прежнему в глазах рябит от сталкивающихся и неистово крутящихся волн, и надо всем тяжело дышат серые низкие тучи, а шум стихии изредка пронизывает плачущий стон чаек... Толчая повсюду – и в море, и в небе, и, кажется, в твоей душе.

Море с толчеёй волн - всегда изменчивое, живое, и кровожадно подстерегающая в нём опасность непременно соседствует с обаянием. Такое необычное море не надо побеждать, а следует приноровиться к его дыханию, попытавшись согласовать с ним свои усилия. Но даже когда тебе кажется, что ты с этим морем сроднился, понял его суть, оно всё равно остаётся для тебя тайной. Толкается своими непредсказуемыми волнами в твою душу, не даёт успокоиться, и ты, конечно, его принимаешь...

Всё я видел в море: и бурю, и шторм, и надоедливую толчею волн, и тяжкую зыбь с могучими водяными валами, и бесперебойную осатанелую качку с борта на борт, будто кто намеревается перевернуть судно... А ещё - полный равнодушия штиль, и послештормовое, широкое морское пространство, вольное до неудержимости, и неумолимо сковывающие судно льды, может быть, самое страшное, что уготавливает тебе непредсказуемая водная стихия... Но никогда, глядя на море, не снесла меня тоска, и ни на миг не испытывал я разочарования и скуки. Море всегда, каким бы оно ни было, сулило только жизнь, полную непредсказуемых тайн и прекрасных событий.

«ЛЬДЫ»

Что такое морской лёд?! Просто застывшая и отверделая от стужи жидкость? Нет... Скорее, это полная несокрушимых возможностей сила, способная быть ещё и необыкновенно красивой.

На речке тоже ледок не в диво – каждую весну идёт, а бывает даже – прёт, трещит, да ломится, но вот в северном море во льду – что в гробу! Одна волна лёд положит, другая его уже не снесёт, заковав, кажется, навеки. Если лёд на реке становится горами, замечали в народе, то и хлеба будут груды, в море же от ледяных гор гладко никогда не станет: затиснуло – почитай, делу аминь!

А вроде бы, кому нужен этот лёд? Ну, разве только морские звери – моржи и нерпы выбирают на него погреться в лучах скупого северного солнца, или когда спасаются от кровожадных касаток. Изредка присаживаются на ледяные торосы вездесущие белоснежные чайки, отчего обнаруживаешь, что лёд – разноцветный: и жёлтый, и розовый, и голубой, и коричневато-серый. По льду лениво расхаживают своими неведомыми маршрутами белые медведи...

Со льдом крепко связана жизнь и таких животных, как крупные пятнистые киты – нарвалы. Казалось бы, ледовый панцирь – смерть для животного, если оно не сможет выставить на поверхность, хотя бы на самое короткое время, голову с дыхалом. Китам было бы естественно покинуть опасные места обитания, но нарвалы почему-то не покидают их, а спасаются тем, что не дают замёрзнуть полынье, или пробивают лёд, делая так называемые «продухи». Киты для этого имеют соответствующие приспособления.

У нарвалов левый зуб верхней челюсти превратился в огромный, спирально закрученный костный бивень длиной до трёх метров. Легко представить себе силу пробойного удара огромного костного стержня, если нарвал весом до двух тонн, развив скорость до 30 км/час, налетает на льдину снизу. Через пробитые «продухи» по очереди дышит всё стадо. И тем не менее, среди бивней нарвалов, собранных эскимосами, чуть ли не половина оказываются сломанными. Представляя зверей, заселяющих окутанные холодом и покрытые льдами полярные моря, не устаёшь удивляться: отчего звери выбирают для себя такие трудные для жизни места? Дальше всех в высокие широты поднимаются эти редкие в настоящее время киты.

Однако ни один из китов не приспособлен так хорошо к жизни во льдах, как полярный кит. Они даже детёнышей рожают среди льдов. В этом им помогает теплоизолирующий слой сала толщиной до 15 см, что вдвое превышает толщину сала даже у крупных усатых китов, например, у финвала. Могучие животные не только прекрасно ориентируются среди ледяных полей, в полыньях и трещинах, но не боятся толстых припайных льдов и могут проламывать лёд толщиной до 50 см!

И всё-таки, никто из китов, живущих в высоких широтах, и даже гиганты полярные киты полностью не застрахованы от попадания в ледовый плен, а при особо неблагоприятных обстоятельствах – и гибели. Известны находки вмёрзших в лёд трупов китов, не имевших никаких следов ранения. Надо думать, что такие животные задохнулись в воде, будучи не в силах пробить «продух» в крепких льдах. Известны случаи гибели китов, запёртых в узком пространстве могучими льдами под влиянием нагонных ветров, когда льды садятся на отмель и не дают животным уйти под водой.

На моей памяти подобный случай произошёл у нас в одной из экспедиций по Курильским островам. Ночью в районе острова Итуруп подул сильный ветер и погнал льды на берег. Целое стадо дельфинов было застигнуто врасплох. Льды прижали животных ко дну, и они никак не могли выбраться из западни.

На помощь дельфинам поспешили рыбаки местного рыболовецкого колхоза. С трудом добравшись до места, люди принялись шестами расталкивать льды, освобождая дельфинов из плена. Всего из ледовых объятий тогда удалось выволить более десятка животных.

Безо льда сейчас, оказывается, не могут обойтись и многомиллионные мегаполисы... В некоторых роскошных гастрономах Токио можно купить лёд для прохладительных напитков из берегового припая Гренландии. Доставленный на самолёте, он стоит в двадцать раз дороже промышленного льда. Покупают его из снобизма, так на этикетке стоит надпись: «Возраст – две тысячи лет».

А вот уже более интересный способ применения льда местным населением в низовьях Енисея, Оби и Лены, то есть, по берегам Северного Ледовитого океана, которым оно пользуется для расчистки дна от камней и песчаных банок. В толще речного льда выдалбливают широкие углубления, стараясь, однако, не пробить льда насквозь. К следующему дню под оставленною тонкою ледяною корою намерзает новый пласт льда; тогда в новой толще выдалбливают новое углубление и так далее, удаляя день за днём пласты известной толщины, чем заставляют воду замерзать всё на большей и большей глубине, добираясь до самого дна. Таким путём образуется нечто вроде шахты с ледяными стенками, где можно работать с удобствами, оставаясь сухим, поднимать камни, брёвна и вычерпывать песок, где нужно. По-видимому, это весьма практично в условиях суровой северной природы.

Север неразрывен со льдами, также как невозможно себе представить полярную ночь без северного сияния. По климатическим условиям Охотское море, где нам приходилось совершать наибольшее количество экспедиций, мало чем отличается от полярных морей, большая часть его зимой замерзает. Огромные ледяные поля и причудливые остробокие льдины, будто айсберги, блуждают по морю всю зиму, весну и даже лето.

Кстати, противно утвердившемуся мнению, что в Северном полушарии айсберги не встречаются, иногда они здесь всё же попадают.

Отсоединившись от ледников Северной Америки, айсберги редко достигают открытого океана и выходят лишь к бухтам, заливам и внутренним водным путям Канады и Аляски. Айсберги, образуемые этими ледниками, невелики по сравнению с айсбергами Гренландии, и тают уже в прибрежных водах. Но как-то в экспедиции к Бристольскому заливу, на добыче трески и минтая, мы одного из таких великанов обнаружили и были поражены тем, как он величественен и неподражаем в сравнении с торосами Охотского моря, если они даже превышают высоту в десять метров.

Что же касается Охотоморья, то его холодные косматые волны всю осень и зиму с оглушительным гулом накатывают на скалы и прибывают груды льда к берегу. Вдобавок, дважды в сутки море наступает на сушу, и тогда сильные приливы, которые в северной части Охотского моря достигают в высоту чуть ли не двадцати метров, разносят эти льды по многочисленным бухтам и забивают ими Татарский пролив. Когда вода уходит, каменисто-галечные крутые берега красуются голубовато-жёлтыми ледяными останцами, что постепенно и по-хозяйски осаживаются, будто намереваясь навсегда схорониться под этими неприятными скалами от редкого северного солнца. Сурово Охотоморье, а между тем – оно самое богатое из всех дальневосточных морей.

Штормы, пронёсшиеся зимой и основательно взломавшие лёд, превратили его в хаотические нагромождения торосов с зазубренными выступами, которые своими очертаниями напоминают складчатые горы, хотя высота их нигде не превышает нескольких метров. Оторванные друг от друга и переливающиеся в лучах скупого северного солнца, эти ледовые нагромождения величественно передвигаются по Беринговому и Охотскому морю, напоминая крадущихся или уснувших неведомых чудищ, которые сами по себе совсем не пугают. Привлекает именно окружающая их величественная тишина, что, кажется, вот-вот должна разродиться какой-то неожиданной для людей стороной...

Торосья поменьше – ропаки, так же таинственно нацеленные ледяными зубьями в студёное небо, не менее загадочны, но ведут себя привольнее. Им легче обжиться в обрётённой ими свободе, с которой, впрочем, они не знают – что делать. А ещё встречаются цельные ледяные глыбы, совсем не по-морскому называемые моряками «кабанами», и хотя они неповоротливы, никогда не знаешь – чего от них ожидать. Зачарованно наблюдаешь, как эти глыбы, столкнувшись, медленно переворачиваются, вздыхают, и вдруг вообразишь, что они живые...

Кругом плавают голубоватые льдины размером до нескольких десятков метров. Над извилистыми тёмными разводьями дымится розоватый дымок. И так – до самого горизонта.

Отскакивая и переворачиваясь под напором стального корпуса, льдины тороятся, натываясь друг на друга, и издают ровный, мелодичный шелест. Напоминает это какой-то живой, не успокаивающийся звук, будто лёд жалуется на кого-то, еле слышно высказывая недовольствие.

Море всегда разное, полное контрастов, опять подтверждает свою безграничную изменчивость. Покрытое первозданно чистой черепицей крупных льдин и мелких льдинок, оно выглядит застойным, сладко подрёмывающим, но и коварным. Крики чаек, как-то покорно опускающихся к спящей воде, мягко тают в ней, но становится понятно, что под этой ледяной, слегка розовеющей черепицей кроется завораживающе стылая глубина...

Успокоенная призрачность окружающего морского пейзажа не влияет на остроту восприятия. Лёгкий аромат крошёного льда, до слёз щемлящая в носу морская свежесть, краски неба, отражающиеся и переливающиеся в розовато-белом пространстве - веселят до беспричинного смеха, улыбок, далеко раздающихся над водной пустыней радостных возгласов моряков. Нигде уже потом у меня не работало так чётко и ясно сознание, и не трудился я с таким удовольствием, как здесь, посреди Охотского моря, накануне трепетной североморской весны.

В такие тихие ясные дни свободные от вахты члены экипажа обычно выстраиваются вдоль борта и, молча, наблюдают, как судно плавно скользит мимо обломков битого, пакового льда. Обломки эти удивительно красивы, кажется, невесомы. И вдруг до слуха доносится поначалу нечто непонятное – «тр-р-р-р, тр-р-р-р, тр-р-р-р, пших-х!» Это судно с ходу налетает на льдины, они подминаются под борта и вертятся под днищем с такой силой, что стальная обшивка отзывается громким скрежетом и отчаянным скрипом, а потом – «пшы-ы-х!»: какая-то льдина очумело выбрасывается на поверхность.

Иной раз льдина угодит под ход судна только боком, тяжело накренится, и от неё отколется порядочный кусок, после чего оставшаяся глыба, переливаясь в лучах скупого солнца и утратив баланс, тоже начинает, что было сил, крутиться. Она переворачивается, ныряет, и в какой-то момент являет глазу уже новую фигуру, так что все присутствующие принимаются отгадывать её. Льдина же, словно облизываясь от удовольствия, и издавая звуки, очень похожие на урчание сивуча, кажется, вполне искренне реагирует на незатейливые домыслы людей, отчего верится, что она всё понимает, оценивает оказываемое ей внимание и благосклонно, насколько это способен себе позволить холодный кусок льда, принимает его. И лёд, и солнце представляются живыми, и постепенно ледовый плен начинает восприниматься даже привлекательным, а северное море одаривает невидимым теплом.

А тут ещё, бывает, послышится под бортом чьё-то громкое сопение, так, что на минуту в недоумении застываешь, не в силах постичь: кто бы это мог быть в царстве вечной стужи и льда?

- Пуф-ф! Пуф-ф! Пуф-ф! – это среди разноцветных ледяных громадин с шумом возятся и фыркают толстые сивучи. Атласные тела зверей притягательно поблескивают, и хочется погладить сивучей рукой, прикоснуться к их мокрым кремовым усам, задорно топорщащимся в разные

стороны. Сивучи кажутся такими огромными, а производимые ими звуки такими отчётливыми и громогласными, что представляется, будто животные вот-вот перевалятся через борт и очутятся на палубе.

Не без опаски подходишь к фальшборту, заглядываешь туда, в тягучую стылую воду, и тебя вмиг обдаёт утробный дух морских гигантов, облачка водянистого пара и фонтаны брызг. Покосив огромными тёмными глазами, сивучи тяжело, но без напряжения продавливают собой голубоватое, искрящееся сало, и на короткое время исчезают под водой. «Пуф-ф! Пуф-ф! Пуф-ф!»

А то вдруг заметишь с полдюжины китов, тесной группой дефилирующих у самых льдов. В тёмно-зелёной воде серые киты тоже кажутся какими-то диковинными льдинами. Невозмутимо передвигаются они вдоль кромки льдов, то почти сходясь друг с другом, то исчезая в маслянистой глубине. Тихо вокруг, перевозданно, и только по тяжёлым вздохам животных, вскоре опять показывающихся на поверхности, да вырывающемуся из дыхания пару определишь, что это живые существа, впрочем, не поддающиеся точному описанию. Нужно просто видеть, как мощные животные прекрасны здесь, во льдах, где самые обыкновенные чайки воспринимаются как нечто удивительное, даже загадочное...

До самого горизонта простирается эта внушающая трепет картина: осколки огромного ледового поля. В лучах солнца белые грани тористого льда ослепительно переливаются, играют. Через каждую сотню метров торчат эти вмёрзшие в ледяной массив большие ропаки, образованные обломками многолетнего льда при сжатии. Возвышаясь над необъятной белой гладью, они тоже, как и плавающие льдины, напоминают причудливые изваяния: одни – покатые, с горбом, порой – закруглённые, другие ошетинились острыми зазубринами, а третьи – застыли с разверженной ледяной пастью, куда даже смотреть холодно, так что на душе сразу становится тревожно. Судно неторопливо следует вдоль этой бескрайней ледяной пустыни, то и дело шуршат под его днищем поддавливаемые льдины, которые с уханьем выворачиваются из-под бортов, и мы простосердечно, позабыв обо всём, любимся их фантастическими формами.

Когда солнце скрывается за облаками, красивые ледяные скульптуры уже не выглядят так привлекательно, оборачиваясь другими, самыми неожиданными изображениями. Ещё совсем недавно льды были пронизаны радостным светом, теперь же они - мрачные, даже зловещие, а воздух вокруг них становится безжизненным.

Ночью, при свете прожекторов, представляется ещё более захватывающее зрелище... Со всех сторон нас опять окружают льдины – круглые, плоские, квадратные, но на сей раз они выглядят какими-то слишком чудовищными, хищно зазубренными. Кажется, это совсем не тот лёд, который мы наблюдали днём. Вместо ясно очерченной, переливающейся в лучах солнца ледовой кромки – кошмарное нагромождение гонимых морским волнением и ветром льдин, что уже не выглядят такими уютными.

Но всё-таки огромный ледовый ковёр укрощает волнение и остаётся лишь мощная зыбь, что качает и вертит льдины как хочет. Местами мы выходим на широкие разводья, где плавают только куски рыхлого тёмно-синего льда, и несколько минут можно плыть без помех, но это происходит редко и вскоре судно вновь оказывается в окружении нескончаемых льдов. И опять – скрежет, скрип и гулкая мелкая дрожь, тягостно пробегающая через всё судно.

Порой перед самым носом вырастают ледяные гребни, образующие неприступный бастион, который приходится обходить. Пару раз из тумана выплывают громады, отколовшиеся от айсбергов, в несколько метров высотой, и мы с тревогой наблюдаем, как они тягуче и жутковато минуют наше судно. Сближаясь с ними, мы успеваем различить секущие глыбу зловещие трещины, что грозят вскоре обвалиться очередному внушительному обломку. От таких громадин следует держаться подальше, потому, как их может окружать многочисленная свита из подобных им ледяных чудовищ под водой.

Плавание в темноте, среди льдин, оказывает почти гипнотическое действие на человека. Равномерный стук двигателя, влажный мрак в тумане, стонущие под бортом волны и льдины – всё вместе порождает некое чувство отрешённости. Причудливое зрелище дополняют фосфоресцирующие гребни ледовых волн, которые изредка вспыхивают зеленовато-голубыми, белыми или оранжевыми огнями и, ухая вниз, угасают, сбивая с толку усталые глаза. Немудрено забыться...

Но как лёд зарождается и растёт? Сначала на спокойной поверхности моря образуются мелкие ледяные кристаллы в виде игл и пластинок. Постепенно разрастаясь, они образуют скопления в виде пятен или тонкого сплошного слоя серовато-свинцового цвета, по виду напоминающего сало. Поэтому-то скопления такого льда и называются ледяным салом. Пятна ледяного сала неравномерно распределены на поверхности моря, приобретающей от этого вид муара. При обильном выпадении снега на охлаждённую поверхность воды образуется вязкая масса, называемая снежурой.

В свою очередь, при волнении из сала и снежуры рождается шуга, представляющая собой губчатые белесоватые комки льда по несколько сантиметров в поперечнике.

Следующая возрастная стадия – нилас, тонкий эластичный лёд толщиной до 10 см. Он мягко изгибается, не трескаясь на ветровой волне, и при сжатиях образует ступенчатые наслоения. В море встречается тёмный и светлый нилас... Тёмный – относительно более рыхлый, непрозрачный бесснежный лёд толщиной до 3-5 см, его тёмно-серая, с белесоватыми полосами поверхность влажна от рассола. Светлый же – матовый лёд без снега, с плёнкой рассола, толщиной более 5 см, он образуется в результате нарастания или наслоения тёмного ниласа и при смерзании шуги или снежуры.

Когда море совсем спокойно и становится холоднее, поверхность покрывается хрупкой блестящей ледяной корочкой – склянкой. Она образуется, главным образом, в распреснённой воде непосредственно из ледяных кристаллов или ледяного сала. Склянка прозрачна, тонка и на волне легко и звонко разламывается на куски, похожие на стекло.

На некоторых морях, например на Каспийском, склянку толщиной в два сантиметра принято называть резун. Нетрудно заметить, что названия, данные различным видам льдов, очень выразительны и обычно сами как будто говорят о том, каков же этот лёд с виду. Слово «резун» указывает и на действие – этот лёд режет, причём, беспощадно всё, что стоит у него на пути. Он может перепилить при своём движении мачту, надстройки, разрезать борт деревянного судна.

Блинчатые льды – круглые, серого цвета, диаметром от 30 см до 3 метров и толщиной до 10-15 см. Почему такое тёплое, домашнее название дали этому льду? Оказывается, за очень большое сходство с аппетитным круглым блином. Край «блина» обычно оторочен валиком более светлого цвета, образующимся при трении льдин друг о друга. Блинчатый лёд получается из ледяного сала, шуги и снежуры при слабом волнении на море или из внутриводного льда, всплывающего на поверхность в тихую погоду. Он может образоваться также, когда разламываются и окатываются нилас, склянка или серый лёд.

Начальные виды льдов обычно тёмного стального или свинцового цвета, так как из-за своей малой толщины они сильно пропитаны водой. Утолщаясь, лёд приподнимается над водной поверхностью и вначале делается серым, а со временем белым. Эта возрастная группа – молодые льды, в неё входят серый и серо-белый лёд. Серый лёд – молодой лёд толщиной 10-15 см, менее эластичный, чем нилас, ломается на волне, а при сжатии обычно наслаивается. Серо-белый лёд – толщиной 15-30 см, при сжатии чаще торосится, чем наслаивается.

В дальнейшем формируются зимние льды, которые подразделяются на две категории: серо-белые льды, толщиной от 15 до 30 см и белые льды, толщиной от 30 см до 2 метров. На неарктических морях белые льды являются предельной стадией формирования льдов.

В открытых частях наших морей лёд никогда не находится на одном месте, а всегда дрейфует, плывя под действием ветра и течений. Поэтому-то он и называется дрейфующим. Формы дрейфующего льда бывают самыми разнообразными: ледяные поля, обломки полей, крупно-и мелкобитый лёд, ледяная каша. В зависимости от размеров ледяные поля называют обширными, большими и малыми. К крупнобитому и мелкобитому льду относятся льдины от 2 до 200 метров в поперечнике. Ледяная каша – это скопление обломков льда менее двух метров.

Помимо различных форм плавающего льда, в морях имеется и неподвижный лёд, образующийся вдоль берегов и, главным образом, в бухтах. Вначале этот лёд, так же как и в открытом море, состоит из ниласа,

молодого льда, и носит название ледяного заберега. Когда же он утолщается, то называется просто припаем. Та часть припая, которая прочно соединена с берегом и не подвержена вертикальным колебаниям, носит название подошвы припая.

Неподвижный лёд окаймляет берега и острова. После того, как появились забереги, переходящие затем в припай, начинается распространение неподвижного льда всё дальше от берегов в открытое море. Там он соединяется с образовавшимися в море льдами, растёт вширь и в толщину, и к концу зимы достигает наибольшей мощности. Чем мелководнее район, чем изрезаннее берег, чаще острова и мели, тем больше ширина припая.

Лёд, скреплённый со дном, вне зависимости от происхождения, называется донным. Плавающий лёд может сесть на мель или оказаться на берегу. Севшие на грунт большие торосистые образования называют стамухами. Они могут быть одиночными, а могут образовывать барьеры. Стамухи встречаются не только в северных, но и в южных морях.

В северных морях не весь лёд, возникший за зиму, успеваает растаять за лето. Появляются двухлетние и многолетние льды толщиной 2,5 метра и более. И, в конце концов, образуется постепенно то, что принято называть паковыми льдами, или просто – паком.

Обычно состояние льда принято оценивать по десятибалльной шкале. Например, лёд считается трехбалльным, если приблизительно тридцать процентов поверхности воды покрыто плавающими льдинами. Когда же покрыта вся поверхность, лёд – десятибалльный, наиболее тяжёлый. Правда, и он различается: может быть сплошным или в виде отдельных льдин, между которыми пространство забито ледяным крошевом.

Да и сами льдины бывают разные. Старые и грязные, они грозят судну своей подводной частью, выступающей далеко за пределы видимой надводной части. Более молодые – сияющие девственной белизной даже в пасмурную погоду. А иногда попадаются льдины, излучающие такую пронзительную синеву, что, кажется, будто бы они попали в реальность из какого-то чудесного фантастического мира. Но красота их обманчива. Это опреснённый лёд, и твёрдость его едва ли уступает граниту, столкновение с ним опасно даже для ледокола.

Со льдом вообще связано много занимательного... Скажем, при какой температуре замерзает морская вода? В отличие от пресной, она не имеет определённой точки замерзания, и температура, при которой образуются кристаллы льда, зависит от солёности. При средней для океана солёности 35 ‰ температура замерзания равна минус 1,9 градусов Цельсия, и когда начинается ледообразование, большая часть соли остаётся в воде, что понижает температуру замерзания. Кстати, образование кристаллов льда способствует возникновению кашеобразной смеси воды и льда, и когда эта смесь смерзается, появляется тонкий, пластичный слой льда, изгибающийся

под действием волнения. Такое «ледяное сало» значительно уменьшает высоту волн.

Вот и, казалось бы, такое простое свойство льда как способность при охлаждении расширяться – спасает Землю от всеобщего замерзания. Увеличение плотности воды при охлаждении объясняется тем, что молекулы воды замедляют своё движение, но это справедливо лишь до температуры 4 градуса Цельсия, при которой вода имеет наибольшую плотность. В диапазоне температур от 4 до 0 градусов Цельсия в молекуле воды происходит перестройка водородно-кислородных связей и возникает иная молекулярная структура. Новый вид межмолекулярной связи образует менее плотную упаковку молекул, так что объём воды увеличивается на 9%. Такой перестройкой молекул воды и объясняется её расширение при замерзании.

Что было бы, если бы лёд не плавал на воде, а тонул? Если бы лёд тонул, то все водоёмы на Земле оказались бы заполненными им от поверхности до дна. Солнце не могло бы растопить эту массу льда, защищённую от его лучей, а вытравивал бы лишь тонкий поверхностный слой. На Земле царил бы вечный ледниковый период, и планета наша была бы необитаемой.

А какова солёность морского льда? Морской лёд состоит из кристаллов пресноводного льда, между которыми заключено небольшое количество рассола. Солёность морского льда составляет от 2 до 10 %, и когда ледообразование идёт быстро, в промежутки между кристаллами попадает больше соли, отчего рассол становится более концентрированным. Но захваченный морским льдом рассол тяжелее самого льда, поэтому он постепенно просачивается вниз. Когда возраст льда достигает года, талая вода из него уже пригодна для питья: вот почему старый лёд более пресный. В 19 веке такую талую воду мореходы иногда использовали для пополнения судовых запасов воды, да ко всему прочему она была ещё и очень полезна.

В Охотском море суровые и продолжительные зимы с крепкими северо-западными ветрами выхолаживают верхний слой до значительной глубины, вызывая обильное ледообразование, захватывающее обширные морские пространства. Ежегодно в осеннее время, приблизительно в конце ноября, происходит появление льда, постепенно покрывающего почти всю поверхность моря, затем, в течение зимы, под влиянием ветров и течений, он подвергается непрерывной перегруппировке, и весной, обычно к началу июня, выносится в Тихий океан, где на протяжении первых же 50-100 миль разрушается и тает. Таким образом, шесть-семь месяцев Охотское море находится в ледяном покрове, и если иметь в виду, что в суровые зимы плавучие льды северо-западными ветрами прижимаются к Курильским островам и забивают некоторые Курильские проливы, а в отдельных бухтах появляется лёд местного образования, то вполне очевидно, что в зимнее

время, особенно с декабря по март, в Охотском море нет такого места, где бы встреча со льдом была полностью исключена.

Образование ледяного покрова обычно начинается в опреснённых приустьевых районах северо-западной и северной частей моря, в заливах, бухтах и прибрежной части острова Сахалин и Камчатки, но в основе своей он остаётся неподвижным и называется припаем. Лёд захватывает, прежде всего, северо-западную часть моря как наиболее мелководную и глубоко вдающуюся в быстро охлаждающийся осенью материк. Ледяной покров держится здесь нередко даже по восемь месяцев, а иногда и более.

Вслед за замерзанием заливов в конце ноября лёд появляется в открытой части моря, особенно вдоль восточного берега острова Сахалин, и это уже лёд плавучий, представляющий основную форму льдов Охотского моря. Постепенно нарастая по высоте и площади распространения, в январе-феврале ледяной покров занимает всю северную и среднюю часть моря, а к весне южная граница сравнительно устойчивого ледяного покрова простирается от пролива Лаперуза до мыса Лопатка на Камчатке.

Таким образом, благодаря течениям и конфигурации береговой линии крайняя северо-западная часть моря более других забивается льдом. В средней части моря лёд часто взламывается и почти всегда дрейфует обширными полями. Эти поля, покрывающие значительную часть водного пространства Охотского моря, имеют те же формы, что и в северных морях – Беринговом и Чукотском. При сильных штормах, очень частых зимой, ледяной покров здесь достигает метра, а то и больше, и при взламывании образует мощные торосы, что представляет серьёзные препятствия для плавания судов.

К тому же общая циркуляция вод в Охотском море происходит против часовой стрелки. Так же двигаются и льды. Они приходят в северо-западный угол моря всё в большем количестве и, в конце концов, создают здесь ледяной мешок. Чтобы превратить их вновь в воду, нужно колоссальное количество тепла, а его в этом северном море не так много.

Ещё более необычные условия замерзания льда наблюдаются в Сахалинском заливе, на севере Татарского пролива. По причине постоянного притока в залив охотских вод, вынос льдов из него всегда задерживается. Вместе с этим идущее с севера Северо-Охотское течение вносит в залив лёд, образовавшийся в далеко отстоящих от него районах моря. Поэтому Сахалинский и до некоторой степени смежные с ним заливы тоже превращаются в своеобразное скопище льда, где он порой задерживается не только до июля, но и до августа. Обычно же, всё Охотское море бывает свободно ото льда только в конце августа и в сентябре.

Идти в Охотском море зимой, среди нескончаемых льдов – незавидное дело! Но что ж поделаешь: штормовые ветры, бураны, туманы и холод облюбовали это море, и льды чувствуют тут себя вольготно.

Охотское море вообще в некоторых отношениях уникально... Например, ему присуще явление взлома припая зимой, и особенно часто оно наблюдается в Татарском проливе. Причиной тому служат приливы и ветер.

Стоит штиль, течения нет, и поверхность моря покрыта ровным слоем льда. Но вот поднимается ветер, и лёд мгновенно приходит в движение, причём, льдины начинают двигаться с различной скоростью. В результате этого, а также влияния сопротивления берегов и банок движению льда – происходит его сжатие и торошение, сопровождающееся образованием самых причудливых нагромождений.

В условиях Охотского моря обычная высота торосов один-два метра, но иногда встречаются торосы до 15 метров высотой, и если судно оказывается в таких местах торошения льда, то ему грозит большая опасность. Известно немало случаев в прошлом, когда суда были раздавлены при сжатии льда.

Суда, плавающие в Охотском море, всегда должны быть готовы к встрече со льдом. Резкое понижение температуры воды или внезапное появление тумана – верные признаки близости больших масс льда. Наиболее благоприятен для плавания юго-восточный район моря, что и неудивительно, так как здесь отмечены наибольшие глубины и более высокая температура воды. У самого берега Камчатки широкая полоса чистой воды может сохраняться всю зиму, тогда как вдали от берега держатся очень тяжёлые льды, с которыми трудно справиться даже мощному ледоколу. Недаром капитаны судов, следуя из портов Южного Сахалина в Магадан или Охотск, избирают именно этот путь в холодное время года.

А ещё Охотское море имеет такую необычную особенность, как трёхслойные воды, что является причиной возникновения льдин в открытом море. Вдруг, ни с того ни с сего, в открытой воде на горизонте появляется лёд... Стоит ли обходить какие-то случайные льдины, думает капитан, по всем навигационным пособиям их здесь не должно быть в эту пору, и он, не меняя курса судна, направляет его вперёд.

Но обстановка с каждым часом становится всё серьёзней. Совсем молодой нилас, по виду и толщине не отличаясь от обыкновенного стекла, начинает уступать место большим обломкам, а то и целым полям серого, довольно толстого льда. Судно уже с трудом продвигается в них. Немало судовых донесений о подобных встречах со льдом в открытом море хранится в архивах Дальневосточного пароходства. Наблюдают такие льды и лётчики с самолётов. Мнение моряков и океанологов относительно этих льдов всегда было на редкость едино: появление осенью льдов в открытом море не считается случайным и связывается с выносом их ветрами и течениями от берегов.

Однако льды в это время могут образовываться и в открытом море. Летом в средней части Охотского моря воды располагаются тремя слоями: сверху – поверхностные воды, прогретые летним теплом до глубины 50-70 метров; правда, их температура нигде не бывает выше 17 градусов. Глубже,

от 50 до 250 метров, имеется слой воды с температурами на верхней и нижней границах 0 градусов и в середине слоя – 1,6 градусов, то есть эти промежуточные воды охлаждены почти до точки замерзания. Эти холодные воды подстилаются солёными тихоокеанскими водами с температурами 1,5-2,0 градуса. Таким образом, в Охотском море существует слой вечной жидкой мерзлоты. Ближе к северным берегам, там, где тихоокеанские воды исчезают, этот холодный слой соприкасается с дном, но у самых берегов и он исчезает, и там тёплые воды распространены от поверхности до дна.

Когда море начинает охлаждаться, воды, находящиеся на самой поверхности, делают холоднее глубинных, а раз холоднее, то и тяжелее. Поэтому они опускаются вниз и взамен их поднимаются на поверхность более тёплые глубинные воды. Так продолжается до тех пор, пока глубинное тепло не израсходуется. Тогда образуется лёд. Это явление носит название вертикальной зимней циркуляции. Так вот, в этих местах слой прогретых вод у берегов мощнее, чем в открытом море, и процесс охлаждения вод протекает быстрее, чем у берега. Поэтому осенью и появляются в открытом море пятна льда, не связанные с берегом.

Здесь, в охотоморских водах, нередко можно наблюдать и противоположность широко известного миража пустынь – северный мираж. Когда на холодной поверхности застаивается массив прозрачного воздуха, его оптические свойства изменяются, и он преломляет свет наподобие огромной линзы. Мнимое изображение предмета, находящегося далеко за горизонтом, появляется над горизонтом и вводит в заблуждение моряков. Причём, иногда оно бывает сдвоенным, а верхнее – опрокинуто.

Масса воздуха высокого давления покоится на каком-нибудь могучем леднике, который служит источником яркого отражённого света, и моряки наблюдают его отсвет далеко за пределами обычно видимого горизонта, догадываясь, что в той стороне есть земля. Подобное явление могли использовать древние мореходы, не обладающие знаниями морской навигации и компасом.

А многоцветность льда, разве это не чудесное оптическое явление севера, не упомянуть о котором невозможно?! Лёд в ночи полярной светится, и тьме его не объять. Но и вода морей по цвету и прозрачности не одинакова, каждый бассейн имеет, так сказать, свою индивидуальную окраску. Окраска моря определяется не светом, отражённым от его поверхности, а рассеянным светом, выходящим из глубин моря. Спектральное распределение излучения из толщи моря есть результат процессов поглощения и рассеивания света, как самой водой, так и взвешенными и растворёнными в ней веществами. Так как в разных морях соотношения между этими процессами различны, то моря и имеют различную окраску.

Определяющим здесь является процесс рассеивания излучения. Интенсивность рассеянного излучения обратно пропорциональна длине волны излучения. Так синий цвет имеет наиболее короткую длину волны из

всего видимого спектра, он рассеивается больше всего. В чистом льде – та же картина.

Север, конечно, противоположен югу и предполагает более зиму, долгую ночь, нескончаемый ветер и стужу, но именно в силу оптических свойств льда и присущей северу силы самая холодная сторона земли способна согреть сердце полярника и моряка особым светом и необычными цветовыми оттенками. Только северу бывают присущи ночные пазори, зорники, зимние зарницы, багрецы, лучи, переходящие в столбы, сполохи и снопы, которые, в свою очередь, светятся, играют, дышат, идут, бьют и даже гремят, наливаются, мерцают и рассыпаются, а лёд лучисто отражает всё это удивительное многообразие. Со всего свету не собрать порой столько цвету, сколько заключено в северной утробе среди бесконечных загадочных льдов. Но отчего же зависит цвет самого льда?

Самоцветными камнями отливает лёд северных морей, и все цветовые гаммы, что он излучает, так же как и у воды, объясняются его избирательным поглощением световых лучей и количеством примесей. Большая глыба чистого, лишённого пузырьков пресного льда, к примеру, имеет нежно-голубой цвет. В море встречаются льды белые, коричневые, зелёные, голубые, синие и даже чёрные. Их цвета точнее было бы назвать оттенками, заметными только в больших кусках льда. Отдельные же небольшие куски обычно кажутся белесоватыми со «стальными» прослойками, в которых меньше воздуха.

Коричневатый или желтоватый оттенок выдаёт лёд сухопутного или речного происхождения – окраска его объясняется присутствием глинистых веществ. Белый лёд образуется из снега, в нём много крупных воздушных пузырьков или ячеек рассола.

Из многолетних льдов со временем вообще исчезает почти весь рассол, поэтому они голубые или синие. Высокие ропаки и торосы даже однолетних льдов чаще именно голубого цвета. В голубом льду кристаллы ориентированы одинаково, и структура ярко выражена, он легко колется в направлении кристаллов – обычно это плиты льда спокойного замерзания. Зернистый лёд – зеленоватого цвета, он состоит из слабо выраженных, неправильно расположенных кристаллов. Начальные виды льдов – сало, шуга и тонкий сплочённый молодой лёд имеют тёмно-серый со свинцовым оттенком цвет. В течение зимы лёд проходит стадии светло-серого, а затем белого цвета. Весной, при таянии, тонкие мокрые льдины вновь принимают тёмно-серую окраску. А ещё её придают льдам колонии бактерий и водорослей...

Вот и молодой жемчужный лёд, который течением поздней осенью выносит в открытые воды, делает небо похожим на блестящий перламутр... Но чаще в море можно заметить белое или желтоватое сияние на небе, вызванное отражением льда на нижней границе низкой облачности. Среди моряков, работающих на севере, такое небо называется ледяным, по этому признаку они безошибочно определяют – как далеко от корабля, и в какой

стороне находятся льды. Явление это очень часто присуще именно Охотскому морю.

Но более всего мне почему-то запомнился и полюбился розовато-кремовый лёд, с золотистыми отсветами от восходящего из-за моря солнца. Именно такой лёд, прозрачный воздух над ним, отчётливость звуков, цветов и запахов, - всё это неизменно, не истрачиваясь, до сих пор стоит у меня перед глазами.

Думаю, это лучшее, что привелось мне увидеть на севере, и тот удивительно умиротворяющий северный покой во льдах, что величественно заключил нас когда-то в свои объятия, вошёл в меня навсегда. Даже утробные всхрапывания полуторатонных сивучей за бортом нашего судна не могли его нарушить. Захотелось вдруг, чтобы цветные льды никогда не таяли, только добавляя северу очарования, и красота бы его никогда не прекращалась.

Плавающие в тёмно-зелёной воде льдины сами напоминали диковинных морских животных. Они продвигались тихонько, изредка сталкивались и накренились, будто играя в одну им понятную игру. Льдины подставляли восходящему солнцу свои чистые бока и спины, отливая нежно-розовой позолотой, а когда под напором форштевня переворачивались навзничь, то оголяли беловато-салатное, нежное брюхо, какое бывает только у белухи. Низкие облака, тоже все в розоватых отсветах, и те походили на льдины, беззвучно передвигающиеся по небу, так что всё это необыкновенно завораживало.

Как это ни странно, но именно суровые северные моря со льдами вызывали в моей душе тёплые мысли и краски, и меня до сих пор не покидает желание опять отправиться в дальнее увлекательное путешествие, безотчётно любоваться северными красотами, и думать только о хорошем.

«О ЯПОНИИ»

Прежде, чем высказать свои мысли о Японии, которая меня всегда привлекала более, чем какое-либо другое государство, не мешает вспомнить, как складывались отношения японцев и русских, что их связывало, а что разъединяло на протяжении последних четырёх столетий. Почему больше было непонимания и конфликтов, а не мирного сосуществования? Как могло так получиться, что до сих пор отсутствует ясность: кому по праву принадлежат эти богатейшие дальневосточные земли - и Сахалин, и Южные Курилы, и что нужно сделать, чтобы справедливость восторжествовала?

Если уж и говорить о связи русских и японцев, то следует особенно отметить японцев, проживающих на Хоккайдо, как наиболее близкому к России острову из всего Японского архипелага, да и всё общение японцев с русскими происходило именно в прилегающих и к России и к Японии морях – Японском, Охотском и северо-западной части Тихого океана. 7 февраля 1855 года был подписан русско-японский договор об открытии порта Хакодате, вместе с портами Симода и Нагасаки, для захода русских судов, а в 1858 году – русско-японский договор о дружбе и торговле. Оба эти договора были подписаны с русской стороны адмиралом Е.В.Путятиным, который в ранге посланника царского правительства с 1853 по 1858 год неоднократно посещал Японию.

С тех пор прошло 160 лет, и за это время история связей России и Японии, история освоения и заселения Курил и Сахалина нередко намеренно извращалась. Но тщательное изучение исторических фактов и материалов неоспоримо показывает, что освоение, описание и заселение Сахалина и Курильских островов производилось в большей мере именно русскими мореплавателями и промышленниками, причём – планомерно и настойчиво, и, в отличие от японцев, оно подкреплялось рядом дипломатических шагов правительства России. Да, и простые русские люди всегда с дружелюбием относились к японцам, искренне желая познать их нравы, язык и культуру, постоянно оказывая помощь японским рыбакам и мореплавателям на море.

Японские источники, как и русские материалы, относят первое знакомство русских и японцев к концу 17 и началу 18 столетия, когда бурное освоение русскими берегов Тихого океана, естественно, приводило к встречам с японскими рыбаками и мореплавателями. На ранней стадии знакомства двух народов это было, в основном, оказание помощи русскими поселенцами и моряками на Камчатке, Сахалине, Курилах, Командорах и Алеутах потерпевшим бедствие японским рыбакам, занесённых течениями или штормами в районы, заселённые русскими.

Так, во время своего похода в 1697-1699 годах по Камчатке Владимир Атласов, в бытность на реке Иче, узнал, что у камчадалов имеется пленник, как оказалось впоследствии – японец из города Осака. Пленник, через посредство камчатского толмача, объяснил Атласову, что он шёл на бусе/большой лодке/ из Осаки в Токио. На пути случилась буря, и судно

носило по морю шесть месяцев, пока не выкинуло на берег Камчатки, к югу от реки Большой. Японец – его звали Дэнбей, был доставлен в Москву и 8 января 1702 года представлен в селе Преображенском Петру 1. Это был первый японец в России. В январе 1702 года Дэнбей дал в Москве, в Сибирском Приказе, чрезвычайно любопытное показание о своём плавании, о Камчатке и Японии, после чего в Москве и Иркутске были открыты специальные школы, где стал изучаться японский язык.

В 1710 году помощником Дэнбея в преподавании японского языка в Петербурге привлекается ещё один японец – Санима, также оказавшийся на Камчатке после долгих скитаний по морям, и со стороны российского правительства ему было выказано самое доброжелательное отношение. Россия уже тогда понимала необходимость изучения языка и культуры своего восточного соседа, но вот Япония вела себя при этом очень странно. Японское правительство, благодаря Российское государство за возвращение своих поданных в родное отечество, потерпевших бедствие в море у российских берегов, объявило, что русские могут их оставить или взять с собою, как им угодно, ибо японцы, по своим законам, не могут их взять силою, предполагая, что сии люди принадлежат тому государству, к которому они занесены судьбою и где спасена их жизнь при кораблекрушении. Такое положение дел, несомненно, являлось отражением политики изоляции, которую японское государство проводило в те годы, а вынуждены были страдать простые японцы, лишаящиеся права вернуться к своим близким.

Первая половина 18 века – это время усиленного освоения именно русскими людьми Курил и Сахалина, и даже японские источники отмечают взаимоотношения только между русскими и айнами, населявшими эти земли. Имена же японцев вплоть до 1786 года упоминаются только как потерпевшие бедствие и случайно попавшие на Курилы. И лишь 1786 год является годом, когда экспедиция сёгуната на Эдзо/Хоккайдо/ в составе нескольких японцев прибыла на остров Уруп. Первая же русская экспедиция на Курилы относится к 1713 году, когда Иван Козыревский/якутский казак/ посетил Онекотан, Шумшу и Парамушир. Кстати, именно Иван Козыревский с Данилой Анциферовым составили первую карту Курильских островов, и именно в эти годы был установлен русской Камчатской администрацией контроль над Курильскими островами.

В 1739 году морская экспедиция под командованием лейтенанта Мартына Петровича Шпанберга побывала у побережья острова Хонсю, где она имела контакты с японцами, и русские моряки побывали на незнакомом им доселе берегу. В 1739-1741 годах эта же экспедиция производила обследование и описание Курильских островов, включая Южно-Курильские острова и острова Малой Курильской гряды. В 1756 году первое русское судно побывало в Аккеси – юго-восточное побережье Хоккайдо, а в 1778 году этот же порт посетили русские Очеретин и Каретов. Они, видимо, высказали пожелание открытия острова Хоккайдо для торговли, так как

заселение русскими Сахалина и Курил, а также поселения на Камчатке настоятельно требовали торговых связей со своими соседями, но им было отказано.

В 1765 году казачий сотник Иван Чёрный побывал на Курильских островах Расшуа, Итуруп и Уруп, где у него случались конфликты с айнами, но не с японцами. Русские в это время не просто посещают Курильские острова в период летней навигации, но и остаются на зимовку. Так, в зиму 1767/68 года на острове Уруп зимовало около 50 русских. В 1771 году Иван Чёрный вновь высадился на острове Уруп и начал охоту на морских бобров; однако вскоре вынужден был прекратить её опять же вследствие противодействия местных жителей. После примирения с ними в 1773 году охота на морского зверя и торговля возобновились.

Здесь же, на острове Уруп, в зиму 1775/76 года зимовало русское судно «Наталия». В последующие годы оно постоянно плавало в водах Курильских островов, обслуживая поселения русских, а в 1779 году было выброшено на берег волной цунами после сильного землетрясения. Наверное, в честь именно этого судна на карты и было занесено имя «Наталия», обозначившее залив, вдающийся в северо-западный берег острова.

Вообще, даже в японской литературе, в частности – в трудах японского историка Окомато Рюуносукэ встречаются данные, что японцы стали появляться на южной оконечности Сахалина только в годы правления Кансей, то есть в 1789-1800 годах. «Однако, - писал О. Рюуносукэ, - это продолжалось только в течение немногих месяцев года от лета до ранней осени», когда японские рыболовы приезжали в половине апреля в залив Анива, собирали добытый жителями звериный промысел и жили до октября, пока производился лов. При этом он признавал, что до той поры «с древнейших времён никто из японцев не высаживался на этом острове». Японцами даже не был достаточно освоен остров Хоккайдо, который они окончательно признали своим лишь в 19 веке.

Часто в японских источниках упоминается ещё факт о судьбе японцев со шхуны «Синсе-Мару», которая в эти же годы была выброшена во время тайфуна на берег острова Амчитка Алеутской гряды островов. Спасшимся тогда пяти из шестнадцати членам экипажа было оказано покровительство в Иркутске и Петербурге. Японцы были приняты тогдашней императрицей России Екатериной, и трое из них в сентябре 1792 года возвратились на русском корабле «Екатерина» в Немуро на Хоккайдо вместе с русским посланником Лаксманом, призванным осуществить первую официальную миссию в Японии.

Первое официальное русское посольство во главе с Адамом Лаксманом прибыло в сентябре 1792 года на рейд порта Немуро/восточная часть Хоккайдо/, отсюда Лаксман послал в Эдо/будущий Токио/ свои верительные грамоты, которые уполномочивали его вести переговоры о торговле с Японией. Но так как законы «самоизоляции» продолжали действовать, сёгунское правительство отказалось вести переговоры о торговле и

разрешило заход ежегодно лишь одного русского судна в порт Нагасаки. Этим разрешением Россия смогла воспользоваться только в октябре 1804 года, когда в Нагасаки вошёл корабль «Надежда», на котором находился посол Резанов.

Кстати, так называемый период «самоизоляции Японии» просуществовал более 200 лет. С 1611 по 1639 год последовал ряд указов японских властей об ограничении влияния иностранцев на японское население, на быт и культуру японцев. Так, были изданы указы о запрещении христианской религии, об изгнании из Японии миссионеров, был запрещён въезд в Японию испанцев и португальцев, а затем и всех иностранцев. Был также запрещён выезд и самих японцев за границу, а проживающим за пределами Японии - въезд в свою страну. Судам всех стран было запрещено посещать порты Японии, только Нагасаки остался открыт для голландских судов в виде небольшой торговли.

Таким путём Япония изолировала себя от остального мира. Однако жители Хоккайдо продолжали свои связи с русскими и в это время. Японские рыбаки и купцы спасались от штормов в бухтах и портах русских берегов, потерпевшие бедствие на море японцы подбирались русскими судами, а затем возвращались в порты острова Хоккайдо. В связи с этим порт Хакодате стал неофициальным приёмным пунктом спасшихся во время кораблекрушений в северных водах японцев. Таким образом, в действительности и во время «самоизоляции» осуществлялись связи русских и японцев.

Между тем, заселение Курильских островов и Сахалина русскими поселенцами продолжалось. К 1785 году на острове Итуруп проживала значительная колония русских. Имеется документ, в котором говорится, что в 1785 году и на соседнем острове Уруп уже обитало свыше 60 человек русских во главе с промышленником Каретовым. Они занимались охотой на морских бобров и торговали с местными жителями острова Итуруп. Существует упоминание от 1797 года о проживании русских и на Кунашире.

Но японцев такое обстоятельство дел не устраивало, и в 1798-1800 годах воинские отряды с Хоккайдо высаживаются на островах Кунашир и Итуруп, где уничтожают поставленные русскими кресты и столбы с надписями о принадлежности островов России, воздвигая свои столбы с японскими надписями. Однако же такие противозаконные акты в те времена ещё не означали перехода этих островов во владения Японии, да и центральные власти этого государства в конце 18 века не только Курилы, но и северную часть острова Хоккайдо не считали территорией Японии, как уже говорилось выше.

Вообще, к концу 18 века безусловной ясности в том, что Сахалин принадлежит России или Японии ещё не было. Никто сейчас не может с точностью сказать, как всё обстояло на самом деле. Слишком уж велики и не обжиты были эти дальневосточные места, много неопределённого оставалось и с границами собственных владений, как России, так и Японии. Может

быть, чуть большую инициативу в вопросе освоения новых земель проявляли русские, которые значительно организованнее стремились взять эти земли под собственный контроль. Японцам, вроде бы, сам Бог велел заняться распространением своих владений на север, ибо и Сахалин и Южные Курилы находились у них чуть ли не за порогом, что называется – по соседству, но осуществляемые ими попытки оставались хаотичными, слишком поверхностными. Словом, полной уверенности в том – кто здесь хозяин, ни с одной из сторон пока не проявлялось, а ведь на этих землях издревле проживали ещё и их исконные старожилы – племена тончей, орочей, нивхов и айнов.

К началу 19 столетия отношения русских и японцев на Сахалине и Курилах оставляли желать лучшего. В 1806 году на Сахалине побывала экспедиция члена правления Российско-Американской компании капитан-лейтенанта Хвостова, которая обследовала сахалинские поселения русских и айнов, но главное, чем приходилось заниматься Хвостову – это жечь японские склады, которые японцы без разрешения русских властей начали создавать в русских владениях для торговли с местными жителями. А в 1811 году русский корабль «Диана» производил съёмку берегов острова Кунашир, и находившиеся на берегу капитан этого судна В.М.Головнин и 8 человек экипажа «Дианы» были схвачены по распоряжению правителя княжества Мацумаэ. Японцы впоследствии убеждали русских, что арест капитана Головнина был произведён по ошибке японскими чиновниками, принявшими его, якобы, за Хвостова, который сжёг японские склады на Сахалине. Так это или нет, однако В.М.Головнин и другие моряки с «Дианы» пробыли в плену в Хакодате до сентября 1813 года.

Русские не оставляли попыток освободить мирным путём В.М.Головнина и его спутников. Уже ранней весной 1812 года в район острова Кунашир и в порт Немуро вновь прибыла «Диана» с большой группой японцев, которых спасли русские в северных водах. Русские намеревались обменять В.М.Головнина и 8 моряков с «Дианы» на этих японцев, однако Головнин освобождён не был.

Осенью, возвращаясь на Камчатку, «Диана» арестовала на Кунашире японскую шхуну «Кандзэ-Мару» с хозяином этой шхуны Кахэем Такадая на борту. Японские источники так и пишут, что «шхуна «Кандзэ-Мару» и Кахэй Такадая были взяты в плен на острове Кунашир». Тем самым их источники прямо говорят о принадлежности самого южного из Курильских островов – Кунашир к России, признавая, что Россия имеет право пленения японских судов и граждан на территории и в водах этого острова. В мае 1813 года «Диана» под командованием П.И.Рикорда, старшего офицера корвета, прибыла в пролив, отделяющий остров Кунашир от Хоккайдо, и через Кахэя Такадая потребовала освобождения Головнина.

В сентябре 1813 года корвет «Диана» прибыл в Хакодате, где были проведены переговоры с чиновниками сёгунского правительства, в результате чего В.М.Головнин и его спутники были освобождены. В

успешном завершении переговоров важную роль сыграл Кахэй Такадая, сам он был русскими освобождён, а отмечая его заслуги, русские власти разрешили К.Такадая свободно плавать в русских северных водах. Отмечая этот факт, японские документы говорят, что чиновники сёгунского правительства признали факт ошибочного задержания Головнина властями княжества Мацумаэ. Находясь в плену в Хакодате, В.М.Головнин обучал японцев русскому языку.

После возвращения на родину В.М.Головнин издал книгу «Записки В.М.Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812, 1813 годах с приобщением замечаний его о японском государстве и народе». В книге отражена жизнь за 2 года и 3 месяца. Книга познакомила русских с обычаями жителей Хоккайдо, а также с деятельностью японских чиновников. Она послужила хорошим путеводителем для русских исследователей и коммерсантов, которые хотели ознакомиться с Японией.

Несмотря на нередкое непонимание в это время правительствами двух государств, приток русской культуры в Японию и японской – в русскую всё же постепенно усиливается. Вот несколько примеров в пользу этого, сообщаемых самими японцами. Японец Городзи Накагава, спасшийся 25 апреля 1807 года во время кораблекрушения около острова Итуруп и находившийся в течение 6 лет в Москве, не только обучился русскому языку, но и приобрёл широкие познания в медицине у русских врачей. Накагава обучился способу прививки оспы. В 1812 году Накагава возвратился домой. Он является основоположником прививки оспы в Японии.

Перед жителями Хоккайдо и Хакодате, в частности, открылись возможности всё чаще видеть суда европейского типа. Это послужило стимулом появления в Японии первого судна европейского типа шхуны «Хакодате-Мару», которую построил Тоёджи Цудзуки – корабельный плотник, житель Хакодате.

Японец Мацусабуру Иокояма выучился технике живописи русского стиля у художника Лемана – члена экипажа фрегата «Диана», который прибыл в Хакодате в 1854 году. Иокояма считается пионером-мастером живописи западного стиля в Японии. Он выучился литографии и фотографии, став впоследствии преподавателем живописи в военной академии Японии.

Японские материалы того периода прямо говорят, что в большинстве случаев спасшиеся японцы во время бедствий своих судов и получившие кров у русских на Сахалине, Курилах и Камчатке приносили с собой на Хоккайдо прогрессивную технику рыболовства, кораблестроения, а также технологию обработки металлов, пошива одежды и приготовления пищи высокого качества.

Вот и масштабы исследовательской деятельности русских в дальневосточном регионе в сравнении с японцами оставались куда более выгодными. Взять хотя бы небезызвестную кругосветную экспедицию И.Ф.Крузенштерна и Ю.Ф.Лисянского в 1803-1806 годах, когда два судна

Российско-Американской компании «Надежда» и «Нева» не только доставили посольство в Японию, но и выполнили огромную гидрографическую и океанографическую работу по съёмке западного берега Японского моря до пролива Лаперуза, через который они вышли в Охотское море, продолжая съёмку южного и восточного берегов острова Сахалин, исследовали Курильские острова и проливы между ними, а также юго-западное побережье Камчатки. Со стороны Японии в 1808 году было предпринято лишь одно плавание на байдарке мужественного землемера Мамио Ризо, которому удалось подняться на несколько десятков миль вдоль юго-западного побережья Сахалина по Татарскому проливу, но оно так и осталось незамеченным. По-видимому, у японцев к этому времени мало было уверенности в своём праве на эти земли и вели себя они нерешительно.

По воспоминаниям того же Крузенштерна, находящегося в заливе Анива в момент необычайно богатого хода сахалинской сельди, когда вода просто кипела, сетей и неводов у японцев, черпавших рыбу вёдрами, он не наблюдал, из чего сделал вывод, что рыбная ловля у них на широкую ногу не поставлена, и по всей вероятности, это были первые японские колонисты, может быть даже – беглые преступники или же побывавшие на чужой земле и за это изгнанные из отечества. Японцы только начинали знакомиться с соседним островом и возможно даже вынашивали планы об этой загадочной для них земле как сельскохозяйственной колонии, но попытки в этом направлении совершали незначительные, поскольку суровые сахалинские зимы были для них неприемлемы. Они приходили сюда на джонках только летом, ничего не сеяли, огородов не держали и скотом не занимались, а всё необходимое привозили с собой. По-настоящему их привлекала на южном Сахалине только рыба, которая приносила большой доход, так как ловилась в изобилии.

Сахалин интересовал японцев исключительно только с экономической стороны, но после того, как в 1853 году на берегу залива Анива, в Бухте Лососей, членами экспедиции под руководством Д.И.Орлова, товарища и последователя Г.И.Невельского, был основан Муравьёвский пост – ныне крупнейший на Южном Сахалине порт Корсаков, японцы стали проявлять и политическую заинтересованность. Понимание, что они могут потерять на Сахалине хорошие доходы и даровых рабочих в лице местного населения – айнов, вынудило их усилить своё влияние на острове в противовес русскому. Но опять-таки, по-видимому, за отсутствием уверенности в своём праве, эта борьба с русскими происходила нерешительно и ограничивалась тем, что японцы распускали среди айнов сплетни про русских и хвастали, что перережут их всех, на деле, по словам А.П.Чехова в его книге «Остров Сахалин», оставаясь мирными людьми и посылая русским солдатам осетров...

И всё же длительные усилия именно русских по установлению дружественных и официальных отношений со своим восточным соседом оказались более действенными и были, наконец, завершены подписанием в

городе Симода русско-японского договора, по которому были открыты для посещения русскими судами порты Симода, Хакодате и Нагасаки. Этому событию способствовало прибытие в 1853 году в Нагасаки русской эскадры под командованием адмирала Е.В.Путятин, который имел полномочия посланника Российского правительства, а также - предписание во чтобы то ни стало добиться торговых отношений с Японией и договориться с ней о границе между русскими и японскими владениями. Правительство сёгуна обещало дать ответ. Ведь 1853 год был годом прекращения сёгунским правительством политики «самоизоляции», которая проводилась с начала 17 столетия.

В августе 1854 года адмирал Е.В.Путятин на фрегате «Диана» заходит в Хакодате, где встречается с губернатором Хоккайдо, и ими оговариваются основные положения будущего договора о дружбе и торговле между двумя странами. Затем Путятин уходит в Осаку для продолжения переговоров, а в декабре 1854 года, как это уже достаточно хорошо известно, «Диана» погибает в порту Симода в результате сильной волны цунами после землетрясения. Из остатков шхуны в 1855 году в деревне Хэда на полуострове Идзу русскими моряками «Дианы» вместе с японцами сооружается шхуна «Хэда». Интересен факт, что лишь 8 пушек с фрегата «Диана» устанавливаются на «Хэде», а остальные – русские моряки дарят сёгунскому правительству, после чего перекочёвывают уже на японский военный корабль «Кайтэн».

Бурное заселение и освоение русскими Охотского побережья, Сахалина, Камчатки, Курильских и Алеутских островов требовали наличия в этой далёкой окраине России большого военного и транспортного флота, суда которого, естественно, нуждались в ремонте и отстое зимой в незамерзающих портах. Требовались также базы для отдыха экипажей и пополнения запасов. К тому же русские поселения на Дальнем Востоке нуждались в сбыте своей продукции, для чего ближайшим торговым партнёром могла выступить именно Япония, да и потребляемые товары невозможно или очень трудно было завозить из центральной России. Всё это подсказывало насущную потребность заключения русско-японского договора о дружбе и торговле, который и был в 1858 году подписан.

Естественно, что подписание этого договора послужило прибытию в порт Хакодате в сентябре 1858 года первого русского консульства во главе с Осипом Антоновичем Гошкевичем, о чём следует отметить особо, ибо событие это имело для Японии очень значительную роль, да и открытие порта для русских было крайне необходимо. Консульство прибыло на русском военном клипере «Джигит» в сопровождении корвета «Америка». Надо сказать, что Гошкевич не был новичком в Японии; ещё в 1853 году он в ранге переводчика дипломатической миссии адмирала Путятин побывал в Японии.

Первый консул О.А.Гошкевич внёс большой личный вклад не только в укрепление добрососедских отношений между Россией и Японией, но и в

распространение русской культуры, науки и знаний среди японского населения Хоккайдо и Хакодате. Так, Гошкевич составил первый в истории связей двух стран словарь под названием «Японо-русский словарь», значение которого трудно переоценить. Он также преподнёс городу Хакодате барометр. Всё это подкрепляется документами, хранящимися в музеях города. Документы говорят и том, что по инициативе О.А.Гошкевича был установлен у входа в порт Хакодате фонарь-маяк, по типу установленных русскими на Балтике, для обеспечения безопасного входа и выхода судов.

Документы говорят и о том, что семья консула Гошкевича обучила японца Иокити Кидзу методу шитья одежды европейского покроя. Позднее Иокити открыл портновскую мастерскую для иностранцев и пользовался прекрасной репутацией. Иокити Кидзу также выучился у консула Гошкевича и у врача консульства Залесского методу фотографирования. Причём, японцы считают, что с точки зрения технического мастерства Иокити Кидзу превосходил тех японцев, которые двумя годами ранее открыли фотоателье в городе Нагасаки. Своё фотоателье он открыл в 1864 году.

При прямом содействии консула Гошкевича в июле 1865 года была направлена первая группа японских студентов для обучения в России. Консул Гошкевич сделал денежное пожертвование в финансирование этой поездки в сумме 14 тысяч ре/старинная японская денежная единица/. Эта группа из шести молодых людей отправилась из Хакодате на русском военном корабле в июне 1865 года, а в начале февраля 1866 года прибыла во Францию, а затем по суше – в Петербург 16 февраля 1866 года.

Наличие русского консульства в Хакодате, открытие этого порта для русских судов, дружеские и торговые отношения с этим портом были необходимы России и Японии в равной степени. Во-первых, это был главный город ближайшего к русским берегам японского острова Хоккайдо. Во-вторых, это самый большой и наиболее благоустроенный порт на острове, причём – незамерзающий, он имел большие запасы топлива, воды и продовольствия.

Ко всему прочему, в Хакодате и в других близлежащих портах базировался основной промысловый флот Японии, занимавшийся рыболовством в тех же дальневосточных водах, что и русские рыбаки. Это был ближайший большой торговый центр, через который русские поселения на Дальнем Востоке торговали с Японией. В свою очередь Приморье, Сахалин и Камчатка были основными районами ввоза японских товаров. И ещё порт Хакодате расположен географически очень выгодно для русских коммуникаций на Дальнем Востоке: курсы судов из Владивостока на Охотское побережье, Камчатку, Чукотку и в Арктику пролегали мимо этого порта. Зимой же, когда плавание осуществлялось только Сангарским проливом, значение порта Хакодате трудно было переоценить.

В пятидесятые, шестидесятые и семидесятые годы позапрошлого столетия особенно показательны связи русских с портом Хакодате. Русские эскадры, осуществляя опись берегов Приморья, Сахалина и других районов

Дальнего Востока, когда замерзали заливы и бухты Приморья, вынуждены были искать порты-убежища, и они заходили в порт Хакодате, который был в те годы базой отдыха русских моряков, ремонта флота, портом снабжения топливом, водой и продовольствием.

Если бы русское правительство вняло здравому смыслу во благо всей державы, которой было так выгодно расширять своё влияние на Дальнем Востоке! Если бы оно поддержало и продлило всё то замечательное, чего удалось достичь в Японии Осипу Антоновичу Гошкевичу! А ведь ещё до появления в Японии первого консула, здесь, на Дальнем Востоке, жил и работал Геннадий Иванович Невельской, благодаря которому весь этот исследованный им и его сподвижниками край можно было с уверенностью называть российской стороной уже в 1850 году! Сколько полезного для России и её потомков совершил только один этот человек!

Но, тем не менее, царское правительство откровенно игнорирует достижения своих лучших сынов, оно безинициативно и недальновидно, вопросы, требующие скорейшего решения – подолгу замалчиваются, так и не дождавшись своего рассмотрения, по-настоящему отличившиеся – преследуются за непослушание, как это случилось с самим Геннадием Ивановичем Невельским, офицеры же, не имеющие собственного мнения, но послушные – поощряются. В результате в 1867 году заключается договор, по которому Сахалин стал принадлежать обоим государствам на праве общего владения. Русские и японцы признали друг за другом одинаковое право распоряжаться на острове, то есть - ни те, ни другие не считали остров своим, а лишь пробовали свои силы, скорее примериваясь к открывающимся возможностям. Возможности же представлялись поистине неограниченными...

Как уже говорилось выше, японцев на Сахалине интересовала главным образом рыба, и они на юге острова составляли большую конкуренцию русским поселенцам, производя ловлю рыбы контрабандным путём, либо за пошлины, отчего недалеко было то время, когда ссыльный, при организации японцами настоящей рыбной ловли, стал бы принимать в ней участие не как хозяин-промышленник, а лишь как батрак. Этому несправедливому положению русских, в сравнении с японцами, конечно, способствовало существование на острове каторги, бездумное ведение дел.

Только по этой причине со стороны в договоре была допущена значительная ошибка и, вероятно, именно по желанию японцев в него был внесён пункт, чтобы порабощение айнов происходило на законном основании. Риск заключался в том, что инородцы, если они входили в долги, по этому пункту могли производить уплату их работою, или какою другою услугой. А между тем на Сахалине к этому времени не было ни одного айна, которого японцы не считали бы своим должником. И всё это, несомненно, значительно и незаметно уменьшало влияние русских на острове, тогда как японцы, вроде бы, постоянно не живущие здесь и только время от времени наезжающие, чувствовали себя полноправными хозяевами.

Конечно, не всё было так плохо... Прижившиеся на юге Сахалина японские бакалейные лавочки торговали мелкими товарами, которые пользовались успехом у русских, и между двумя народами существовали вполне доброжелательные взаимоотношения. Японцы и русские ходили друг к другу в гости, принося угощения и подарки, обе стороны могли находить и находили достаточные средства и возможности для поддержания отношений. Вот дословная выдержка из обращения, отправленного японским консулом управляющему Корсаковским округом: «Господину начальнику Корсаковского округа. На отношение от 16 августа сего года за №741 мною сделано распоряжение о раздаче присланных вами для довольствия потерпевших крушение на бриге и джонке – четырёх бочек солёной рыбы и пять кульков соли. При том я, по имени оных бедных, имею честь выразить вам, милостивый государь, весьма искреннюю признательность о ваших сочувствии и пожертвовании дружественной вашей соседней нации вещами, которые здесь для них столь важны, об этом я вполне уверен, что всегда остаются в них доброй памяти. Консул японской империи Кузе». Ведь мог белый флаг с красным солнцем мирно развеваться и среди русского населения!

Не лучшим образом повела себя Россия и в 1875 году, когда Сахалин хоть и вошёл весь в состав Российской империи, но Япония получила в вознаграждение почти все наши Курильские острова. По щедрости великой, а вероятнее всего по неискоренимой российской дурости мы опять хватили через край: отдали японцам богатейшие полезными ископаемыми, рыбой и морским зверем земли, которые сразу стали приносить им миллионные доходы, тогда как достаточно было поделиться полудюжиной островов – ближайшей к Японии Малой Курильской грядой. Но даже если бы наши политики уразумели наличие не сравнимого ни с чем богатства, которое они запросто так отдавали в руки японцев, и острова остались за нами, вряд ли бы Россия смогла ими в полной мере, верно, воспользоваться, поскольку и сейчас!/! это не всегда удаётся.

По большому счёту, вопрос о принадлежности дальневосточных земель России или Японии не имеет под собой моральной опоры, ибо хорошо известно, что их истинными владельцами ещё до прихода русских и японцев являлись местные тунгусы – тончи и орочи, айны и нивхи, с которыми бы и русским и японцам следовало жить в согласии, не вторгаясь в их культуру и не навязывая своей... Но разве возможно было преодолеть собственную алчность, когда неграмотный, не ведающий хитрости, но богатый своей доброй душой инородец почти даром нёс тебе в руки шкурки калана и нерпы, лисы-чернобурки, котика и соболя, и ещё при этом испытывал великое счастье от того, что получал взамен маленькое чудесное зеркальце! Зачем было глумиться над этой природной чистотой, во имя быстрого обогащения спаивая несчастных людей, и продолжать при этом воспринимать себя вершителем их судеб? Подобное отношение к местным племенам инородцев можно отнести как к русским, так и к поданным Японии. Так всё это далеко

от истинного понимания жизни, которая никак не сближала две самобытные народности, и они продолжали враждовать, докатившись к началу 20 столетия до откровенной войны!

В начале 20 столетия противоречия между Россией и Японией ещё более обострились из-за Маньчжурии и Кореи. Японское правительство развернуло деятельную подготовку к войне с Россией, обеспечив себе фактическую поддержку Великобритании и США, и в феврале 1904 года японцы внезапно нападают на русские эскадры в Порт-Артуре и Чемульпо. Начинается русско-японская война, опять надолго изменяющая судьбу Сахалина.

Русское правительство даже не хотело думать, что когда-нибудь здесь придётся вести боевые действия с Японией, и ничего не предприняло для укрепления обороны острова. Япония же выжидала удобного момента, чтобы напасть на Россию и захватить Приморье и Сахалин. Русские моряки на судах «Варяг», «Кореец», «Дмитрий Донской» и «Новик» проявили чудеса беззаветного мужества, но предательство одних и бездарность других военачальников, разложение, царившее во всём государственном аппарате, привели к тому, что 20 декабря 1904 года Порт-Артур пал.

Не опасаясь наступления русских армий, японцы направили в июле 1905 года для захвата Сахалина дивизию Харагучи в составе 12 батальонов, одного эскадрона и одной пулемётной команды общей численностью до пятнадцати тысяч солдат, и все десантные части подошли к острову на десяти пароходах в сопровождении эскадры Катиока, имевшей 40 морских судов. После высадки японского десанта губернатор острова вместе со своим штабом сразу сдался в плен, но отряды защитников Сахалина, истинные патриоты, продолжали сражаться с врагом ещё почти два месяца, вплоть до 23 августа 1905 года, когда царским правительством, под нажимом США, был подписан несправедливый Портсмутский договор.

Оккупировав Сахалин, японцы стали жестоко расправляться с русским населением и нивхами, подозреваемыми в помощи защитникам острова, вырезая пленников сотнями. Грабежи и насилия вынудили русских бросить землю, ставшую родною, и выезжать на материк. Опустели десятки русских селений.

По Портсмутскому договору Япония захватила южную часть Сахалина и ещё более утвердилась на Курилах. По 50-й параллели была прорублена просека шириной 120 метров и длиной 130 км. Россия лишалась на Дальнем Востоке выхода в океан.

После упразднения в 1906 году общеизвестной каторги, Сахалин был объявлен свободным для вольного заселения, но остров, пользующийся в стране мрачной славою, не привлекал людей, и царское правительство решает предпринять вербовку на Северный Сахалин китайцев и корейцев, а в 1914 году объявляет, что переселяющиеся на остров и занятые там на работах - освобождаются от воинской повинности. Нужно заметить, что Сахалин в эти годы переживает состояние крайнего упадка, поскольку японские

оккупанты вывезли всё, что можно было захватить, вплоть до оборудования шахт, средств рыболовства и культурных ценностей. Но, тем не менее, в 1909 году на территории Северного Сахалина образуется Сахалинская область с центром в городе Александровске.

После долгих перипетий, связанных с захватом Северного Сахалина в 1918 году белогвардейцами, в 1920 году его оккупировала и Япония, желая превратить в свою колонию. Оккупанты сознательно проводили политику японизации Сахалина, намереваясь закрепить его за собой. В течение короткого периода они завезли на Северный Сахалин около 4 тысяч японских и корейских рабочих, в результате чего многие русские оказались без работы. Как результат произвола, в 1920-21 годах наблюдается усиленный отток русского населения с острова на материк, а японцы в январе 1923 года даже предложили всем желающим в семидневный срок покинуть Сахалин, указывая на дороговизну жизни и безработицу.

Русское население на Сахалине было поставлено в невыносимые условия. Японцы произвели перепись всех граждан, учёт скота и инвентаря на Сахалине, и предупредили, что ни один владелец не имеет права производить убой и продажу скота без ведома японских властей. Была ограничена свобода передвижения русского населения. Даже похороны совершались только с ведома японского командования. Оккупанты ввели особые пропуска, заставляли русских снимать головные уборы и кланяться начальству и часовым, которые были расставлены на всех перекрёстках. В случае невыполнения этих требований – расстрел.

Оккупационные власти японизировали русские школы, в них был обязателен японский язык, и только на этом языке должны были разговаривать учащиеся. Японские власти запретили русским разработку горных рудников, весь уголь отправлялся в Японию, нельзя было добывать даже камень, песок, глину, что каралось 20-летним тюремным заключением. Пользование лесом русским было запрещено, тогда, как сами японцы хищнически хозяйничали в тайге, истребляя колоссальные лесные массивы.

То же самое обстоит и с рыбными промыслами, сельское хозяйство пришло в упадок, русские, если и работали, то только на подсобных работах. Что могло остановить это варварское разграбление острова? И вообще, как могло так случиться, что вежливые японцы, с которыми мы неплохо ладили каких-нибудь два-три десятка лет назад, стали необыкновенно коварны, даже вероломны, и из наших дальневосточных братьев превратились в отчаянных врагов?!

А виной всему – опять грязная политика, вырастающая из боязни каждого русского или японца именно справедливо распорядиться предоставленной ему от рождения свободой. И при этом проявить обязательную решимость в осуществлении достойного желания, тогда как легче всего переложить и свою волю, и все необходимые усилия в руки того, кто, якобы, не сомневается – как всем этим богатством распорядиться, и, конечно, идёт наилегчайшим путём обмана. Японцы в этот период своей

истории позабыли об исконных народных традициях, о самом лучшем, что составляло суть их нации, и ввергли себя и других в жерло войны, не проявив присущей им мудрости. Япония потеряла себя в эти годы, но в ней всё-таки были живы свежие силы, как ни странно, ими оказалась Компартия Японии, более всех пекущаяся о благе любого народа, и вот эти силы и вынудили правительство страны пойти на сближение с Советским Союзом, подписав наконец-то 20 января 1925 года мирную конвенцию, после чего Япония вывела свои войска с Северного Сахалина.

Но долгого мира опять не получилось... С конца 30-х годов Япония, поддерживаемая Германией, берёт курс на захват и колонизацию громадных территорий, организуя вооружённые провокации против Китая, СССР и Монголии. В июле 1938 года японские войска вторгаются на советскую территорию в районе озера Хасан, где терпят от нас сокрушительное поражение, а 11 мая 1939 года части Квантунской армии вступают уже на территорию МНР в районе озера Халкин-Гол, но советские и монгольские войска к августу месяцу громят японских захватчиков и здесь.

В течение всей мировой войны японцы продолжали держать на границе с Советским Союзом отборную Квантунскую армию около 1 млн. человек, не отменяя плана нападения. Это сковывало значительную часть советских войск на Дальнем Востоке и являлось фактической помощью со стороны Японии гитлеровской Германии. Япония снабжала Германию военно-разведывательными данными о Советском Союзе, закрыла для советских судов проливы Лаперуза и Сангарский, топила советские корабли, создавая серьёзные препятствия советскому судоходству. Учитывая все эти факты неоднократных нарушений пакта о нейтралитете со стороны Японии, советское правительство 5 апреля 1945 года объявило о его денонсации, а 8 августа 1945 года, выполняя обязательства, взятые на себя по соглашениям с союзниками, и стремясь к быстрейшему окончанию 2-й мировой войны объявило, что с 9 августа 1945 года будет находиться в состоянии войны с Японией и присоединяется к Потсдамской декларации 1945 года правительств США, Великобритании и Китая от 26 июля 1945 года, требовавшей безоговорочной капитуляции Японии. Наступление наших войск привело к освобождению Маньчжурии, Северной Кореи, Южного Сахалина и Курильских островов, и после скорого завершения войны 2 сентября 1945 года был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии.

Так, вкратце, можно описать отношения двух держав, когда бы все эти четыре столетия они могли мирно сосуществовать, и всё у них для этого было... Но не хватило мудрой решимости в преодолении своей алчной природы, созидающей потребности достигнуть гармонии и в общении друг с другом, и с местными племенами, искреннего стремления совместно овладеть правдой жизни на богатой дальневосточной земле, способной бесконечно одаривать всех без исключения, к какой бы национальности ты не относился.

Кто же такие японцы, что столь длительный срок являлись нашими ближайшими соседями, и с которыми мы так и не достигли гармонии во взаимоотношениях? Кто они, эти загадочные услужливые люди, думал я о них, впервые прогуливаясь по областному центру – Южно-Сахалинску, который японцы в свою бытность на острове называли «Тойохара» - «город солнца»? Способны ли мы сами достичь с ними солнечного согласия, учитывая все сложности наших не простых взаимоотношений в прошлом?

Двум великим государствам выпала судьба быть соседями, но до 18 века они почти ничего не знали друг о друге. Впоследствии Россия совершала, может быть, несколько большие усилия к сближению, причём, действовала не с позиций силы, а методом кропотливого и терпеливого убеждения. Немало было сделано Россией, чтобы первой проникнуть в закрытую для иностранцев страну и понять – кто они, японцы? Ведь жизнь слагают люди, и именно Япония имеет богатую событиями историю, а японцам было не чуждо всё человеческое, когда они тоже пытались преодолеть различия с русскими и со своей стороны постараться понять их.

Долгое время работая рядом с Японией, нередко общаясь с простыми японцами-рыбаками, мне невольно захотелось написать об их силе и слабости, порой очень не простых попытках жить достойно, потому как пути следования и русских и японцев за долгие годы существования в непосредственной близости часто соединялись, разъединялись, а иногда они даже не могли друг без друга обойтись... Мне захотелось написать о самой Японии, какой я её видел с берегов Сахалина, ощущая присутствие японцев повсюду, и о том, как постепенно шёл к её зелёным берегам, зачитываясь с юности историей этой удивительной страны. Ещё меня просто завораживали её неправдоподобно доступные и в то же время загадочные вулканы с заснеженными верхушками, и совершенно непостижимые, но очень простые боги. А разве могли не заинтересовать неутомимые ныряльщики за жемчугом – ама, опускающиеся под воду во всём белом, и отчего белый цвет – траурный на Востоке, и он является фоном для восходящего красного солнца на государственном флаге Японии?

А японские пословицы? Они одни сводили с ума своим изысканным обаянием и простотой, глубоким своеобразием и тонкой поэтичностью, изящным вкусом и проникновенной просветлённостью, лёгкостью недосказанности... Но эта лёгкость не была случайным даром: подобному «озарению» в жизни японца должна была предшествовать длительная работа духа, упорное изучение ремесла, а потом уже человек должен был достичь всего своей духовной энергией. И для него чуткое ощущение природы и жизни означало обретение истинной свободы, когда он вырывался из узких рамок временной индивидуальности, соединяя свою сущность с сущностью окружающего мира, которым для него являлась маленькая Япония, располагающаяся на множестве островов.

Так, вот, пословицы... Огромным удовольствием было перечитывать эту диковинную восточную мудрость, словно пересыпая в руках перламутрово-розовые жемчужины, добытые с неведомой глубины. Порой начинало казаться, что все эти пословицы никем не сочиняются, а рождены сами по себе из проникновенного японского воздуха, цветов и деревьев, окружающего японцев моря. Взять хотя бы несколько, вроде бы – простых, и в тоже время – очень непохожих ни на какие другие, принадлежащие иному народу. Каждая – будто притча, маленькая житейская мудрость, которой кто-то великодушно поделился с трудолюбивыми, старательными людьми, чтобы облегчить им жизнь.

«Жемчужина истины находится на рыночной площади». «Не открывай сердца женщине, даже если она принесла тебе семерых детей». «Сколько гальку не шлифуй – алмазом не станет». «Хорошее лекарство всегда неприятно на вкус». «Маленькие недостатки не могут затмить большие достоинства». «Если хочешь сделать человека слабым, не переставай хвалить его». «Обслуживать лень, значит, воспитывать негодяя». «Встреча – начало разлуки...»

Впервые я почувствовал на Дальнем Востоке – что такое Япония, когда увидел в областном центре Сахалина японскую пагоду со львами, в которой располагался краеведческий музей. Конечно, раньше я встречал изображение добротных японских зданий с загнутыми кверху краями крыш, выложенными изящной черепицей, но только на картинках или в фильмах, и оттого необычность настоящего строения меня просто зачаровала. А главное, во всех линиях постройки, даже в их цвете ощущался совершенно другой мир, иное мышление, и я сразу попытался представить себе этих неведомых мне людей – японцев, какие они собранные, с таинственной вдумчивой душой, что могут возводить такие строгие и в тоже время художественные здания. Правда, зданий по всему областному центру насчитывалось немного, они лишь изредка, в самых неожиданных местах, напоминали о былом присутствии здесь японцев... Но в сочетании с крутыми сопками, причудливой формой деревьев и каким-то удивительным дальневосточным воздухом, проникнутым необычной, присущей только ему историей, всё это навевало удивительно проникновенные и тонкие мысли о Японии и японцах.

Я сразу заметил, что даже если постройки, часто встречающиеся на Сахалине, явно и не принадлежали японцам, в них чувствовалось присутствие их духа. Вообще, Сахалин больше отличает каркасно-сарайная «архитектура», то, что поражает на острове в первую очередь. Ты будто попадаешь в Японию, но это не Япония, во всём угадывается лишь её близость и былое нахождение здесь японцев. Тогда почему до сих пор всё это сохранилось?

Обыкновенный сахалинский пейзаж с крутолобыми сопками и глубокими таинственными распадками околдовывает именно своей непохожестью на то, что ты видел раньше. Всё здесь необычно, несравнимо ни с чем другим в России, и как-то таинственно обособленно, но в тоже

время – открыто. Как будто бы и все эти хрупкие постройки, и разноцветные пятна сахалинской тайги по осени, и величественно замершие вокруг сопки пристально смотрят на тебя и лукаво про себя улыбаются... Ну, прямо как японцы, которые всегда знают про всех их тайну, но никогда не выдают своего знания. И гостеприимны, и сами себе на уме.

И так, архитектура на Сахалине, вроде бы, японская, а на самом деле совсем не японская. У японцев не только внутренние, но и внешние стены делаются раздвижными, лёгкими. В субтропическом климате это вполне обосновано. Такое жилище легко проветривается, летом оно спасает от духоты.

Но на Сахалине японцы поняли, что с его суровой зимой в раздвижных «фонариках» не проживёшь, а строить утеплённые дома, на манер русской избы, не умели, и тогда они обратились за помощью к ... американцам, опыт которых уже, к тому времени, проник на Дальний Восток. Ведь местное население – нивхи и айны, сооружали для себя крытые землянки, и у них нечему было научиться, а американцы, всё чаще в этих местах появляющиеся, изобрели в освоении своих северных земель быстрый и более надёжный «каркасный» стиль, который японцы назвали хоккайдским, потому что, наверное, впервые применили изобретение американцев на своём самом северном острове, не отличающимся тёплой зимой.

И всё же эти каркасные строения были не надёжны в условиях Курил и Сахалина, с постоянными вьюгами, дождями и тайфунами. Скорее, в них подкупала японцев быстрота постройки, к тому же, на острове, особенно на юге, остро ощущалась нехватка дерева. Те же японцы, уже к началу второй мировой войны, извели запасы леса на Южном Сахалине напрочь!

Кстати, в первые годы после войны, основную часть гражданского населения Южного Сахалина и Курил ещё составляли иностранные подданные – японцы, отчасти – корейцы, дожидавшиеся репатриации, а власть на островах осуществлялась особым Гражданским управлением. Японцев здесь к этому времени оставалось десятки тысяч, географические названия ещё не были переведены на русские, а нужно было подумать и о судьбе коренного населения – айнов и нивхов, и всё это создавало необычное своеобразие вместе с вышеупомянутой американо-японской «архитектурой», которую в послевоенную пору, из-за быстроты и неприхотливости возведения, восприняли и русские. Но и в этой перемешанности стилей угадывалось более именно японское...

Известно, что белый цвет – траурный на Востоке, и в Японии он создаёт основу государственности на её флаге, как бы подчёркивая особое отношение японцев к смерти. Траурный – он и торжественный, совершенно неотъемлемый в жизни, призванный воспринимать действительность, как нечто неразделимое с божественным. Белые снега Японии, заснеженная верхушка священной Фудзиямы, чистота и трогательность чуткого отношения к родной земле, - всё это олицетворение тонкого внутреннего мира японца, стремящегося к единству с окружающим. Из чёрного не

сделаешь белого, а вот белое – начало начал, бесконечный простор для деятельной и чистой души, и только японцы избрали самый чистый на свете цвет – своим.

Именно на белом фоне замирает и утомлённое и радостно забившееся сердце самурая, вознамерившегося преподнести его Богу. Просто, как подарок, завоёванный скорее не в борьбе с врагами, с самим собой. Самураем не по военному званию, а по духу может быть и обыкновенный японский агроном, и учитель, и рыбак, между тем, не слагающий с себя потребности внутреннего роста в дисциплине, решительных поступках, чаще всего остающихся незамеченными, отношении к старшим. Вообще, главные качества, к которым стремятся японцы, это - самообладание и забота о других.

Внимание друг к другу у японцев обусловлено тем, что им не к кому ходить и ездить в гости, кроме как к своим соседям, живущим на тех же островах, что и они сами. Этим, наверное, обусловлено одно из главных качеств, к которому всегда стремились японцы – самообладание! Чтобы обрести его, нужно было научиться заботиться о других, и времени для этого у японцев всегда оставалось в достатке. Разве будешь ссориться с соседом, от которого, быть может, зависит твоё будущее? Чтобы сдержаться – необходимо самообладание, способность улыбнуться, когда этого, вроде бы, и не хочется, и даже вежливо поклониться... Мол, знай наших, между тем, подобная духовная работа, не прекращающаяся века, незаметно приносила свои плоды: японцы действительно становились вежливыми.

Известная на Востоке угодливость, являющаяся олицетворением хитрости и коварства, не идёт с вежливостью японцев ни в какое сравнение. Конечно, при присущей японцам подлинной вежливости, и со стороны Японии нередко совершалось в её истории вероломство, но сколько душевных побед над собой нужно одержать, чтобы на место услужливости, непременно сопровождающей злое намерение, пришло учтивое снисхождение, основанное, в первую очередь, на требовательном отношении к себе!

Потому японская вежливость и не приторна, она симпатична, и как писал Антон Павлович Чехов в книге «Остров Сахалин», такая вежливость не вредит, ибо согласно поговорке – масло каши не испортит. Японцы часто хвалят всё чужое, пусть это будут даже никчёмные безделушки, не из-за желания угодить, а лишь по мгновенному устремлению души, стремящейся порадоваться за других, показать гостю своё душевное расположение к его жизни и обычаям, тонко намекая на то, что они никак не претендуют представить нечто более превосходное. Лишь бы человеку, находящемуся с ними в любой среде было комфортно, ничто его не угнетало, точно так же как и им самим складывающиеся жизненные обстоятельства приходились бы по душе. Как важна эта тонкая душевная расположенность, свидетельствующая, на поверку, о великой духовной силе, без которой невозможна никакая культура!

Несомненно, что такая тонкая душевная расположенность и к людям и к жизненным обстоятельствам – есть ничто иное, как мудрость. У японцев это проявляется во всём. Взять хотя бы их отношение к власти... В другой какой-либо стране эта часть жизни неминуемо приковывает к себе интерес всего населения, правительство всегда на виду, оно совершенно открыто или, наоборот, втайне и очень пристрастно обсуждается, но только не в Японии. По древней японской пословице наиболее мудрое государство, которое по настоящему печётся о судьбе своего народа, им обычно даже не упоминается и остаётся незамеченным, до такой степени людей всё устраивает и они могут спокойно жить и работать, не переживая за будущее своих детей. По крайней мере, так было раньше, и жалко, если подобного отношения к власти в последнее время становится всё меньше. Даже японский микадо – сын неба, никому не показывался в течение жизни и жил затворником. Открыть себя народу в Японии считалось для верховной власти неприличным.

Правда, подобная непритязательность одних и мудрость других, от кого и зависело в итоге народное благо, не всегда в Японии возобладало над желанием всё-таки заявить о себе... Но разве можно представить себе другую страну, где наиболее соразмерно, без значительных потерь для собственного душевного здоровья, можно было бы достичь так не достающей всем нациям гармонии!

Не зря именно здесь, на Дальнем Востоке, в частности – в Японии, сложилось такое жизненное поведение, вернее – отношение к жизни, как молчаливое сосредоточение. По убеждению японцев достичь вечного блаженства или рая при жизни мог всякий верующий, независимо от сословия, путём соблюдения определённых обрядов, главными из которых были – непротивление злу и уничтожение в себе всех земных страстей, и на это было способно лишь любящее сердце: весь мир един, и он является объектом моей любви. Таково вдумчивое восприятие действительности любимым японцем, и оно - совершенно естественно.

Но почему истинная мудрость всё-таки не возобладала над алчностью и хитростью, и вместо подлинного деяния во имя собственного внутреннего роста у японцев часто преобладала суетная деловитость, которая в одной из пословиц, японцами и сотворённая, ими же и отвергалась: «Кто хочет много сделать – не суетиться, кто суетиться – тот ничего не сделает»? Наверное, потому, что политические вершители судеб страны часто извращали добрую идею, направляя сердца людей не в созидающее русло, и превратили её в удобное для себя орудие управления. Ведь та же японская пословица гласила: «Дураки толпами ходят».

А какой необыкновенно богатый духовный материал был накоплен японским народом за столетия?! Весь он постепенно сложился в неувядающие постулаты, подтверждающие неизменность вещей: мгновенность в восприятии истины, которой, впрочем, должна была сопутствовать длительная внутренняя работа; необходимость познания самого себя, как единственно надёжный путь постижения этой истины;

передача мысли непосредственно от сердца к сердцу... И ещё – взаимное озарение с не прекращающимся просветлением, равенство каждого человека и внешнего мира, а точнее – убеждённость, что плохое и хорошее – едины, горе смерти и радость жизни – не расчленены. Главное же, что определяло эти мудрые постулаты – непосредственность и простота.

Нужно просто увидеть лучшее, создать его образ в своём сердце, и это будет сотворчество человека с небесами в не таком уж далёком от них мире. Познавшие сердца – подобны солнцу. Не следует делить явления на ошибочные и правильные, и вы с вашей чистотой достигнете нирваны – блаженного состояния освобождения от ненужных забот и стремлений, слитности с Богом.

Чтобы достигнуть просветления – совсем не требуются исключительные обстоятельства, какой-либо ритуал или особые условия. Тот, кто практикует озарённость, пребывает в ней всегда, ходит он или стоит, лежит или сидит, ибо постоянная истинность и есть непосредственность. Японцы называли это состояние «изысканность простоты», когда любое действие не создаётся, а получается.

Отсюда и понимание сути жизни – как непрекращающееся служение Богу. Чем бы ты ни был занят, твоё естественное состояние души – в творении, пусть это молитва, постройка храма или лодки, создание художественной миниатюры с изображением цветов и птиц. Кстати, трогательное отношение японцев к природе тоже вытекает из постепенно утвердившегося убеждения, что только обратившись к ней лицом и постигая всё своим умом, можно познать истину. Как это по-японски, и как правильно и важно всё на земле открывать самому, облегчая свою судьбу лишь приобретёнными самим собой знаниями!

Постепенно вглядываясь в Японию и начиная смотреть на мир «японскими глазами», эта страна, в конце концов, перестаёт быть для тебя экзотикой. Ты вдруг начинаешь осознавать, что Япония, её дух – в тебе самом, когда ты выбираешь в окружающей жизни лишь то, что созвучно твоему естеству. Для этого стоит только раскрыть глаза, и где бы ты ни находился, сразу почувствуешь себя японцем, то есть – вдумчивым, тонким человеком, способным охватить душой весь мир. Это удивительное состояние невозможно пережить, если ты не побывал в Японии или, хотя бы, не жил где-то рядом, в непосредственной близости, постоянно ощущая на себе её просветляющее и загадочное присутствие.

Японцы – народ более тонкий, нежели проживающие рядом китайцы, поскольку последних во много раз больше, а японцами, замкнутыми на своих островах, правительству руководить легче, следовательно – успешнее, с пользой для многих людей. Японцы, в силу своей обособленности и немногочисленности, глубоко и умело обустроили свою государственную систему, и до сих пор не сходят с этих позиций, ещё и усовершенствуя их.

Когда ты невольно ограничен в свободе передвижения, ты начинаешь совершенно естественно признавать созерцание, оно для японца – волевой

акт самоуглубления, чем бы он ни занимался. Единственный и, в то же время, доступный каждому путь постижения истины. Недаром так развито было в Японии военное сословие, для которого проповедь духовного подвига была естественна и созвучна с жизненной моралью японца. Основа основ её – в индивидуальной дисциплине, постоянной тренировке духа через тренировку тела, закалка воли и как результат этого – умение скрывать свои чувства, преодолевать не только физическую боль, но и страх смерти, то, что называлось в Японии элементами «бусидо», так называемого кодекса воина, его чести. Обрести её мог только просветлённый, то есть – открывший в себе истинную природу – природу Будды, отсюда у японцев и значительность любого повседневного деяния, и через него – возможность просветления при жизни в собственных поступках.

То, что имело дело непосредственно с фактами жизни, а не с концепциями, очень привлекало ограниченных в территории японцев. Будь сам себе светильником: вот основной постулат любого японца, если он – истинный. Будь свободен как птица в небе, как рыба в воде, потому что только непосредственное переживание факта и непосредственное его воплощение в жизни позволяет передать природу вещи, свою слитность с ней. Всё окружающее японца, любая мелочь – важно, поскольку по душе ему естественность, спокойствие и абсолютная свобода. Простота такой морали была по душе широким слоям населения, и, конечно, прижилась в Японии. Разве это не замечательно: жить легко, непринуждённо, но до краёв наполнено!

Выходило так, что территория у японцев ограничена, а окружающий мир для них – мир безграничного свободного пространства, в котором они – полные хозяева. Кроме их любимых богов, конечно. Правда, боги, наверное, тоже погружены в самих себя и созерцание окружающей обычных людей природы, иначе были бы они так любимы этими людьми – рыбаками, земледельцами, монахами и даже суровыми самураями? Все эти простые вещи, так же просто вытекающие одно из другого, веками и создавали духовное единство нации, цельность японской природы, у которой, к сожалению, не всегда получалось наполнить жизнь духовностью.

Нахождение рядом Японских островов, прямо по соседству, за проливом Лаперуза, почему-то приносило удивительное ощущение сказочной реальности, которую было очень приятно переживать. В ясный солнечный день северная оконечность Хоккайдо хорошо просматривалась с Южных Курил и будто повисала на горизонте между морем и небом. Нечто голубовато-серое, с тёмными горными прожилками, чуть заснеженное... «Япония» - как-то воздушно и почти ненавязчиво думалось, очень легко воспринималось и отчего-то радовало. Радовало присутствие этой древней страны, с загадочным и трудолюбивым народом, которая всегда выделялась мною среди других стран, и я всю жизнь как будто шёл к ней своим неведомым путём, и знал, что встреча произойдёт непременно.

Однажды я даже написал о Японии курсовую работу, посвящённую влиянию учения дзэн-буддизма на творчество Ван-Гога и Матисса. Тема, прямо сказать, оказалась неожиданной для преподавателей, но у меня почему-то породила самое серьёзное намерение довести её до логического конца, и я всё-таки убедил одного из профессоров взять надо мной шефство. Мне было близко творчество Ван-Гога и Анри Матисса, и, угадывая в нём восточные настроения, которые тоже очень привлекали, захотелось во всём этом разобраться, тем более, что Япония вызывала неподдельный интерес, даже – восхищение, а сложность темы не пугала. Всё, что касалось Японии, несмотря на прочитанное о ней, пока оставалось для меня сокрытым за тоненькой бумажной ширмой, попасть за которую, между тем, было очень не просто...

И вот, Япония лежала рядом... По-прежнему - загадочная, туманная и, тем не менее, отчего-то родная. Кто как не японцы были способны с такой обаятельной непосредственностью переносить в создаваемые ими вещи и в отношении к миру содержание своего чуткого сердца? И кого как не их всегда отличала та самая изысканность простоты, присущая состоянию души человека, творящего во имя Бога?

И так, как уже говорилось выше, своеобразие Сахалина объясняется не только неповторимостью его географического положения и особенностями рельефа, но также длительным присутствием на нём японцев, оставивших после себя долгую память. Выражена она в многочисленных сооружениях и постройках, начиная от простых хибар-лачуг – фанз, образующих целые кварталы, и заканчивая крепкими основательными домами, представляющими из себя причудливые восточные пагоды с черепичными крышами. Память о японцах живёт в голых сопках, когда-то покрытых буйным лесом, но начисто выжженным и вырубленным ими на всём юге от мыса Крильон до мыса Анива в первой половине прошлого столетия. А ещё в большом количестве проживающих здесь корейцев, которые остались после войны и пустили корни на этой земле... На Сахалин они попали именно благодаря японцам, использовавшим их в качестве чернорабочего люда. Многие из корейцев даже не имели советского подданства, но это не мешало им возделывать упрямую сахалинскую почву, получая необходимые для существования средства.

Бродя по улицам Южно-Сахалинска и наблюдая, как золотисто-багровый круг солнца поднимается по вершинам сопки, пронизывая розоватыми лучами прозрачную дымку над пробуждающейся долиной, в которой раскинулся областной центр, невольно приходило на ум название, данное островной столице японцами – «Гойохара», то есть «город солнца». И от этого город почему-то воспринимался ещё более привлекательным и таинственным, а о японцах ты начинал думать с уважением, даже с затаенной завистью, что не удастся уже никогда побывать в их солнечном городе,

наверное, совсем не похожем на современный Южно-Сахалинск. Уже позже, работая в приморских городах Сахалина – Корсакове, Холмске и Невельске, Чехове и Александровск-Сахалинском, тоже имеющим при японцах свои необычные и загадочные названия, и любуясь, как огромное солнце плещется в морской синеве, весело поблескивая сочной желтизной, и как потом ярко-оранжевым пылающим апельсином спешит закатиться за море, я всё же вспоминал именно «город солнца», хотя он и не находился у моря, и опять неизменно размышлял о японцах...

Старый рыбак Семёныч, с которым я познакомился в городе Невельске, откуда мне пришлось совершить своё первое морское путешествие, рассказывал о том, как японские шхуны-кавасаки забирались в наши территориальные воды у Сахалина и Курильских островов, бросая краболовки и промышляя ночами сайру. А наши малые сейнеры подходили к ним в темноте чуть ли не вплотную, и матросы лупили из ружей по разноцветным фонарям, слыша вопли японцев, которым осколки обжигали лица. Это происходило сразу после войны, когда между двумя странами оставалось ещё много недоговорённостей и неразберихи. Пограничникам попадались в основном бедные рыбаки, которых они сопровождали в Корсаков, либо на Кунашир. Рыбаков судили, давая обычно не более трёх лет, а затем их вывозили в море и обменивали на наших рыбаков, по воле случая оказавшихся на чужбине, или передавали в руки местных властей. Японские рыбаки были даже довольны своему пребыванию в нашей тюрьме: их кормили, бесплатно лечили, в основном все они страдали аппендицитом, потому как на родине употребляли в пищу лишь рыбу, и острые косточки часто способствовали возникновению воспаления...

После войны многие японцы какое-то время оставались на Сахалине и Курилах. По воспоминаниям Семёныча, они перебивались на мало-мальски оплачиваемых работах, промышляя - чем могли. Кому-то удавалось пристроиться в городе фотографом или в сапожной мастерской, а бедняки добывали морскую капусту, собирали папоротник и черемшу, ловили на болотах полозов. Полозы в эту голодную пору пользовались спросом, и чтобы сохранить их для копчения, японцы засовывали змей за пазуху, под мышку. Живые полозы, хоть и в неволе, сохраняли свои вкусовые качества, ибо тепло голого человеческого тела было сродни затхлому теплу болота, в котором они обитали. Как и бесправные японцы на Сахалине, но не сами ли они были тому виной?

Когда к зиме пролив Лаперуза наглухо забивается льдом и суда обычно следуют по проливу Сунгари, разделяющему японские острова Хонсю и Хоккайдо, ты попадаешь в Японию, в тоже время, не находясь в ней. Япония тогда представляется и таинственной и родной, она переливается разноцветными огнями своих ночных городов и посёлков, где живут неведомые японцы. Судно тихонечко двигается проливом, а ты стоишь у фальшборта и любишь проплывающими мимо картинами, будто перебирая набор диковинных японских открыток.

Но постепенно, когда огни за бортом исчезают, и судно опять обнимает темнота, ты удаляешься в кают-компанию, где взгляд твой останавливается на маленьком панно, по удачному случаю, оказавшемся когда-то на стене уютного внутрисудового помещения. На панно мягко и загадочно поблескивает выложенное цветными чешуйками перламутра ночное Токио. Как очутилось оно на судне, для меня осталось загадкой, но панно очень удачно гармонировало со всем увиденным по берегам Сунгарского пролива, после чего ты вдруг начинал ощущать глубину этих вод и красоту отражающихся в них красок, то, как окружающий тебя мир звучен и силен. А всему причиной – загадочная Япония, до которой рукой подать, а не достанешь! Идём вдоль японских берегов и сами себя чувствуем японцами. Непередаваемое ощущение!

Особенно жива память о японцах на Северных Курилах, где мы часто бывали в экспедициях. На острове Парамушир взгляд поражает панорама пустынных бетонных ангаров для самолётов, отрешённо застывших у подножия горного хребта. Ангараы – словно безмолвные памятники, напоминание о суровых временах, которые переживал остров в середине прошлого столетия.

Все эти бетонные сооружения так крепки, что не поддаются воздействию взрывчатки, и оттого им не могут найти должного применения. То же касается и бесчисленных дотов, до сих пор устрашающе зияющих своими мрачными бойницами в сторону океана, откуда шли когда-то на кинжальный огонь врага наши матросы...

Матросы шли навалом на неприступные укрепления японцев, пока у прикованных цепями к пулемётам камикадзе не иссякали патроны или они уже не успевали перезаряжаться. Много лет прошло, но не настолько, чтобы эти склоны, изрезанные окопами и дотами, позабыли о когда-то увиденном и пережитом. Горы, сопки и долины рек оставались, как и наши бойцы, суровыми и выдержанными свидетелями произошедших здесь событий.

Но самый укреплённый у японцев остров был Матуа, на нём находились резиденция микадо, главный штаб, подземный оружейный завод, множество складов с боеприпасами, аэродром. Остров небольшой, шесть на девять километров, был весь изрыт окопами, путями сообщений, а в отлогих берегах устроены через каждые пятьдесят-восемьдесят метров доты или капониры для орудий. Удобной обороне острова сопутствовала его холмистость, сопки тянулись к вулкану Сарычева, образуя беспрерывные конические склоны, казалось, совершенно неприступные. Японцы очень умело использовали природные условия Курил, превратив их в настоящую крепость.

А ведь практичная смётка и основательность, свойственная японцам, могла использоваться ими и во благо. Как на маяке мыса Крильон, самой южной оконечности острова Сахалин. Перестроенный заново при японцах, маяк не отличался с виду чем-либо замечательным. Старые добротные постройки строго обрисовали его двор, и казались невыразительными и

скучными. Однако острые углы построек поддерживали серые каменные желоба, по которым во время дождей вода стекала в подземный колодец, расположенный посреди двора. Подземные оттоки к нему были выложены морской галькой, вперемешку с листьями ламинарии, и служили отличным фильтром. Нехватку пресной воды на мысу японцы решили с присущей им практичностью – мудро и просто. Здесь, на крильонском маяке, я, помнится, как раз и почувствовал, как безмолвно уходит в прошлое тонкое и созидательное понимание японцами небезразличной им земли, которую они не уродовали, в отличие от Курильских островов...

Вот и каменные башни-колодцы – мареографы, предназначенные контролировать колебания уровня моря, сохранились после японцев в целости и порядке. Башни, как и всё у японцев, были на удивление надёжны, и поражали своей сливающейся с берегом, почти незаметной монолитностью. Японцы в этих добротных сооружениях в который раз подтверждали свою замечательную жизнестойкость. И ещё мудрую предусмотрительность, обычно, очень долго не стираемую временем.

Не поддалась всеразрушающему времени и дорога, вымощенная японцами обкатанным морем булыжником на острове Парамушир. Ведущая к вулкану Эбеко, в кратер которого мы на свой страх и риск решили спуститься с вулканологами для забора проб грунта, она удивительно хорошо сохранилась, ни один камень не вывалился из своего гнезда. Дорога была гладкая, прочная, от чего сразу представилось, каким обустроенным и уютным был ранее остров. Она вела к богатым залежам серы, вздымающейся на горном плато поразительными, ярко-лимонными искрящимися столбами, высотой по три-четыре метра, которую японцы в обилии здесь добывали. Поразила именно тщательность, с какой дорога была выложена. Что и говорить, японцы строили на совесть!

Казалось, японцы в своём тщательном отношении к любому делу выражали удивительную предусмотрительность, они будто бы строили на века, не сомневаясь в верности выбранного пути и того, что им кто-либо может помешать следовать им. Недаром просто увидеть у японцев – значило уже создать, а замечательность производимого оставалась делом второстепенным. Она уже подразумевалась изначально, когда только задумывалась, к тому же познание истинности вещей у японцев не требует исключительных условий. Обстановка, предмет или явление могут быть самыми обыденными, простыми. Именно таково отношение японцев ко всему, что их окружает: к горам, морю, шелестящим на ветру листьям бамбука, к собственным человеческим возможностям.

Глядя на то, как просто и ладно японцы обустроивают свою жизнь – и самому хочется обустроить её подобным ладным образом. Чтобы не было в этой жизни ничего лишнего, отвлекающего от главного, когда само существование – есть истинная суть. Его и обрести не просто, но и потерять, однажды обретя, уже не удастся: достигнув этого невидимого, но чудесно

существующего блага, оно оказывается самой жизнью японца надёжно закреплено.

Поэтому в отношении к любому делу японца и выдаёт лёгкость, когда он выражает себя как будто без всякого напряжения. Но эта лёгкость только видимая, так как для того, чтобы её достигнуть – нужно долго и усиленно работать над собой, изучать секреты мастерства, и только потом жить легко и непринуждённо. Такое отношение к жизни отнюдь не допускало примитива, напротив, оно отличалось тонким вкусом и глубиной.

У японцев всегда очень хорошо просматривалось глубинное слияние с природой, растворение собственного «я» в окружающем мире, чуткое постижение тех изменений и превращений, которые происходят в ней, и через это – понимание истинной внутренней сущности вещей, когда она неразделима с твоей собственной сутью.

Может быть, поэтому именно на Дальнем Востоке Япония постепенно перестала быть для меня только экзотикой: я начал выбирать и видеть в ней то, что было созвучно моему человеческому существу. Для этого следовало лишь раскрыть глаза и впитывать, что лежало прямо перед тобой. В какой-то момент я поймал себя на мысли, что мне хочется брать пищу палочками, они так просты, удобны и изящны, и это было совершенно естественно.

Находясь рядом с Японией, с удовольствием проникаясь её чудесным, ненавязчивым присутствием, а так же воздействием моря, тумана, камней и ветра, я стал легко ухватывать в мимолётном видении мгновенное впечатление, как японский художник, и это необыкновенно радовало. Вообще, я сразу заметил, что здесь, на Дальнем Востоке, чувства и мысли мои посвежели, рождались и развивались просто, непосредственно. Даже в тяжёлые, пронизанные влагой дни, когда мы работали под водой неподалёку от берегов Японии, ощущение лёгкости никогда не покидало, и было приятно представлять себе где-то поблизости японские шхуны кавасаки, так же, как и мы, застигнутые густым проникновенным туманом...

Здесь, на краю света, где присутствовала такая замечательная страна Япония, я совершенно ясно осознал, что каким бы путём ты ни пошёл – все они будут плодотворны. Это понимание оказалось так удивительно, что поначалу даже не верилось в его доступность. Ты как будто заслужил его тем, что пришёл сюда, и благодаря затраченным усилиям обрёл долгожданную истину. То, как просто она откроется, конечно, не ожидалось.

Стремление к раскованности, а вернее - естественности в выражении себя, более всего присуща, наверное, именно японцам. Свобода личности от всякого рода духовных пут, в частности от пут известности и славы, которые нередко портили европейцев, пожалуй, одна из основополагающих национальных черт в Японии. Никакой японец не мог, по определению, быть пленником себя самого, чьих-либо взглядов или успеха. Кажется, братья Гонкуры писали, что японские художники эпохи расцвета несколько раз в течение своей жизни меняли имена, ибо хотели сохранить свою свободу.

Европейцев поразило творчество японских художников, когда в 1856 году, впервые, в Париж попал томик гравюр на дереве японского художника Хокусаи. А вскоре после этого различные любители искусства обнаружили, что цибики чая, импортированные из Японии, завёрнуты в прекраснейшие цветные гравюры, стоимость которых в Японии не превышала стоимости газеты. К 1862 году в Париже была открыта лавка для продажи этих и других японских редкостей... Но поражает другое: как просто японцы относились к тому, что вызвало в Европе огромный ажиотаж. В этом – та самая разница, разделяющая Запад и Восток, то непонимание европейцами единственно верного отношения к жизни, когда ты находишься в согласии с самим собой и Вселенной, может быть даже, длительное время, оставаясь в неизвестности, но сохраняя при этом в сердце цветы жизни.

И ещё одно замечание о японских художниках: они часто обменивались картинами. Это доказывает, что они любили друг друга. Их взаимоотношения, видимо, были братскими, они не жили интригами. Чем больше европейцы подражали бы им в этом и проникались подобным образом жизни, тем лучше было бы для них.

Сама природа, что окружала японца с детства, предназначала ему жить с ней в гармонии. Заснеженные горы и цветущие долины, соседство моря с его нескончаемыми богатствами и неприступно-молчаливые скалы - всё это находилось на непохожих друг на друга островах, чьи свободные, но таинственные линии оставляли неуловимое ощущение непосредственности, как и японские иероглифы... Каллиграфия восточной природы у моря, штрихи которой построены на слиянии суровой простоты с подлинной поэзией: именно так чувствует и живёт японец, не противопоставляя эти понятия друг другу, а воспринимая их в единстве. Каждый японец переживает это единство как неделимую протяжённость всех своих островов, частью которой является сам.

Япония растянулась от 32 до 40 с лишним градусов широты, и в ней господствует и уживается многое из того, что в отдельности порой создаёт лицо одного государства. Да, там есть и высокие горы с заснеженными пиками, а есть зелёные, обливаемые солнцем морские берега и цветущие сады, но что дороже всего для самих загадочных японцев? Может быть, хрупкая, как ветка сакуры по весне, но стойкая, подобно самурайскому кодексу чести, вера в справедливость, с какой Бог постарался всё обустроить на земле, и к которой, между тем, ни у одной нации, кроме японцев, такой трепетной тяги не сыскать?

В чутком согласии с природой и самими собой японцы осмеливаются жить своим умом, ни на кого не похжим, в тоже время не противопоставляя свои внутренние законы – чужим. Мол, была кому нужда, тот сам до всего дойдёт в нашем обустройстве мира, мы никому ничего не навязываем, но уж если предлагаешь нам дружбу – держись японской веры. А какая она, японская вера, нестигаемо и немногословно выстраивающая свой взгляд на жизнь?

Во-первых, эта вера основывается на том, что всякая мелочь для японца представляется знаменательной особенностью. При этом обстоятельство отношения к каждой такой мелочи безоговорочно воспринимается второй основой веры, твёрдо соблюдается и, боже упаси, если будет нарушена. Не допускающее поблажек и очень требовательное отношение к собственной личности в этом случае – третье условие японской веры. А ещё у японцев необыкновенно ценится чувство собственного достоинства, несмотря на то, что многое в их культуру пришло от китайцев.

Что же касается детской непосредственности, присутствующей наряду с необыкновенной волей и выдержкой, то это – чисто японская черта, и она говорит, скорее, о замечательном простодушии, нежели лукавстве. Между прочим, японца легко обмануть, но обманув его раз, вы навсегда потеряете к себе доверие, наталкиваясь теперь уже только на непреодолимую твёрдость, свойственную разве что самурайскому клинку.

Истинно доброжелательное обхождение – вот ещё один зарок японской веры, по которой японец безоговорочно чтит чужую. Уважение к чужакам, кем бы они ни были, внушает к японцам глубокое доверие. Таким обходительным, каким выказывает себя всякий в Японии, может быть лишь человек культурный, то есть мудро относящийся к себе и окружающему миру. Японцы культурны во всём, прежде всего к любому проявлению жизни.

Вглядываться в жизнь с любознательностью ребёнка и не раскрывать рот от удивления, обходясь по большей части молчанием, которое – золото, тоже в чисто японском стиле, и это очень импонирует уставшему от показухи европейцу. Как тут обойтись без слов, сказать сложно, но не сложнее было бы, как и японцы, обходиться и в разговоре и в жизни малым, самым ценным, отчего рано или поздно в тебе должно быть проснулось бы уважение не столько к себе – сколько к собеседнику, приятелю, соседу. И всё это делается с удивительной простотой, приоткрывая истинный смысл существования.

Но взглянув на лицо японца – засомневаешься: да постигает ли этот народ, на самом деле, радость? Улыбается ли он от всей души, смеётся широко, свободно? Судя по строгому, будто отрешённому взгляду и сосредоточенному лицу, в это трудно поверить. А может быть, обаяние японской нации в её серьёзности, в том, как целеустремленно она старается преодолевать присущие всем нам лень и гордыню?

Поклонение небесным духам у японцев – не есть нечто привилегированное, доступное высшим слоям, в отличие от менее знатных, а присуще абсолютно всем. Причём, опять же просто, без религиозного фанатизма, но с господством нравственно-философского выстраивания жизни. И в связи с этим – редкостное трудолюбие, отличающее ту же высокую духовность, которая не требует иных доказательств, кроме мудрого отношения к самому себе, соседу, одиноко стоящему дереву, всей волшебной природе, окружающей японца. Не покладая рук трудиться для него, значит –

любить возделываемую им землю и отпущенное тебе время. Допустить же равнодушие – просто неприемлемо.

Земли у японцев всегда было мало и этим объясняется то обстоятельство, что они научились её ценить, а, следовательно, точно так же бережно относиться к каждому мгновению нахождения в поднебесном царстве. Недаром и название своей страны соприкасается у них непосредственно с верховной властью божеств, которые располагаются прямо над Японией, совсем рядом, там, где восходит солнце, и нужно приложить максимум усилий, чтобы не ударить перед ними лицом в грязь. Отсюда – и осознанное старание, и уверенность, что без усилий не будет роста до небесных духов, и отсутствие какой-либо боязни, даже – отчаянная отвага и смелость: если случится пожертвовать жизнью во имя достойной цели – японец отдаст её, не задумываясь!

Жить рядом с Японией и не думать о ней, невозможно. А если думаешь, то, конечно, и воспринимаешь жизнь её обитателей как свою, потому что ты теперь ... почти в Японии, до неё рукой подать. От этого воображение разыгрывается и неминуемо касается всех вопросов, которые бы, по твоему мнению, интересовали и японцев, и ты, согласно своему восприятию, следуешь их примеру. Что делать: от желания побывать в Японии и от непосредственной близости с ней ты начинаешь представлять себя японцем!

И, правда: приятно разобрать на досуге, с помощью собственных наблюдений и догадок, обыкновенную жизнь и восприятие её японцем, если ты находишься неподалёку от страны восходящего солнца. По утрам, в ясную погоду, узкая северная оконечность Японского архипелага приветствует тебя недвусмысленной лукавой улыбкой восточного жителя, словно излом чайкиного крыла застывшей над сияющей морской гладью, если ты находишься на одном из южных островов Малой Курильской гряды. Отправившись погулять вдоль прибойной полосы, ты обязательно наткнёшься на какие-нибудь затейливые предметы, выброшенные ночью морем, и это будут предметы, непременно, японского обихода: либо яркий рыбацкий кухтыль, либо пластмассовый ящик из-под пива, либо детская игрушка. А когда остановишься и возьмёшь в руки, с любопытством разглядывая, произвольно подумаешь про невидимое японское течение Куроисио, которое, может быть, и принесло от берегов Японии эти занятные безделушки. Впрочем, будучи изготовленными на совесть, они неизменно находят применение у местных жителей, и существует даже своего рода конкуренция в том, кто соберёт больше интересных японских вещиц. Всюду здесь присутствует напоминание о японцах, которых, вроде бы, и нет, но они постоянно рядом.

Иметь непоколебимое ничем и очень уважительное отношение к родителям – для японцев норма. Они и помыслить не в силах – как можно обидеть старого человека, в чём-то его ограничить, даже мало-мальски ущемив права. Вероятно, в восприятии японцем самых высоких и не

обсуждаемых по важности реликвий в первую очередь остаётся именно забота о родителях, а уже потом – поклонение богам.

На Сахалине меня однажды познакомили с японцем по имени Сугиама, с которым я впоследствии даже подружился. Причём, произошло это очень легко, без каких-либо проверок с его стороны, предполагающих осторожность и недоверие к русским. Сугиама был молодым человеком, почти одного со мной возраста, и имел на руках неизлечимо больных родителей, их ему постоянно приходилось именно переносить, сами они не ходили.

Помнится, меня поразило его трепетное отношение к беспомощным старикам, а более всего – отсутствие какого-либо надрыва, обычно присущего тому, кто обречён на подобное незавидное положение. Ведь он был молод, но, кажется, совершенно не отчаивался из-за того, что львиную долю своего времени ему приходится затрачивать на поддержку немощных родителей. Слава – так звали моего новоиспечённого японского друга, был всегда светел лицом, ласково и очень обаятельно улыбался, он абсолютно не унывал ни по какому, вроде бы, самому обременительному жизненному поводу. Даже когда жизнь, я это точно знал с момента нашего сближения, преподносила ему свои жестокие сюрпризы, он и тогда никак внешне не реагировал на её испытания.

У японцев вообще нет заостренности в лице и манерах вопреки мнению, что им, якобы, присуща некая, ничего не выражающая маска, но, тем не менее, они отличаются удивительной скромностью, она заметна и, как ни странно, всеми поощряема. Японцы, как будто, абсолютно довольны своей участью, даже если имеют очень мало, и эта уверенность в спокойном отношении к жизни выгодно отличает их от самоуверенности и себялюбия европейцев.

Вячеслав, помнится, взялся обучить меня занятой японской борьбе на руках... Два соперника сцепляются в крепком рукопожатии, чуть присаживаясь, полусогнутые ноги при этом широко расставлены – одна впереди, другая сзади, тем самым обеспечивая для тела устойчивое положение, и, замерев на несколько мгновений, выжидают наиболее выгодную ситуацию, чтобы перетянуть противоборствующую сторону на себя, и соперник бы переступил хотя бы одной ногой... Обязательное условие при таком необычном единоборстве – не потерять равновесия, в состязании участвуют лишь тело, плечи, руки, и нужно поймать подходящий момент и вынудить другого человека сойти с места. Довольно-таки простая, по сути, игра, не требующая никаких дополнительных предметов, но имеющая маленький японский секрет, с помощью которого мой молодой друг неизменно меня обыгрывал, не переставая загадочно и очень обаятельно улыбаться. Этот простой секрет, положенный в основу многих восточных единоборств, как оказалось на деле, и отображал суть загадочной японской души, наконец-то, приоткрывшейся мне...

Среди нашего разношёрстного морского люда можно встретить много лиц, как будто, совершенно похожих, ничем друг от друга не отличающихся, у японцев же, наоборот, при общей внешней схожести, приглядевшись пристальнее, отметишь в каждом человеке много оригинального, присущего только ему. Чувствуется, что каждый из этих, с виду одинаковых людей, достаточно своеобразен, даже неповторим, но в чём тому причина – ответишь не сразу. Скорее, и вовсе затруднишься что-либо сказать, ибо одного живого взгляда для разрешения этого вопроса недостаточно, а нужно быть допущенным в японскую жизнь полностью и надолго, искренне признавая их образ существования, как самый достойный.

Вот и неприязнательность японца одновременно с переживанием в себе какого-то удивительного самоуважения, не покидающего его даже в самой невыгодной ситуации, всегда вызывали во мне не то чтобы восторг, но искреннее преклонение. Взять хотя бы такое, часто случающееся в море явление как «ченч», то есть – обмен между моряками продуктами питания или разного рода предметами. Что греха таить, наши рыбаки, повстречавшись в море с каким-либо добывающим японским судном, не упускали возможности заполучить у доверчивых японцев нечто более выгодное в отличие от того, что могли предложить сами. Например, желанное каждому моряку, порядком истосковавшемуся по вольной портовой жизни, пиво в длинных тёмных бутылках, или толстые порнографические журналы, для получения коих достаточно было ободрать с железных баночек зелёного горошка бумажные этикетки, бессовестно выдавая их за особенно любимое у японцев сгущенное молоко. Японцы же, обнаружив подвох, никогда не показывали себя разочарованными, а только весело восклицали что-либо, дружелюбно помахивая руками со своей палубы нашим рыбакам, и улыбались. Казалось, они были совершенно счастливы.

Часто я ловил себя на мысли, что японцы, как, кстати, и корейцы, комично наивны и обладают какой-то ограниченной весёлостью, не имеющей под собой глубины, но впечатление это опять оказывалось верным лишь на первый взгляд. На самом деле, если общаться с японцами достаточно долго, изредка, к своему удивлению, вдруг замечаешь в их глазах вспыхнувшее сознание собственного превосходства, какую-то даже избранность, коей многим другим народностям - не достаёт, но японцы, по их разумению, ей в полной мере обладают, и тем необычайно интересны. Только вот до поры свою скрытую силу они никогда не показывают, иной раз так ей и не воспользовавшись. Ценность подобного внутреннего убеждения, вернее – состояния, думается, заложена в их скрытых внутренних ресурсах, накопленных за тысячелетия и проявляющихся крайне редко, а выдаёт эти возможности, как ни странно, удивительная сдержанность, спокойствие, что вынуждены, для собственного же душевного здоровья, иногда приоткрывать заключённую в себе тайну.

При каменном лице и строгом взгляде японца в нём вдруг загорится на мгновение огонёк любви ко всему живому и тут же погаснет, но ты уже

успеешь стать пленником этого человека, почувствовав его всем сердцем. И ещё позавидуешь удивительной выдержке и скромности, с какой было выражено безграничное великодушие. Никто, пожалуй, не контролирует свои эмоции с таким хладнокровием, как японцы.

А всё, наверное, потому, что у японцев отсутствует известная восточная роскошь, ничего подобного у них нет и в помине. Бывая в домах японцев, проживающих на Сахалине, я не раз убеждался в этом, проникаясь в тоже время их духовным богатством. Напротив, обнаруженная обстановка выявляла опять же ту самую непритязательность, где всё выглядело очень скромно и просто, порой даже до удивления скудно, но, тем не менее, отчего-то такая простота не теряла свежести и новизны. Это небывалое сочетание невидимого внутреннего богатства и внешней простоты, некоей духовной наполненности со строгостью не сразу бросается в глаза, его следует почувствовать, а почувствовав – с удовлетворением принять как нечто, желательно бы присущее и тебе. Во всём японском образе жизни вас никогда не поразит нелепая пестрота, лишь сдержанность чудесных красок и тонких настроений всего бытового обустройства.

Вообще, если жители Ближнего Востока, относящиеся к мусульманской вере, не проявляют, в силу каких-то национальных черт, должного внимания к труду, более выражая себя в нескончаемой воинственности, а православные христиане полагают труд делом богоугодным, то вот японцы воспринимают трудовую деятельность, независимо от проповедуемых в Японии даосизма или буддизма, только как дело полезное. Труд, по их разумению, умножает силы и увеличивает срок жизни! Даровое, как говорится, на ветер, трудовое же - в сок, да в корень.

Японцам присуща необыкновенная опрятность, как в домах и одеждах, так и в жизненных правилах. Ещё у них приятные и ненадоедливые манеры, обходительное обращение, но после всего этого почему-то складывается ощущение, что ты им всё-таки равнодушен. Кажется, что они бы с удовольствием устроили всё на самом деле по-иному, как-то более удобно, уютнее для себя, но отчего-то не могут изменить заведённого порядка и непреклонно следуют ему. Виной тому, думается, строгое отношение к себе, заведённое ещё с давних времён, дисциплина духа, переступить которую японцы не в силах. Иначе бы они просто не были японцами.

А за всем этим, между тем, скрывается удивительная живость, желание показать себя и непременно ещё и выиграть! Видно, что непомерные способности и силы сдерживаются в обычных вещах, даже просто в общении. Должно пройти, наверное, достаточно времени, чтобы японцы полностью избавились от этой сдержанности, больше надуманной, чем необходимой. В Японии всё может быть, что у других народов не бывает.

Отношение японцев к жизни проявляется и в отсутствии резких, кричащих красок, например, в одежде или живописи, а всё больше нежная, смягчённая смесь различных тонов, очень тонко выражающих определённое настроение. Всё у японцев выглядит натурально и естественно, даже среди

простолюдинов, когда преобладает какой-нибудь один, довольно сдержанный цвет. Конечно, допускаются и отклонения, но всегда с определённой строгостью и вкусом. Японец никогда не будет выглядеть попугаем, и отличит его скорее неброская изысканность обыкновенной птицы.

Японцы очень поэтично называют свою родину страной восходящего солнца, и это не случайно: в Азии его много и люди даже прячутся от солнечного света, стараясь не подниматься на значительные возвышения, быть открытым и строить дома с большими окнами. Но при этом трепетно чтут замечательное светило, терпеливо занимаясь своим земным делом, не забывают – какое оно великое, не уставая приносить ему опять же земные поклоны и, наверное, именно из-за неизменного расположения к недостижимому солнцу опускаются на пол перед старшим человеком или гостем. Такова японская манера заслуженного поклонения миру света, предпочитая при этом нахождение в тени.

Японское достоинство... Думая о японцах, приходится говорить чаще всего именно о нём. Но что оно под собой подразумевает, и существует ли на самом деле? Не миф ли, получивший распространение с тех пор, когда Япония была закрыта от всего мира, упорно не признавая ничего нового и боясь развития, вопреки огромным жизненным силам, что копились всё это время в ней. Оттого эта страна, наверное, и держала себя всегда с холодной важностью и строгостью, даже – высокомерием, которое, впрочем, у многих представителей других национальностей – голландцев, американцев, русских, часто бывающих в эту пору на Дальнем Востоке, вызывало доброжелательную улыбку...

Да, отчасти именно это породило в лицах и характере японского народа известное всем величие и сдержанность в выражении своих чувств, но потом, в какие-нибудь десятилетия, эта же неокрепшая строгость незаметно перевоплотилась в удивительную стойкость по достижению поставленной цели, проявляя не менее удивительную выдержку и отвагу. И так сформировалась уже осознанная национальная философия, затвердившая в чертах лица японцев продуманную негибкость.

Из всех народов Дальнего Востока японцы, наверное, считаются первыми по наиболее мудрому обустройству жизни, а также им нет равных в изысканности нравов, которыми они способны совершенно очаровать. Порой эта утончённость так проста и доступна, что её даже не воспринимают как нечто необычное, а уж если восхищаются, то не в силах передать свои чувства на словах. Всё, что увидено в Японии и узнано о ней – необыкновенно радует воображение, и его хочется запомнить и оставить навсегда с собой. Японцы же только сдержанно улыбаются: чего проще, кажется, быть самими собой, когда окружающая природа к этому и располагает. Поэтому, наверное, японцы и отличаются простотой нравов, скромностью и умеренностью, а значит – мудрым образом жизни. Что может быть более достойно?!

«КИТЁНОК»

Киты и люди... Огромная разница в размерах, кажется, разделяет их непреодолимой пропастью, и киты, обитающие в недоступном пока для человека океане, представляются просто необычайными существами из другого мира. Но, тем не менее, нас многое объединяет.

Когда ты встречаешь в открытом море стадо китов, хотя бы и с палубы судна наблюдая неторопливые взмахи их гигантских, завораживающих своими плавными движениями хвостов, слышишь громкие вдохи и выдохи, с которыми животные набирают в лёгкие воздух, то тебя переполняет какое-то тёплое, родственное с китами чувство, будто ты не зря оказался вместе с ними среди морских волн... У китов, как и у людей, тёплая кровь и крупный мозг, они – млекопитающие, и у них тоже есть четырёхкамерное сердце, а самки, как и человеческие матери, кормят своих детёнышей сосцами. Вот и многие из недугов морских исполинов имеют немало общего с болезнями человека: у китов отмечены почечно-каменная болезнь, цирроз печени, воспаление лёгких, плеврит, язва желудка и двенадцатипёрстной кишки, цинга, диабет, у самок китов встречаются даже случаи воспаления молочной железы – мастит, психозы и нервные расстройства. Специальное изучение сердечно-сосудистой системы показало наличие у всех видов исследованных китов явлений, сходных с атеросклерозом, а у одного старого кашалота в области межжелудочковой перегородки сердца были обнаружены явные следы/рубец/ перенесённого инфаркта миокарда! Но люди очень странно относятся к животному царству, не только к китообразным, и почему-то привыкли считать, что жить по-настоящему могут лишь они.

Киты же, кажется, вполне довольны собой, ибо, как и каждое живое существо, существовали всегда. Они, конечно, проявляют свой склад ума, и вполне могли бы, наверное, мирно сосуществовать в любые времена с человеком, обладающим в отличие от них интеллектом, но если киты каким-то образом и сталкивались с людьми, то большей частью это были китобои. Китобойи задолго до биологов, изучающих образ жизни, болезни животных и описывающих у них инстинкт взаимопомощи, научились использовать его в своих целях: они старались ранить детёныша, зная, что мать непременно явится искать его, и тогда можно будет легко убить не только детёныша, но и китиху. Среди экспонатов Музея китобойного промысла в Нью-Бедфорде есть акварель 1840 года: на ней изображена самка кашалота, поднявшаяся над волнами, а в пасти у китихи умирающий детёныш и из окровавленного бока детёныша свисает линь гарпуна. Ужасное зрелище, и как прекрасен маленький, серо-голубой китёнок, скользящий в лазурной толще воды вместе с мамой!

А ведь в суровом Охотском или Беринговом море маленьких китят ожидают жестокие шторма! Они узнают, какво сутками не есть и не спать. Слабые – погибают, выживут лишь отчаянные. Многие потом будут выброшены на берег и пропадут в неизвестности, как будто их и не было.

Но китёнку, о котором я хочу рассказать, повезло – мы обнаружили его рано поутру, на пустынном берегу, когда собирались выйти в море на добычу морского ежа. Увидев китёнка, я оторопел: ведь я никогда раньше не встречал китов, тем более, рядом, когда можно просто подойти к нему и полюбоваться.

Китёнок был ещё мокрым, он не обсох, и гладким. До него всё время хотелось дотрагиваться, проводить по нему рукой, и восхищаться: какой большой! Хотя и малыш по китовым понятиям, совсем ещё дитя... Всего каких-нибудь пять-шесть месяцев, но не верится в это, когда стоишь рядом и смотришь на гору мяса в два человеческих роста. Китёнок!

Я медленно обошёл китёнка, не переставая гладить его серо-голубое, упругое тело, и меня не покидало ощущение, что он – живой. Только впал на время в полусонное состояние, какое-то забытие, но стоит его окатить водой – и он встрепенётся, взмахнёт красивым хвостом и уплывёт. Я так и сделал: зачерпнул в ладони морской воды и облил лоб китёнка, но он никак не прореагировал на мою заботу. Глазик его уже подёрнулся мутновато-белёсым налётом и был устремлён в мокрый серый песок... У меня перевернулось сердце.

Я распростёр объятия, прижался к гладкому доступному телу красивого обитателя морских глубин, и привиделось мне, будто я сам китёнок, угадываю звуки, которая издаёт моя мама, и плыву к ней изо всех сил. И она встречает меня сурово, но ласково. Как такое может быть? Попробуйте сами обнять однажды китёнка, по воле случая замершего на берегу, как будто уснувшего... Мне это удалось.

Обычно китовое сообщество устроено полигамно, и поведение китов в стаде одинаково – все они исполняют одни и те же обязанности. Взрослые самцы, а в некоторых случаях самки иногда играют роль вожака, но все «рядовые» члены племени проявляют одинаковую заботу о молодняке. Когда один из членов сообщества ранен или подвергается опасности, все взрослые киты, находящиеся в пределах досягаемости, бросаются ему на помощь. Имеется множество достоверных сообщений о том, как киты поддерживали больного товарища на поверхности, чтобы он не захлебнулся. Киты вообще отличаются от подавляющего большинства животных тем, что иногда приходят на помощь особям других видов.

Что же произошло с этим китёнком? Почему он остался один?

Уже давно существует загадка о морских исполинах-китах: они почему-то выбрасываются на берег и погибают под тяжестью своего веса, по неизвестной причине лишив себя родной стихии. Что вынуждает китов покидать океан, не совершая никаких попыток возвращения в воду?

В последние годы об этом всё чаще пишут в прессе, говорят по радио, комментируют по телевидению, хотя первые достоверные записи случаев выбрасывания китов были зарегистрированы ещё в 13 веке. Британский

музей естественной истории даже выпускал периодические специальные обзоры о выбрасывании животных на берег, так часто они случались. В последнее время случаи, так называемого, «обсыхания» китообразных приобрели просто массовый характер, не избежало их и побережье наших дальневосточных морей...

Так, на одном из курильских островов – Итуруп, в заливе Касатка, мы – водолазы, вместе с сотрудниками ТИПРО наблюдали, как два кита подошли вплотную к прибрежному мелководью и, несмотря на уменьшающуюся глубину, продвигались всё ближе и ближе к берегу до тех пор, пока не потеряли способность передвигаться. Спасти китов не удалось. А через несколько лет в северной части Татарского пролива, при обследовании мелководных бухт на наличие в них нерестилищ сельди, нами был обнаружен крупный кашалот, который, с помощью местных колхозников, был вытаскен трактором на берег, потому что сам не был способен освободиться из сухопутного плена. Подобные сообщения часто поступали и из Приморья, где в заливе Петра Великого были не раз замечены выбросы бутылконосов, и всегда поражало то, что обсыхают в подавляющем большинстве киты – обитатели открытых океанских просторов, не приспособленные к жизни в прибрежных водах. К тому же, это были высокоорганизованные животные, имеющие великолепный аппарат эхолокации.

Голова китов – своеобразный генератор звуков невероятно широкого диапазона. А ещё – гидролокатор с передающим и принимающим устройствами, состоящими из целой системы воздушных мешков и проходов, жировой линзы, иногда сложно устроенной, как объектив, рефлектором в виде сферической поверхности черепа и нервно-рецепторным аппаратом... Все эти природные устройства китов выгодно отличаются от созданных человеком: они более устойчивы к помехам, с большей шириной спектра излучаемых колебаний и богатством модуляций. У специалистов для китов появилось даже такое понятие, как звуковое видение мира, которое, разумеется, не было бы таковым без вмешательства Всевышних Сил, и это, несомненно, выделяет китов из великого сообщества живых существ.

Поэтому стоит, наверное, немножко отвлечься и, упоминая совершенное устройство китов, вспомнить здесь об очень интересном способе их охоты на сельдь... Используя этот своеобразный природный эхолокатор, то есть – посылая узкий пучок высокочастотных колебаний, киты принимают отражённый звук, таким образом «просматривая» окружающую их толщу воды на несколько миль вперёд. Обнаружив косяк сельди, кит направляется к нему со своей обычной скоростью в несколько узлов, а приблизившись к цели – резко разгоняется, чуть ли не удваивая скорость. Затем кит изменяет курс и принимается сужающимися кругами носиться вокруг косяка. При этом он поворачивается на бок, обратив к сельди своё огромное белое брюхо, наделённое высокой отражающей способностью, и окружённая этим сверкающим кольцом света сельдь

сбивается в плотный косяк, после чего кит, широко разинув свою чудовищную пасть, внезапно бросается в самую гущу сельди. Ошарашивающий рыбу световой эффект, излучаемый от брюха, играет роль своеобразного заградителя для рыбы, какое-то время она не в силах его преодолеть и кит успевает воспользоваться её растерянностью.

Да, навигационное устройство китов действительно весьма совершенно, оно позволяет им одолевать большие пространства с точным выходом к нужному месту миграций на кормёжку или рождения потомства, но тем не менее это устройство иногда даёт сбой... Почему?

Оказывается, потеря пути при дальних перемещениях животных обусловлена таким явлением, как магнетизм Земли, вернее – наличием «магнитных силовых линий», которые животные рано или поздно минуют и в результате оказываются лишёнными верного компаса, после чего и выбрасываются на берег.

Силовые линии, искривляясь, обычно идут, обтекая береговую линию. Но в некоторых местах они следуют не параллельно берегу, а поперёк его, и киты, совершающие длительные перемещения, то есть – не «местные», попадают в подобных точках в геомагнитную западню, погибая сотнями. В глазах не искушённых людей это явление представляется необъяснимым, а драма китов – до боли глупой, и всё-таки киты из года в год погибают, следуя, видимо, закреплённой в генетической памяти схеме...

Дело в том, что многие животные и птицы содержат в своём организме кристаллики магнетита – вещества, образуемого в недрах Земли в расплаве магмы при высоких давлениях и температуре. Магнетит мог создаваться в живых организмах с целью нахождения ими верной дороги к дому в условиях пасмурной погоды или шторма, когда не видно ни звёзд, ни солнца. Как это происходит, скажем, у птиц, когда они совершают длительные перелёты по весне, к местам гнездовий, и осенью – на юг. Птицы летят, устроившись в такой невидимый магнетический поток, уверенно следуя им к цели, а как только отклонятся – сразу почувствуют это всем организмом и возвращаются. Вот и киты, напоравшись на так называемую «магнитную силовую линию», в силу заложенного в себе магнетита искажают свой путь следования, которому подчиняла двигаться их сущность, и выходят из определяемого внутренней природой коридора. Оказавшись в магнитном потоке, исходящем от Земли, животные рано или поздно выносятся на берег, не в силах этому противиться.

Чаще всего киты выбрасываются группами, причём, как правило, на пологие песчаные берега. Напрашивается мысль, что близ таких берегов эхолокационные анализаторы животных не получают достаточно сильного отражённого сигнала, либо его нет совсем. Ветер и волны способствуют дезориентации, взмучивая песчаное или илистое дно: взвешенные частицы мешают получению ясного эха. Кит не видит преграды, продолжает движение и оказывается в невидимой ловушке. А когда коснётся брюхом дна, он уже не может избежать полного обмеления, так как для разворота ему

необходима значительная глубина под брюхом для изгибания тела в вертикальной плоскости. Кит, застрявший на мели, беспомощен и обречён: он задыхается под тяжестью собственного веса.

Но остаётся непонятным, почему животное, когда его удаётся столкнуть в воду, тут же, вновь, оказывается на берегу. Только в очень редких случаях удаётся отогнать такое животное в море. Некоторые учёные пытаются объяснить нежелание животных вернуться в море их стадными инстинктами. Приняв на веру ошибочное утверждение, что китообразные всегда выбрасываются группами, эти люди утверждают, что сброшенное в воду животное вновь идёт к берегу на голоса своих сородичей. Но такое толкование неверно, потому что известны случаи, когда животные выбрасывались на берег поодиночке несколько раз подряд. Что, впрочем, не исключает стремление китов быть вместе.

Существует ещё одно объяснение, по которому животное ищет спасение на берегу в состоянии стресса, как это делали его далёкие предки миллионы лет тому назад. В таком кратком изложении данная гипотеза может показаться весьма неубедительной, но её подтверждают многочисленные бактериологические обследования выбросившихся китов, у них взяты гистопатологические пробы, отображающие микроскопические явления, происходящие в тканях при различных заболеваниях, и сделан вывод, что выбрасывание на берег не является результатом патологических изменений в организме, а вызвано какими-то естественными процессами, например, ... страхом.

Не исключена и теория обнаружения на берегу ... больных и умирающих животных... Многие из осмотренных китов, выбросившихся на берег, были очень старыми животными. Это наводит на мысль, что киты могут выходить на отмель сознательно, когда почувствуют, подобно другим млекопитающим, приближение смерти, и чтобы не захлебнуться/а попадание воды в дыхательные пути для них так же мучительно, как и для других животных/, плывут к спасительной земле.

И уж совсем неправдоподобной, но, тем не менее, длительное время муссируемой в прессе, представляется гипотеза о выбрасывании животных на берег как протесте, в котором ценой собственных жизней киты призывают людей задуматься о своём бездушном отношении ко всему живому. Киты – высокоорганизованные существа, а поскольку человек не делает никаких выводов, оставшиеся в живых китообразные продолжают выбрасываться на берег, обрекая себя на полное исчезновение. В этом молчаливом и совершенно обезоруживающем в своей безысходности обращении, бедные животные решаются на последний шаг: они покидают родную среду обитания, то есть – сознательно идут на гибель. Но человек не внемлет здравому смыслу и угрызания совести его не скупают. Раскается ли он хотя бы когда-то, вне зависимости от того, что движет китами при оставлении ими моря?!

Не хотелось бы, конечно, подробно упоминать сейчас об осознанном истреблении людьми китов, называемом охотой, но зародилась она именно здесь, на северо-востоке нашей страны, и первыми китобоями можно с уверенностью считать местных жителей Чукотки, Сахалина, Курильских островов и Аляски. Известно, что эскимосы Арктики добывали китов ещё до нашей эры. Китов били с байдар из луков с ядовитыми стрелами, а ещё ловили сетями, которые изготавливали из моржовых копчёных ремней толщиной в человеческую руку. Аборигены Чукотки выезжали далеко в море на больших лодках, обтянутых лахтачьими кожами, по восемь-десять человек, и, подплыв к киту, бросали в него ручной гарпун, привязанный ремнём к надутому китовому пузырю, чтобы видно было, где вынырнет кит. По ремню подтягивались ближе к животному и снова бросали гарпун, пока кит не утомится, и все лодки к нему не прикрепятся, а затем тащили кита к берегу.

В более позднее время, когда появились китобойные флотилии, промысловики охотились на китов не только зимой, но и летом, хотя знали, что в это время года убитые животные тонут. Суда не имели ни механического оборудования для подъёма массивной туши кита на поверхность, ни средств, необходимых для её удержания на плаву во время буксировки на береговую базу или разделки у борта судна. Но это не останавливало китобоев, которые считали, что туша убитого ими кита всё равно попадёт им в руки благодаря явлению, которое они называли «вспучиванием». Правда, и при этом огромное количество подбитых китов погибало.

Когда кит умирает и погружается под воду, температура его тела начинает быстро повышаться, а не понижаться, как можно было бы ожидать. Это происходит потому, что тепло, выделенное при разложении внутренних органов, остаётся внутри прослоенного жиром тела, превращённого в подобие скороварки. За пару дней внутренние ткани действительно начинают «вариться», и выделяемого количества газа вполне достаточно, чтобы сообщить плавучесть даже стотонной туше затонувшего кита. Но и поднявшись на поверхность, туша, в конце концов, лопалась, причём, иногда с такой силой, что куски мяса разлетались в разные стороны. То, что после этого оставалось, уже навсегда погружалось под воду.

Вот и подраненный кит, которого не удавалось добить специальными копьями, всё равно погибал от инфекции, против которой у него нет природного иммунитета. Уйдя от своих преследователей, кит заболел и, умирая, опускался на дно, где разлагался. Если китобои приводили к родным берегам хотя бы одного из каждых трёх поражённых ими китов, то это уже считалось, по-видимому, достаточным вознаграждением. Не мудрено, что при таком расточительном отношении к промыслу, поголовье китов катастрофически уменьшалось.

Достаточно будет привести хотя бы один пример варварского отношения людей к богатствам моря. Когда китов было много, жители

норвежских фиордов загоняли стаи малых полосатиков в глубину своих узких и длинных заливов, перегораживая затем выход из них сетями. Оказавшихся в ловушке китов они атаковали не гарпунами или копьями, а стреляли в них из самострелов специальными стрелами, которые они предварительно выдерживали в чанах с гнилым мясом. Микробы, занесённые в организм китов с помощью таких «инъекций», были настолько опасными, что кит умирал в течение трёх-четырёх дней, и его раздувшаяся туша, казалось, kloкотала от гангрены и сепсиса. Мясо такого кита было, естественно, не пригодно для использования, но китовый жир не портился и шёл на изготовление ... лампового масла!

Но в китовой истории существуют и страницы, свидетельствующие о благородстве людей, их здравом смысле. Так, в Японском море, например, расположен небольшой остров Сэйкай-то. Остров сам по себе непримечательный. Но есть у него одна редкая особенность: на Сэйкай-то расположено не совсем обычное захоронение – кладбище китов. Оно сооружено на средства японских рыбаков и китобоев, которых бесконечно трогала материнская нежность и любовь, проявляемые самками китов к своим детёнышам.

По сложившейся традиции, при погребении детёнышей, извлечённых из чрева убитых животных, китобои приносили богатые жертвы, а монахи исполняли религиозные гимны так серьёзно и с таким чувством, как если бы они погребали людей. Служители храма аккуратно вели реестр, куда заносили каждого погибшего китёнка, при этом нарекали его буддийским именем и регистрировали точную дату гибели.

В древности люди представляли себе Землю, держащуюся, по их пониманию, на китах: воображение рисовало им почему-то именно трёх животных. Большинство легенд и сказок про морское чудо-юдо и проглоченного Иону также связано с китами. Для жителей морского побережья киты были основным источником жизни, обладая вкусным мясом, салом, китовым усом, спермацетом, амброй, и всё бы ничего, если только китов не стали бы истреблять в высоких широтах северного полушария все государства! Разве прекрасное животное было достойно уготованной ему человеком участи?! Но судьба очень своеобразных китов – серых, сложилась наиболее трагично, поскольку они были единственными, кто питался придонной пищей – бентосом, и поэтому вели в основном прибрежный образ жизни.

Особенно беспощадно истребляли серых китов в мелководных лагунах, на местах их размножения. В городе Монтеррей/Калифорния/, где в прежние годы китобойный промысел был сильно развит, приезжим обычно показывали небольшую прибрежную улицу, выложенную позвонками именно серых китов. Серые киты, обитавшие в водах Японского и Охотского морей почти исчезли к началу 19 века не столько в результате промысла, сколько в связи с отсутствием спокойных прибрежных мест, пригодных для размножения.

В наше время азиатская популяция серых китов стала постепенно восстанавливаться. Изредка в прессе и по телевидению появляются сообщения, что серых китов встречали в проливе Лаперуза, возле Шантарских островов, вдоль восточного побережья Сахалина... Причём, количество замеченных животных возрастает, и вот совсем недавно лётная разведка засекала на севере Сахалина, у мыса Елизаветы, стадо серых китов в несколько десятков голов.

Серые киты давно находятся под охраной, но наш китёнок, принадлежащий к этому виду, оказался на берегу совсем по иной причине, корни которой кроются в самой биологии кита, его физиологических особенностях. Серый кит распространён только в северной половине Тихого океана. Некогда серые киты были многочисленны и в Атлантике, охотно посещали Балтийское море, заплывая в Финский залив. Но сейчас они сохранились только в Тихом океане.

Когда-то здесь существовало два самостоятельных стада – американское и азиатское, одно из них было почти уничтожено, другое же сохранилось лучше. В 1947 году, когда в этом стаде осталось всего 250 особей, на добычу серого кита был наложен запрет, и благодаря охране сейчас киты размножились и насчитывают несколько тысяч голов.

Лето серые киты проводят в северных районах Японского и Охотского морей. Следуя через пролив Лаперуза, по Татарскому проливу, и вдоль восточного побережья Сахалина, киты достигают Сахалинского залива, заходя в мелководные бухты и лагуны, а также нередко направляются ещё дальше на север – в арктические воды Берингова и Чукотского морей. Несмотря на холод, северные моря богаты кормами, где животные в огромных количествах поедают крохотных рачков – амфипод, равноногих рачков, червей-полихет и даже водоросли, нагуливая столько жира, что зимой почти не едят. С наступлением холодов серые киты откочёвывают в южные районы Японского моря, вступают в брак и рожают детей. При этом они покрывают расстояния в тысячи километров, двигаясь иногда со скоростью до 20 км/в час.

Повадками серый кит не похож на своих собратьев, он – обитатель прибрежных вод. Ему не по нутру океанские просторы и он постоянно тяготеет к берегу, практически не покидая пятикилометровую прибрежную зону. Зимой его особенно тянет на мелководье в тёплые заливы, куда не заплывают касатки, злейшие враги китов. В море же киты избавляются от преследований касаток на глубине, где неподвижно замирают на какое-то время. Как правило, серые киты способны задерживать дыхание на десять-пятнадцать минут.

Часто в отлив серых китов можно увидеть именно на отмели. Иногда они даже заходят в устья рек. Пресная вода смертельна для многих морских организмов, в частности – для различных кожных паразитов, поселяющихся на теле кита, и серые киты приходят в мелководные заливы, чтобы избавиться себя от них...

В питании серых китов много необычного. Они единственные среди морских исполинов опускаются на дно и роются в иле. Набрав полный рот ила, кит процеживает его через специальный цедильный аппарат, состоящий из двухсот пластин китового уса, а оставшихся во рту червей, рачков и прочую придонную мелочь отправляет в желудок. Не удивительно, что к старости морда кита покрывается бесчисленными шрамами и в его желудке всегда оказываются камни. Именно поэтому серые киты часто и заплывают на галечные пляжи, в зону прибоя, и трутся о каменистое дно, счищая впившиеся в кожу ракушки. Кстати, своё название киты получили благодаря тому, что пятна белых баянусов, прикрепившихся к их тёмной шкуре, придают им сероватую окраску.

Интересная деталь: китам вообще не свойственна яркая окраска, они потому всегда тёмного или серого цвета, что плохо различают цвета... У этих животных, наверное, просто отсутствует потребность отличать друг друга по окраске, тогда как совершенен механизм эхолокации – восприятие родных для себя особей с помощью звуковых колебаний, на длительные расстояния распространяющихся в толще моря. Природа невероятно рассудительна в выражении своих великих достоинств и возможностей, даже экономна, потому что мудра, и наделяя удивительных животных способностью не видеть, а чувствовать, очень тонко всё окружающее тебя угадывать, скорее, проявляет совершенную чуткость, до которой человеку следует дорасти, как, впрочем, и до замечательных китов, что ещё не перестают восхищать нас своим существованием... Как было бы хорошо для человека поверить в них, в красоту и нужность этих чудесных зверей, как и в то, что ты сам, каждый из нас, сможет сделать мир лучше.

Так вот, приспособление серого кита к питанию беспозвоночными, в обилии обитающих в мелководных бухтах и заливах дальневосточных морей, сопровождалось длительным развитием морфологических признаков, защищающих его от обмеления. Наиболее важным и своеобразным приспособлением против обмеления является килевидный выступ на нижней челюсти. Благодаря этому выступу кит вовремя задерживается в воде, не доходя до мели.

К тому же, по наблюдениям эскимосов-охотников за китами, серый кит, попав на мель, способен скатиться с неё, если рядом есть более глубокое место. При этом кит выгибается дугой, упирается в грунт хвостом и концом рыла в тот момент, когда ударившая в берег волна откатывается назад и влечёт за собой тело животного. Но на такие действия оказывается способен лишь взрослый, опытный кит, чего не скажешь о малышах.

Любовь к мелководью, таким образом, чревата для серых китов серьёзной опасностью. Стоит киту зазеваться, забыть об отливе, увлечьшись поиском и сбором корма, и он - на мели. Но что интересно, в этом случае серые киты не впадают в панику, они спокойно лежат на мелководье, сохраняя силы, в надежде, что последующий прилив их освободит. Матери

при этом не бросают своих севших на мель детёнышей, и вместе с приливом возвращаются к берегу, чтобы забрать малыша.

В южных дальневосточных водах серые киты появляются в мае, когда мы обычно начинали добычу морского ежа и ламинарии. Нам нередко доводилось наблюдать, как самки выгуливали малышей в прибрежных водах, где они употребляли в пищу многочисленных ракообразных и морскую капусту. Порой заливы, удобные для кормёжки молодых китов-сеголетков, бывают забиты ими до предела, и, несмотря на небольшой возраст, составляющий 5-6 месяцев, детёныши достигают уже семи метров в длину, что само по себе удивительно. Маме-китихе, конечно, нелегко углядеть за таким «малышом», если он, тем более, проявляет излишнюю самостоятельность, и она любыми способами старается уберечь своих детей.

Благодаря привязанности к береговой полосе серый кит всё время находится, так сказать, на глазах, а следовательно, и изучен значительно лучше своих собратьев. Несмотря на это, у учёных до сих пор нет единого мнения – способны ли серые киты издавать какие-либо звуки? Наконец, совсем недавно удалось сделать около трёхсот записей издаваемых ими звуков, включающих «вздохи», «бульканье», «стуки» и особенно часто – «стоны», позволяющие предположить у китов общение внутри стада. Животные «стонут» и днём и ночью, когда плывут поодиночке и стайками, однако замечено, что «стонут» не все киты, две трети из них молчат, а самые говорливые – именно самки...

«Стоны» представляют собой звуки большой силы, до 160 дБ, продолжительностью около двух-трёх секунд, частота которых колеблется от 20 до 200 гц. С какой целью издаются эти звуки, определить с предельной точностью пока не представляется возможным, однако не исключено, что это именно коммуникационные звуки, облегчающие взаимоотношения животных, ничто иное как реакция на какие-то внешние воздействия, на шум близкого прибоя или отдалённого шторма. Вероятно, таким способом мамы призывают неугомонных детёнышей к дисциплине, пытаются руководить их поведением, когда того требует обстановка, заботятся и поощряют.

Что же касается кормления малышей самками, то, несмотря на гигантские размеры животных, продолжительность его, как ни странно, невелика. Особое строение молочных желез, соска и высокая калорийность молока благоприятствуют скорому насыщению детёнышей, размеры которых при рождении уже составляют три и более метров. За сутки самка серого кита продуцирует несколько десятков литров молока, то есть, китята употребляют его вёдрами, и потому растут не по дням, а по часам, прибавляя за день в росте чуть ли ни полметра, а весу – центнер.

Сосок самки залегает в кожной складке и во время кормления детёныша он выдвигается наружу, прямиком попадая в углубление передней части нижней челюсти новорождённого китёнка. Язык китёнка сворачивается желобком и прижимается к нёбу. Таким образом, язык и нёбо образуют изолированный от морской воды канал, по которому молоко

стекает в глотку, и недавний сосунок быстро обретает природную силу, уже через год достигая в длину более десятка метров.

Наш китёнок был метров шесть в длину, и сначала мне показалось, что это грузовик стоит возле самой линии прибоя, но потом я подумал: откуда бы ему тут взяться? Может быть – скала или большущий валун, которые в достатке попадают на островном берегу? На худой конец – мираж, коими также изобилуют морские просторы, результат искривления световых лучей в неравномерно нагретых слоях воздуха. Но нет, это был самый настоящий кит, хотя и маленький, и я в восхищении замер возле него, не веря своим глазам.

Случилось это чуть севернее Холмска, неподалёку от посёлка Яблочное, где мы стояли базой. Рядом с нами располагался небольшой рыбоперерабатывающий цех, переконструированный под разделку морского ежа, икру которого закатывали в пятидесятиграммовые баночки вперемешку со спиртом. Именно в такой консистенции икра ежа разжижала радиацию в крови человека.

Собственно, вся эта добыча и обработка ежа на юго-западном побережье Сахалина была затеяна по распоряжению местного облисполкома, сразу после случившейся в Чернобыле трагедии, и начальство требовало от нас как можно больше морского ежа для пострадавших в Чернобыльской катастрофе, в особенности – детей... Довольно быстро нам удалось наладить добычу, которой мы раньше никогда не занимались, работа производилась всё светлое время суток, а тут – китёнок... Прямо возле рыбоперерабатывающего цеха!

Сгрудившись вокруг китёнка, все, не переставая, выражали свой восторг от увиденного короткими обычными фразами или зачарованно молчали. Каждому хотелось погладить его упругую гладкую кожу, потому что ничего подобного на суше не существовало. Завораживала больше всего именно эта гладкость, скорее даже – нежная сила, созданная Богом и взлелеянная морем: её нескончаемая обтекаемость, увлекающая самого стать таким же чудесным морским зверем.

Мне и раньше, восхищаясь этой переливающейся в воде монолитной упругостью китов, порой начинало казаться, будто они состоят из какого-то более чуткого и чудесного материала, чем живая плоть. А наблюдая, как при всём своём весе киты парят в толще морской воды, и вовсе создавалось впечатление об их какой-то замечательной и необъяснимой гармоничности, порождаемой таинственной глубиной океана. Изящество этих огромных животных, достигших гармонии со своим миром, было поразительно, и сразу приходила мысль о том, что человеку её, должно быть, никогда не достигнуть.

Это море, за миллионы лет, сделало тело китёнка таким совершенным, и трудно себе представить, что эмбрион кита в материнской утробе повторяет этот процесс. Процесс, который начался около 100 млн. лет назад, когда многие сухопутные млекопитающие начали возвращаться в море, а

спустя 50 млн. лет уже прочно там обосновались. Возможно, они были вынуждены искать убежища в воде из-за неблагоприятных условий жизни на суше или жестокой конкуренции в борьбе за пищу и жизненное пространство. Однако, вероятнее всего, эти существа с сильно развитой способностью приспосабливаться просто-напросто воспользовались изобилием пищи в море.

За 50 млн. лет – с геологической точки зрения срок незначительный, они научились благополучно жить в море и производить на свет детёнышей, которые уже умели плавать, едва оставив материнское чрево. Примерно 20 млн. лет назад эти животные утратили уши и задние ноги, тело их приобрело торпедообразную форму, у них появился хвост, похожий на рыбий, они лишились волосяного покрова, а ноздри сместились к верхней части головы. Тот факт, что киты приобрели рыбообразную форму, свидетельствует о конвергентности эволюции – процесс, когда две группы животных, имеющих разное происхождение, в ходе приспособления к одинаковым условиям приобретают одинаковые внешние формы.

К тому времени, когда эмбрион кита достигает величины около пяти сантиметров, у него исчезают все внешние следы задних ног. Передние ноги вначале напоминают руки человеческого зародыша. Затем кости плеча и предплечья в значительной степени укорачиваются и расплющиваются, но конечные суставы, или «пальцы» сохраняются. Все пальцы огромной китовой «кисти» заключены в мускулистую оболочку, образующую короткий, плоский плавник обтекаемой формы. Эти плавники служат китам, как грудные плавники – рыбам в качестве стабилизатора и руля. Движителем же оказывается мощный хвост...

... Хвост китёнка покоился в воде, был какой-то незаметный и ещё не привлекал внимание так, как тело – могучее для его возраста, просто огромное! Совсем недавно китёнок был счастливым и беззаботным, резво гулял с мамой по просторам северных морей, и чудесная солёная вода заботливо окружала его тело. А теперь, вот, лежал отрешённо, чуть касаясь прибоя своим ещё неразвитым хвостом, и не дышал. Всем было жаль китёнка.

При всей своей величине, китам, конечно, не под силу тягаться с человеком, вероломно истребляющим их на протяжении сотен лет. К тому же животные размножаются медленно: китиха обычно производит на свет не более чем одного малыша, да и то - через год-два. Двойняшки у китов бывают не чаще, чем у людей – в одном случае из ста, и за двадцать-тридцать лет своей жизни самка приносит от полудюжины до десятка детёнышей.

Самке приходится около года вынашивать малыша, а потом ещё почти год выхаживать его и всему обучать. Только через полгода у детёныша отрастает китовый ус, через который он может, наконец, процеживать воду и питаться планктоном и крилем. Но до поедания сочной морской капусты и более крупных ракообразных ему ещё далеко. Кстати, серые киты относятся именно к усатым, а не зубатым китам.

Помимо того, что серые киты – усатые, предпочитают прибрежный образ жизни и единственные из китов, кто опускается на дно и роется в иле, они ещё, ко всему прочему, и пример игривости: взрослые киты иногда выскакивают из воды! Часто такие выкрутасы повторяют и касатки, но они намного легче, и потому совершать им подобные действия явно сподручнее. А вот что вынуждает больших пятнадцатиметровых китов целиком выпрыгивать на поверхность, иногда ещё и производя над водой сальто, никому неизвестно. Мало того, неизвестно и то, почему некоторые самцы и самки, обхватив друг друга плавниками, взвиваются в воздух одновременно... Когда киты падают назад в воду, раздаётся такой гулкой всплеск, что его слышно за несколько миль.

Случайно ли происходит всё это? Думается, что нет, и ты рано или поздно склоняешься к естественной мысли, что серые киты так любят друг друга. В этих движениях животных-великанов, несомненно, проглядывает трепетная забота и ласка, и даже если у тебя нет рук, ты можешь прикоснуться к своей любимой нежным белым животом или плавниками, разрядив при этом расположенный к гармонии воздух утробным «возгласом» - у-у-ы-ы-х, фу-у-у-х!

Таким образом развлекают себя взрослые киты, а что же китята? Большую часть времени они, понятно, держатся неподалёку от матери, но вот когда всё китовое стадо оказывается на мелководье и увлечено кормёжкой, китята способны позволить себе сбежать от мамы. По крайней мере, так им кажется, в такие моменты они воображают себя большими и забывают об опасности, которая в море подстерегает всюду. Не успеешь оглянуться, как окажешься в зубах косатки или стаи акул, а тут ещё эти коварные отливы...

Конечно, детёныши серого кита не способны забавляться подобно дельфинам-бутылконосам, которые считаются в море самыми признанными затейниками: танцуют на хвосте, носятся вокруг судов, подбрасывают ввысь мёртвых рыб и чуть ли не играют ими в баскетбол, дразнят других рыб и хватают их за плавники... И всё же, китята – дети, а любые дети, как известно, подвержены игре. Игра непременно должна нравиться животным, ибо и звериным детёнышам присуще такое поведение, когда они тешатся и резвятся, словом, забавляются, а значит, получают от игры удовольствие и радость. Китята, играя, выражают отношение к окружающей жизни, в которой они оказались, и в жизни этой для них встречается, скорее, больше удивительного, чем страшного, но сама жизнь порой подразумевает в себе существование чего-то неведомого, способного обернуться безысходной ловушкой...

Дело в том, что вдоль всего юго-западного побережья Сахалина, несколькими сотнями метров мористее, тянутся каменистые гряды... Изредка они прерываются, большей частью оставаясь под водой, и создают своеобразные бухты, замкнутые водные пространства, которые становятся хорошо заметными в отлив. Если какое-либо морское животное увлекается

охотой за кормом или игрой, и попадает в такую природную заводь, то на время оно оказывается запертым в нём и обычно погибает, не найдя выхода.

По-видимому, китёнок, отбившись от китихи, в большую воду проник в такую бухту, но с уходом воды – растерялся и очутился на мели. Море быстро уходило, и китёнок, привыкший к тому, что его всегда поддерживает вода, погиб от собственного веса. Не выдержала нагрузки его грудная клетка, которая всё больше прижималась к каменистому грунту, и китёнок постепенно задохнулся. Прилив только довершил дело, выбросив уже обессиленного малыша далеко на берег, к самому рыбоборазделочному цеху, где мы его и обнаружили.

И не сведущему в море человеку было понятно, что перед ним не кит, а лишь китёнок, но даже для китового детёныша он поражал своими размерами. Мы все смолкли перед величием природы в виде китёнка, и стояли какое-то время в растерянности. Всё казалось: китёнок оживёт, он только притворился, чтобы нас позабавить, а через каких-нибудь пару минут вновь вернётся к жизни, она наполнит живительной энергией его тело и китёнок возобновит свои обычные забавы. Не верилось, что такое красивое животное уже больше никогда не перекатится в воде с боку на бок, не совершит свои завораживающие прыжки, не будет качаться на волне, то подныривая под неё, то с брызгами вырываясь на поверхность. Ведь он ещё такой маленький, и всё играет!

Совсем недавно, всего несколько месяцев назад, этот китёнок появился на свет. Сначала показалась пара сморщенных хвостовых плавников, затем – туловище, а последней вылезла голова, и новорождённый, полностью оторвавшийся от матери, быстро всплывает на поверхность, чтобы совершить свой первый вдох. В этот момент он необыкновенно красив, весит уже почти 700 кг при «росте» в три и более метра!

Мать сразу подталкивает детёныша к поверхности, и в результате её резких движений обрывается пуповина. А вскоре детёныш начинает неуклюже обыскивать тело матери в поисках пищи. Самка помогает ему в этом и, повернувшись набок, пристраивается так, чтобы кормить его у самой поверхности воды.

Наконец, детёныш добирается до одного из двух продольных кожных карманов на материнском животе, надавливает на него своим беззубым ртом, и из кармана выскакивает гигантский сосок. Сильные грудные мышцы матери выталкивают из млечной железы желтоватое молоко прямо в рот детёнышу, и если китёнок теряет сосок, молоко бьёт фонтаном на 1,5 метра вверх, пока новорождённый вновь не отыщет источник пищи. В перерывах между кормлениями мать и дитя в полудрёме раскачиваются на волнах.

Словно зная, как важно для малыша умение плавать, мать намеренно лишает его поддержки, сразу приучая к самостоятельности. Отчаянно барахтаясь, чтобы удержать над водой голову, китёнок постигает искусство делать вдох в нужный момент. У новорождённого кита ещё мало жира, так, что держаться на поверхности ему трудно, и тут хорошим подспорьем

оказывается солёность морской воды, которая в дальневосточных морях очень высока.

В удивительно короткий срок детёныш научается всплывать после лёгкого погружения и давать маленький фонтанчик, который забавно смотрится рядом с материнским. Мать неотступно следит за малышом, готовая в любой миг прийти на помощь. Она постоянно страхует его, отводя от берега или коварных песчаных мелей. Если с китёнком вздумают поиграть дельфины, они очень любят это делать, мать нервничает и тотчас отгоняет их. Но особенно зорко самка следит за тем, нет ли поблизости акул, которые охотятся за отбившимися китятами.

Немного подросший китёнок кормится уже не так часто, заглатывая под водой огромное количество молока. Кормление протекает быстро, за один нырок, и китёнок всплывает на поверхность для вдоха. Малыш поначалу растёт не по дням, а по часам, быстро прибавляя в весе, что оказывается хорошей подготовкой к долгому путешествию на север, которое обычно начинается в марте и попадает туда китёнок в шестимесячном возрасте.

А пока, набираясь сил перед дальней дорогой, китёнок много играет, поддерживая постоянную связь с мамой. Самка же внимательно наблюдает за всем, что происходит вокруг, и в случае опасности предупреждает детёныша, хлопая по воде лопастями грудного и хвостового плавников. Китёнок тотчас откликается на мамин призыв, думая, что она приглашает его к игре, тоже колотит хвостом по воде, поднимая маленькие фонтаны брызг, и мама терпеливо сносит буйные выходки своего отпрыска.

С первого месяца жизни китёнок привыкает к материнскому ритму плавания, вместе они ныряют и переворачиваются, и детёныш быстро соображает, что легче всего плыть, тесно прижавшись к боку матери, где поток воды сам несёт тело вперёд. Так, рядом с матерью, китёнок учится ощущать силу волн и течений, сам крепнет и растёт, набирая собственную силу. Всё чаще мама забирает его в открытое море, подготавливая китёнка к нелёгкой и долгой дороге на север...

Иногда, по неопытности, китёнок на этом пути действительно забывается в спокойствии вод какой-нибудь лагуны, теряет бдительность, и попадает на мель в отлив, увязая под весом тела в песке. Отчаянно барахтаясь, он будет лишь глубже проваливаться и оседать, а подоспевшие акулы молниеносно расправятся с лёгкой добычей. Немало новорождённых китов погибают такой безжалостной и быстрой смертью.

Некоторых китят матери просто бросают из-за того, что они больны или родились с какими-либо дефектами. Инстинкт диктует им, что жертва необходима для блага всего вида. Вынесенные на берег тела погибших китят становятся пищей для лисиц, чаек и крабов. Кем был этот китёнок, что бездыханно лежал сейчас перед нами?

Может быть, он погиб вовсе не из-за того, что заигрался, а более прозаично – от обезвоживания, поскольку не дополучал необходимого его

росту жирного молока. Мать его, возможно, погибла при переходе на север, и китёнок, оставшийся без поддержки, просто не смог бороться за свою жизнь один. Наверное, он пытался подплыть к чужой матери, исступлённо толкая её в брюхо и ища сосок, но успевал сделать всего лишь несколько глотков молока, после чего раздосадованная подобным наглым поведением китиха отгоняла его мощным ударом плавника. Сирота вновь оставался один и, в конце концов, сдался: силы покинули его.

Для китихи важно выживание только своего детёныша и она кормит его положенный срок. Чужого же китёнка китиха кормить не станет, он обречён. Кстати, серый кит кормит своего отпрыска до десяти месяцев, почти год, самка кашалота же выхаживает последыша около двух лет. Но мы, всё же, предположим, что мама нашего китёнка осталась жива, просто не в силах была оказать ему помощь, и китёнок расставался с жизнью, воображая себя рядом с ней.

Вообще, склонность серых китов собираться для размножения и кормёжки в мелководных лагунах – неопределимое качество для человека, который любознателен, и стремится узнать об их жизни как можно больше. Но в нашем случае подобное устремление животных закончилось плачевно: китёнок оказался пленником лагуны, очутившись во время отлива на отмели. Человек уже добыл сотни тысяч китов ради того, чтобы получить от них жир, мясо, амбру и спермацет, и гибель ещё одного животного, причём, совсем ещё маленького, казалось, не могла ничего изменить. И, тем не менее, мы все были повергнуты увиденным, а я никак не мог избавиться от необъяснимой горечи, вернее, ощущения, будто это ты сам оказался оторванным от чего-то очень дорогого, родственного, и ничего уже нельзя поделать...

Кто хоть однажды видел кита в море, тот знает, какое это захватывающее зрелище, и его не передать словами. В китах всё кажется невероятным и замечательным, и даже выбросившийся на берег кит не перестаёт удивлять наше растревоженное морскими впечатлениями воображение. Он нереален в своём появлении на суше, вне водной среды, и воспринимается каким-то невиданным морским чудищем, которое так поражает нас, что мы не в силах произнести ни слова. Зачарованный этим зрелищем, стоишь и смотришь, как поблескивают на его матовой коже ещё не обсохшие капельки воды, а мысленно уже погружаешься вместе с китом в неизведанные морские глубины. Как важны и трогательны подобные встречи, несмотря на губительность складывающейся ситуации, и как они по-хорошему редки...

... Китёнок оказался на берегу, когда не заметил начинающегося отлива, и предупреждающие возгласы матери тоже не возымели на него должного действия. Он был слишком увлечён игрой с упрямыми волнами, совсем недавно убегающими от него на берег, и вот, теперь, вдруг обратившихся вспять. Китёнок и не разобрал, как его окружило губительное мелководье, и разноцветные камешки мягко закротали под его

бархатистым брюхом: только тогда он услышал стоны матери... Она была где-то рядом, но уже почти недосягаема.

Такие заигравшиеся китята, выброшенные на сушу во время отлива, не редкость, и часто мать серого кита ещё какое-то время держится неподалёку, несмотря ни на что не покидает бухту, зовёт своего малыша, и, бывает, спасает его, если случается скорый большой прилив. Китиха помогает детёнышу отыскать более глубокое место, подталкивая его головой и боками, но чаще китята, всё же, погибают. Вот и наш китёнок проник на берег слишком далеко, а сильный ночной прилив лишь усугубил его незавидное положение. Китёнку не исполнилось и года...

День ещё, наверное, только клонился к вечеру, когда дыхание китёнка остановилось. Тушу его вынесло далеко на берег, и плотный туман окутал весь пляж. Потом с моря налетел упругий порыв холодного ветерка, но кожа китёнка никак не отреагировала на него. Последние лучи заходящего солнца вспыхнули закатным отсветом и на мгновение отразились в остановившемся глазу китёнка, уже подёрнутого мутноватой плёнкой. Ещё минута - и солнце опустилось за море, а вместе с ним вознеслась над берегом душа китёнка, который так и не стал большим и сильным китом. Тишину нарушал лишь шум прибоя.

Перед тем, как душе покинуть тело, китёнку, наверное, привиделось, как он держится рядом с большим серо-голубым телом матери и бессознательно пытается подражать ритмичным движениям её сильного тела. Китиха берёт на себя основное сопротивление воды и китёнку только остаётся следовать возле неё: это составляет его повседневное существование, хотя и не совсем простое. Иногда ему удаётся поддерживать скорость её движения, а порой он отстаёт и, что было сил, прибавляет ходу, возвращаясь к спасительной близости матери. Когда китиха сбавляет скорость и неподвижно зависает у самой поверхности, детёныш трётся уголком пасти об её сосок, прося молока. В полусне мать несколько минут кормит его, потом приходит в себя и пускается в путь дальше, а китёнок с новыми силами устремляется за ней.

В своём предсмертном видении китёнку было радостно думать только о матери и её вкусном молоке, потому что ничего другого он в жизни не изведал. И ещё его не покидало ощущение игривого настроения, которое он всегда мог себе позволить. Ведь по понятиям старожилов моря, он был ещё совсем маленький, ничего не ведающий о его жизни...

... Китиха потом ещё долго не покидала бухту, вспенивая бурунами зелёную воду у самой гряды камней, и издавала такой пронизывающий, идущий, кажется, из самого моря стон, что у несведущего человека он мог вызвать необъяснимую тревогу, может быть даже - страх. Но китёнок её уже не слышал.

Душа его, следуя отдалённому зову матери, тихонько поднялась в воздух, играючи спланировала почти у самого берега, ненадолго задержавшись между острыми серыми камнями, и вдруг неожиданно

устремилась над волнами, представляя себя молодым красивым китом с переливающейся, уже в лучах восходящего солнца, мокрой, серо-голубоватой кожей. Китёнок, ещё не обучившись толком плавать, и верно вести себя в необозримом таинственном море, впервые в жизни летел...

«КАЛАНЫ»

Каланы, называвшиеся в прежние времена морскими бобрами, когда-то были широко распространены на всех островах северной части Тихого океана. По свидетельству Стеллера, соратника и члена одной из экспедиций Беринга, каланов было столько, что вначале не хватало рук их бить, они покрывали берег целыми стадами и до такой степени не боялись человека, что подбегали к огню. Так было когда-то, и подвёл каланов изумительно красивый, тёплый и очень прочный мех, шубу из которого носила сначала матушка, потом её дочка, внученька, а ноский мех становился только более ворсистым и шёлковым.

Бобровая шубка и вправду была страсть, как хороша! Не зря в старину приговаривали: «Настя, Настенька, шубейка красненька, сама черноброва, опушка боброва!» Славился бобровый мех на весь белый свет.

Но если быть точным, то погубил зверей, конечно, не великолепный мех, а появление в этих суровых местах людей, охотников за шкурами и каланов, и котиков, и песцов. Первые сведения о каланах принесли наши казаки-первопроходцы, что добывали морского зверя без удержу, до того его в северных водах было много. Нахождение человека в высоких широтах, несмотря на их губительность, оправдывалось именно обилием морского зверя: как можно было не воспользоваться такими доступными животными, приносящими по тем временам баснословный доход?!

Не представляло никакой сложности подойти к ним на самое близкое расстояние и добыть, но осуществляя подобное хищническое истребление долгое время, довольно скоро, уже к концу 18 столетия, была полностью изведена корова Стеллера, значительно пострадали стада котиков и моржей, и это удивительно, как каланы, имея такой драгоценный мех, избежали подобной участи. Ведь обладая чудесной шубкой и покойным нравом, они были подвержены уничтожению в первую очередь, но Бог, как говорится, миловал.

К концу 19 столетия каланы были почти полностью выбиты и остались только на одном из Командорских островов – Медном, да и то в количестве трёх-четырёх сотен. В настоящее время, благодаря строгим мерам охраны, численность каланов, конечно, возросла, и всё же часто эти миролюбивые животные гибнут от бескормицы, болезней и штормов. Однажды, на острове Симушир, в прибрежных камнях, мы обнаружили такого мёртвого калана, внешнею несколько напоминающего нашу речную выдру, колесом вращающуюся в родной водной стихии. Вот и калан, имеющий более короткий, чем у выдры хвост и похожие на ласты задние ноги, в которых самый длинный – наружный палец, обладает так же весёлым, добродушным и доверчивым нравом. Взять, хотя бы, его обаятельную особенность тщательно ухаживать за мехом...

Никто так не следит за мехом, как каланы, и некоторые из них употребляют даже пучки морской капусты, чтобы вытирать свой мех.

Причина тому – поддержание терморегуляции, с нарушением которой зверь умирает от холода, поскольку держится в северных морях. Любая царапина или пятно мазута могут погубить калана, поскольку свалывшийся мех его скоро намокает и наступает переохлаждение. Наверное, поэтому между зверьми никогда не увидишь драки, а только игры и забавное поведение.

Многие ластоногие, в особенности – самцы, в пору любви ведут себя достаточно агрессивно, они устраивают между собой кровопролитные схватки, и, тем самым, наносят ущерб своим кожным покровам, умирая от холода при соприкосновении с водой. Каланы же – дружелюбны, между ними, как правило, царит любовь и согласие, и если даже случаются небольшие потасовки, то проявляются они, скорее, лишь в угрожающих позах тела. Каланы – очень мирные существа, они никому не несут зла, и оттого у них, видать, мех такой крепкий и нежный, отражение их милой природной природы.

Мех калана на удивление тонкий и шелковистый, с обильным подшёрстком, будто это вовсе не морское животное, а живущее на берегу, где бы оно могло им покрасоваться. У взрослого калана мех имеет однотонный, тёмно-коричневый окрас, скорее – чёрный, с возрастом же он постепенно сереет, и к старости становится совсем седым. В противоположность тюленям и китам, калан не имеет подкожного жира, и от сурового климата его защищает только густой мех: густота опушения такого меха не имеет себе равного в мире.

Благодаря особому расположению шерстинок, слой воздуха, заключённый в подшёрстке, обеспечивает постоянную температуру поверхности кожи. В уходе за мехом калану помогает сама природа: когда, во время линьки, у него выпадает какая-нибудь шерстинка – она немедленно замещается другой.

Досужие учёные даже подсчитали, что на один остиевой волос в шкуре приходится около ста пуховых волосков, и такая пушная прослойка воздуха в пышном волосяном покрове зверя позволяет ему легко держаться на воде. Но сбитый мех теряет теплозащитные качества и может привести к гибели животного, именно эта особенность калана, по-видимому, и позволяет продолжаться его линьке почти весь год, а самому зверьку также тщательно, в течение всего этого времени, ухаживать за своей шкуркой.

Забота о мехе – это самые усердные хлопоты каланов в их жизни. Работы для них без этой заботы нет, а забота и без работы живёт. Словом, не то забота, что много работы, а то забота, как она отсутствует! Недаром половину своего времени каланы проводят за приведением меха в порядок, это – главное условие их выживания.

Калан ухаживает за своим мехом, находясь и на берегу, и в воде. Часто можно увидеть, как он то и дело переворачивается в воде, отчего создаётся впечатление, будто зверь всё время играет. На самом деле, таким образом, калан ухаживает за мехом, «вдувая» воздух в подшёрсток, который под намокшим волосяным покровом должен оставаться всегда сухим. Разве не

обаятельны эти милые зверьки, что так заботливы в отношении своего туалета?

Кстати, в неволе на расчёсывание шкурки каланы расходуют большую часть своего времени, поскольку становятся беззащитными от постоянного пребывания в тесной клетке и загрязнённой воде, где теплоизоляция меха нарушается, и даже самый маленький дождик может погубить зверька. Если какие-то животные и переносят неволю, сравнительно легко принаравливаясь к новой обстановке, то только не каланы. Калан, чья стихия – суровые воды северной части Тихого океана, оказывается безоружным против холода в неволе, а спасает зверей именно суровая свобода, когда они могут находиться в воде столько, сколько им захочется. Хотя каланы и сроднились с морем, но родство это не всегда надёжно, и, может быть, потому они и не уходят далеко от берега, чтобы иметь возможность в случае надобности прибегнуть к защите земли.

Издали блестящий мех калана сродни самому дорогому бархату, а благодаря изящным и быстрым движениям зверя он переливается необыкновенно жирным, притягательным блеском. Калан – прекрасный пловец, к тому же, очень ловок на суше, и когда зверь бежит по прибрежным обкатанным камням, кажется, будто он наряжен в чудесные шёлковые одежды – блестящие, чёрные, густые. Между промысловиков давно было замечено, что самые бодрые и проворные звери имеют самый красивый мех. А вот если зверь попадается совершенно седой, с серебряным налётом в шкуре, то это, несомненно, старый калан, мех которого уже не ценится так высоко, но сам зверь, зато, отличается необыкновенной хитростью, и потому добыть его бывает очень сложно.

Правда, ради объективности, следует добавить, что на суше калан всё же не так проворен, как в воде. Он способен развивать скорость, оставаясь при этом достаточно увёртливым, лишь на коротком расстоянии, когда очень испуган или устремился с лежбища в сторону моря, и под горку. Впрочем, каланы стараются устраивать свои залёжки не на берегу, а на камнях-островках, находящихся в прибрежной части моря, где они чувствуют себя в большей безопасности.

Очень часто каланов можно заметить на обнажающихся в отлив рифах. Особенно нравится им отдыхать на скалах, обросших водорослями. Они не только любят заворачиваться в длинные листы ламинарии, мерно покачиваясь на волнах, но и просто лежать на естественной перине из морской травы, в обилии покрывающей камни. Каланы ждут времени наступления отлива, когда из моря показываются блестящие тёмно-бурые фукусы, макроцистис и морская капуста, накрепко прикрепляющиеся ризоидами к обнажающимся скалам, влезают на них и, позёвывая, до прихода воды дремлют. Окраска каланов настолько удачно сливается с поверхностью оголяющихся мокрых камней, что пройдёшь на боте поблизости и различишь зверей только, когда они, потревоженные, соскальзывают в воду. Впрочем, подобное в наше время случается очень

редко, каланы, изрядно напуганные преследованиями человека, уже давно не подпускают его к себе и задолго до появления человека уходят.

Каланы, вообще, проводят большую часть жизни в море, на худой конец – закутавшись на мелководе в листы морской капусты, обустроив себе в них что-то вроде гамака, и уж совсем редко ночуют на берегу, как правило – это старики-одиночки. Но вот сильный шторм – сущее бедствие для водолюбивых зверей, он вынуждает их питаться в укромных, но подчас совсем бескормных бухтах, и если непогода затягивается на несколько дней, каланы голодают и гибнут. В этом отчаянном положении каланы совершенно доступны и добыть их не составляет особого труда, но при отлове зверей, если таковой случается, они ведут себя всегда смирно и, попав против своей воли в руки человека, настолько доброжелательны, что сразу же принимают из рук кусочки кальмара или рыбы, а особенные смельчаки даже отвечают своеобразным рукопожатием, трогательно обхватывая протянутую человеком ладонь своей шершавой лапкой... Золото, а не зверь!

Когда я об этом услышал, то подумал: быть такого не может! В смысле, чтобы морской зверь выказывал вам своё расположение, да ещё протягивал для приветствия лапу... Ведь сколько мне всего уже привелось повидать за время своих лесных и морских странствий, а всё равно этому не поверил, принимая за одну из очередных баек, на которые горазды досужие до всего люди. Вот какие дела... И разве мог я тогда вообразить, что сам окажусь тому прямым свидетелем, но всё по порядку...

Представьте себе, что вы – калан... Получается? Для того, чтобы это случилось, необходимо ясно осознавать себе образ жизни этого занятого морского зверя, весь его симпатичный облик, и то, что ему больше всего нравится. А нравится калану – в благодном довольстве переживать своё нахождение в море, как правило, неподалёку от побережий диких островов, где их никто не может потревожить.

Хорошо быть каланом, если под водой, возле этих самых островов, полно морских ежей и капусты, вода – кристально чистая, а укромные бухты – мелководны, в них не разгуляться кровожадным касаткам. Ваш мех от такой доброй жизни мягко лоснится жирным серебром, ласково поблескивает волей и здоровьем, и как тут не крутануться от радости вокруг себя, в упругой лазурной волне, да так весело, свободно, что глядя на такую жизнь, тебе невозможно не позавидовать. Ты – чудесный морской зверь, калан, и этим всё сказано!

Калан – на самом деле очень необычный зверь, и чрезвычайно любопытна его реакция на музыку... Давно замечено, что к подобной склонности привержены многие морские животные, в том числе – дельфины и белухи. В одной из экспедиций, проводимой по учёту каланов возле островов Уруп и Симушир, у нас произошёл забавный случай. Научно-исследовательское судно «Анабар» стояло в тот день на якоре у островов Чёрные Братья, расположенных в 16 милях к северо-востоку от острова Уруп, а мы тихонько продвигались к нему на боте, вокруг камня Бобровый,

когда вдруг неподалёку, среди оголившихся рифов, заметили небольшое скопление каланов, после чего сразу заглушили мотор...

Каланы мирно покачивались на спинах, замотавшись в листы морской капусты, и, кажется, не замечали нашего присутствия. Бот, по инерции, уже было приблизился к борту, когда по судовой трансляции электромеханик включил музыку, был какой-то праздник, после чего каланы мгновенно оживились, и, изумительно точно следуя мелодичному ритму, в бодром темпе закрутились в воде.

Всех это необыкновенно развеселило, до того подобное зрелище выглядело необычно. Каланы ныряли, совершали в воде самые невообразимые кульбиты, кажется, совершенно не обращая внимания на людей. Но когда музыка неожиданно стихла, что-то там произошло на судне, звери тотчас успокоились, и вновь, как ни в чём не бывало, разлеглись на покрытых водорослями камнях. Такого мы ещё не видели...

Уже вернувшись на судно, руководитель экспедиции попросила капитана ещё раз включить музыку, на что он ответил согласием, хотя мы и спешили перейти в следующее место работы, помнится, близился шторм, и каланы опять, позабыв обо всём, устремились в воду, продолжив свои своеобразные «танцы». Так мы и удалялись от них под музыку, а каланы «плясали» в воде, явно очень радуясь происходящему, и весь свободный от вахты экипаж неотрывно провожал зверей взглядами, чему-то невольно улыбаясь и тоже радуясь. Каланы подарили нам незабываемые впечатления, доставив, наверное, немалое удовольствие и себе. Я потом ещё нередко вспоминал всё увиденное, и благодарил судьбу, что она связала меня с морем.

Однажды, сидя на корме судна, я очень долго наблюдал за качающимися в волнах каланами, и никак не мог разобраться: что их отличает от других морских животных? И котики, и тюлени, и морские львы с моржами, и даже нерпы – все друг друга напоминали, были очень схожи в своём поведении, а вот каланы ни на кого не похожи. Вроде бы, тоже обитают в море, как правило, неподалёку от берега, и иногда выбираются на него, чтобы привести в порядок шкурку, но живут на особинку. Так в чём же она?

На первый взгляд кажется, что больше всего им нравится спать, отрешённо качаясь на волнах... Море вздыхает размеренно, и так же размеренно покачиваются на спинах каланы, осторожно поджав свои лапки, чем-то напоминая человеческие ладошки...

То они начинают ими неспешно почёсывать баки, но глаза при этом не открывают, не желая, наверное, прерывать приятную дрёму, то просто потирают, как будто выражая тем полное довольство собственной неспешной жизнью. Иной раз, порядком выспавшись, какой-нибудь калан подплывает к соседу и упирается своими лапками ему в грудь, приглашая немножко позабавиться, на что сосед отвечает ему точно такими же неторопливыми

движениями, переворачивается вокруг себя, и опять засыпает. Если приятель продолжает докучать ему своей ленивой лаской, он, лёжа на спине, прикрывает лапками глаза, тем самым давая понять, что он спит, и мешать ему не надо. Приятель, впрочем, тотчас успокаивается, тоже закрывает глазки, и погружается в сон.

Такое очарование, как не крути, отличало всегда только каланов... Каланов будто ничего не тревожило. Создавалось такое впечатление, что они оказались здесь случайно, по чьей-то необъяснимой воле, о них забыли, и милые животные не ведают – куда себя применить. Оттого и предаются большую часть отпущенного им времени сну и еде, что, впрочем, присуще и другим морским животным – тюленям, котикам и львам, но у каланов всё это выходит очень мило.

Наблюдение за каланами как-то незаметно зачаровывает, и ты даже не заметишь, что обо всём позабыл: тебя привлекает только их забавное существование, и ничего больше. Каланы околдовали твоё восприятие, и ты готов без конца вглядываться в их плюшевые фигурки, в чём-то – даже игрушечные, с затаенным духом ожидая – чего ещё милые зверьки выкинут в следующий момент.

Вести себя самым забавным способом и есть, кажется, их природное предназначение, ивы точно не заскучаете, уделив им внимание. Не потехи ради, а по причине своего обаяния тешат ваше сердце добродушные каланы, и если белуха поражает наш взор девственной белизной, то каланы умиляют именно добрым нравом. Всяк в своём добре волен, а уж каланы щедры им в полной мере, так что невозможно не улыбнуться.

Милота, по-видимому, основная черта каланов, которым море, кажется, как среда обитания, подходит больше всего. Море их нисколько не угнетает, каланы живут в согласии с ним, отчего, наверное, и ведут себя так просто и доброжелательно. Они принимают его таким, какое оно есть, а потому и не боятся.

В них абсолютно отсутствует тревога и какие-либо переживания, но каланы не ведут себя вальяжно: звери действительно просто очень обаятельны и милы, они на самом деле напоминают плюшевых игрушек, что вдруг, неожиданно, ожили, и воспринимают окружающий мир тоже как игрушечный, не представляющий для них угрозы. Во всех движениях каланов угадывается их обаяние, какая-то детскость, в суровом северном море она представляется необъяснимой, даже – неуместной, и всё-таки милые зверьки – его дети, и оно их великодушно охраняет.

Но оставаться милым ребёнком в этих краях не просто – того и гляди появятся касатки, и тогда доброжелательное отношение каланов к окружающему их миру разоблачит в них беззащитную жертву. Касатки – морские волки, они рыщут по морям в поисках любой добычи, не побоятся напасть даже на кита, выедавая у него нежный язык. Никуда не деться от их острых зубов и тюленям, а уж маленького калана проглотят – и не заметят.

Правда, каланы порой ведут себя так, будто им всё нипочём: маленькое не мало, коли столько и есть. При этом, в который раз, удивишься, что самая отличительная черта калана – доброжелательная беззаботность. Как говорится, чего мало, то и в диковинку.

Всем хорош этот обаятельный, ни на кого не похожий зверёк, и как тут не упомянуть про его умение применять в своей жизни ... орудие труда! Калан нырнёт под воду, засунет небольшой камень под мышку и ещё прихватит с собой ракушку. Поднявшись на поверхность, он устраивается удобнее, несколько ловких ударов камнем – и раковина расколота. Прежде, чем отведать содержимое раковины, калан всегда ополоснёт её в воде, и уж затем проглотит. Какой ещё зверь так может?

На загляденье ловко расправляется калан и с морскими ежами, которые играют важную роль в его питании. Нырнув, иногда - на десяток метров, калан захватывает передними лапами и зубами несколько ежей и, прижав их к груди, поднимается наверх. Здесь он переворачивается на спину и укладывает добычу в обширные складки на животе. Затем зверь по очереди извлекает из неё ежей, зубами и лапами обламывает иглы, прогрызает панцирь и съедает внутренность.

Когда же зверю попадаются ежи с крепким панцирем или крупные раковины моллюсков, калан использует для их разбивания плоские камни. Захватив такой камень, иногда массой до трёх килограмм, калан укладывает его на груди и, ударяя по нему добычей, раскалывает её твёрдые покровы. Когда камень не нужен, зверь может положить его под мышку и плавать с ним какое-то время, пока он ему не надоест.

Честно признаться, мне всегда хотелось подсмотреть, как калан это делает, и однажды, работая с научной экспедицией у Большой Курильской гряды, мы высадились на берег одного из её островов. Уютную бухту накрыл густой туман, нам нужно было обойти мыс, чтобы преодолеть гряду прибрежных камней, недоступных для высадки с бота, и когда мы обогнули каменный утёс, то нам открылась такая картина... Шёл отлив, на оголённых камнях блестели листья морской капусты, а за открывшимися от воды прибрежными рифами мы увидели парочку каланов, что не обращая на нас никакого внимания, покачивались на спинах, усердно разгрызая морских ежей.

У одного калана на груди покоилась целая охапка ежей, но чтобы лёгкое волнение при отливе не мешало ему поглощать пищу, он замотался в приоткрывшиеся над водой слоёвища морской капусты, и они, как якоря, удерживали его на месте. Мало того, из-под мышки калана торчала большая плоская галька, он прижимал её к себе лапкой, другой же, прихватив ежа, ловко раскалывал его о камень, тотчас выедая внутренности.

Всё это священнодействие продолжалось у калана не менее получаса, и поскольку мы наблюдали подобное проявление энергии зверя впервые, то терпеливо замерли за прибрежными валунами, решив досмотреть его до конца. Калан же, разделавшись со своей добычей, ловко кувыркнулся вокруг

себя колесом, и исчез под водой на минуту, после чего процедура поедания ежей повторилась. Его камешек, но только уже под другим боком, опять был с ним.

По всему было видно, что калану даже нравится таскать с собой камень, оттого он с ним и не расстаётся, пока не обнаружит на дне более подходящий. Существует даже предположение, что калан с помощью такого камня сбивает под водой со скалистого грунта друзы мидий, что явно свидетельствует в пользу сметливости зверя. Смышлёность калана, свойственная не всякому зверю, долго не выходит у меня из головы, и я опять думаю о том, что как бы было замечательно увидеть и эти его проделки, но только уже под водой. Ведь без приглянувшегося калану камня, ему приходится сбивать гроздь прикрепившихся к скале мидий лапой, когда он энергично колотит ей по ним до тех пор, пока они не отвалятся, и это опять же выгодно отличает его от других морских животных.

Интересно, что в тех местах, где каланы пожирают тонны ежей – свою излюбленную пищу, морские водоросли растут пышно и густо. Этот факт, в свою очередь, даёт повод к размышлению о том, что каланы играли важную роль в выживании гигантских млекопитающих – морских коров, питавшихся бурыми водорослями. Таким образом, логическая цепочка просматривается достаточно ясно: хищническое истребление в своё время каланов привело к массовому размножению ежей, уничтоживших на больших площадях ценные заросли морской капусты – единственный корм морских коров, которые, в результате, вымерли.

Конечно, над исчезновением коров изрядно постарались добытчики морского зверя, но, кстати, именно эти самые русские добытчики и, как ни странно, сами каланы явились непосредственным стимулом для ранних исследований Аляски. Правда, сейчас, после успешного проведения мероприятий по охране и переселению каланов, а также благодаря планомерной добыче ежа подводными пловцами, численность его снизилась и равновесие восстановилось.

Калан – красивое и приятное во всех отношениях животное, отличающееся именно забавным нравом, и очень хорошо это заметно в его семейной жизни, в которой он крайне ласковое и влюблённое существо. Гон у зверей проходит в конце весны и летом, а море служит каланам местом и для любовных игр, и для брачного ложа, и для рождения детёнышей. С ласковым и доброжелательным характером каланов можно сравнить лишь заботу их самок к своему единственному детёнышу. Через девять месяцев после спаривания, у неё появляется на свет один хорошо развитый каланёнок, размером с кошку, и сразу после рождения малыша самка уходит в море, где вскармливает и выхаживает его.

Чистый мех – залог здорового существования каланов, и как только малыш появляется на свет, он тотчас принимается приглаживать свой мех, а мать ему в этом помогает. Она кладёт каланёнка себе на грудь и вылизывает его с головы до хвоста, поворачивая во все стороны, после чего тщательно

расчёсывает, и, нежно обняв, в удовлетворении засыпает. В таком умиротворённом состоянии животные могут находиться по несколько часов кряду, и разбудить их способен лишь голод.

Самка ныряет за пищей, это могут быть моллюски или морские ежи, иловко разгрызает их, лёжа на спине. Если раковины не поддаются, каланиха пускает в ход уже известный нам камень, что обычно прихватывает на дне и употребляет его в качестве наковальни. Спрятав камень под мышкой, она поднимается с ним на поверхность, укладывает камень на груди, и разбивает о него ракушки, скармливая их содержимое малышу.

Забавно ещё то, что этих маленьких, пушистых щенят у каланов зовут «медведками», и это недалеко от истины. Ведь морской бобёр относится к семейству куньих, как и хорошо всем известные обитатели наших лесов – куница, барсук, хорёк и росомаха, обладающие пушистым мехом, а поскольку сам калан тоже славится своей богатой шубой, то наблюдательные люди подглядели в нём эту обаятельную черту, и прозвали «медведкой», выражая ему свою симпатию. Трудно не залюбоваться этим симпатичным зверьком, вызывающим, кажется, одно умиление!

«Медведка» и в самом деле напоминает крохотного «мишку», вернее – «медведёнка», являющегося естественным продолжением своей мамыши, будто он – настоящая живая куколка, и каланиха с ней управляется очень заботливо, но просто. Всё время со дня рождения самка держит детёныша на своей груди, её теплом он и согревается в ненастные, студёные дни ранней весны: здесь он спит, умывается и кормится. Соски у каланихи располагаются в задней части брюха, поэтому каланёнок, когда сосёт, лежит головой к хвосту матери. Мать в это время поднимает хвост детёныша и лижет под ним, производя необходимый туалет.

Обычно же детёныш располагается головой к голове матери, а она, обхватив его передними лапами, нежно прижимает к себе. Первые недели после рождения каланёнок по большей части спит, и если самке надобно подкрепиться, то она приподнимает спящего детёныша своими передними лапами и аккуратно укладывает его рядом с собой на воду. Детёныш при этом даже не просыпается и плавно покачивается на волнах, напоминая младенца в колыбельке. Самка же, между тем, ныряет за кормом и, доставая очередную порцию, неизменно подплывает к детёнышу и ест, только находясь рядом с ним.

Если каланиху что-то начинает беспокоить, она поднимается в воде «столбиком», а детёныш сразу просыпается и быстро подплывает к ней. Стоя столбиком и продолжая пристально разглядывать то, что её насторожило, самка одновременно обхватывает детёныша лапами и в следующий момент ныряет в обнимку с ним, показываясь снова уже далеко от этого места. Так может повторяться несколько раз.

Когда детёныш берёт пищу от матери, и она уходит под воду, то он часто подвергается нападению вороватых чаек, что постоянно крутятся около кормящихся зверей. Оставаясь на поверхности воды в одиночестве,

каланёнок начинает кричать, и этот пронзительный, очень высокий писк не в силах заглушить даже шум прибоя. Мать, услышав зов детёныша, сразу же бросается к нему на помощь, но птицы обычно не прекращают своего преследования, присаживаясь на воду чуть поодаль.

Иногда самки выкармливают и воспитывают чужих детёнышей, по какой-либо причине осиротевших, и проявляют по отношению к ним не меньшую заботу, как если бы это был их малыш. Самка кормит лежащего у неё на груди пушистого детёныша и перевозит его с одного места на другое, порой совершая довольно длительные переходы, до десяти-пятнадцати километров за раз, в поисках пищи и укрытий от непогоды. Каланы – какие-то неуловимые и робкие звери, иначе о них не скажешь, но в этой их робости, даже – милости, настоящая природная сила, что хорошо просматривается именно в отношении самки к детёнышу. По описаниям одного исследователя жизни каланов сердечные чувства у них развиты до такой степени сильно, что смерть детёныша вызывает слёзы на глазах матери, а издаваемые ей при этом звуки подобны рыданию...

Заботливость каланов о своих сородичах очень хорошо просматривается по местам их сосредоточения. Не сразу было подмечено, что животные образуют своего рода холостяковые скопления. При учёте каланов, мы наблюдали подобное у островов Парамушир и Уруп, и скопления эти объединяли сотни зверей, преимущественно самцов. Похожие сообщества каланов исследователям приходилось наблюдать и на Алеутских островах.

В чём же заключалась причина таких групп, и почему они возникают у одних островов, а в других местах их нет? Оказалось, что те благоприятные места, где имеются хорошие защитные условия и богатая кормовая база, отдаются самцами самкам со щенками, предпочтение остаётся именно за ними, остальные каланы довольствуются менее выгодными районами вблизи побережья. Невероятно чудесное обхождение! Причём, оно проявляется всей группой самцов, как бы им самим туго не приходилось на менее выгодных для обитания местах.

Вообще, каланы удивительно миролюбивы. Это проявляется даже в их привычке выходить с добычей на поверхность, поскольку каланы не едят её под водой. Наверху добродушных зверей уже поджидают вездесущие чайки и, только заметив в лапах калана какую-либо пищу, тотчас же подлетают к нему и норовят утащить её. Чайки вытворяют подобное лишь потому, что абсолютно уверены: каланы позволят ограбить себя с совершеннейшим равнодушием, покорно отправляясь под воду за очередным кормом. Также безропотно каланы уступают свои места на надводных скалах сивучам, котикам и даже небольшим нерпам – ларгам.

Миролюбие у каланов, несомненно, соседствует с деликатностью, я бы даже сказал – с вежливостью и мягкостью в обращении с другими живыми существами, обитающими с ними по соседству. Каланам как будто очень затруднительно поступать нетактично, и оттого они невероятно чутки, их

поведение проникнуто стремлением к сохранению мира. Чудесные зверьки не желают с кем-либо ссориться, и своим характером демонстрируют всему морскому миру именно доброжелательное настроение, будто призывая: мирись наперёд всего с совестью своею, только мирное согласие способно сохранить эту прекрасную жизнь. Но разве такое в мире природы возможно?

Ещё одна миролюбивая черта каланов – их постоянное позёвывание... На первый взгляд кажется, что это у них естественная привычка, проявляющаяся, как и у любого животного существа, после сна. Но поскольку каланы зевают в течение всего дня, причём, очень часто и со вкусом, а спят лишь изредка, то понимаешь: причина позёвывания заключена в чём-то другом. Скорее всего, подобное поведение связано у каланов с развитием ими жевательных мышц, они у них находятся в непрерывной и напряжённой работе, когда зверям приходится разгрызать панцири ежей или раковины моллюсков.

С такой же, чуть ли не показной, но очень милой отрешённостью, каланы реагируют на набегающие волны, вернее даже будет сказать, что совсем на них не реагируют. Вот, какая-нибудь крутая прибойная волна подкатит к задремавшему зверю и смочет его, а он и не пошевелится, ровно ничего не произошло, и плывёт себе по качающейся водной поверхности, пока не натолкнётся на выглядывающие из-под воды рифы или не упрётся в скалистый берег. Вытянувшись в струнку, на мгновение удивлённо воззрится своей усатой мордой в одну точку, затем перевернётся в воде и, смачно фыркнув, уляжется опять на спину, принявшись теревить передними лапками мех, но ненадолго, потому как вскоре снова задремлет, мирно покачиваясь на волнах...

Ну и, пожалуй, калан – необычайно любопытен. Он с интересом следит за действиями людей и очень любит рассматривать и изучать незнакомые предметы. В старинных японских книгах рассказывается, что при охоте за каланами к ним нужно подплыть на лодке и показать ... яркий лисий хвост. Тогда калан, никогда не видевший ничего подобного, сам устремляется к лодке и высовывается из воды, подставляя себя стрелам. Чего только не придумают люди в отношении милых и забавных зверушек, что достойны более достойного отношения и радостной судьбы.

Размеренный образ жизни каланов, их спокойные движения и обаятельный облик, в чём-то даже напоминающий человека, выгодно отличает их от обитающих поблизости котиков и сивучей. Что же касается нежного отношения матери к детёнышу, то они совершенно подчиняют себе даже агрессивно настроенного, грубого человека. Не раз мне приходилось наблюдать, как порядком заматеревший, ко всему привыкший морской народ, из числа рыбаков, водолазов или добытчиков морского зверя, изменялись в лице, наблюдая за поведением каланов. Глубокие морщинки на задубелой коже лица размягчались, и люди эти словно отходили от постоянного напряжения и лишений, становясь чуточку лучше, добрее, а всему виной – милый морской зверёк, что в своём непосредственном

поведении на удивление привлекателен и задорен. Не случайно алеутские сказки и легенды именно «очеловечивают» калана.

Часто можно наблюдать, как калан, свернувшись в кольцо и держась передними лапами за свой хвост, подолгу вертится в вертикальном положении, наподобие юлы. А то, бывает, начнёт вращаться винтом, вокруг продольной оси своего тела, как веретено, в какой-то миг резко останавливается, и, видимо, от радости происходящего с ним, с силой ударяет передними лапами в грудь, поднимая фонтан брызг. Видно, что калану нравится резвиться на воде, ведь большую часть жизни он проводит во сне, а в редких играх как будто компенсирует недостаток мускульной работы. В этих нехитрых забавах морского зверька опять же проявляется его доброжелательный характер.

Вообще, калан в своём поведении действительно очень напоминает досужего человека. Это хорошо заметно не только в приёме пищи и игре, но и в совершении им своего туалета. Чаще всего он начинает его с хвоста, без конца теребя и прополаскивая передними лапками. Затем, обхватив передними лапами заднюю, он тщательно массирует её, растирает, то же самое проделывает с другой задней лапой, ещё более старательно поглаживая грудь и живот.

В довершение всего, продолжая покачиваться на спине, калан закидывает одну из передних лап за голову и начинает почёсывать затылок, всем своим видом как будто демонстрируя полное довольство, как это обычно происходит у нас, людей, с закоренелым лежебокой, которого обуревают единственной желанием – хоть как-то убить время. При этом он неспешно расправляет усы, сладко зевает, и, подложив лапы под щёки, умиротворённо засыпает, напоследок негромко фыркнув. Это ли не свидетельство вполне вольготной жизни, когда обаятельному морскому зверьку почти ничего не мешает сладко есть, спать и с удовольствием ухаживать за собой!

В воспоминаниях людей, изучающих поведение каланов, даже упоминаются случаи, когда они на самом деле чистят свою шкурку пучком морской травы! Впрочем, стоит ли беспокоить это славное животное, когда оно так старательно, и в тоже время трогательно, занято собственным туалетом?! Оставим калану его свободу, это самое дорогое, что у него есть, и нужно иметь доброе сердце, чтобы доверчивые каланы допустили тебя к себе, и, быть может, восприняли, как самого близкого собрата, приглашая полакомиться вместе с ними вкусным морским ежом или сочной мидией. Им, явно, не достаёт общения, поскольку по природе своей они очень миролюбивы, и потому - не разочаровывайте, люди, этих милых животных, проявите к ним, пожалуйста, своё великодушие, и Божественное Существование не оставит вас без внимания. Оно откроет вам ещё много чудесных картинок, будто ненавязчиво подсказывая: будь всегда в согласии со мной, это не только ценно, но и приятно, и если ты научишься

воспринимать все живые существа, как неотъемлемую часть себя, ты станешь достойным своей божественной природы.

А что, собственно, обозначает само слово «калан»? Почему оно так привычно ложится на эти таинственные северные края, где преобладают голые скалы, выматывающие своей безысходностью шторма и гиблые туманы? Только ли оттого, что мы действительно привыкли ассоциировать их с этими обаятельными, очень необычными зверьми?

А может быть, это шелковистый и изящный каланий мех возымел действие к тому, что имя «калан» стало так удачно подходить этому морскому зверю? Слово «калан» всегда олицетворяло богатство и процветание, а значит, легко запоминалось, становилось, само по себе, ценным не только из-за великолепного меха, но и благодаря бесстрашию и предприимчивости русских первооткрывателей обширных областей Восточной Азии в России и Северной Америки.

И так – «калан», что означает сие имя?! Французское слово «calandre» - это «лощёный», а «calan», скорее всего, «лоск», нечто блестящее и гладкое, можно даже сказать – безукоризненное по своей красоте. Если же дело касается меха, то название «калан», то есть – животное, имеющее такую изысканную шкурку, может значить только одно: оно – обладатель меха, что несравним ни с каким иным, и этот мех имеет необычайно шелковистое и густое опушение.

Ко всему прочему, мех калана очень прочен, и ему нет сносу. Русские аристократы 19 века не могли себя представить без шуб и шапок, пошитых из чудесного каланьего меха, а русские промышленники называли калана морским бобром. Уж больно и повадками, и своей богатой шкурой напоминал он им обитателей наших лесных рек...

Калан... Всё, что можно было узнать об этом обаятельном морском животном, я, кажется, узнал, пока в мою жизнь не пришёл ещё один милый зверёк...

Работая на Курильских островах по обслуживанию подводной части мареографов, нам не раз приходилось находиться под водой рядом с котиками, сивучами и чаще всего – с нерпами. Эти любопытные звери нередко подплывали к нам вплотную, и даже пытались заигрывать. Как-то раз котик прокусил мне ласту, впрочем, не проявляя при этом какой-либо агрессии: животным, по-видимому, просто нравилось именно играть, и они забавлялись, кружась вокруг места нашей работы и разглядывая, чем мы занимаемся.

Но вот однажды, осуществляя замену оголовка, фиксирующего устойчивое положение на глубине трубы, ведущей к колодцу мареографа, мне посчастливилось погружаться вблизи небольшого стада каланов, а происходило это у берегов острова Матуа. Обычно любопытные котики и нерпы сразу бросались к нам, желая непременно находиться рядом, но трудно было предположить – что думает калан, когда возле него оказывается

непонятное существо в скафандре или с аквалангом, шумно выпускающего гирлянды рвущихся к поверхности пузырьков...

Первенство по нырянию среди тюленей принадлежит котику и моржу, часто они достают корм с глубины почти 100 метров, тогда как калан собирает себе моллюсков и ежей почти у самого берега. Да и обходиться без пополнения запасов воздуха калан может буквально считанные минуты, тогда как тот же морж, обыкновенный тюлень или дельфин, уж не говоря про китов, способны погружаться на десятки метров. Кашалотов же, что запутались в подводных кабелях, поднимали даже с глубин более полутора километров, где они способны находиться без воздуха до двух часов!

Словом, калан, как и обычный человек, способен задерживать дыхание на 2-3 минуты, больше ему не требуется, чтобы насобирать в свою подмышечную сумку дюжину ежей, и когда один из каланов, ближе всех расположившихся к нам на поверхности со своей добычей, увидел человека, он в недоумении замер. Бережно прижимая к груди недоеденного ежа, он какое-то время никак не реагировал на происходящее, а затем вдруг поднырнул под меня и заглянул прямо в лицо...

До сих пор не могу забыть его обаятельную мордочку, с очень внимательными глазками, немножко седоватую, с длинными и такими же седыми усами, с большим интересом воззрившуюся на меня. Почему-то не хотелось его разочаровывать, до того мило выглядело внимание зверька к человеку, которого он, быть может, никогда ещё в своей жизни и не видел, и я не придумал ничего лучше, как протянуть ему свою руку в перчатке. Но до какой степени я был поражён в следующий миг, когда калан, видимо, пребывая в таком же оцепенении, осторожно протянул мне навстречу свою корявую лапку. Чёрные глазки его смотрели на меня, не мигая, он как бы даже подался немножко назад, чтобы инстинктивно и обезопасить себя, и в тоже время лучше разглядеть мою персону, отчего я невольно рассмеялся, после чего гроздь пузырьков забурлили между нами, калан ещё более отстранился и взмыл наверх.

Я посмотрел ему вслед, помахав рукой, и вдруг тотчас ощутил, какой удивительно мудрый покой царит сейчас в этом холодном северном море, и он так доверительно отозвался на моё пребывание здесь, вдали от оживлённых городов и их огней. Покой окутал меня с головы до ног своим проникновенным существованием, вдохнув желанную энергию севера, а я проникся к нему благодарностью за этот сдержанный, но доброжелательный приём...

Чёрные скалы нависли над неприветливым морем, с виду оно, вроде бы, относительно спокойно, но у самого берега находится в непрерывном волнении, сердито накатывает, бормочет, и в неумолчном гомоне птичьих голосов представляется совершенно диким, а берег – неприступным. И только меховые тела покачивающихся на волнах каланов оживляют суровый вид водной поверхности с океанской стороны. Большинство из них – мирно спят, сложив лапки на груди, кто-нибудь вдруг начинает ухаживать за мехом,

иной обеспокоенно приподнимет голову, прислушается, и вновь впадёт в дрему... Покойнее чувствовать себя под водой, где, проникнувшись потаённой тишиной, неспешно принимаешься за работу...

Густые заросли морской капусты сочно ворочаются под напором неугомонных волн, наподобие гигантских змей устрашающе бросаются навстречу и недовольно отползают, а мне, несмотря ни на что, приятно выполнять своё незамысловатое, но нужное дело. Подгоняя фланцы трубы друг к другу, принаравливаешься половчее вставить в отверстия болты и наживить на них гайки, затем затягиваешь их, прижимая с другой стороны гаечным ключом головки болтов, чтобы не проворачивались, и изредка поглядываешь вверх, где различаешь округлые спины качающихся на волнах каланов, и тебя опять охватывает проникновенный покой в мрачном царстве камней, ветров и туманов. Мысли хоть и заняты работой, а не покидает радостное ощущение, что ты здесь не один, в непосредственной близости от тебя находятся милые морские существа – каланы.

Как здесь, действительно, хорошо и покойно, думаешь ты, отчего на душе становится так же радостно и тихо, и ты совершенно ясно постигаешь, что всё так и должно было случиться, чтобы ты однажды отправился в своё морское путешествие, и очутился вот именно здесь, на далёком курильском острове Матуа, где море оказалось благожелательно к тебе, и неожиданно открыло таинственную жизнь каланов. Ты даже поздоровался с одним из них за лапку, и зверь не испугался, а по-своему тоже проявил свой интерес к незнакомому живому существу.

Море стало доступным тебе вместе с этими чудесными животными, только благодаря великодушию Господа, наверное, созданными Им ласковыми и миролюбивыми, может быть, именно в противовес тому, что существуют такие жестокие животные, как касатки. Но касатки, слава Богу, не достигают маленьких глубин, где каланы чувствуют себя в относительной безопасности, и лишь подстерегают тот момент, когда каланы зазеваются, заснут, и окажутся в открытом море.

Правда, и в этом случае каланы научились затаиваться, не производя всплесков воды, поскольку касатки чутко реагируют на движение ластоногих, и тотчас устремляются к ним. И котики, и каланы, заметив касатку, ложатся на спину, прижимают к груди лапки, и терпеливо ждут, когда минует опасность. Каланы, чтобы избежать зубов хищного животного, даже способны прикидываться ... мёртвыми.

Вы можете себе подобное представить?! То есть, каково ему, этому тщедушному забавному зверьку, завидев огромного зубастого хищника, взять и притвориться, что он не дышит? Ему при этом должно быть очень страшно, не то слово – он, наверное, просто готов сойти с ума от переполняющего его ужаса, но калан, всё-таки, находит в себе толику мужества, и ... борется за свою жизнь.

Милый калан трогательно отдаёт себя на волю безжалостного морского животного, действительно приняв вид плюшевой игрушки, будто в нём нет

никакой жизни, а только трепетное равнодушие ко всему происходящему, в надежде, что касатка не обратит на него внимания, он её не заинтересует... И ведь если беда его минует, зверёк, как ни в чём не бывало, продолжит свою незатейливую жизнь: примется тщательно расчёсывать шкурку, утомившись – обернётся в листья морской капусты и надолго погрузится в сладкое забытие, а проснувшись – пустится играть со своими товарищами, радуясь возможности жить морем, редким здесь солнцем, вкусными ежами и мидиями... Вся жизнь калана – это, кажется, ничем не замутнённая радость, он ей – полный хозяин, и если говорят меж людей, что сам себе на радость никто не живёт, то это – не про нашего героя сказано.

Радость калана – в нём самом, а у моря – в нём, что ненавязчиво оберегает покой обаятельного зверька, и тем живёт. Так бы и нам: дарить всем живым существам свою сердечную радость, ибо в радости сыщут, а в горести забудут, и коли доброе чувство в мир несёшь, то и любовь пожнёшь.

Всем хорош калан, и то, что вся его активная жизнь проходит в воде, почему-то не сделало его неземным. Наоборот, часто тебе вспоминается не плывущий на спине калан, ловко разгрызающий раковины моллюсков, а сидящий на берегу или на отмели, подолгу и тщательно расчёсывающий свою красивую шерсть. Весь его оригинальный облик всегда необычайно симпатичен, и когда видишь, как он ловко действует передними лапками, ну, словно, руками, невольно зверьку отчего-то позавидуешь. Также, покойно, сложил бы руки на собственной груди, улёгся, как и зверь, спиной на воду, и с лёгкостью отдался на волю волнам, медленно уносясь по ним к затуманенным и загадочным Курильским островам, Командорам или Алеутам... Мир вам, чудные и ласковые каланы, и я к вам!

«СИВУЧИ»

У А. П. Чехова в книге «Остров Сахалин» имеется забавное упоминание об одном известном на острове офицере, что будто бы поселился на Сахалине в доисторические времена, когда ещё не начиналась каторга. Это казалось до такой степени давно, что даже сочинили легенду о «происхождении Сахалина», в которой имя этого офицера было тесно связано с геологическими переворотами... Когда-то, в отдалённые времена, Сахалина не было вовсе, но вдруг, вследствие вулканических причин, поднялась подводная скала выше уровня моря, и на ней сидели два существа – сивуч и штабс-капитан Шишмарёв...

Но оставим в покое непутёвого штабс-капитана, и сосредоточим своё внимание на животном, прозванном за свой серовато-пегий, сивый окрас – сивучем. Это – морской лев. А почему, собственно, «лев»? – наверное, спросите вы. То, что «морской» - понятно, но вот «лев»?!

Сразу, конечно, приходит на ум грозный обитатель африканской саваны, с косматой шевелюрой, мощными лапами и огромной зубастой пастью, а тут – спокойно возлежащий у моря, на скалах, зверь... Нет у него ни густой шевелюры, ни мощных лап с когтями, да и пасти с оскаленными зубами тоже не наблюдается, но во всей его горделивой осанке угадывается некая монументальность. Вашему взору, действительно, предстаёт преисполненный внутреннего достоинства зверь, внушающий почтение к себе всем своим внешним обликом, какой-то не поддающейся описанию статью, что, впрочем, тотчас теряется, когда сивуч погружается в воду.

К тому же, всё его независимое поведение, кажется, выказывает наличие у него выдающихся внутренних свойств, что вызывают одно преклонение. Важность собственной персоны у сивуча подчёркивается, в первую очередь, величественной позой, внушительными размерами и непоколебимым спокойствием, в присутствии которого тоже хочется замереть истуканом на берегу моря, почувствовав и себя величественным и покойным, проникнутым непередаваемой значимостью проистекающего повсюду вдумчивого умиротворения у дикого северного моря. Фотография такого великана до сих пор стоит у меня в кабинете, на рабочем столе, и поглядывая изредка на этого морского льва, взобравшегося на скалу, как на постамент, и отрешённо замершего там, на фоне серых камней, я сразу представляю себе обрывистые берега острова Ионы, мириады парящих над ним крикливых моёвок и холодные волны Охотского моря, тяжело ворочающиеся у гранитных скал. Действительно, настоящий морской лев, горделиво охраняющий покой дикой северной природы! Кто же он, этот сивый зверь?

Сивучи на Сахалине – его визитная карточка, что-то, вроде, местного оберега. В большей мере это относится к Невельску, небольшому городку на юго-западном побережье Сахалина. Ранней весной сивучи возвращаются из

тёплых морей на знакомые лежбища, чтобы продлить там свой род, и одним из таких временных пристанищ животные выбрали брекватер напротив этого города, расположенный там для защиты его берегов от разрушительного воздействия морских волн.

Каждый год, начиная ещё с зимних месяцев, сивучи появляются на голых, казалось бы, ничем не примечательных для них бетонных сооружениях, протянувшихся возле береговой черты города, оглашая округу громогласным призывным рёвом: так они обозначают свою территорию, хотя бы на время ставшую для них домом... Не у спев порядком обосноваться на новом месте, самцы уже во всеуслышание заявляют неукоснительные права на границы подвластных им гаремных участков, что из года в год остаются неизменными. Здесь сивучи дожидаются вскрытия льдов в Татарском проливе, чтобы через него потом устремиться в Охотское море.

Рокочущий рёв сивучей... Не забыть его никогда, где бы ты ни был, и часто во мне, как память, звучит этот призывный рёв зверей, будто понуждая опять отправиться в дальнюю дорогу, на необжитый северный остров. Туда, где на обрывистых скалах восседают остроносые кайры, у самого уреза воды теснятся дружной семьёй котики с сивучами, и надо всем этим забытым островком скалистой земли стоит неумолчный гвалт миллионов птичьих голосов...

Воздух здесь полнится запахом морского зверя и выброшенной на берег морской капусты. Ветерок лёгкими волнами доносит со скал удушливые испарения от птичьего помёта, которым обильно облеплены все каменные уступы. Нередко может засесть невесть откуда взявшийся дождик-бус, а то навалится с моря густой туман. Все звуки в нём сразу завязнут, будто повиснут в воздухе, и проникнувшись всем этим диким пространством у моря, ты вдруг почувствуешь себя необычайно счастливым.

Туманные, северные берега... Как они, оказывается, близки твоему сердцу, и ты ещё долго не можешь объяснить самому себе – чем так тревожат тебя эти не тронутые человеческой цивилизацией края. Может быть – этой самой нетронутостью, отрешённостью своего сурового существования, куда человеку и вовсе надлежит не заглядывать, не беспокоить непуганых зверей и птиц? А если и пожаловать к ним в гости, то с большой осторожностью и уважением к обитателям этой далёкой северной стороны.

Ревёт океан, ревут сивучи, неистовствует бесприютный ветер, и от всего этого становится так до безумия радостно, что не вымолвить слова... Одно желание – слушать, вбирать этот мир, быть его частью. Раскинув руки, тоже готов зареветь от охватившего восторга, но ты только продолжаешь вбирать в себя вскрикивания птиц, шум моря, рык морских гигантов – сивучей, что, на деле, крупницы в океанском просторе...

Но всеохватные дали почему-то не завораживают, сколько бы ни пытался проникнуть в них взглядом, а занимает более именно то, что рядом... Стали на якорь, садимся в бот, и, прыгая на волнах, направляемся к мрачным скалистым берегам. Вокруг туман, из-под самого носа ошалело

бросаются в стороны каменушки, но не взлетают, оставляя на воде гирлянды хрустальных пузырьков. Их карминовые лапки так часто вздрагивают под водой, что ты не можешь оторвать от них взгляд, и потом только обращаешь внимание на то, какие они голенькие, беспомощные. От осознания этого становится зябко, ты поудобнее заворачиваешься в плащ-накидку, прячешь ладони между коленями и пристально вглядываешься в тёмно-зелёные упругие волны, со всего маху ударяющие в пластиковые борта бота.

Солёные брызги оседают на лице, ресницах, но смахивать их не хочется, и вскоре ты чувствуешь, каким кургузым становится намокший капюшон, тяжелеют от влаги плечи, но тебе и тогда не хочется менять положение тела. Сидишь, как истукан, и вдруг подумается: не отправишься сюда, так и Бога в себе не услышишь... От этой мысли вдруг всё в тебе оживится: что с тобой случилось?!

А тут и звери подросли – выплывают, как на экране, из тумана, вольготно разлётшись на каменных уступах, только головы чуть повели в нашу сторону. Они не зря избрали для себя эту холодную, с виду – угрюмую страну, где чувствуют себя свободно. Величественные гордые звери, с какой стати им нас бояться?!

Вокруг – великие расстояния великого морского пространства, оттого и зверю здесь надлежит быть великим. Вернее, горделивым и покойным от переживания своей дородной и простой жизни, где есть всё, что нужно: много чистой воды, вкусной рыбы и столько же воли! Зверю, живущему морем, ничего более и не надо, только бы крепок был этот мир покоем...

Сивучи, обычно, лежат на отдельных прибрежных камнях и не подпускают к себе человека, и чтобы, скажем, подстрелить зверя, как утверждали местные охотники-нивхи, нужно находиться рядом с сивучем, на самом близком расстоянии к нему, и это, конечно, требовало особого искусства. Но даже если подобное удавалось, необходимо было, вдобавок, ухитриться попасть зверю в темя или висок, что, несомненно, тоже требовало должного умения. Ведь только по этим двум местам сивуча и можно было убить, в противном случае, при его тяжёлом весе, он мгновенно уходил под воду, и достать его уже не представлялось возможным, а зверь мучился, долго борясь за жизнь, и нередко она побеждала в нём, но сивуч уже оставался ущербным. Кстати, нивхи едят мясо сивуча с превеликим удовольствием, и оно, действительно, вкусно, в чём я однажды и сам убедился, но, всё же, долго питаться им не будешь, хотя оно и не имеет никакого отвратительного запаха рыбы или морских растений.

Ископаемые находки последних десятилетий показывают, что эти ластоногие появились у дальневосточных берегов ещё 10-15 миллионов лет назад. Первобытные морские охотники использовали морскую добычу очень полно. Так, шкура убитого сивуча шла на обтяжку байдары, мясо – в пищу, кишки – на водонепроницаемую одежду, зубы и кости – на поделки, а жир – для освещения и отопления жилища. Волну же первых переселенцев с Европы и русских промышленников, столкнувшихся с невиданным

богатством дальневосточной природы, интересовала больше товарная стоимость меха и ворвани...

В северо-западной части Охотского моря лежит остров Ионы, на котором в конце прошлого века, по отчётам зверобоев, было, якобы, взято две с лишним тысячи котиковых шкур и лежбище иссякло. Но побывав на этом острове, трудно было поверить в существование здесь всего сто лет назад гаремного лежбища котиков, по причине суровых условий, исходящих из его небольшого размера, означающего стеснённость, а также существование скалистых, почти отвесных берегов. Скорее всего, это была ошибка в отчётности, не получившая, к тому же, подтверждения от более поздних наблюдателей и охотников, и, таким образом, лежбище сивучей, которое существует на острове и по сей день, по ошибке было обозначено в отчёте котиковым...

Для котиков на нём отсутствовали пляжи из песка и гальки, необходимые для лежбищ большого числа зверей. Правда, от западного берега Ионы местами выступают небольшие скалистые мысы, между которыми имеются узкие пляжи, но они малы для тысячи беспокойных во время гона животных. Остров облюбовали именно сивучи, предпочитающие скалистые берега, и Иона подходил им, как нельзя лучше.

Мрачные утёсы острова постоянно окутаны туманом. Здесь ничто не беспокоит зверей, и они тысячами собираются на вершине этой подводной горы, величественно возвышающейся над морем, напоминая огромный стог сена. Их не испугаешь высотой, и они могут подниматься почти по отвесным карнизам до 25 метров над уровнем моря, откуда при необходимости бросаются в воду. Сивучи не так осторожны, как нерпа-ларга, и восседая на отдельных валунах, подпускают движущийся к ним бот на довольно близкое расстояние, а затем плюхаются в воду рядом, поднимая фейерверк ледяных брызг и обдавая ими сидящих в боте людей...

Следует отметить, что сивуч – именно холодолюбивый вид. Он не боится студёной воды, даже образует временные залёжки на дрейфующих льдинах в Беринговом и Охотском морях. Зимой сивучи часто лежат на обледеневших и заснеженных скалах Курильских островов. Описан случай, когда сивуч, прижатый тяжёлыми льдами в Охотском море, пешком по глубокому снегу пересёк остров Кунашир и благополучно добрался до незамерзающего Тихоокеанского побережья.

Лежбище сивучей, при его первом посещении, оказывает на человека незабываемое впечатление. Лежащие вповалку звери издали напоминают огромные, обтёсанные морем каменные валуны, но если вы подойдёте ближе, и до зверей донесётся подозрительный запах, то они настороженно поднимут головы, силясь разглядеть нарушителя спокойствия. Сивучи, как и все тюлени, близоруки и больше доверяют чутью и слуху, чем зрению. Однако они замечают резкие движения человека, пугаются их, и дружно, гурьбой, кидаются в море.

К осени, когда все страсти на лежбище утихают, сивучи становятся безразличными, им ни до чего нет дела. Но вот весной на гаремном участке от спокойствия зверя ничего не остаётся, и самец-сивуч превращается в огромную слепую силу. Налитые кровью глаза, вздёрнутые кверху головы с ощерившейся пастью и разносящийся на многие километры непередаваемый рык зверей поистине потрясают! Каждый сивуч – это необычайно сконцентрированное внимание, постоянная нацеленность на схватку: в мгновение и с удивительной лёгкостью подлетит к сопернику, собьёт грудью, зацепит его клыками и отбросит мощным рывком к морю, где солёная вода залечивает кровавые раны повергнутого зверя... Действительно, настоящий морской лев!

В своих экспедициях по Сахалину и Курилам нам нередко удавалось увидеть великолепных сивучей. По утрам, в стылой прозрачной воде, усеянной затейливыми островками голубого пакового льда, они оживлённо копошились под самым бортом судна, громко пофыркивая и оставляя в морозном воздухе запашистые клубки пара... То и дело переворачиваясь с боку набок, а иной раз, несмотря на внушительные габариты, как веретеном ловко пронизывая маслянистую воду своими могучими телами, они устраивали возле судна бесплатное представление.

Обычно сивучи с удовольствием воспринимают тепло редкого на севере солнца, подставляя ослепительным лучам золотисто-рыжие, толстые бока, и их игривая активность зависит от времени года. Особенно энергичны они ранней весной, когда, полные сил, возвращаются из тёплых морей на родной север, и ни за что не упустят возможности проявить себя с самой неожиданной стороны. Что необычного, может быть, в сивуче? Чем отличается он от других ластоногих, обитающих в северных морях?

Среди всех тюленей, пожалуй, одни только сивучи отличаются необыкновенными манерами, если о них можно так сказать... Они любят сидеть на прибрежных камнях, застыв гордым изваянием, и очень забавно наблюдать, как внушительных размеров звери с лёгкостью бросаются с отвесных скал в море. Когда ты видишь, как огромное тело весом в тонну свободно пикирует вниз и с шумом, в фонтане ледяных брызг, уходит под воду, такое забыть невозможно.

Наверное, прыжки сивучей с обрывистых скал – именно та особенность, которая, в полной мере, присуща только этим морским животным. Ведь если зверь какое-то действие постоянно повторяет, оно является его отличительной чертой, то это действие, явно, ему нравится, оно приносит удовлетворение, и по нему можно догадаться, или – хотя бы предположить, что для него, помимо инстинкта размножения и продолжения рода, немаловажное значение имеет и маленькая забава. Может быть, это – необъяснимое, даже для самого зверя, самоутверждение, когда ему просто хочется взять и ... полететь с обрывистой скалы в море, плюхнуться туда изо всех сил и погрузиться в родную купель, где тоже можно лететь, легко расправив ласты и наслаждаясь подводной тишиной...

Так, наверное, сивуч проявляет своё пристрастие к дорогому для него морскому существованию, и эта необычная черта разоблачает в нём удивительное жизнелюбие. С виду, как говорится, сивуч неповоротлив и тих, да обычаем лих.

От осознания, что на какой-то миг ты понимаешь это морское животное, что между вами, как будто, устанавливается невидимая внутренняя связь, тебе тоже захочется стать насквозь морским, почувствовав себя здесь, в этой далёкой северной стороне, своим... Какое счастье!

Я всегда испытывал глубокое удовлетворение, когда мы оказывались в экспедиции на севере, и, несмотря ни на что, любил мрачное низкое небо, подворачивающиеся под днище судна льдины, тёмную, почти чёрную воду с изумрудными бурунами, и неожиданно возникающие прямо под бортом усатые нерпичьи головы. Поначалу они всегда напоминали неизвестно откуда взявшиеся резиновые мячики, что ловко перевернувшись, тотчас исчезали под водой. Нерпы очень оживляли суровый северный вид, и я начинал любить север ещё больше, где так вольно дышалось полной грудью, и не нужно было ничего бояться. Пусть здесь холод и серо-сиреневая мрачная мгла, закрадывающееся по ночам чувство одиночества и отрезанность от мира, но разве не достойно для человеческой души претерпеть все эти передряги, присущие северу, чтобы стала она более восприимчивой и живой, и научилась радоваться таким дорогим сердцу жизненным мелочам?!

Люди уходят в море, наверное, потому, что не могут без него жить. Потом они очень устают от долгого общения с ним и окружающими людьми, но по прошествии какого-то времени по-прежнему продолжают его любить. А море всегда разное и совершенно непредсказуемое, оно полно самых невероятных неожиданностей, хотя порой – безгранично в своём однообразии, особенно – на севере. И утренний, и вечерний горизонт здесь одинаковы, но вот что странно: чехарда оставленной за спиной городской жизни, со всеми своими видимыми прелестями, уже давно не увлекает тебя, и представляется какой-то ненужной, мелочной. А вот эти, беспрестанно переворачивающиеся под бортом, грязные льдины, напоминающие каких-то неведомых животных, да и сами морские львы, нерпы и котики с каланами воспринимаются невероятно живыми, и они никогда не приносят огорчения.

У всех морских зверей – свой характер, есть он, конечно, и у сивуча... На первый взгляд он кажется величественным и спокойным. При всей своей мощи, а размеры сивуча, действительно, достигают очень внушительных размеров – тело длиною до трёх метров и вес иногда превышает тонну, большую часть года, особенно – осенью и зимой, он ведёт беспечный образ жизни, кажется, ни до чего ему нет дела. Правда, сивучи плохо видят, и когда их что-либо пугает, они, при всём своём грозном виде, бросаются наутёк в море: не важно – возлежат ли звери на брекватере, или – на прибрежных камнях...

Но вот с приходом весны, прежде, чем отправиться на гаремное лежбище, звери, чтобы набраться сил, прямо в открытом море, безо всякого страха, забираются к рыбакам в тралы, полные рыбы, и в волю лакомятся ей. Сивучи в эту пору часто сопровождают рыболовные суда, и, бывает, так увлекаются, что оказываются вместе с рыбой на палубе, ведут себя при этом как хозяева, даже – очень агрессивно, и чтобы избавиться от непрошенных гостей, рыбакам приходится очень постараться.

Зрелище это для новичка совершенно незабываемое: представьте, что прямо перед вами по слипу поднимается из моря огромный морской зверь, недовольно оглашая приключившуюся с ним неволю громким утробным рыком! Шлёпая по палубе массивными лапами, и оставляя после себя целые лужи, сивуч выглядит очень отчаянно, не в силах сообразить – что с ним происходит, и где он очутился? Когда рыбакам надоедает присутствие зверей, ведь нужно убирать рыбу и готовиться к следующему запуску трала, они разного рода приспособлениями подталкивают животных к фальшборту.

Сивуч воспринимает попытки избавиться от него во всеоружии, не подпуская людей, пытающихся оказать ему помощь, и когда он, наконец-то, оказывается за бортом, все облегчённо вздыхают, позабыв за таким нелёгким занятием об улове. Рыбаки, проявляя немалую изобретательность, чтобы не доставить сивучу каких-либо повреждений, открывают в борту специальные задвижки, и сивучи валятся в воду, прямо с палубы траулера, что порой достигает в высоту более шести метров. Тут вот неожиданно и открывается эта необычная способность сивучей: они обладают способностью свободно прыгать с высоты в море, кажется, получая от этого удовольствие! Ещё долго потом раздаётся под бортом фыркание животного, по воле случая оказавшегося в плену у людей, но, наверное, не по причине недовольства, что его отправили за борт и он шлёпнулся в воду, а из-за того, что лишили возможности лакомиться вкусной рыбкой...

Мало того, на острове Ионы мы наблюдали случаи, когда и старые, и молодые самцы сигали в море с отвесных скал, причём, в этом не было никакой необходимости! Мы подолгу внимательно за ними следили, как сивучи забирались по острым камням наверх, ловко используя расщелины между ними, удобно укладывались там, замерев на какое-то время, и вновь срывались в морскую пучину, поднимая фонтаны холодных брызг... Это казалось почти невероятным при их массе тела!

Сивучи, в отличие от котиков, часто используют в качестве гаремных лежбищ отдельные скалы, располагающиеся неподалёку от берега. Это удобно тем, что не всегда галечные пляжи свободны, их занимают более многочисленные секачи котиков со своими самками и «детскими яслями» недавно народившихся малышей. К тому же, сивучу со своим гаремом спокойнее находиться отдельно от других своих соплеменников, это его вотчина, которую он облюбовал по приходу сюда ранней весной, и ему только остаётся поддерживать порядок на закреплённом за собой участке.

Как правило, самец лежит на такой скале в окружении своих самок весь день. Когда ему захочется поплавать, он тяжело срывается в воду и кружит какое-то время возле камня, издавая грозный рык, разносящийся далеко над морем. Завидев какого-нибудь соперника, подбирающегося к скале, хозяин её торопится взобраться на неё.

Ловко выбрасывая передние лапы, и зацепившись ими за острые края скалы, он выгибает спину и подтягивает заднюю часть тела, затем упирается и совершает резкий толчок. Так, достаточно быстро, он взбирается наверх, опять оглашая морское пространство своим оглушительным рёвом, после чего соперник бежит. А бывает, собираясь поскорее выйти из воды, сивуч использует подвернувшуюся прибойную волну, если на море волнение, и взбирается на свою гаремную площадку в считанные мгновения.

Глядя на эти выкрутасы тяжёловесного зверя, непременно подивишься его умению совершенно преображаться при этом. У сивуча – могучая шея и очень сильный плечевой пояс, что и позволяет ему находить выход из любого положения, проявляя невероятную изворотливость.

А вот морда у сивуча не вытянутая, как, скажем, у котиков, а курносая, что придаёт ему добродушное выражение. Глядя, как он спит, вытянувшись на камнях, и нос у него незатейливо задирается кверху, сразу отметишь в нём эту черту, придающую сивучу обаяние. Не верится, что зверь с такой простецкой мордой способен на злобное поведение. И действительно, если сивуча не беспокоить, не вторгаться в его владения, то он будет оставаться миролюбивым животным.

Я не перестаю думать о том, почему же всё-таки морда у сивуча такая сплюснутая, с задраным вверх носом, и вспоминаю, в каком удовлетворении нежатся они обычно на прибрежных камнях... Могут пролежать так целый день, если их ничто не потревожит. Может быть, от переживаемого удовольствия сивучи и выглядят всегда такими умиротворёнными, и их добродушные физиономии, со вздёрнутыми носами, есть отражение полного довольства от их незатейливого и простого существования. Нужды нет, что нос курносый, главное – не зазнаваться, чего сивучу, при его вольготной жизни, не грозит: всего в его владениях в досталь!

Ещё сивучам присуща такая интересная черта, как заглатывание галек... Звери часто заглатывают морскую гальку, чтобы она помогала перетиранию пищи в желудке. Отплыв порой на значительное расстояние, животные вылезают на берег и здесь, после переваривания пищи, отрывают камни. Часто, не зная этого пути распространения гальки, человек становится в тупик, обнаружив на берегу обломки необычных для здешних мест пород. Причём, они всегда лежат как-то отдельно от других камней, будто ожидая чего-то.

Не раз я находил такие необычные камни, которые и попадают в желудки сивучей порой тоже очень необычно. Дело в том, что питаются сивучи в основном рыбой, и ассортимент её весьма разнообразен: это и сельдь с трескою, и палтус, и лосось, и минтай с корюшкой и мойвой, но

иногда рацион сивучей составляют и головоногие моллюски – кальмары и осьминоги. Так вот осьминоги во время нападения на них сивучей цепко охватывают щупальцами камни, и сивучу волей-неволей приходится глотать желанную добычу вместе с тяжеловесной добавкой...

Сивучи очень привлекательны своей упорядоченной, без суеты, жизнью. Самка, выводя детёнышей, оставляет их спокойно на несколько дней и, возвращаясь, находит среди сотен других благодаря обонянию и голосу, который они подают ей. Самцы же, заведя в момент гона гарем из дюжины самок и оплодотворив их за месяц, уходят затем в море. Они всегда могут вернуться, но при этом обычно сталкиваются с занявшими их место сородичами. Выяснение отношений, как правило, не затягивается надолго: поверженный зверь уступает место наиболее достойному, не прибегая в будущем к злонамеренной мстительности.

Что же касается родительских инстинктов, то они развиты у сивучей слабо. Самцы пекутся о своих детях немного, и имея столь внушительные размеры, сонные, либо в порыве бойцовского настроения при выяснении отношений с иными животными, нередко давят щенков, чаще всего даже их и не замечая. Однако сивучихи всё же более заботливы, чем самцы или самки котика. Они не только защищают детёныша от нападения, но и в случае надобности вытаскивают щенка из воды, если его смоев прибоем, а когда на лежбище появляется человек, то хватают своё чадо за шиворот, спускаются в воду и отплывают с ним на сотню-другую метров от берега.

Ко всему прочему следует добавить такой любопытный факт из жизни сивучей, совсем недавно прозвучавший громкой сенсацией благодаря сообщению американского эколога Джентри, суть которого заключалась в следующем: на одном из лежбищ островов Прибылова сивучи питаются ... щенками морских котиков! По наблюдениям этого учёного, в 1975 году общие потери щенков котиков вследствие поедания их сивучами составили в абсолютном выражении в три-четыре тысячи голов за сезон. С других мест совместного обитания сивучей и котиков, как, например, на острове Тюлений, подобных сообщений не поступало, хотя на каждом лежбище котиков всегда залегает некоторое количество сивучей, причём, немалое.

Чем вызваны такие пищевые отклонения именно прибыловских сивучей, пока неизвестно. Скорее всего, это не проверенные домыслы недобросовестного учёного, а щенки котиков в немалом количестве гибнут от больших североморских чаек и взрослых самцов, во время их драк с соперниками за своих самок и места на лежбище.

Вообще, образ жизни сивучей не позволяет им опуститься до заурядной осёдлости и, когда детёныши подрастают, звери отправляются все вместе в длительное путешествие по морю. Всю зиму нагуливают они себе жир и хорошее настроение, а спят прямо в воде, забавно повиснув в ней на боку и сложив вместе ласты. Глаза у них в такие моменты открыты, и от этого, кажется, что звери о чём-то думают. На самом же деле так сивучи

защищаются от своих главных врагов – касаток. На берегу же им не дают покоя люди...

У Германа Мелвилла в одной из книг рассказывалось о несчастном матросе, угодившем на необитаемый остров, где он спас свою жизнь, в конце концов, тем, что взял взамен жизнь другого существа. Когда на берег выполз большой сивуч, этот несчастный бросился на него, ударил его в шею ножом, а затем, припав к трепещущему телу животного, жадными глотками напился из раны крови, тем самым утолив жажду, мучавшую его несколько дней.

Другой моряк, выброшенный в шлюпке на такой же необитаемый остров, вообще не посещаемый судами из-за многочисленных мелей, убил уже двух сивучей и, содрав с них кожу, соорудил что-то вроде поплавка, с помощью которого перебрался на другой остров, где ему была оказана помощь. Находчивость человека и, главное, шкура известного морского животного вновь выручили его из беды.

Но если кому-то сивуч представляется совершенно добродушным и неповоротливым зверем, коего можно с лёгкостью добыть себе на пользу, то он, разумеется, окажется неправым, ибо разъярённый сивуч-секач – грозная сила! Да и сами посудите: вес «матёрого» самца порой достигает полторы тонны, а длина тела – 3,5 метра. Самки весят вдвое меньше и имеют длину тела до 2,5 метров при общей массе 350-400 килограммов. Когда видишь, как грузные сивучи возлежат на камнях, величественно задрав головы в сторону моря, то, несомненно, проникаешься уважением к этим самым крупным представителям семейства ушастых тюленей. Морские львы – лучше и не скажешь!

Сивучи – настоящие тяжеловесы, они очень тучны, и когда наблюдаешь, как звери с трудом передвигаются в прибойной полосе, кажется, еле-еле перемещая на передних лапах самую могучую часть тела, невольно пожалеешь животных, которые обречены на такой неловкий образ жизни. И всё-таки, как это ни странно, сивучи гораздо «изящнее» моржей – настоящих великанов прибрежных северных вод. Но речь сейчас не о них...

Мощная голова, огромная, чаще всего – разинутая пасть, удлинённые волосы на загривке у самцов-секачей, напоминающих гриву, вполне оправдывали в старину имя сивуча – морской конь, и разве могли тогда люди, при незнании ими природы вещей и многих явлений, представить себе такого великого зверя иначе?! На деле же, крупный морской лев оказывался просто сивым зверем, отчего и прозвали его «сивучем».

Как только подумаешь – «сивуч», так и представляется могучий свободный житель дорогих тебе северных морей. Его возможность жить так свободно, при огромном весе никому не досажая, парить в утробе моря, которое благоволит к нему, притягательна. Вот бы и тебе, думаешь ты, обрести этот долгожданный покой, навсегда соединив свою судьбу с удивительной морской стихией!

Унылые, серые от постоянных туманов берега... Мрачные тучи, скрывающие дальние мысы, вот-вот навалятся и на наше судно... Не покидает ощущение пустынного края, никому не нужного и оттого кажущегося заброшенным, но отчего-то хочется вглядываться в него, причём, не отрываясь, и резкое всхлипывание холодных волн в чёрных каменных расщелинах, как ни странно, убажает твою душу.

Забудешься так на неопределённое время, а когда придёшь в себя, то и не вспомнить – о чём были твои думы. Север зачаровывает своей гулкой тишиной, ты оказываешься словно околдован им, и приходишь в себя, только оказавшись на материке. Но по прошествии незначительного срока, мысли твои опять принимаются произвольно плутать над этими серыми скалами и низким небом, по цвету напоминающее эти мрачные утёсы, а потом неожиданно обрушатся на сердце, и оно начинает, неизвестно отчего, томиться.

Кажется, никого и ничего живого не существует здесь: одни камни, никогда не тающие в их углублениях льды и вечный покой. Лишь одичалые вскрикивания глупышей над ним оживляют эту сумрачную картину, без которой тебе почему-то никак не жить. Мне нравится, что в моей жизни однажды появился север, и я принимаю всё, что приходит с ним, думая о скупом и редком здесь солнце, въедливом запахе птичьего помёта на скалах, и неповоротливых, добродушных сивучах, горделиво, но без тени самодовольства перемещающих на скалах свои тучные тела. Суровый север вкрадчиво хранит в себе мои неясные думы о нём, а вместе с ними – покой зверей, и они, кажется, с благодарностью внемлют его безмерной силе.

«БЕЛУХА»

Вы бывали на севере? Если «да», то непременно усвоили, как внимателен север к человеку. Это только кажется, что он необычайно суров, на самом же деле – север неравнодушен ко всему живому, но он уважает сильных духом. Таких же сильных, как и он сам.

Как часто человек откладывает свою жизнь на потом! Вот, на следующий год уж обязательно отправлюсь на север, чем-то он меня манит, не важно – Сахалин это, Камчатка или Бристольский залив в Беринговом море. Там, на севере, всё представляется каким-то простым и надёжным, что только увидишь – и сразу полюбишь, в этом нет никаких сомнений, ведь даже солнце там особенное, и глядеть на него всегда приятно. Краски скудные, но ёмкие, запоминающиеся, с началом лета повсюду ещё плавают льды, а на горизонте, в воздухе неожиданно встают еле уловимые миражи...

Пахнет приятной прохладой и рыбой, по пустынным берегам белеет источенный ветрами и солью плавник. Будто останки неведомых морских животных... Кажется, ничего особенного не происходит, не на чем зацепиться глазу, а уже не хочется покидать этот берег, и до такой степени глубоко проникает он в сердце, что невольно думаешь: вот бы остаться здесь на несколько дней, половить мясистую кунджу или золотобокого ленка, разжечь костёр прямо на камнях, поставить палатку, а по ночам глядеть на разноцветные хвостатые звёзды, падающие с неба, и слушать, как всплескивает неподалёку от берега осторожная нерпа. Отчего-то тебе хочется породниться с этим вольным берегом, по крайней мере – унести его в памяти, потому что в разлуке, ты знаешь, тебе не обойтись без воспоминаний о севере и его неброских красотах.

Посмотришь в бинокль, и вдруг заметишь у горизонта переливающиеся на солнце белушьи спины, плавно утопающие в маслянистой воде и вновь возникающие на поверхности. Белухи будто бьют поклоны кому-то под водой, их размеренные движения на удивление слаженны и красивы, они просто завораживают твоё внимание, и тебе начинает казаться, что ты тут родился и вырос, до такой степени всё увиденное представляется родным и знакомым. А как сладко пахнет на севере неуютное, колючее, но отчего-то дорогое твоему сердцу море! Белухи в нём – самое трогательное его украшение.

Безмолвные берега дышат выброшенными в шторм крабами и водорослями. Но их гнилостный дух почему-то не вызывает неприятия, ласково кружит голову, и будто приподнимает над усыпанной серой галькой косой. Бесцветное небо, чуть тронутое блёклой голубизной, выгнулось над морем чайчьим крылом, и застыло, а в этой его безжизненной вышине бьётся упрямой стрункой глупыш-буревестник... Оголённое северное раздолье, но никакой удали: только вкрадчивое всматривание во всё, что происходит вокруг, вдумчивая размеренность и покой.

Но покой этот обманчив: точно так же, как север поманил вас в дальнюю дорогу, он может и забрать всякое желание противостоять ему, если вы не отнеслись к нему с почтением. Всё здесь проникнуто уважением ко всему суровому, силой духа, что, кажется, исходит от каждого камня, прибитого к берегу льда и истошного вскрикивания чайки. Не раз было замечено: когда долго находишься на севере, почему-то совсем не тянет в тёплые края.

Ты привыкаешь к северу, к его неброским краскам и скованной тишине, и этот покой не надоедает тебе. Его всё время хочется разгадать, это желание как-то подспудно теплится в твоей душе, и ты никак не можешь успокоиться, хотя внешне тебя ничто не раздражает. Тебе повезло, и ты оказался здесь, в краю непуганых птиц, среди безликих камней и неповоротливых морских львов: не каждому выпадает такая удача, и нет, конечно, никаких причин для печали.

Тебе не зачем думать о том, что ты совсем недавно оставил там, на материке, где тепло, светло и весело. Мечты твои исполнились – ты на севере, но что за необъяснимая, хотя и лёгкая тревога касается твоего сердца?

Какое-то внутреннее чувство и радости, и невыразимой грусти посещает тебя именно в том месте, куда ты давно и упорно стремился. Твои сердечные хлопоты сбылись, но вот сбивает радостное настроение непонятная кручина, будто ты в какой-то миг понимаешь, что и здесь тебе чего-то не хватает, и душа твоя устремляется ещё дальше, где только льды и нет птиц. Вроде бы, и жить там некому, а что-то влечёт туда неудержимо, и ты пристально вглядываешься в бездонные северные дали, будто надеясь почуять в них для себя какие-то добрые вести, и не можешь отвести взгляд...

И вдруг тебя пронизывает мысль, что не покоя, оказывается, просит твоё сердце, а чего-то иного, может быть, близкого твоему далёкому прошлому? И ничего, если выходит всё это у тебя немножко грустно. Главное, ты улавливаешь нечто необычное, отчего начинаешь прислушиваться к окружающей тишине более чутко, и даже вскрикивания морских птиц не помеха: они, наоборот, подчиняют тебя своему полёту, и душа твоя, безо всяких усилий, начинает парить над серым морем и фиолетовыми скалами, обретая абсолютно безмятежное состояние.

Но ты чувствуешь, что это уже не мертвенный покой севера, что почудился тебе поначалу, не только пронизанное холодом безликое и безмолвное пространство, а ещё и его мудрое вглядывание в тебя, отчего и лететь становится шире, вольготнее. И вдруг ты понимаешь, что необъяснимая грусть куда-то ушла, тебе не хватало именно вот этого отрешённого полёта над самим собой, когда хочется лететь неизведанно куда, ждать чего-то замечательного и ничего уже не бояться.

Хорошо, всё-таки, на севере... Больше юга любил я всегда именно север. И когда сейчас пишу о нём, то с неизбывной тоской вспоминаю, как выступают из тумана голые скалистые утёсы, притаившиеся под скалами глыбы сиреневого льда и фиолетовые тени в укромных расщелинах, и сердце

отчего-то переворачивается в груди, словно крохотный птенец конюги в каменной россыпи, неловко копошится и замирает в приятной истоме. Это значит, что солнце твоей жизни всходит именно на севере, ибо только он способен вызвать в человеке отвагу и решительность, и они никогда так открыто не проявятся на юге.

Но для того, чтобы увидеть красоту севера, ты, всё-таки, должен решиться отправиться туда, а для этого тебе может помочь только твоя собственная отвага. И тогда ты будешь поражён открывшейся тебе восхитительной картиной: нежной белизной безукоризненно отлитых природой тел чудесных морских животных – белух.

От увиденного тебе сначала становится необыкновенно радостно, затем твоё сердце охватывает стесняющая его тревога при мысли, как этим прекрасным животным, должно быть, холодно постоянно находиться в этой ледяной купели... Но потом ты понимаешь, что это – их родной дом, и беспокойство сразу уходит. Ты вдруг представляешь – какие у них, наверное, нежные животы, нежнее, чем у самых роскошных женщин: такие белые, бесконечно трогательные, неземные...

Белуха для меня и есть морская красивая женщина. Добрая тётушка... Или – девушка на выданье, что мила, скромна и пригожа, ей нет равных среди морских обитателей по красоте и обаянию...

Она есть чистая любовь Всевышнего и к морякам, и ко всем нам, людям, живущим во славу Господа, и к самой Природе. Белуха – это её нежность, если животное может выражать такое тонкое природное чувство, и эту нежность зверобои сотнями загоняют в невода и ... убивают. Как такое возможно?!

Мысли об этом никак не укладываются у меня в голове. Ведь больше всего поражает в белухе вот эта, совершенно открытая белая плоть, когда все другие китообразные, подстраиваясь под морскую среду, выбирают более сдержанные тона – чёрные, серые, коричневые и тёмно-синие, на худой конец – светло-голубые, они не обезоруживают себя, а стремятся слиться с окружающей их свинцовой, серой, тёмно-синей или голубой водой. Белуха выглядит так обворожительно открыто, что порой страшно на неё смотреть.

Белуха словно даёт тебе возможность запомнить её вот такой, и при этом ничуть не торопит, давая наглядеться собой. Ты восторженно, с замиранием сердца охватываешь взглядом её дивное белое тело, и не в силах его отвести. Так завораживающе и радостно белеет в синих волнах её нежный хребет, а уже в следующий миг белуха предстаёт перед тобой белой таинственной раковиной, и душа твоя начинает рокотать нескончаемым прибоем о неизвестных морях.

Безбрежно постижение этих чудесных морских далей, что сулит только радость открытия и внутреннее чувство глубокого удовлетворения от сопричастности с этим удивительным морским миром. А дарит его непревзойдённое по красоте белое тело белухи, что в своих округлых линиях и чистоте таит для мира спасительную негу. Недаром эти животные имеют

самый незащищенный в природе белый цвет, и ты счастливо поёживаешься при мысли о том, что тебе довелось увидеть это чудо.

Белее снега нежная белуха, ив этой своей незащищённой белизне она открыта всему миру, так что, кажется, не остерегается никого. Всем своим видом она будто проповедует любовь к жизни, ко всем её чудесным проявлениям, и тебе непременно самому захочется стать, хотя бы на короткое время, белухой, чтобы ощутить её удивительную свободу, когда ты никого не боишься и волен делать то, что захочешь. Нежна белуха своей ненаглядной белизной, и так, белоснежной красавицей, живёт. А кто красив, тот и бел.

В прибрежных водах Сахалина белуха встречается главным образом в северной части Татарского пролива, и лишь весной спускается в его южную часть, сопровождая такие голубовато-белые, как и она, льдины, что не сразу отличишь – где ледяные обкатные стамухи, лениво переворачивающиеся в стылой воде, а где – красивые грациозные киты. На севере белух называют ещё «белугами», и известное выражение «ревёт как белуга» относится именно к ним, а не к рыбе. Действительно, во время хода – белухи иногда отрывисто режут, и этот рёв несколько напоминает рёв быка и одновременно хрюканье поросёнка.

Белухи плывут медленно, со скоростью 8-10 километров в час. Обычно они следуют за стайной рыбой – горбушей и симой, особенно когда рыба подходит к рекам, и белухи поджидают её там, но происходит всё это подстерегание добычи у животных как-то уж очень спокойно, беззлобно, будто бы белухи и не думают нападать на устремляющихся на нерест лососей, и только хотят с ними позабавиться. Белухи не зря получили своё название за незапятнанную ничем чистоту своей кожи, и ещё какую-то нежность в натуре, которая, неизменно, их всегда отличает.

Кстати, чисто белыми белухи становятся только с пяти лет, у них хорошо выражена возрастная изменчивость окраски тела. Новорождённые сосунки, не превышающие в длину и метра, обычно – пёстренькие, с набором же веса и увеличением роста белушата постепенно светлеют, приобретая на короткое время даже голубенький цвет, а достигнув трёх-четырёх метров, молодые особи становятся сплошь серыми. Позднее, вследствие ослабления серых тонов, когда следы пигментации кожи незаметно исчезают, тело взрослых животных приобретает белую окраску. Возрастное изменение цвета кожи белух связано с ослаблением её пигментации, когда эпидермальный слой, по мере роста животного, постепенно утоньшается, вытягивается и рано или поздно сходит. К старости, а белухи проживают до 50-60 лет, постепенно стирается и белизна, отчего кожа животных, слегка, желтеет...

Чисто белая или слегка кремовая окраска взрослых особей – самое характерное отличие белух от других дельфинов. Ещё стоит отметить голову животных – короткую, округлую, с выпуклым лбом, почему-то создающим

впечатление натянутой на него каски. Вот и форма тела белухи имеет великолепно обтекаемую линию, спинной плавник отсутствует, а хвостовые лопасти изящно симметричны, с глубокой развилкой. Вообще, весь вид белухи вызывает чувство недоумения, удивления и радости, что такое чудесное животное сохранилось, его не выбили по причине легкой доступности, как корову Стеллера, и можно ещё, хотя бы изредка, наслаждаться этим непередаваемым зрелищем – белоснежным морским зверем, настоящей красотой севера.

Когда видишь, как белухи, молча, кружатся в зеленовато-голубой воде, словно воплощение самых чистых помыслов моря, то и самому на ум приходят чистые, лёгкие мысли, скорее, правда, напоминающие чаек. Душевным же переживаниям моря должны, непременно, сопутствовать именно большие белые животные, такие, как белухи. Белухи - изумительные существа, они обитают в прибрежной зоне северных и дальневосточных морей, в том числе – в Японском и Охотском, достигают в длину пяти-шести метров и относятся к подотряду зубатых китообразных и семейству единорогов... В общем-то, животные хорошо всем известны, но, тем не менее, мало изучены.

Когда-то белух в этих местах водилось великое множество и знаменитый исследователь природы Дальнего Востока В.К.Арсеньев, ещё в двадцатых годах прошлого столетия наблюдал в одном из полётов над Сахалинским заливом стадо белух, насчитывающее до десяти тысяч голов. Местные жители – гиляки, добывали белух ручными гарпунами со льда или караулили в устьях рек. Позднее, когда появились ружья, стреляли и ловили сетями, перегораживая ими небольшие речки после того, как звери заходили в них во время прилива. Когда же в отлив звери оказывались на мели – их кололи копьями и ножами. Однако при таком промысле белух добывалось немного, и носил он случайный характер.

Да и в самом животном много загадочного: зверобои не знают – в каких водах белуха появится в этом году и почему так упорно избегает те пути, которыми не раз ходила раньше. Белуха хорошо приспособлена к жизни в суровых условиях и отлично чувствует себя среди ледовых полей повышенной плотности, может переходить подо льдом до трёх километров и для дыхания ей вполне достаточно небольших разводий, а при необходимости она способна воспользоваться даже отдушинами тюленей. Благодаря большим запасам жира белуха долго остаётся без пищи, и поэтому, в отличие от большинства китообразных, она не уходит для деторождения в тёплые широты. Даже весь внешний вид белухи говорит о том, что это северное животное, взрослые особи которого не зря имеют чисто-белую, под стать здешним туманам и льдам окраску. И, может быть, именно по причине неприхотливости и приспособленности к суровым условиям, какая-то часть белух, на зиму, остаётся на севере моря, забитом льдами, тогда как немалое количество животных отходят на зимовку к югу. Нелегко проследить время и место зимовок этих удивительных животных,

для которых ледяная стужа – родная стихия, и белухи в холодных северных водах – их истинное украшение.

Удивительные это животные – белухи... Никто, действительно, не знает – когда и где они появятся, живут своей потаённой жизнью, никому особо не досаждая, ну, если только рыбкой полакомятся. Киты – те только и делают, что выискивают огромные косяки рыб, и всё время кормятся ими, а белухи, кажется, и не питаются ничем, существуя только для того, чтобы украсить собой море. Более деликатных и милых животных трудно себе представить.

Белухи, как и дельфины, очень дружны, также «разговаривают» между собой, недаром моряки издавна называли их морскими «канарейками», но в отличие от дельфинов ведут себя очень скромно, и необыкновенно ласковы друг с другом. Нежность белух, какое-то их трогательное отношение к окружающему их миру, проявляется во всём: даже будучи взрослыми – белухи плачут, как дети, когда их обижают или они сильно волнуются. Трудно вообразить, что они, как кашалоты, ныряют в таинственные океанские глубины, чтобы охотиться на гигантских кальмаров, а держатся ближе к поверхности, чтобы, наверное, оживлять своими белыми телами однообразие бескрайней морской стихии...

Белухи не более прожорливы, чем другие морские животные, к тому же охота у них, как уже говорилось, протекает совершенно незамысловато и не торопясь, я бы даже сказал по доброму. И, тем не менее, в общей сложности, они поедают не мало рыбы, за которой следует постоянно мигрировать. Преследуя косяки лососей, белухи подходят к берегу как бы волнами и, нагуливаясь на этих рыбьих скоплениях, они нередко устремляются в реку, а иногда поднимаются и вверх по течению. Известны случаи, когда белух наблюдали даже под Хабаровском, в тысяче километров от вод Татарского пролива! Именно поэтому добыть белуху не составляет особого труда, ловили её обычно у берега и главным образом – большими неводами.

Дело ещё и в том, что белухи – стадные животные, их глубинные инстинкты подсказывают им держаться всё время вместе, а основой такого стада является долголетняя семейная группа, состоящая из самки и её потомства разного возраста. Учитывая, что самка и детёныш очень привязаны друг к другу, малыш всегда плавает рядом, вплотную к телу матери, отчего часто создаётся впечатление, будто взрослая белуха носит детёныша на спине. Это неверное мнение промысловиков долгое время бытовало даже в научной литературе, и почему-то ни у кого не возникало сомнения: как может белушонок удерживаться на спине матери из-за отсутствия каких-либо приспособлений?! Но, как бы то ни было, привязанность животных остаётся на лицо, и держатся они вместе не случайно, что было издавна подмечено человеком.

Однажды мы работали в Беринговом море, в заливе Бристоль, и так получилось, что нашего капитана пригласили поучаствовать в охоте на белуху, от чего он, конечно, не смог отказаться. Капитан взял с собой ещё

трёх человек, в том числе – и меня. Помнится, предвкушение чего-то необыкновенного переполняло весь день, и то и дело охватывало тревожное, но сладостное чувство: идём на белуху!

Как оказалось, всё уже было подготовлено: рыбаки наладили невода, место загона оговорено, кунгасы просмолены, моторы отрегулированы, и оставалось только ждать. Успеем ли, ведь до отхода судна оставалось от силы день!

Белухи появились, как всегда это у них бывает, неожиданно. Старпом поднял нас чуть свет, и вот мы уже летим на боте с волны на волну, и некуда спрятаться от ледяного дыхания севера. Голый пологий берег сливается вдалеке с морем, и с каждым падением в очередную воронку воображается, будто он и вовсе погружается в воду. Изредка мимо борта проскальзывают грязновато-белёдые льдины, неловко переворачиваясь, еле слышно охают, и от этого их стылого, равнодушного присутствия хочется плотнее запахнуть и съехать на дно бота, что я и делаю, прислоняясь спиной к холодному пластику. И в то же время ощущение напряжения, важности происходящего не даёт покоя, и ты представляешь себе этих великолепных животных, и неизвестно чему улыбаешься.

Бот постоянно меняет курс, обходя льдины, берега уже давно не видно, но глубины здесь, даже далеко от суши, уменьшаются порой внезапно, отчего можно наскочить на камни. И надо же – именно это и происходит! Мы - в отчаяние, времени до отхода судна остаётся совсем мало, а тут такое...

В боте начинается оживление, перекрикивая шум мотора, стармех с бригадиром зверобоев призывают всех подняться и, что было сил, раскачивать борта, разделившись поровну. Но ничего толкового из этого не получается, мотор сбавляет обороты, и все устало опускаются на дно бота. Сидят тихо, разочарованно оглядываясь и не зная – что делать. А ветер дико задувает над пустынным морем, не на чем задержаться глазу, и вся наша затея поохотиться на белуху представляется бессмысленной...

Капитан нервно кивнул стармеху, и тот в раздражении заглушил мотор. Нас тотчас замотало на месте, волны остервенело шлёпались в борта, и в то же мгновение бессильно спадали. Я попросил у старпома бинокль, и стал выглядывать у линии горизонта присутствие каких-либо морских животных. По всему заливу были рассеяны маленькие льдины, так что поначалу я, было, принял их за белух. С океана, порывами, налетал безудержный стылый ветер.

И тут вдруг показалось, что кто-то призывно заревел в непроглядной морской дали, будто далеко в океане что-то случилось, но мы пока этого не видим. Всех внезапно охватила невнятная тревога: непонятное волнение передавалось от одного другому, оно неожиданно опять придало всем энергии, что позволило, наконец, сдвинуться с места, после чего стармех сходу запустил двигатель, и бот, хлётко разбивая носом ледяную волну, помчался мористее, всё дальше удаляясь от берега. По лицу деда было хорошо заметно, что он совершенно счастлив.

Старпом, криво улыбаясь, выхватил у меня из рук бинокль, и тоже принялся шарить им по раскинувшемуся перед нами водному пространству.

- А ведь не может такого быть, чтобы они не пришли! – не в силах сдержать волнение, обращается он к капитану. – Как думаешь, Иван Данилыч?

- А ну-ка, дай, Петрович, глянуть. Что это там такое? – забеспокоился капитан. – Наверде, как чтой-то белеет...

- Да, то ропаки – обломки прошлогоднего льда, - невозмутимо поясняет стармех.

- Нет, ты погляди! – не унимается капитан. – Какой год уже – и всё пусто. Ты чего молчишь, Макарыч?

Стармех на руле только посмеивается в усы.

- Раньше, конечно, веселее бывало...

- А я о чём?!

- Так ведь и промысел-то какой был, а?

- Это верно.

- Вот оттого труда теперича много, а добычи мало, - досадует стармех. – Только дураки, вроде нас, о ней и спорят.

- Эх, ловцы рыбные, люди гиблые! – подхватывает Петрович.

- Прав, Макарыч, - щурится капитан. - Только бы поглядеть на них сейчас одним глазком!

- А я видел в прошлом году целую семейку, - еле слышно подсказывает бригадир зверобоев.

- Да когда такое было?! – недоумённо восклицает Петрович.

- Ей, богу... И до чего, всё-таки, славные животные!

- Вишь ты, какой ловкий! – не унимается старпом.

- У нашего бригадира всё ловко, - степенно примечает Макарыч. – С молодю, понятное дело, в охотку всё ладилося, и зверь не переводился, а под старость – будто в неволю попадаешь: то, что было – след простыл, а нонче – одна тоска смертная.

- Как не крути, - неизвестно чему радуется старпом, - а охота – природа человека!

- Охотка-то, когда есть – сладко съесть, - вздыхает Макарыч. – Да только уж мордочка коротка.

- Бог приведёт, ещё поохотимся, - будто успокаивает его бригадир.

В боте воцаряется тишина, и только слышно, как недовольно перекатываются, шипят под днищем волны, да ошалело взвизгивает прямо над нашими головами большая североморская чайка. Вокруг море, редкие льдины и белёсое солнце, что, кажется, изнемогает от невозможности обогреть эту суровую северную землю.

Напряжение как-то сразу спало, все расселись вдоль бортов и на дне бота, уютнее завернувшись в меховые куртки, но каждый будто замер в предвкушении чего-то необычного. По всему было видно, что присутствующие не теряли надежды хотя бы увидеть редких морских

животных, и ждали появления белух. Ах, эти удивительные белухи, звери, неисповедимым божьим промыслом появившиеся миллионы лет назад, что до сих пор радуют наши взоры!

И вдруг – белухи! Не иначе, как именно для нас! И такое возбуждение внезапно охватило всех, что мы похватались за борт, скупились с одной стороны, и смотрим напряжённо, как из светло-зелёной, густой воды возникают и тотчас скрываются в ней белые гладкие туши...

Белухи держались небольшой сплочённой группой, почти беззвучно вспенивая сияющие на солнце бирюзовые волны. Шли они дружно, чуть ли не касаясь друг друга, так что невозможно было сразу разглядеть – сколько их в стаде. Мне хотелось более тщательно рассмотреть хотя бы одну из них, но только я выхватывал взглядом какую-нибудь белуху, как она тотчас, коротко взбулькнув точёным хвостом, скрывалась под водой, стараясь, наверное, быстрее скрыться от нашего преследования. Впрочем, движения животных были так величавы, что на ум приходило только одно: белухи совсем никого не боятся, а просто следуют своей неведомой морской дорогой, не обращая на нас никакого внимания.

Красота их сразу показалась какой-то необычной. Во-первых, ослепительная белизна, что представлялась уже более яркой, чем окружающие их льдины. Затем – неожиданно крутолобая голова, какой не обладал ни один из китов или дельфинов, и, глядя на неё, мысли действительно уносились в первобытные времена, в какой-нибудь триас или миоцен, когда на земле ещё и человека не было, а белухи были.

С тех пор они, должно быть, никак не изменились: по-прежнему – недоступные и прекрасные, без каких-либо усилий устремляющиеся в морские дали. Великолепные существа с блестящей атласной кожей, ведущие в холодных северных морях свою непостижимую для человека жизнь. Наверняка, они очень умные и смелые, и, конечно, с великодушным доверчивым сердцем, после чего в который раз подумалось: как же их можно убивать?

Старпом, раскорячившись у борта с биноклем, заполошно замахал руками и сдавленно заорал:

- Ну, ты видел, а? Гляди, как идут, не дрогнут... Нет, ты наблюдал когда такое? Каковы!

От возбуждения он чуть было не свалился за борт.

- Эх, ребята... Такие красавицы повинуются лишь божьей воле!

- У человека – воля, а у животного – побудка, но без Господа тут не обошлось, это верно, - соглашается Макарыч.

- Дай этим зверям волю – они и две возьмут! – радостно восклицает капитан.

- Воля для них – сам Бог! – будто пытаюсь убедить всех в какой-то своей сокровенной правде, не унимается старпом.

- И как по ним палить из всех пушек? – подстраиваясь под душевные стенания старпома, заключает стармех, обращаясь к бригадиру зверобоев.

Бригадир только криво улыбается.

И действительно, какими ничтожными кажутся все эти слова в сравнении с прекрасными животными, только что проследовавшими перед нами! Как говорится, дай человеку волю, тотчас заведёт его в неволю, которая ничему не учит...

- Вольному воля, а спасённому рай, - облегчённо вздыхает старпом после того, как белухи, развернувшись у горизонта, дружно устремились по проливу, на север. – Экое чудо! Сами не знают – как они хороши...

Только на короткий миг показываются они на поверхности, так что стараешься успеть выхватить какую-то важную подробность их тела, образа жизни, привычки, но происходит всё слишком быстро, и белухи с ласковым всплеском скрываются в глубине. Прекрасные неведомые существа, несущие в себе нечто невыразимо первобытное, чужое, и, тем не менее, доступные, отчего-то даже родные. И чудилось в них ещё что-то от тех земноводных, которые жили давным-давно, может быть, они выходили на берег... Или тогда земли и вовсе не было, и всё находилось под водой?!

Мы не могли налюбоваться на это восхитительное зрелище. Позабыли и про то, что сели на камни, и что белухи минуют невода, уходя значительно мористее, и что надо бы сообщить на другие боты – где сейчас следуют животные, и все лишь смотрели и радовались тому, как белухи прекрасны! Гладкая, как атлас, белая кожа переливается радужными отсветами, её непременно хотелось погладить, дотянуться рукой, хотя бы мысленно...

Все, открыв рты, замерли в самых неподходящих позах, не в силах постичь – что требуется от них в данной ситуации, а бригадир зверобоев неистово замахал руками людям на соседнем боте, подавая знаками – чего им следует предпринять. Но белухи, плавно шевеля идеальной формы хвостами, неспешно, но стремительно несли свои упругие тела в водной толще, постепенно скрываясь от наших взоров, подалее от загонов, что приготовили для них люди, и я молился за то, чтобы все они остались живы. Слава Богу, что мы не могли догнать прекрасных животных в их непостижимой и неподвластной для человека морской жизни...

Это удивительно, но белухи – единственные представители из мира морских животных, кто может выражать свои эмоции с помощью мимики. Увидеть доброжелательно улыбающуюся белуху довольно просто: достаточно приблизиться к ней, но только при условии, что вы точно так же, доброжелательно, будете настроены к ней. Белуха тогда непременно одарит вас своим чутким вниманием, только не обижайте, пожалуйста, белуху!

Как поднимаются над водой белые спины – вы лишь радуйтесь, наблюдая за ними, ничем не беспокойте. Помните, что у вас одно дело: у моря сидеть и на него глядеть, ничего не упуская. Это только на первый взгляд, кажется, что в нём ничего не происходит: вода спокойна, солнце сияет, горизонт чуть вздрагивает... Но если сидеть неподвижно, даже – оцепенело, обязательно покажется на поверхности усатая нерпичья морда; красноносый топорок, откуда бы ему, казалось, взяться, вдруг вынырнет с

зажатыми в клюве песчанками, и устремится к берегу, в свою норку, чтобы накормить беспомощных птенцов; из-за угрюмого мыса, как-то незаметно, появится рыбацкий катер, что непременно зарывается носом в волну, и будто остаётся на месте... Переведёшь взгляд на купающегося в вышине глупыша, отрешённо наблюдаешь, как он совершает свои отчаянные броски к самой поверхности воды, а когда опять взглянешь на катерок – его уж и след простыл: покачивается чёрной точкой у самого горизонта. И мысли твои опять возвращаются к белухам...

Когда-то, давным-давно, кто-то первым назвал это животное «белухой», и так с тех пор и пошло. Надо же – совсем белый зверь в синем море! Ладно бы он только во льдах одних держался, ничуть не отличаясь от них, а то ведь ещё и летом, и осенью, и весной бесстрашно обозначают своё восхитительное присутствие в морской синеве чудесные звери, хотя и в эту пору льды подолгу не покидают воды Охотского моря, и, тем более, Берингова пролива...

Белизна белух необыкновенно их оживляет. Наблюдать за ними – одно наслаждение. Жаль только, что это не может продолжаться вечно...

... А над морем вдруг выгнулась широкой лентой радуга, рванулась высоко в небо, будто гигантская чайка, и замерла там нежным отражением ненадолго показавшихся над водой белых чудесных тел, с шёлковым плеском разрезающих волны. Робкое солнце неожиданно показалось из-за облаков, и его слабые блики высветили далеко впереди белые, чуть ли не женственные бугорки над зелёной водой, которые всё удалялись, и вскоре совсем исчезли из виду, как будто их и не было. Белухи следовали своей необъяснимой дорогой, на север, к ещё более суровому Ледовитому океану...

«МАТУШКА-НЕРПА»

Ничто так не влияет на человека, как устремлённые на него глаза другого живого существа, не важно – человек это или животное, отчего в душе его сразу рождаются неясные чувства и думы. Человек вдруг вмиг понимает, что ему открывается какой-то иной мир, со своей красотой и тайной, на которую, как и на солнце, не всякий во все глаза взглянуть сможет, и оттого он их тотчас опускает, точно увидев в них неопишущую чистоту или глубину. А иной раз устремлённые на тебя глаза так очаруют, что ты не в силах отвести от них взгляд. Это и произошло у меня однажды с одной ... нерпой.

Нерпа высунулась тогда из воды в двух метрах от меня, и приковала к себе своими огромными чёрными глазами. Открытость этого взгляда тотчас поразила, и мне вдруг показалось, будто нерпа никак не насытится им, заглядывая в самую душу. Ровно перебирает всего тебя по косточкам, от этого проникновенного взгляда не укрыться, но откровение это не утомляет, а наоборот – вынуждает и тебя самого распахнуть сердце. В глазах нерпы я увидел истекающее из её души спокойствие, чуточку настороженное внимание: что-то неизведанное, ранее оно ещё не встречалось, появилось в поле её зрения, и нужно убедиться, что оно не опасно.

Нерпа осторожно внимала увиденному, со своей стороны не желая доставлять беспокойства, и когда я встретился с ней взглядом, то сразу понял, что смотреть такому чуткому морскому зверю в глаза, значит, выражать своё повиновение: нерпа берёт тебя им за душу. В этом тёмном взгляде неслышно проплывали дикие морские звери, вскрикивали неведомые птицы, а морская тьма исподволь поднималась откуда-то из глубины, ненавязчиво всего тебя окутывая, даже – усыпляя... В больших чёрных глазах зверя стояла бездонная темнота, но прежде – свет, потом уж только неизведанная темень... Чернотой своего взора, нерпа, как ни странно, оживляла морскую глубину, наполнила её для человека духом самых дерзновенных исследований и открытий.

Засмотришься на такие пытливые глаза зверя, с их неизведанной темнотой, а нерпа ими незаметно поведёт, ровно, как женщина, когда она мужчину завлекает, и тут же плюхнется перед тобой под воду. Что в этой темноте может ожидать человека – никто не знает, но мне почудился интерес, и даже – робкое умиление, с каким она со мной попрощалась. Так я подумал, нерпа же через несколько мгновений вынырнула вновь, мягко фыркнула в усы и удивлённо воззрилась на меня, будто увидев впервые... А я вдруг почувствовал, как темна, наверное, для неё самой её душа... Она манит через эти бездонные чёрные глаза, пьянит своей глубиной, и, кажется, влечёт тебя на дно глубокого колодца, имя ему – таинственное море...

Нежная темнота нерпичьих глаз туманит дух своей необъяснимостью: зачем морскому зверю в сумрачном подводном мире такой проникновенный,

щемящий душу взгляд? Ты смотришься в эти глаза, в волнении пытаешься разглядеть в них пленительную неисчерпаемость, и всё-таки они остаются непостижимыми. Будто бы это и печаль необъятная, и милость, что не ведает счастья нахождения в этой морской купели, отчего и глаза нерпы захватывают своей бездонной чистотой, отражающейся в безбрежном чёрном цвете...

Но не всё то чернит, что чёрно. Чернота в природе, чаще всего, выражает тревогу и печаль, нередко – гибель, а нерпичьи чёрные глаза, действительно, смотрят так, будто любую прихоть твою готовы исполнить. Сладостное забытие охватывает тебя, когда встают перед тобой из-под воды эти нежные глаза со своей всеохватной притягательной чернотой.

С чёрными глазами у женщины в народе почему-то больше связывали беду, нежели радость. «Чёрный глаз, карий глаз – минуй нас!» - часто можно было слышать среди людей. И если женщина выплакивала, то непременно чёрные очи.

Чёрные глаза слыли самыми таинственными и загадочными: в них пугала темнота, что была темнее ночи. Чёрным взглядом можно было укротить любую нечисть, и только им наводили на неугодных людей хворобу. В некоторых глазах чернота была сродни слепоте, потому что в них светилась чёрная зависть.

И правда, глубина чёрных глаз рождает в сердце неприкаянность, какую-то неизъяснимую тоску. Кажется, и обойтись без неё уже почти невыносимо, и убежать нет сил. Безотчётно летишь в чернь этой ямы, так глубоко чёрные глаза своими чарами: чернота женского взгляда сильна и необъятна.

Иногда эта чернота замирает в женской душе выпуклым лошадиным взглядом – вот-вот встрепетается и понесёт. А то вдруг затуманится неутолимой томностью – вроде, обещает открыть свою самую сокровенную тайну, но не открывает. Не сучок, а пропасть видится в ней, и пока не окунёшься – не успокоишься. Конечно, с чистотой и прозрачностью женских глаз на ум, чаще всего, приходят цвета весёлые, радужные, но хороши по своему и чёрные очи: в них таится своя красота.

Бывает, в темноте женских глаз чудится задор... И тотчас забываются опаска и увещевания знающей бабки, что черница счастья не принесёт. А ликующая смоль ещё более пьянит, всякая болезнь спадает с души, и даже забываешь синий с голубым цвета.

Перед собой видишь только сладкий чернослив... Со свежесозревшей, упругой кожицей и дивной мякотью плода. Это – фруктовый взвар долгожданной близости с женщиной, в которую влюблён мужчина.

А как же воспринять черноту нерпичьих глаз? Такую трогательную необъятность чего-то не востребованного никем, что и сама нерпа не знает: во имя чего она такой создана? Это не глубокий взгляд женщины, вразумляющий трепетно отнестись к её глубинной тайне, а нечто иное,

совершенно необъяснимое, но именно поэтому, должно быть, не можешь наглядеться на нерпичьи глаза.

Одни нежные чувства вызывает этот морской зверь, что и зверем-то назвать язык не поворачивается: трогательное дитё моря, нежная матушка-нерпа... С таким существом и обращаться пристало только с нежностью, уж никак не расправляясь с ним из-за нежного шелковистого меха, что лишь слабое отражение милого существа. Весь вид нерпы понуждает её любить, быть обходительным в обращении с ней, как и она обходительна в отношении окружающего её морского пространства. Много в море хороших зверей живёт, а такого милого, как нерпа, нет.

Вот и смотрит нерпа, будто глазами ласкает. Не глаза, а глазища! Глаза у нерпы и говорят, и слушают, и чувствуют, они дороже её бесценной шкурки, и несут в себе невиданную нежность: где мило – тут и трогательные нерпичьи глаза.

Но не глаза у нерпы видят, а душа, они лишь её отражение. И до чего же эти глаза чуткие и трогательные, что в мгновение задевают за живое! Они, конечно, устроены такими для того, чтобы нерпа могла свободно ориентироваться под водой, она проводит в ней большую часть своей жизни, как и каланы, и котики, и сивучи... Но ни у кого из них нет в глазах такой трепетной открытости, нежности и глубины, как у нерпы.

В выражении всяких и всем известных чувств – нежность самое сердечное, и оно в полной мере может быть свойственно такому чудесному зверю, как нерпа. Вернее даже, детёнышу нерпы – бельку, что представляет собой совершенно очаровательное создание, и вводит в неопишное умиление. Только однажды взглянув на белька, его тотчас хочется окружить заботой и лелеять. Глаза белька, кажется, огромнее его самого, и так обезоруживающе трогательно, с самого рождения, внимают к миру, что невозможно не проявить к нему душевную чуткость.

Самые нежные чувства вспыхивают в душе, когда вглядываешься в эту девственную чистоту милого зверька, уже с самого рождения содержащую в себе глубинную тайну и моря, и всей Вселенной. Белёк, только появившись на свет, кажется, знает об этом мире всё, и несёт в него только ласковое и доброе. Тельце беленькое, а глаза, хоть и чёрные, но безумно чистые и огромные, как этот прекрасный мир. Нет в них ничего худого, и белёк родился только для того, чтобы радоваться жизни в согласии с другими существами, в том числе – и с человеком.

И у мамы, и у детёныша глаза, действительно, такие выразительные, что, кажется, не только открыто взирают на тебя, а просто кричат! Как будто эти существа пришли из другого, более гармоничного мира, с удивлением, порой – даже с ужасом взирая на этот, очень жестокий... Отчего он такой? – трогательно недоумевают чудесные нерпы...

Неслучайно детёныша нерпы отличает именно беленький цвет, ничем не запятанный и первозданный, он ровно первый снег. Цвет, выражающий девственную непорочность, олицетворяющую собой исконную чистоту

Существования, из которого родилось всё. Белёк даже белее и снега, и льда, на котором появляется в марте, он безупречен в отображении того, каким должен быть радостный для всех мир.

Именно в начале весны взрослые самки устраивают тесные залёжки на ледяных полях, неподалёку от берега. В случае, если во льду отсутствуют естественные разводья, нерпы проделывают в нём лунки, и через них выходят наверх. Лунки имеют округлую форму, в точности повторяя форму тела тюленя, и, оказавшись на льду, самки рожают детёнышей.

В течение двух-трёх недель они вскармливают их жирным молоком, отчего малыши растут необычайно быстро, поправляясь, каждый день, на 2-3 кг. Где вкусное мамино молочко – тут тебе и любовь. Всё у белка есть для того, чтобы становиться красивым морским зверем, оправдывая тем сердечную привязанность к нему матушки-нерпы...

Правда, шкурка новорождённого белька не белая, и в первые дни имеет желтовато-зелёный оттенок. Причина тому – долгое воздействие околоплодной жидкости в материнской утробе. Поэтому только что появившегося на свет детёныша называют «зеленцом».

Лишь через несколько дней его мех приобретает белый окрас, и маленький тюлень становится бельком. Пушистым и белым он остаётся несколько недель, пока питается молоком матери. Потом мама оставляет детёныша, после чего мех его начинает линять, и вскоре становится гладким и серым.

Белёк – благодать Божья, подарок Господа и напоминание о том, как трогательна и прекрасна созданная Им природа, и как мы должны ценить дарованную нам возможность радоваться, любить и созидать. Так зачем же мы этих чудесных, похожих на нас животных преследуем и убиваем?!

Кстати, одна из самых неожиданных особенностей нерпы заключена в том, что она может приостанавливать беременность, когда обстановка для неё неблагоприятна. Эмбрион прекращает развиваться, но не погибает и не разрушается, а просто впадает в анабиоз, который длится до следующего брачного периода. И тогда нерпа рождает сразу двух детёнышей.

Происходит это в жизни нерпы именно по необходимости, а вернее – по её удивительной чуткости, когда нерпу что-то сильно тревожит, и она не в силах позволить себе произвести на свет малыша, уже заранее заботясь о его благополучии. Мало того – беременность нерпы длится 11 месяцев, удивительное событие в существовании животного мира, и это не может не отразиться на таком радушном отношении к своему последышу, когда усердные хлопоты по его появлению на свет становятся ещё более беспокойными. Забота в сердце матушки-нерпы никогда не прекращается, и она его не сушит.

Если вдуматься, то у всякого зверя можно углядеть много необычных черт, присущих именно человеку, и, наверное, только поэтому он эти черты с удивлением для себя отмечает у животных, принимая их проявление, как нечто необыкновенное. Но так ли это? То есть, почему бы какие-то

особенности, всегда отличающие и человека, не могут принадлежать и зверям? И когда это осознаёшь, то до тебя тотчас доходит: мы все очень похожи, и любое проявление знакомой нам черты в поведении зверя воспринимаем, порой, чуть ли не с радостью.

Взять, хотя бы, как нерпы передвигаются... На первый взгляд несколько неуверенно выбравшись на лёд, нерпа поначалу озирается, подслеповато оглядев окружающее пространство, и в удовлетворении всхрапывает, мотнув блестящей головкой. Кажется, она не знает, что ей предпринять, и, уцепившись острыми коготками за лёд, пытается бросить гибкое тело то в одну, то в другую сторону... Двигается она по льду, опять же, как-то неловко, кажется, ей с трудом даются передвижения, ровно это не выспавшийся человек, что не ведаёт – какие действия ему необходимо предпринять после неожиданного пробуждения...

Осуществляя передними лапами, одновременно, короткие толчки, нерпа изгибает тело то вправо, то влево, набирая, таким образом, более быстрый темп. И вот, как-то вся преобразившись, скользит уже по прямой, продолжая попеременно отталкиваться передними лапами, причём, задние конечности при этом никак в движении не участвуют, просто волочась по льду, но на них не обращаешь внимания. Смотришь только на то, как нерпа скользит, словно на саночках, по блестящей ледовой поверхности, разгоняясь всё быстрее и быстрее...

Порой нерпа так разгонится, что уже не остановиться: вертится на брюхе вокруг себя, колесом... Если увидишь такую картину, когда и небо синее, и мартовское солнце светит во все лопатки, и лёд белоснежный, а нерпы – серо-коричневые, то обо всех своих горестях позабудешь. Глядишь, не отрываясь, как, замерев в вынужденных неповоротливых позах, плывут по белому полю довольные нерпы, а про себя подумаешь: вот бы и мне катнуть так, только ещё пошибче, во весь дух!

Каковы нерпы сами, таковы у них и сани. Закрывают глазки и катятся, как на салазках... Чудесные северные игры – нерпичье катище на саночках! Разуме мы и звери во всех этих устремлениях не похожи?!

Имея такой гладкий мех и плотное тельце, нерпам одно удовольствие скользить по ледяному полю, что кажется бесконечным. Издали представляется, будто это детки выбрались на лёд, чтобы устроить весёлую забаву. А когда затихнут – укладываются под солнышком на бок, задрав хвосты, и щурятся от удовольствия в усы. Мордочки их выражают полное довольство!

Но что же наш нерпёнок? Случается, что он, по какой-либо причине, отбивается от матери, и если мама-нерпа начинает его разыскивать, то двигается по его следу, время от времени издавая переливчатый, подрагивающий звук, напоминающий слияние двух одинаковых тонов, вернее сказать, трель... Какую-то неопишимо приятную, не слышанную ранее тонкую музыкальную дрожь, укротно повисающую в морозной чистоте пронизанного запахом моря воздуха. Всё равно, как засвистел

неизвестно откуда взявшийся северный соловей, а нерпа услышала неведомую ей мелодию, она ей понравилась, и попыталась повторить её. При этом нерпа озабоченно скребёт когтями снег, и всё тягуче посвистывает, зовёт малыша, заводит свою ненадоелливую томительную мелодию. А детёныш, заслышав мать, испускает протяжное и жалобное – «ма-а-а, ма-а-а, ма-а-ма...»

Трогательная песенка малыша, призывающего маму, одна из пленительных черт, присущих этим милым существам, будто пришедшим к нам из иного мира. Она не похожа ни на бляение ягнёнка, ни на требовательное попискивание оленёнка, а скорее – на умоляющую просьбу человеческого дитя оказать ему, наконец, недостающую помощь. Но это не плачь, а трепетный зов, по существу своему такой искренний, чистый, что увидев ещё и беленькую шелковистую шубку, и огромные чёрные глаза, всё в тебе встрепенётся от нежности, и вынудит прослезиться от неё. Белёк, конечно, умоляет маму поскорее отыскать его и покормить вкусным молочком, но не жалуется при этом, и уж, тем более, не винит никого в своём маленьком горе, вот что удивительно, а делает это как твой ребёнок, чем вызывает искреннее изумление.

Звуки в мире природы отображают её первозданную божественную чистоту, и та нежность, с какой только что родившийся нерпёнок взывает к маме, есть вся суть отношения к этому чудесному жизненному пространству, где все мы – едины. Звуки природы как будто взывают именно к человеку быть заботливым и чутким ко всему, что его окружает, не обходя вниманием ни единую живую былинку, ибо кто малого не ценит, того и Бог не бережёт. Хочется слышать эти звуки, не прерываясь, не забывая повторять: позвучали бы они ещё!

Когда у нерп начинается сезон размножения, как уже говорилось, происходит это в конце февраля – начале марта, взрослые самки образуют большие залёжки на ледяных полях. Но если естественные полыньи отсутствуют, нерпы умеют проделывать продухи – отверстия во льду, и через них, скребя когтями передних конечностей, выходят на лёд. Сверху – шапка из снега, а под ней – продух.

Обитая в холодных морях и охотясь за рыбой, нерпа часто выбирается на льдины, чтобы отдохнуть. Толстый слой жира, конечно, надёжно предохраняет тело морского зверя от потери тепла, но нерпе необходим воздух, и она вынуждена иногда оставлять воду.

Совместно несколько нерп способны именно «продышать» лунку... Работая как-то у берегов Симушира, местные рыбаки рассказали нам, как нерпы это проделывают. Животные собираются вместе, порой – до 6-8 особей, и, уткнувшись мордами в лёд, обычно они выбирают для этого какую-нибудь трещину, дружно втягивают и выдыхают воздух.

Своим дыханием, от которого подо льдом образуются пузыри, нерпы протаивают лёд со стороны воды. Через несколько часов в этом месте образуется лунка, а уже затем животные, с помощью когтей, доводят её до

более свободной полыньи. Такое открытое во льду пространство для нерпы – растворённое в мир окно, без которого это морское животное не может обойтись.

Вот и получается, что дыхание и лёд, казалось бы, совершенно не подходящие друг другу понятия, но они, между тем, совмещаются в жизни нерпы, и, мало того, составляют чуть ли не всю её суть. Вода с ледком для нерпы в зиму не в диво: где одна вода лёд положит, там другая вода и дыхание нерпы его снесёт. На том и стоит обходительная с любой бедой матушка-нерпа!

Море дышит, нерпа дышит, вздымается и падает невидимая грудь Вселенной, и всякое дыхание хвалит Бога, а мы, люди, должны быть счастливы от всего, что происходит вокруг. Каждому из нас необходимо задуматься – каково ему самому дышится: легко ли, а может – с одышкой? Не сразу научишься вдыхать божественную энергию вкрадчиво, с мудрою расстановкой, потому как поначалу очень просто задохнуться от отсутствия знаний, но нужно обдышаться, как это делает нерпа, когда пробивает себе во льду «продух», и уж потом вдохнуть с радостью полной грудью. Именно этого ждёт от нас чудесная Вселенная!

Было бы непозволительно не упомянуть о нерпах, как о великолепных пловцах... Плавать, резвиться в прибрежной полосе диких дальневосточных островов для нерпы одно наслаждение. Это видно невооружённым глазом, если вы оказались в тех местах, где обычно обитает нерпа. Животное именно радуется своему пребыванию в вольготной морской среде. Нерпа – непревзойдённо быстрый и ловкий пловец, что ныряет на глубину до 200 метров, и находится под водой до получаса. Море для нерпы – её родимый дом.

Всего в море в достатке, и что по нему и в его глубине плывёт, то Бог даёт. А нерпы в нём – непревзойдённые пловцы, родившиеся только для того, чтобы парить в его синеве неустанно. Играют в воде, плещутся, то и дело всплывая и на мгновение выплывая толстенькую спину колесом, и опять скрываются в глубине. Всё время думаешь, что это одна нерпа, а их, оказывается, несколько, и все похожи, как две капли морской первозданной воды. Вода – всему господин, тем более – морская, её и огонь боится, а нерпу в её чудесной купели никому не унять, она – дитя моря, и море для неё – единственная и любимая отрада.

Часто можно увидеть, как нерпы лежат и на берегу, изогнувшись, как лодочки, именно по этой позе их можно отличить от других ластоногих. Ещё они очень любопытны, и всегда реагируют, когда рядом с ними что-то происходит. Двигаетесь вы на боте вдоль береговой полосы, и тотчас покажутся из-под воды усатые морды, с интересом разглядывающие ваше судно. Первое впечатление, что это легководолаз в обтекаемом шлеме вынырнул и смотрит на вас с недоумением: кто это потревожил его за ответственной работой? Поначалу воспримешь нерпу именно за человека, непонятно по какой причине оказавшегося здесь, где, конечно, сейчас никого

из людей быт не должно... И лишь по усатой морде определишь: это – нерпы.

Бывает, нерпы высовывают головы прямо под бортом, и при этом несколько не боятся, а больше выражают удивление, забавно топорща усы. Но, не заметив ничего, что может действительно их заинтересовать, исчезают под воду, возвращаясь к своим делам. Их тотчас сменяют другие животные, и так продолжается до тех пор, пока мы не высаживаемся в какой-нибудь из бухт. Правда, нерпы не упускают нас из виду и тогда, подплывая порой почти к самому урезу воды, и как поплавки показываются то в одном, то в другом месте, явно, не до конца удостоверившись в нашей безопасности.

Невозможно представить ни один из островов северо-западной части Тихого океана без этих славных животных. Встречаются они и у мыса Крильон, где я и познакомился однажды со своей нерпой. Мы тогда проделывали привычную для нас работу по замене подводной части мареографа... Но всё по порядку.

До того, как вся эта история с нерпой произошла на Крильоне, я встречался с нерпами неоднократно, ибо работа наша была связана с морем, и животные попадались нам постоянно. Они то и дело посещали остров Тюлений, когда мы производили на нём забой котиков; ранней весной, с зоологами, нам привелось проводить учёт нерп на острове Онекотан, где располагалось их лежбище; да и в экспедициях от ТИНРО по Татарскому проливу, когда приходилось производить съёмку нерестилищ сахалино-хоккайдской сельди, животные не оставляли нас без внимания... И вот, мы оказались у южного мыса острова Сахалин – Крильон, вернее, на нём, чтобы осуществить починку подводной части мареографа, самописца уровня моря.

О мареографе в этой книге написано уже достаточно, и я остановлюсь на главном. Сама по себе работа по профилактическому осмотру и ремонту трубы с оголовком не представляет ничего сложного, если исключить, что для начала необходимо разобрать валуны, которыми труба завалена под водой. Шторма безжалостны ко всему, что находится неподалёку от берега, хотя и на глубине.

Тоже самое можно сказать и об оголовке – металлической клетке, два на два метра, фиксирующей оконечность трубы. Для остойчивости оголовка, опять же, чтобы уберечь его от волнения на море, клетку заполняют мешками с цементом. К этому не мешает добавить разбор трубы на части, когда она будет освобождена от внушительных валунов, транспортировка её на берег, и замена на новую, которую нужно собрать, завалить этими же камнями, в точности повторив операцию и с оголовком. Учитывая неблагоприятные погодные условия, свойственные этим местам, мы рассчитывали провести на мысу почти всё лето.

День, помнится, выдался ясный, солнечный. Под водой, на песчаном дне, красовались ярко-синие патирии, сиреневые амурские звёзды и бордовые эвастерии. На фоне островков из изумрудного филаспадикса с

зостерой они выглядели яркими причудливыми цветами. Казалось, протяни руку – и звезда твоя.

К слову заметить, особенности мыса Крильон таковы, что на расстоянии 3 кбт мыс окаймлён частично обсыхающими рифами. При волнении над рифами образуются буруны, а при спокойном состоянии моря над ними заметны сулои, иногда они распространяются на 2 мили от мыса. Глубины неподалёку от мыса не превышают 5-7 метров, но дальше – резко обрываются до нескольких десятков метров.

Часто играющие нерпы, и даже дельфины, заходили в эти рифы в полную воду, и будто наблюдали за нашей работой, проявляя явное любопытство. Правда, только под водой, кружась неподалёку, но на поверхности приближаться опасались, высовывали свои усатые морды и пристально разглядывали нас своими огромными чёрными глазами. Всё время казалось, будто им не терпится о чём-то расспросить нас, а может быть нерпам просто хотелось пообщаться, и они, таким образом, выказывали свою доброжелательность. То, что нерпы очень милые, против своей воли, одним своим видом вынуждающие относиться к ним с большой симпатией, ни у кого из нас не вызывало сомнений.

Морда нерпы, действительно, выражает только кротость и доброжелательность, еле сдерживаемое желание пригласить тебя поиграть с ней, хотя бы немножко, после чего складывается впечатление, что ей сейчас отчего-то одиноко. Она пристально смотрит на тебя, будто призывая всё бросить и пуститься с ней в подводный пляс. Нерпе, видимо, некуда девать накопленную в себе энергию, и ей очень хочется этой энергией с кем-нибудь поделиться.

Подобное поведение, конечно, присуще только милому и доброжелательному существу, никому не приносящему каких-либо переживаний. Милость – свойство доброго существа, наделённого природой к радушному расположению духа, склонному к благому существованию на благо себя и окружающих, и милость нерпы – поражает. А более всего то, как богат Бог милостью, адресованной всем живущим на свете созданиям. Ведь если одному милость, то всем обида, а Господь ею всех оделил.

Вот и моя нерпа, о ней я уже упоминал в начале этого рассказа, вдруг совсем рядом показалась из воды, и, замерев, сосредоточенно воззрилась на меня. Она даже не пыталась исчезнуть: что-то удерживало её от того, чтобы сразу испугаться человека. Нерпа, видимо, не решалась на это, и, вроде как, чего-то ждала. Я не сразу это понял, и, очарованный глазами зверя, тоже не в силах был отвести свой взгляд.

Нерпа с большим интересом продолжала рассматривать меня. Вернее, я это уже позже понял, самым пристальным образом вглядывалась в мои глаза, но ненавязчиво, и не из простого любопытства, а ровно желая удостовериться в чём-то важном для себя, и заключалось оно именно в моей персоне... Так мне почудилось, и от подобного внимания со стороны дикого

морского зверя, душа словно встала на своё место, я бы даже сказал – очистилась.

К тому же, был я в лёгководолазном костюме «Садко», имеющего жёлто-чёрный контрастный цвет, руки – в неопределённых перчатках, на голове – маска, и я тоже замер, с интересом разглядывая свою неожиданную соседку. Умилительная то была, наверное, картина: подводный пловец, только поднявшийся из-под воды, а в трёх метрах, напротив, недоумённая нерпа... Молча взирают друг на друга, поверхность воды не колыхнётся, на море – полный штиль, и солнце светит так радостно и ярко, что от всего происходящего в душе тоже только радость и переживание счастья, что ты – молод, находишься там, где и должен находиться, а компанию тебе в твоём нелёгком, но приятном труде составляет замечательный морской зверь – нерпа.

Я давно заметил, что у всех морских зверей – котиков, каланов, белух и даже – у могучих сивучей во всём облике, а точнее – в выражении их морды, присутствует некая доброжелательная расположенность ко всему, что их окружает, какое-то покойное радушие, да и на что этим морским существам сердиться? Само море, наверное, настраивает своих обитателей на доброжелательство к собственной, хоть и не всегда простой, жизни, оно вдыхает в них покой и уверенность, что помимо приносимых им бед и хлопот, дарует и заботу. Море наделило и каланов, и котиков, и нерпу стойкости, способности противостоять любым вызовам природы, а если ты обрёл в себе твёрдый, не уступающий опасностям нрав, то честь тебе и хвала в твоём радостном восприятии жизни.

Не помню – сколько времени мы смотрели друг на друга... Время, кажется, остановилось, и был только этот морской мир, я и нерпа, обрывистые берега, узкая полоска песка у самого уреза воды, и огромное небо, перетекающее в море, а море – в его необъятную голубизну... При виде рядом чудесного морского зверя, относящегося к тебе с интересом, время вовсе перестало существовать, всё происходящее составляло простую суть жизни у моря, когда ничего никуда не уходит, а остаётся с тобой. Ты пребываешь в радостном переживании настоящего момента, и даже не помышляешь о том, чтобы оно не прекращалось. Время живёт своей, неведомой жизнью, ты его не замечаешь, потому как счастлив.

Счастлива, вроде бы, и нерпа, что беспрестанно ныряет, плещется возле меня, и наблюдая за ней, я и сам начинаю казаться себя таким же вольным морским зверем, совершенно забывая, что ты – человек. Жаль, что я не нерпа, думается мне, а то бы поплыл за ней, чтобы узнать – о чём мне нерпа хотела сказать, но не сказала. Даже просто играть с ней, кружиться в зеленовато-прозрачной тишине и переживать вместе с морским зверем эту удивительную свободу слияния с морем – великое наслаждение, неподдающееся описанию.

А вскоре мне привелось быть спасённым нерпой, вернее – её жиром, более живительного средства от порезов и ожогов на Дальнем Востоке не

сыскать. Обслуживая подводную часть мареографа, мы жили в маленьком домике метеостанции, прямо на берегу залива Анива. Пищу готовили себе сами, в основном – из морепродуктов: морской капусты, крабов, осьминогов, брюхоногих моллюсков и рыбы. Всегда кто-нибудь из нас оставался дежурным по кухне, он и занимался сбором даров моря и рыбалкой, работающим же под водой каждый день попадалось что-нибудь съестное – маленькие осьминожки, скопления ежей или мидии, целыми друзами прицепляющиеся к камням.

В проливе Лаперуза, омывающего мыс Крильон, действуют сильные суммарные течения, особенно интенсивные при больших склонениях Луны. Скорость суммарного течения у мыса Крильон достигает 8 узлов. Такое течение, в особенности – при наличии ветра, способно снести судно с курса в любую сторону на значительные расстояния, а уж загнанную касатками нерпу или даже дельфина тем более. Как-то, в прилив, на отмель выбросило подраненную ларгу, и пока мы до неё добрались – она погибла, после чего нам ничего не оставалось, как засолить её мясо в бочке, а сало перетопить на жир...

В тот день я как раз остался дневалить по кухне, высушенный до состояния кости плавник разгорался в печке плохо, и я решил поддать жару, замахнув в огонь плоску бензина. Но консервная банка с горючкой при этом выскользнула у меня из рук, ударившись о дверцу печки, и пока я её подхватывал – пламя через расплёсканное топливо переметнулось на рукава моей рубашки, вмиг охватив живот, грудь и плечи, а затем – и колени. Рядом стояло ведро с водой, но окатив себя ей, пламя удалось сбить лишь со штанов, и я выскочил из дома, что было сил, рванувшись к морю...

Рубашку, застёгнутую на все пуговицы, расстегнуть не представлялось возможным, я бежал, как очумелый, а пламя на мне только ещё более разгоралось под встречным потоком воздуха. Со стороны всё происходящее выглядело, наверное, очень забавно, скорее даже – странно, но остановиться было никак нельзя, и пока я преодолевал сотню метров до приборной полосы – обгорел весь с головы до ног. Бухнувшись в солёную воду, сначала ощутил облегчение, но затем тело будто опять обожгло огнём, захотелось всё сорвать с себя, и когда мне это удалось сделать, обнаружилось, что кожа вздулась пузырями, местами – висела лохмотьями, из тела же сочилась слизистая сукровица... Особенно пострадал живот, грудь и ноги выше колен, я стоял в растерянности, не зная – что предпринять, а обед так и не был приготовлен.

Вскоре вернулись с работы ребята, кто-то вспомнил про котелок с нерпичьим жиром, вытопленным хозяйской рукой нашего плотника – Петра Ефимовича, и весь вечер я провёл за обработкой ран, наложив на них затем чистую марлевую повязку. Казалось, о подводной работе не могло быть никакой речи, во влажном климате сахалинского лета мечтать о скором выздоровлении не приходилось, и я стал уже подумывать о возможности возвращения в город, стараясь как можно быстрее попасть в больницу. Кто

бы мог тогда предположить, что через несколько дней я буду париться в бане!

В это трудно поверить, но после снятия повязок – кожа оказалась чистой, на ней не было заметно никаких рубцов, осталось лишь небольшое покраснение, а главное – ничего не болело и не жгло, как в первый день. Я ещё для верности смазывал какое-то время слегка воспалённые места, но вскоре прекратил за ненадобностью, и уже через неделю натягивал на голое тело неопреновый костюм, не испытывая какого-либо неудобства. Это было удивительно, и все воочию убедились в целительных свойствах нерпичьего жира, который мне, не иначе, даровал владыка морских глубин. Спасибо и матушке-нерпе, спасшую меня от страшных ожогов! Уезжая через год на материк, в отпуск, я прихватил с собой бутылочку чудесного дальневосточного снадобья, восторженно рассказывая о его силе всем своим близким и знакомым.

Незаметно лето подошло концу, мы выполнили свою работу, и стали собираться в обратный путь. Нерпа до самого конца, по-прежнему, приходила ко мне в гости, резвилась с другими нерпами рядом, иногда на какое-то время пропадала, но вскоре опять объявлялась, радуя своим присутствием. Жаль было расставаться с полубившимся морским зверем, ведь общение с нерпой будило во мне нежность.

Было приятно сознавать, что дикий морской зверь, о существовании которого ты совсем недавно и не подозревал, вдруг заинтересовался твоей особой, каждый день подплывает к тебе, когда ты работаешь, и неотступно находится рядом. У меня почему-то не было сомнений, что это одна и та же нерпа, хотя все они между собой очень схожи.

Но нет, как только завижу вблизи нерпу, сразу безошибочно для себя отмечаю, что это именно та самая нерпа, моя, иначе просто и быть не может. Я даже отличие от других животных для себя в ней заметил: два чёрных пятнышка в обеих уголках рта... Когда нерпа подплывала чуть ли не вплотную – они создавали иллюзию улыбки, и я тоже ей улыбался. Хотелось думать, что нерпа угадывает её сквозь стекло маски, доверяя мне ещё больше.

Ничего не существовало для меня в такие моменты, и сердца касалась уверенность, что со мной уже происходило подобное когда-то, в своей далёкой жизни я был связан с морем, и оно так же, как и сейчас, укачивало меня своим вниманием. В нём было приятно просто быть, чувствуя его дыхание и скрытые мысли, но не тревожится по этому поводу, а переживать глубокое, спокойное удовлетворение. Хорошо, если осознаёшь в себе такой опыт, и тогда окружающий мир начинает благоволить к тебе, и любые цели становятся достижимы. Ты – сам целен, как этот мир, и в тебе ещё более укрепляется вера в то, что ты всё делаешь правильно, а это море, нерпа и мыс

Крильон – твоя судьба. Лишь позже я понял, как важно в течение всей жизни, по крупицам, копить уверенность в себе.

И тут я вспомнил, как совсем недавно эта маленькая морская зверюга ухватила меня за ласту... В пылу работы я и не почувствовал это сразу, а когда ощутил, что меня что-то держит, подумал: неужели зацепился за оголовок? Но когда развернулся, то увидел нерпу, колесом крутанувшуюся вокруг моей ноги: она, конечно, со мной играла, и ... улыбалась. Милое дитя природы, я совсем на неё не сердился, хотя она и прокусила мне ласту.

Потом я даже гордился этим, в разных экспедициях демонстрируя своим товарищам оставленную нерпой память – маленькую дырочку в основании ласты. Память относительно незабываемого прошлого, произошедшего со мной, что необыкновенно тронуло душу, и она стала ещё более возмужалой и внимательной. Ведь я тоже тогда, благодаря нерпе, на какое-то время почувствовал себя морским животным – свободным и единым с морской стихией, и это был непрехотливый дар нерпы человеку, благосклонное отношение ко мне самого моря, что, наверное, следило за нашей дружбой, и радовалось вместе с нами.

На прощание, помнится, я вышел на берег, присел на камень, и стал смотреть на море, в надежде увидеть свою нерпу. Море немножко волновалось, будто тоже предвкушая расставание, мерно накатывало на берег, ненавязчиво преподнося своё внимание, и я проникся его величавой ласковой мощью. Подойдя к самому урезу воды, присел на корточки и слегка коснулся ладонью набегающей волны, а она чуть вздрогнула и обрадовано заиграла, как нерпа, с шипением накатываясь на песчаный берег и тотчас убегая...

Не хотелось лишаться этой удивительной привязанности и к морю, и к чудесному морскому животному, и я взял с собой желтовато-пёстрый округлый окатыш, напоминающий по цвету мех нерпы, и горстку мутновато-кремовых агатов... Разлука, говорят, любви учит, и пусть эти чудесные камешки напоминают туманный мыс Крильон, нашу нелёгкую подводную работу и милую матушку-нерпу, что дарила мне всё лето сердечную радость и свою неуловимую «улыбку».

«СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»

Мы возвращались с Северных Курил, после проведения профилактических работ по ремонту подводной части мареографа на острове Парамушир и Матуа, и в заливе Наталии, что располагается со стороны Охотского моря, на острове Уруп, намотали на винт обрывки рыбацких сетей. Берега в заливе Наталии окаймлены многочисленными скалами, рифами и банками, выступающими в море до 2 миль, а глубины при входе в залив – 500 метров, но ближе к берегу, они резко уменьшаются. У берегов разбросано много надводных и подводных камней, между которыми в обилии растут водоросли. Вдоль берегов залива полукругом высятся горы, и эти горы хорошо защищают залив от всех ветров, за исключением северо-западных. Наш «Анабар» бросил якорь в трёх милях от мыса Шаутен, являющегося входным мысом залива Наталии с юго-запада. Требовалось срочно оценить обстановку...

В случае, когда капитан или штурман не успевают во время распознать проблему и остановить вращение винта, то это может привести к тому, что плотность намотки становится всё больше, и бывают случаи, когда под воздействием этой силы смещается вал. Чем больше оборотов сделал винт, тем сложнее снять намотку. И тогда, либо нужно поднимать судно с помощью крана, в доке, что в нашем случае было не допустимо, либо устраняют намотку водолазы.

Решение проблемы с помощью водолазов, конечно, более дешёвый и доступный вариант, но очень трудоёмкий. Всё, ещё, зависит оттого – какой материал намотало на винт, и как сильно. Если это металлический трос, то, чаще всего, приходится прибегать к подводной резке.

После осмотра подводной части судна оказалось, что «Анабар», слава богу, намотал на винт старую рыбацкую сеть, но её пеньковые обрывки затесало на шейку винта до такой степени плотно, что он встал, причём, намертво, и судно, в итоге, полностью потеряло ход. Спасти ситуацию могли только молоток с зубилом, пила по металлу и усилия водолаза. Нас на судне – трое, и мы решаем работать поочерёдно, пока винт не будет полностью очищен.

Всегда, когда я опускался под воду, это не вызывало во мне страха, только – небольшое волнение, как и полагается перед исполнением ответственного дела. Не на свой страх и риск потянуло меня однажды под воду, а по глубоко осознанному стремлению быть там, куда влекла меня моя природа, где было страшно интересно оказаться и всё самым тщательным образом рассмотреть и исследовать. Ни о каком страхе не могло быть и речи, хотя бы это было и море, работа под водой, и переполняло меня всегда только трепещущее в груди переживание радости.

Страшиться можно было лишь не исполненного тобой долга, и потому – знай, водолаз, одну совесть. Со всех подводных угроз, если они тебя не

напугают, будет тебе великий рост, Бог милостив, ибо, где грозно, там и честно. Иного море не принимает: живёшь, бок о бок, с опасностью – уважай её.

Ну, и, конечно, в таком деле решимость должна присутствовать: что-то ведь тебя толкает на ответственный шаг? Послештормовая зыбь тогда, помнится, никак не желала уняться, немножко даже подташнивало, если быть честным, но на вопрос старпома: «Не жутковато ли мне?», я поспешил с улыбкой его заверить, что для беспокойства нет никаких оснований. Тщательно оправил манжеты на запястьях, одел облегчённые свинцовые калоши, и, накинув дыхательный аппарат, решительно шагнул к носовому трапу. Старпом с уважительным пониманием осклабился, и по-отечески хлопнул меня по плечу, что, разумеется, прибавило сил. И ещё, как это всегда случается перед самым погружением, в груди приятно заохлоло от всего того, что должно последовать за ним, тело охватило пьянящее чувство соединения с родной стихией, и это тотчас вызвало бесшабашную удачу: морская вода забила ключом и в тебе!

Но работа, хоть и привычная, предстояла не простая... Никто из окружающих тебя сейчас людей не должен догадаться о том, что ты волнуешься, или не уверен в себе, потому как вся надежда у них на тебя. Если не освободить винт от намотанных на него обрывков сети, судно застрянет здесь неизвестно насколько, а это, по многим причинам, нам невозможно было себе позволить. Показать всему экипажу, что ты чувствуешь на самом деле, значит – подорвать и надежду на благополучное избавление от ненавистных пут, и уверенность в самом себе, от кого оно, собственно, и зависит.

В такой напряжённый момент не возбраняется и сыграть на публику, как будто тебе, действительно, всё нипочём, и ничего не стоит перерубить обыкновенным зубилом неподатливый трос, в несколько оборотов затиснутый вокруг вала гребного винта, соединяющего его с лопастями. Для человека, спускающегося под воду, для выполнения экстренной работы, всегда важно видеть и чувствовать вокруг себя людей, их настроение, и вести себя так, чтобы не вызывать у них никаких сомнений на свой счёт. Твой собственный настрой помогает успешному разрешению дела, и в мыслях ты не отделяешь себя от всего экипажа. Это придаёт уверенность и силы.

Ничего особенно трудного не было в том, чтобы опуститься по трапу под воду, примостившись прямо под лопастями винта. К одной руке, на запястье, прикреплена небольшая кувалда, с другой свисает зубило... Время – и за тобой, и перед тобой, а при тебе его, вроде как, и нет вовсе, поскольку, когда ты погружаешься в такой непростой труд – обо всём забываешь. Находиться постоянно на весу, когда при ударе кувалдой по зубилу тебе не на что опереться, очень утомительно, отчего плечи, спина и руки сразу затекают. Усталость начинает сказываться с первых минут работы, но хорошо бы только она докучала при этом, главное затруднение испытываешь из-за недостатка воздуха, и его нужно беречь, тогда, как дыхание сбивается...

Придёт время, думаешь ты, будет и твой черёд, но пока оно не настало – остаётся одно терпение... Ты терпишь, дело терпит, а времени от этого не легче, ему бы всё бежать поскорее, когда тебе, как раз, нужна передышка. Спешить нечего, шепчешь ты ему, потерпи, да оно не слушает – бьёт неумолимо усталостью, сводит члены, запасы сжатого воздуха в баллонах немилосердно съедая... Но терпеть – не беда, было бы чего ждать: ведь терпя – и камень треснет!

Весь экипаж, с плохо скрываемым волнением, ждёт от тебя скорейшего освобождения из этого вынужденного оцепенения, и ты его не подведи, ибо, если пошёл на водолазную службу – терпи и нужду. И ты – терпишь, несмотря на затёкшие спину и руки, не дотерпеть никак нельзя, иначе – какой ты водолаз?! Не зря меж людей пословица ведётся: коли на этом свете не устанешь, так на том не отдохнёшь, а обтерпишься – и в аду ничего!

Работа под водой – сущая преисподняя, но если сумел справиться с усталостью, отсутствием вольного воздуха и собственной слабостью – честь тебе и хвала. Терпение исподволь своё возьмёт, только с ним и обретёшь спасение и умение. И кому, как не водолазу это знать. А справился с собой – и люди будут тебе кланяться: делу, как говорится, аминь.

Получается, что никто не сможет тебе помочь, ты рассчитываешь только на свои силы, и если какая-то опасность и может исходить сейчас под водой, когда ты находишься рядом с судном, на пустыковой глубине в 3-5 метров, то она, в общем-то, сведена к нулю. Я размеренно ударяю по зубилу кувалдой, и в такт гулкому стуку, так же отрешённо, но неотступно копошатся в моём сознании ненавязчивые мысли о какой-либо возможной угрозе... Подо мной зияет бездна в несколько сот метров, её густо-зелёная темень безотчётно завораживает, как бы ты ни пытался гнать от себя её пронизывающий холод, исходящий из этой неведомой глубины, и отвлекает только напряжение, что ты сейчас переживаешь. Что таится в этой неведомой тьме – невозможно было представить.

И тут во мне пробудилось какое-то неясное предчувствие, что-то изменилось в окружающем пространстве, я уловил это на уровне подсознания. И только я осознал происходящую вокруг себя перемену, как ощутил рядом чьё-то присутствие, а когда чуть повернул голову вправо, то увидел её: это была полярная акула, и признаться, я впервые увидел возле себя такую обворожительную хищницу, эту фиолетово-песчаную красавицу длиною в добрые полдюжины метров... До сих пор не могу забыть, как она бесшумно проследовала совсем рядом, холодно заглянув в меня, и всё внутри перевернулось, стало другим.

Сначала я подумал, что акула меня не заметила, проскользнув жуткой тенью в ледяной толще воды. Вероятно, её привлёк звук кувалды под водой, которой я пытался перебить пеньковый трос, намотавшийся на шейку винта. Но вскоре она вернулась, и прошла так близко, что я совершенно отчётливо разглядел её застывший голубой глаз, шероховатую, будто утыканную

острыми льдинками голову, и словно отлитый из стали серовато-кремовый плавник, проследовавший мимо с устрашающей неукоснительностью.

Взгляд акулы был холоден, однако в нём таилась умудрённая опытом прожитых лет величавая красота, ледяное приволье, но не безразличие. На этот раз акула, явно, обратила ко мне своё внимание, и оно тоже было царственным. Акула не взирала, а степенно изливала то, что знала только она, это было её, скрытое во льдах знание, что вынуждало по-иному отнестись к ледяным северным водам, где акуле так привольно, и всё доступно, а человеку, если он любознателен и смел, страшно интересно. Таково и восприятие акулой всей окружающей безмолвной обстановки, это – её бескрайний покойный дом, со своим ледяным, но не безжизненным огоньком...

Огонёк этот угадывался в пронизывающем с головы до ног акульем глазу, остановившемся на тебе: акула будто покойно изучала – кто ты, и зачем оказался здесь? Мало того – она вернулась, чтобы в чём-то удостовериться, а может быть – ничего не разобрала, и решила ещё раз взглянуть на то, чего никогда до этого, не видела...

Акула, обычно, глядит, как чувствует: холодно, спокойно, но не с безразличием... Недобрым её глаз не назовёшь, взор у неё полон жизни, хоть она и не бурлит в акуле, зато – прям. Это, видать, исходит от её холодного спокойствия: как взглянет, так и будет, но угрозы при этом в её глазах не чувствуешь. Глаза полярной акулы взирают с мудрою, величественной простотой, в ней – соразмерность переживаемого и того, чем она обладает. Этой акуле не с кем здесь тягаться... Ну, разве что касатки, которые, впрочем, не обращают на неё никакого внимания.

Научные опыты показали, что аппетит акул зависит от изменения температуры воды, а поскольку средняя температура воды Охотского и Берингова моря в ноябре месяце не превышает двух-трёх градусов выше нуля, то вероятность нападения с устрашающим видом маячившей рядом хищницы неизмеримо меньше, чем возможность удара молнией. К тому же, обитающие в северной части Тихого океана сельдевая, колючая и полярная акулы совершают свои завораживающие перемещения исключительно за стайными пелагическими рыбами – сельдью, скумбрией, треской и лососями, правда, изрядно досажая рыбакам тем, что путают и разрывают их снасти. В отличие от полутораметровой колючей и двухметровой сельдевой, последний вид акулы – полярная, достигает в наших северных водах пяти, шести, и даже – восьми метров.

Преисполненная величия, полярная акула, в отличие от любой другой из всех известных акул, предпочитает холодные северные воды, будто желая уединиться. Поэтому она, наверное, холодна и безмятежна, покойно протекает её громадная жизнь длиною в сто лет, да ещё с такими значительными размерами. Всегда кажется, что из большого ничего не выпадет, оттого оно и такое внушительное... Словом, много - хорошо, а больше – лучше того.

Но, тем не менее, величие этих размеров не потрясает, а успокаивает, настраивая восприятие на размеренный, равнодушный лад. От её спокойствия, скорее, веет холодом, но при этом не отталкивает им, а притягивает. Хочется последовать за акулой, и разгадать её тайну, что заключена, скорее всего, в природе самого животного.

Странно было встретить эту акулу у охотоморского побережья Курил, поскольку она предпочитает ледяные воды Арктики: холод для полярной акулы – благодать. Удаётся ей это потому, что среди органов тела полярной акулы отсутствуют почки, а вывод мочевины происходит у хищницы через кожу, отчего мышечная ткань акулы содержит, так называемый, «природный антифриз» - триметиламин азота, вещество, не позволяющее ей замёрзнуть при отрицательных температурах. Именно поэтому у съевшего мясо полярной акулы начиналось онемение конечностей, подобное состоянию опьянения. Недаром у северных народностей такого «пьяного» человека называли «больным акулой».

Что касается триметиламина азота, то он имеет отвратный запах: это запах гнилой рыбы и смерти. Он – продукт разложения, но содержится в организме рыб и других представителей морской фауны для понижения температуры замерзания. Полярная акула, по причине своей необычной физиологии, просто переполнена этим смертоносным ароматом, даже не подозревая об этом.

Кстати, медлительность полярной акулы, вероятно, объясняется содержанием в её организме этого самого «природного антифриза». Полярную акулу, обитающую в Тихом океане, рыбаки прозвали спящей, или – сонной акулой. Когда же акула медленно проследовала мимо меня, в каких-нибудь трёх метрах, скосив свой большой голубой глаз, я поначалу окаменел от присутствия рядом с собой «спящей красавицы». Откуда мне было знать, что при своих великих размерах, эта ледяная акула имеет абсолютно такой же ледяной, можно даже сказать – безучастный ко всему происходящему рядом характер!

Полярная акула не только медлительна, она ещё и совершенно не агрессивна: стремительные атаки и броски ей противопоказаны, и, сохраняя полную невозмутимость, она сберегает, таким образом, свою драгоценную энергию. Если эта акула даже попадает в сеть, то и тогда ведёт себя очень спокойно, напоминая огромное бревно. Размер этой акулы, действительно, впечатляет, хотя внешне она не особо привлекательна: веретенообразное могучее тело имеет тёмно-коричневый или серый окрас с буровато-фиолетовыми пятнами. Увидишь её – и не сразу даже догадаешься, что это – акула, до того она кажется неподвижной, с виду – какой-то чудовищно несоразмерной, с большим вздутием посреди своего неловкого тулова, словно и на самом деле – затонувшее от накопленной в себе влаги и усталости дремучее бревно, отчего-то ещё не опустившееся на грунт...

Но как тогда она, при такой медлительности, питается? В этом ей помогает щёчный насос: акула засасывает оказавшуюся поблизости рыбу,

моллюсков или даже водоросли, как это делают усатые киты. Но и зубы с клыками у этой акулы тоже имеются, правда, она ими редко пользуется, а когда, всё же, их применяет, то складирует запасы в своей большой печени...

Внушительных размеров печень помогает полярной акуле ... парить в водной толще, она выполняет роль поплавок. Известно, что акулы, из-за отсутствия плавательного пузыря, вынуждены всю жизнь проводить в движении, чтобы не утонуть. А вот полярная акула, имея большую жирную печень, легко поддерживает своё массивное тело в состоянии плавучести, спешить ей некуда...

То, что полярную акулу называют «спящей», будто почивающей в прохладных североморских водах, понятно, она нетороплива благодаря своей физиологии. Глядя на эту акулу, создаётся впечатление, что она вот-вот заснёт: соня, говорят меж людей, походя спит. Движения её ленивы, акула, кажется, и не подразумевает вести активный образ жизни, и только ищет способа поскорее забыться. Но сколько не спать, а завтра – не миновать, и полярная акула вынуждена медленно нести своё огромное тело в морской тиши, навевая подобным поведением отрешённое успокоение: не спит, а чуть дремлет. Словом, хоть спала, хоть не спала, да такая за ней слава.

Но вот если кто-то спросит – почему полярная акула «красавица»? то я отвечу: акула эта, на самом деле, красива. Правда, красота её – на особинку: она – величественна, и, кажется, непостижима для человека, постоянно находясь в недостижимости его внимания... Акулу эту не встретишь в море так часто, как сельдевую или колючую. Да и человек, чаще всего, устремлён в своих мыслях к полёту и созиданию, нежели они подвержены желанию проникать в таинственную и мрачную глубину, проявляя себя злонамеренно, ничего не опасаясь, как это свойственно многим акулам.

Каждая акула, как вид, сама по себе всегда скрытна, она, как тень, неслышно пронизывает бескрайние пространства такого же величественного океана, не стремясь выставлять себя напоказ. Её красота непригожа, она спрессована в акульей хищности, таящейся в безукоризненно вылепленном природой теле, нацеленном на постоянное устремление вперёд, к неминуемой добыче, и в этой нацеленности на атаку – акула не превзойдённое украшение подводного царства. Она здесь – полноправная хозяйка, царица, что может позволить себе всё, что угодно, никого не остерегаясь, и наблюдать за еле уловимыми движениями её великолепного тела – околдовывающее таинство.

Тайна красоты акулы в том, что она ей не красуется, а живёт, стремительно и красиво убивая свою жертву. Одарённая непревзойдённой в океане дикой силой, акула так же необузданно красива, когда стремится настичь её и присвоить себе. Глядеть на эту красоту хорошо, да жить с ней нелегко: остаётся – принять, впрочем, не переставая восхищаться.

Но наша акула, несмотря на своё мощное тело, не несёт в себе нечто злонамеренное, безжалостное, она – не сравнимое ни с чем прекрасное умиротворение, растворённое в бескрайнем холоде охотоморских вод. Краса

её не жестока, она обладает плавными, обтекаемыми линиями, и можно только поразиться, неожиданно заметив её в тёмно-зелёной толще северного моря, будто появившуюся ниоткуда, и так же неприметно исчезнувшую в ней... Полярная акула – сокрытое ото всех северное чудо, которое и разгадывать-то некому.

В океанских глубинах встречаются и более совершенные существа, чем наша полярная красавица... Словно подводные птицы парят в морском пространстве волшебные скаты, они совершенно завораживают своим покойным скольжением, и ты забываешь, что находишься под водой, воспринимая снизу поверхность моря, как небо... Или твой взор поразит идеально вылепленный морским божеством дельфин-белобочка, весь – устремлённая отрешённость и сила, неповторимая чуткость восприятия и пластика, будто танцовщица, изящно взлетая и кружа над волной...

А великолепная касатка? Уж кто, казалось бы, способен сравниться с ней в грации и мощи, с её обтекаемым, налитым энергией телом, способным прорезать толщу воды, как нож масло... А ещё быть непревзойдённым украшением моря, оставаясь неотразимой при всей своей нацеленности на гибельный бросок!

И всё же, полярная акула пленяет внимание человека, будто погружая его в сон. Сон не обременительный, а лёгкий и чуткий, позволяющий находиться в волшебной реальности... Мимо тебя проплывает огромное дивное существо, и ты безотчётно начинаешь видеть в его плавных, еле уловимых движениях глубоко затаенный, но простой и мудрый смысл существования нашей прекрасной Вселенной, что создана Высшим Разумом только для цветения и радостного проникновения в его чудесную суть. Когда счастье жизни видишь, смелее по ней идёшь.

Что ещё сказать про фиолетово-муаровую подводную красавицу, когда она, еле поводя хвостом, парит в морской тишине, как во сне, и ты и видишь её, и в тоже время не знаешь – правда ли это? Уж больно нереальным представляется её присутствие рядом с человеком, вернее – человека возле неё, и если подобное происходит, то это, несомненно, чудо.

А бывает, полярная акула одевает песчано-кремовый наряд, с каким-то вкусным молочным оттенком, если сквозь толщу воды проникают скупые лучи солнца, и акула преображается в них. Даже движения её становятся более живыми, будто акула радуется этому солнцу, редко проникающему в морские глубины, пытаясь продлить своё пребывание в нём, несмотря на то, что предпочитает холод. Полярная акула меняет своё цвет в зависимости от настроения окружающего её пространства, и тогда она становится ещё более загадочной.

Прикосновение к этой тайне – и удача, и несомненное счастье. Присутствие её ощущается даже на расстоянии. Вероятно, это происходит оттого, что я думаю об акуле неотступно, и её существование внушает мне добрые мысли, и все они – о море.

Трудно представить себе северное море без полярной акулы, даже не допуская мысли, что она может, как корова Стеллера, когда-нибудь исчезнуть. Чтобы этого не случилось, человеку, наверное, требуется постоянно отрабатывать мудрое отношение к себе великой морской стихии. Ведь соприкосновение с ней – есть всегда возможность перехода к лучшей, более глубокой жизни. Тайна моря и всех его обитателей незаметно околдовывает нас, наделяя переживанием чего-то настоящего, и мы, очарованные ей, возвращаемся в свои города, наполненные светом её чудесной глубинной темноты, и из этой таинственной морской глубины в наших сердцах рождается трепетная забота и любовь к земле.

Не всякому повезёт встретить полярную акулу, в глубине океана, но если это произошло, ты почувствуешь, что открыл для себя нечто, ранее в твоей жизни не существовавшее. И тебе, конечно, захочется завоевать внимание акулы, чтобы проверить себя: способен ли ты выдержать её взгляд и принять? Ведь в такой подводной красавице заключена невероятная жизненная красота, спокойствие и сила, даже несмотря на то, что она всегда выглядит медлительной, чуть ли не спящей... Оставаться равнодушным к загадке полярной акулы было бы недопустимо, и Существование не зря подарило мне эту удивительную встречу. Я захвачен ей до сих пор, заимствую из неё жизненную энергию и тепло, и живу ими.

И ничего, если и тайна моря, и загадка полярной акулы останутся неразгаданными... Так же, как тайна самой жизни. Просто, мужчина не должен уклоняться от движения к ней, пренебрегая отпущенным ему временем. Достигать счастья в постижении и жизни, и своей судьбы – путь, достойный любого человека, и на нём для него не должно существовать никаких преград: его любовь к вдумчивому и кропотливому вглядыванию в Существование способна открывать любые запечатанные врата.

Грациозно парящая в глубине полярная акула – одна из чудесных тайн моря, но хорошо ли, если всякая тайна въяве будет? Всякая тайна тем и хороша, что очарованием крыта, и пусть так и будет, оставаясь на века в своей прелестной и неразрешимой загадочности...

Всю жизнь акула скрывает в себе ото всех свою акульную тайну, кажется порой, что и от себя самой, и в этом – вся её природная суть. А может быть, просто слепо подчиняясь воле великого морского божества, даже не представляя, как она красива. Тайна её, и скрытая от неё самой красота не докучает акуле, и та и другая – неосознанная акульная природа, что она давно в себе приняла, и живёт ей.

А я в эту её жизнь на миг окунулся, и отчего-то до сих пор в себе несу. Чудо полярной красавицы – в её неведомой красоте, которую мы не умеем объяснить по известным нам законам природы. И это, наверное, хорошо, ибо только Богу чудеса доступны, а нам интересно их разгадывать. Пусть Господь всякими чудесами нас очаровывает, мы от этого ещё более радостными и сильными становимся!

С тех пор прошло много лет, но я всё не могу забыть свою «спящую красавицу», что живёт, как утверждают учёные, до ста лет, а то и больше. Может быть, она жива и сейчас, и когда я начинаю думать об этом, то представляю себе эту акулу.

Плывёт в толщине тихоокеанской темноты моя «спящая красавица» - полярная акула, и я радуюсь, что увидел её однажды, а она – меня. Как бесконечна эта океанская ширь и глубина, как вольно живётся в ней ледяной акуле... Но такая ли она ледяная по духу, хоть и предпочитает холодные северные воды?

Таится ли в её сердце лёд, что чувствует она, когда предаётся своему бесконечному путешествию по океанским водам, что переживает, когда всё её устраивает? Ведь у неё – идеально выточенное природой тело, внушительные размеры и безупречное чутьё... Она располагает всем, что может быть у такого совершенного существа, обитающего под водой... Не скучно ли ей?!

Тихо несёт полярную акулу солёная, как слёзы, тихоокеанская вода... Текут её неведомые подводные года, наверное, не замечаемые акулой. Она просто плывёт, не уставая, потому что движение – её жизнь. Скользит неслышной тенью в сумраке океанских глубин, всю жизнь – одна, и никто ей, наверное, не нужен.

Совсем рядом проследовала тогда акула, а показалось даже, будто – во мне... И главное, когда она уже растворилась в густой синеве, я почувствовал, что она осталась со мной: появившись в моей жизни, акула и не думала меня покидать. И это было удивительно...

Всё то время, что я возился с винтом, я ни на секунду не забывал про неё. Казалось, она и не уплывала, а стоит поблизости и наблюдает – что я делаю? При этих мыслях я улыбался, было приятно представлять всё это, между тем, как работа незаметно продвигалась. Акула помогала мне своим невидимым присутствием, и невозможно было передать красоту этой неописуемо чудесной связи...

Акула показала мне на пару минут, а будто заполнила собой все эти дни и месяцы работы в море, и я был благодарен ей за это. И ещё подумалось: акула неслучайно появилась рядом со мной именно в этот день, именно в этих водах, омывающих загадочный остров Уруп, и я почувствовал себя счастливым. Какая радость, что есть на свете Тихий океан, касатки и дельфины, каланы с котиками, белуха и нерпа, и ... таинственная полярная акула, моя «спящая красавица»...

Помнится, я тогда обернулся акуле вслед, и никого не обнаружил. Как будто акула мне привиделась. Но я ещё долго ощущал её присутствие, и то, как она на меня посмотрела.

Мне даже показалось, что сквозь излучаемое от неё ко всему безразличие – в акульем глазу всё-таки зажглась, на мгновение, растерянность перед мощью Вселенной, когда мы встретились с ней взглядами. Она ведь лишь акула, подумал я, хотя и великолепная в своей

неустрасимости и силе. И, наверное, мне бы захотелось побыть ей хотя бы один день, с холодным бесстрашием планируя в безбрежном океане воды.

Мне очень радостно сейчас сознавать, что я хотя бы однажды видел полярную акулу, тем более, что она проплыла со мною рядом. И я до сих пор вспоминаю суровое Охотское море, густые северные туманы, что, кажется, можно было резать ножом, бесшумно скользящую в зеленой воде коричнево-агатовую акулу, за какой-то миг ставшую для меня родной...

Теперь, по прошествии многих лет, для меня становится совершенно очевидным: не то, чтобы я всегда, особенно – в молодые годы, желал для себя чего-нибудь необычного, даже – опасного, а скорее – интересного, и если ты не равнодушен к жизни, то непременно в ней, рано или поздно, появится и то, и другое... И приходит оно всегда неожиданно, так что, поначалу, конечно, растеряешься перед возникшей правдой жизни оттого, что так внезапно открылась необходимость принять в ней непосредственное участие, и мало того – кроме тебя этого никто сделать не сможет. Так случилось, что именно от твоего умения, терпения и решительности зависит исполнение важного дела, отыграть ситуацию назад уже не получится, а на принятие единственно верного решения – минуты, если ни секунды... Вот он, твой миг радостного и мужественного созидания, не упusti его!

Те годы были для меня самыми любимыми... Я любил море, ожидание выхода в экспедицию, и тот момент, когда необходимо было спускаться под воду. А особенно – всё это будоражащее душу напряжение, когда задание уже известно, все ждут от тебя его благополучного завершения, и ты, преодолевая в себе это приятное возбуждение, решительно бухаешься за борт.

В такие моменты окружающие люди подчиняются любому твоему слову, желая угодить тому, кому скоро будет тяжелее во много раз, чем им, и они стараются предугадать малейший твой жест, что-то поднести или убрать, лица их по-хорошему напряжены и открыты, глухие голоса отрывисты и чётки, и тебе не может это не нравиться. Тебе очень дорога эта забота твоих друзей, их добрая суэта и отрывистые команды, маслянистый плеск покато́й волны в борт судна и резкие вскрикивания морских птиц, и на душе от всего этого становится как-то легко и даже весело. Скорей бы – под воду!

А ещё мне всегда доставляла удовольствие та спокойная минута, когда, после успешного завершения работы, можно было с полным правом подняться на верхнюю палубу, долго стоять там, положив руки на леера, и смотреть вперёд, в мутноватую морскую даль, будто надеясь, что она растворится, и тебе откроется нечто необычное, такое же, как и под водой, загадочное... Ведь оно, непременно, достойно твоего пристального внимания! Любая тайна, связанная с морем, только и ждёт, чтобы ты обратил к ней свой спокойный взор, и стал не разделен и с морем, и, конечно, с небом, сливающимся с морской синевой у самого горизонта, в тоже время, чувствуя всем телом судно, размеренные обороты его двигателей и мерные удары нескончаемых волн.

От переполняющего счастья ты не летишь высоко, а находишься как будто повсюду, и именно это всеобъемлющее и всепроникающее бытие составляет теперь твою жизнь. Что это за тихий и чарующий восторг, когда проживаешь свою жизнь так, как она этого заслуживает! Ничего лучшего быть просто не может: я радуюсь, птицы, скалы, море радуются вместе со мной, дельфины с касатками рукоплещут возможности резвиться в чудесной водной стихии, быть слитными с ней, солнце улыбается, шторм ураганный торжествует, а Господь ликует от всего содеянного: великая радость и блаженство утверждаются на Земле...

Так протекает жизнь у тех, кто един со всем Мирозданием, готов душу положить за доброе существование всех живых существ, неся в сердце устремление к безусловной любви. Мир богат своей беспредельной радостью, порадитесь и вы. Будьте в себе совершенство, якоже Отец ваш небесный совершен есть!

А какая совершенная жизнь окружает тебя! Крутая зыбь от недавнего шторма неохотно смиряет свой буйный нрав, уже лениво, а не хищно накатывает с моря, но от этого она ещё более желанна: шторм почти утих, работа выполнена и лёгкая качка только приятна. Можно даже не укрываться от холодной водяной пыли, время от времени слизывая с губ солёную влагу, и густой морской воздух, кажется, с любовью окутывает твоё тело, наполняя его энергией. Так радостно, что погода на море, наконец, расходится, и, несмотря на крутую зыбь, с удовольствием вспоминаешь, как было покойно под водой, и всё не можешь забыть огромную полярную акулу, что загадочно и важно проследовала мимо тебя...

Чем она сейчас, интересно, занимается? Вспоминает ли тебя, как и ты её? Или, быть может, акула, на самом деле, ничего не почувствовала, и уже где-то далеко-далеко, в необозримой тихоокеанской глубине... Но она тебя увидела, ты побывал в её обители, и вы встретились взглядом... Разве это ни прекрасно, и ты заглянул в эту совершенную подводную жизнь, и сделал её своей.

«ПТИЧИЙ БАЗАР»

Одинокие скалистые острова... Истошный крик чаек и грохот прибой, запах сырых камней и водорослей, резко ударяющих в нос... Странное чувство, что ты когда-то уже был здесь и прожил целую жизнь, а теперь вернулся, и эта твоя холодная родина необыкновенно тебе мила. Есть что-то притягательное и в воздухе, и в красках, и в неброской природе северных широт, которую однажды узнав, уже больше никогда не забудешь.

Глядя на эти суровые края, голые скалы, холодное море, призадумался: а для чего птицы весной возвращаются на север, осенью улетев на юг? Осенью – понятно, на севере для них не находится корма, и в случае, если бы они остались, их ожидала неминуемая гибель, но вот отчего птицы не остаются в тёплых краях навсегда, не выводят там птенцов, а всё равно устремляются на север... Говорят – птицы возвращаются на родину, но почему родиной им не может стать во всех отношениях благодатный для них юг?

Оказывается, птицы возвращаются, скорее, не к местам своих гнездовий, а к человеку, чтобы быть ему полезными, принося радость. Спросят: а чего потеряли пернатые на самом Крайнем Севере, на берегу Ледовитого океана? Ответ прост: бывает человек и там, неодолима его тяга к дальним странствиям, как и неиссякаемая жажда открытий!

Так же и мы: не можем обойтись без этого сурового северного края, где птицы устраивают свои незабываемые «птичьи базары». Все гранитные уступы на таком «базаре» усыпаны птицами, а внизу, в холодных расщелинах, бьются обезумевшие волны. В некоторых из них ещё белеют оплывшие глыбы льда. Иногда даже принимается идти снег, отчего начинает казаться, будто чередка времён года по какой-то неведомой причине нарушилась, и на смену зиме пришла поздняя осень. Только крик всё подлетающих и подлетающих птиц выводит из этого охватившего тебя студёного затмения, и ты понимаешь, что вокруг всё-таки воцаряется весна, хотя и очень робко. В этих местах она приходит на месяц, а то и два позже.

Море тяжело вздыхает, медленно пробуждаясь от зимнего сна, лёд, застрявший в расщелинах, глухо потрескивает и охает. Сырой порывистый ветер мчится над водной поверхностью, разбрасывая солоноватую пену, и невольно думается о том, что север для тебя ближе, чем юг, и его неописуемая свежесть ни с чем несравнима.

Кругом море и камни, камни и море, и ещё светло-серое, с жидкими белыми облаками небо, на фоне которого то и дело мельтешат подлетающие птицы. Подняв к глазам бинокль, не покидает ощущение, что мелькание пернатых в воздухе будто учащается, смешивается и скоро на глазах наворачиваются слёзы. Пронзительный северо-западный ветер только усугубляет невозможность что-либо разглядеть... Совсем недавно ещё замершую тишину всё более нарушают заунывные возгласы гагар и чаек,

тупиков и кайр, монотонно поскрипывают в расщелинах чистики... Север встречает нас своим студёным дыханием.

С волнением смотрю я на голые скалы, на этот голубовато-серый туман, окутывающий их будто покрывалом, на мутновато-зелёную глубину под бортом, и не могу поверить, что я здесь. Так долго мечта представлялась неосуществимой, а дикие острова с их неопишимо завораживающими птичьими базарами недостижимыми. И вот я здесь...

Могучи вздохи прибоя у северного моря, спокойны и сдержанны северные краски, широки и ладны спины рыбаков, встающие и исчезающие в холодных водах, когда рыбаки в спокойном темпе выгребают кунгас с волны на волну... Всё здесь проникнуто приливом сил и сдержанной бодростью, так что, работая целый день, не замечаешь усталости. Север лечит тебя своим размеренным и простым ритмом жизни, если ты болен, и вдыхает в сердце студёную, бодрящую свежесть, отчего хочется круглые сутки лазить с биноклем по скользким скалам, отыскивая птичьи гнёзда с яйцами непривычно яркой для севера окраски. Дни, кажется, длятся вечность, превращаясь в нескончаемо прекрасные недели. Где ещё я был так счастлив, как здесь, на севере, и что может сравниться с ним по глубине переживаний?

Нелегко, но радостно писать про север, ибо мысли о нём более всего переполняют душу. Так случилось, что самые главные события в моей жизни произошли на севере, на Краю Света, и укачивало меня своей любовью именно студёное море, у которого так замечательно и просто жилось, и каждый день оказывался неслучаен. Утверждение, что на севере преобладают скупые краски, - не верно, всё здесь живо и имеет свою внутреннюю красоту, которая непринуждённо просится на свет. Север, скорее, не убаюкивает, а будоражит, так что уже нет сил оставаться равнодушным, и ты незаметно становишься сильным и ловким, чутким в восприятии жизни.

Каждый день на севере встречает твоё пробуждение приятной прохладой. Холодный воздух совершенно спокоен и пронизан такими же спокойными глубокими красками. Спокойно и море, что случается здесь редко, и от всего этого хорошо и спокойно становится на душе.

Состояние покоя способны нарушить лишь птицы, что собираются по весне на диких островах в огромные стаи для выведения потомства. Каждая птица стремится устроить своё гнездо с наименьшей безопасностью для своих будущих детёнышей. В некоторых случаях безопасность птенцов достигается путём колониального гнездования, когда на скалистых берегах морей и океанов вместе оказываются самые разнообразные птицы.

У большинства морских птиц сильно выражен именно гнездовой консерватизм. Можно сказать, что им больше, чем большинству не морских птиц, свойственны верность своему острову, карнизу на скале, брачному партнёру. И как бы далеко их не уводили морские дороги по необъятному океану, они стараются вернуться на родину.

Неприглядные голые скалы не отпугивают, а привлекают птиц. Весной, когда вся перелётная птица подаётся в родные края, именно эти одинокие

острова становятся пристанищем для чаек, гагарок, бакланов, многочисленных уток и чистиковых. В пути и молодёжь мужает, и старики закаляются, многие, конечно, гибнут, а оказавшись на пустынном каменном острове – словно возрождаются. И чему бы, казалось, радоваться, если вокруг – не до конца растаявшие льды и промозглый холод, а у тебя даже хворостинки не найдётся, нечем устелить своё гнездо, да и нет его вовсе – только голый камень. Причём, с наклоном, и это – на продуваемом всеми ветрами маленьком острове, теряющемся в необъятности морских далей... Разве тут постигнешь неудержимые птичьи устремления всё дальше на север, когда уже, кажется, не зачем и некуда больше лететь, и здесь хорошо. Но летят неутомимые птицы к местам своих неизбывных гнездовищ, и эта их приверженность родным суровым краям вызывает в сердце только тепло.

На птичьем базаре, конечно, не услышишь умиротворяющего сердце пения, как в нашем уральском лесу. Волнующее душу смятение, когда заслышишь по весне голос кукушки, вы вряд ли встретите здесь. Морские птицы в основном молчаливы, когда парят над бескрайними морскими просторами, а на гнездовых колониях вас просто обезоружит надвигающийся отовсюду гвалт, отдалённо напомнив пронзительное карканье ворон, когда они собираются вечером в огромные стаи.

У птиц в этих широтах не увидишь и красивого оперения, какое присуще снегирю и иволге, чечевице и скворцу, сойке или даже обыкновенной синице. Лишь розовая чайка способна очаровать ваше воображение, когда пасмурным туманным утром вам однажды посчастливится углядеть её изящный силуэт, воздушным облачком повисший над хмурым свинцовым морем. Да ещё, пожалуй, ваше внимание привлекут массивные ярко-красные клювы топорков и тупиков, которыми они обычно схватываются между собой в кратковременных драках за гнездо. В облике птиц, ежегодно посещающих птичьи базары, всё больше красок, присущих северу, - беловато-серой и пёстрой, бурой и чёрно-коричневой, и если даже присутствуют какие-то зелёные, красные или жёлтые оттенки, то непременно с преобладающей в них холодной сумрачностью.

Зато морским птицам, как и самому птичьему базару, присущи строгость и отточенность форм, в которых нет ничего лишнего. Холод и суровость жизненных условий не допускают чего-либо случайного, всё здесь тщательно продумано природой и уже не подлежит каким-нибудь изменениям. Зачем, спрашивается, усовершенствовать и до того безукоризненно работающий механизм, если крохотный кайрёнок в месячном возрасте бесстрашно бросается в море со стометровой скалы, чтобы стать по-настоящему сильной и красивой птицей?! В нём уже присутствует красота, и будущая сила, и великая радость жизни.

Океан живёт, он – колыбель жизни, но забываешь на время о его мощи, когда оказываешься на птичьем базаре, у которого свои масштабы и величие. Есть в нём что-то необъяснимо притягательное, что волнует даже больше, чем море, и если морская даль зовёт за горизонт, то миллионы птиц,

устраивающие свои гнёзда на одиноких голых скалах, вынуждают замереть перед совершенным торжеством природы. Всё, что связано с птицами, возвращением их по весне на холодную родину и заботой о выведении потомства, вынуждает твоё сердце биться учащённо, а душой совершенно забыться, всецело отдаваясь беспокойным птичьим устремлениям.

Чайки, буревестники, бакланы, кайры и старики становятся твоими друзьями, и красота их жизни сливается для тебя с бескрайним простором океана, грозно пенящимся и разбивающимся о скалы прибоем и упругим солёным ветром, неутомимо поднимающим птиц на крылья. Не передать словами, как и ты сам поднимаешься в себе, обнаруживая в птичьем базаре пример собственного, неудержимого устремления к жизни.

Жизнь на птичьем базаре только на первый взгляд, кажется, сложна, но стоит достаточно присмотреться, и ты поймёшь – как просто она здесь устроена. Вдыхая вместе с обитателями птичьего базара морской бриз, можно увидеть, как волны разбиваются о скалы, слышать, как постанывают конюги со стариками, пьянеть от солёного бодрящего воздуха, пропитанного запахом водорослей, выброшенных на камни приливом, и при этом прекрасно понимать все перипетии беспокойной гнездовой жизни, её томительные всплески, забытье и ещё более жаркое возбуждение, - ведь всё это так близко человеку! И хотя мы сильно мёрзли от пасмурной и ветреной погоды, и постоянный промозглый туман не давал нам возможности высушить до конца одежду, радости от соприкосновения с миром пернатых не было предела, а на все неудобства мы не обращали внимания. Когда ещё посчастливится побывать на настоящем птичьем базаре!

Почти у всех птиц, посещающих птичьи базары, кроме топорков и тупиков, вырывающих в земле длинные норы, снесённые яйца находятся на открытом месте, и этим, конечно, не могли не воспользоваться во все времена люди: они собирали яйца для собственных нужд, когда нечего было есть, а также – на продажу или обмен. От несведущих людей часто можно слышать, что разорение гнёзд птиц недопустимо, и сбор яиц, даже в самых незначительных количествах, следует запретить. Однако для человека, всю жизнь связанного с морским промыслом, давно стало вполне очевидным, что на севере чайки, особенно – серебристая, большая морская и трёхпалые моёвки, не приносят заметной пользы, скорее причиняя вред... Конечно, истребляют рыбу и другие виды морских птиц – тупики, конюги, кайры, старики и топорки, море способно прокормить многих, но эти крупные чайки ещё и нападают на гнездовья, утаскивают птенцов, а иногда даже не гнушаются детёнышами котиков, когда некоторые из них, совершенно беспомощные, остаются в одиночестве. И потому, наверное, не имеет оснований слишком бережное отношение к гнёздам, достаточно вспомнить прожорливых пернатых хищников, в огромных количествах похищающих и яйца и птенцов, и когда ты попадаешь весной на гнездовую колонию чаек и набираешь для всей команды наволочку яиц, оставляя птицам возможность восстановить кладку, - это не преступно. Промозглая весна на севере тянется

долго, незаметно переходя в такое же ненастное лето, прошлогодние запасы заканчиваются, рыба к берегам ещё не подошла, и питательные яйца диких птиц – хорошее подспорье работающему человеку, да и люди в здешних местах редки. Разве можно тут говорить об уничтожении гнездовых птичьих колоний?!

Сахалинские нивхи, живущие в прибрежных районах, всегда собирали для еды яйца чаек и других морских птиц. При заготовке яиц на зиму их отваривали, очищали от скорлупы и складывали в тюленьи желудки, заливая тюленьим жиром и завязывая. Что любопытно, многие северные народности, в особенности – нивхи, заливали тюленьим жиром все скоропортящиеся продукты, даже ... морошку.

Вот и эскимосы, исконные жители севера, великолепно знающие его природу, издавна заготавливали по несколько сотен гагарок, посещающих птичьи базары. Забивая птиц, они засовывали их в брюхо убитого моржа, закапывали на много недель, а потом доставали – и ели. Морские птицы всегда являлись их добычей, и если бы не охотники за каланьим и котиковым мехом, - поголовье красивых птиц вряд ли бы пострадало... Северные народы, учитывая суровые условия их жизни, не могли не воспользоваться по весне, когда кончалось пропитание, невообразимо величественным и таким же многочисленным птичьим присутствием и, тем более, первыми птичьими кладками... Это было совершенно естественно.

Мне пришлось побывать на трёх птичьих базарах – на острове Тюленьем, острове Ионы и острове Монерон, и все они, несомненно, могут дать много ума равнодушному человеку, ибо обладают мудрым устройством, которое, каким бы это неправдоподобным утверждением не показалось, отличает строгий порядок. Случалось мне наблюдать за большими скоплениями птиц и на некоторых Курильских островах, но они были незначительны, и располагались на маленьких, отдельно стоящих скалах. Истинную мощь птичьего базара, этого великого скопища морских птиц, начинающего свою жизнь по весне, можно наблюдать только там, где никого нет, кроме этих самых птиц. Скала или остров, на котором птицы располагаются, достаточно высоки, вокруг этого острова присутствуют течения, приносящие обильный корм в лице фито-и зоопланктона и рыб, существует возможность не опасаться хищных зверей, в особенности – песцов, и если все эти условия стекаются в одно целое, то птицы прилетают и выводят птенцов...

Это странно, но присутствие на птичьих базарах всегда что-то переворачивало во мне, я начинал иначе смотреть на мир и свою жизнь в нём. Это птичье возбуждение, вернее – природная гармония, просто повергали. Оказавшись здесь, среди безжизненных скал, холодного моря и этой поражающей воображение возбуждённой жизни, ты понимал, что жил до этого как-то не так, не совсем верно, и именно птичье огромное сообщество со своим неудержимым стремлением к продолжению рода, помогало разобраться в себе. А почувствовав себя среди птиц более цельным

человеком, совершенно обновлённым, тебе и самому хотелось оставить всё своё человеческое и воспарить над морем... Ты, оказывается, тоже в душе птица, и тебе непременно нужно куда-то лететь, к чему-то стремиться, оставив на время свои повседневные заботы. Ты словно перерождаешься вместе с многочисленным птичьим племенем и становишься неудержимым в своих душевных устремлениях.

Северные полярные моря гораздо богаче морскими птицами, нежели южные. Морские птицы зачастую гнездятся такими несметными массами на неприступных скалистых утёсах, что это зрелище невольно поражает и одновременно зачаровывает каждого путешественника, отправляющегося на север. Такие утёсы, избранные птицами своим местожительством, совершенно справедливо называются «птичьими утёсами», а само место обитания – «птичьим базаром», и составляют характерную принадлежность берегов северных морей.

Целые тучи птиц постоянно окружают подобные утёсы. На всех выступах, углах и карнизах утёса в обилии сидят птицы, как по команде, словно солдаты, выстроившись рядами и горделиво выпятив свою белую грудь. Сотни тысяч птиц перемещаются около утёса то вверх, то вниз, и сплошная масса их покрывает море у подножия скал, беспрестанно ныряя и выуживая добычу из воды. Зрелище, что и говорить, в самом деле, потрясающее, и если вы оказались свидетелем всего происходящего впервые, вам, конечно, трудно будет скоро привыкнуть к нему и не переставать восхищаться увиденным.

На птичьем базаре все птицы, на первый взгляд, вьются над островом невообразимо скученной и беспорядочной гурьбой, предполагающей, тем не менее, необходимое и даже дружное жизнеустройство, и если приглядеться, то постепенно различишь, что и кайры, и чайки, и тупики с топорками, и конюги придерживаются своих законов и привычек, которые неукоснительно соблюдаются. Это только кажется, что птичий базар – полнейший хаос, на самом же деле – очень упорядоченное жизнеистечение. «Базар» - само по себе понятие жизнестойкое и цельное, подразумевающее у людей – сход и съезд со всех окрестных мест для купли и продажи особенно жизненных припасов, оживлённый торг между ними, а у пернатых – шумную птичью ярмарку, означающую не только утверждение молодой и здоровой жизни, но и истинную красоту природы.

Жизнь кипит ключом на таком птичьем базаре, и даже само слово «базар» бледнеет перед тем столпотворением, которое воцаряется в царстве пернатых по весне, у моря. От постоянно перелетающих птиц мельтешит в глазах, ор стоит невероятный, но при этом ты быстро обнаруживаешь, что многочисленное население базара выявляет удивительное миролюбие. Между птицами редко когда возникают драки из-за места или добытой рыбы, несмотря на тесноту все они между собой чаще всего очень дружелюбны, и,

находясь долгое время бок о бок, скорее проявляют во взаимоотношениях доброжелательность, нежели раздражение. Птицам, кажется, нечего делить.

Парочки, то есть – самец и самка, принадлежащие к кайрам, тупикам, топоркам, старикам, конюгам или чайкам-моёвкам, всегда выказывают друг другу самую нежную привязанность. Вместе они летают и бросаются в море за рыбой, и так же дружно затем возвращаются в гнездо, сообщая ухаживая за своими птенцами. Ну, если только изредка сцепятся клювами два тупика, кувыркаясь в воздухе, валяясь вниз, к морю, но со стороны это выглядит более забавно, чем пугающе. К агрессивному поведению птиц может подвигнуть только какая-то неординарная ситуация, предполагающая, скажем, вынужденную бескормицу либо противостояние хищнику.

Птичьи базары – бесценная слава и краса диких тихоокеанских островов... Не котики, каланы и песцы, а именно птицы царствуют здесь. Это целая империя пернатых, только они в полной мере владеют островами, и стоит преодолеть немало трудностей, чтобы хотя бы раз соприкоснуться с этим удивительным миром.

Кстати, появились птицы на планете около 150 млн. лет назад – в юрском периоде мезозойской эры. В следующем периоде мезозойской эры – в меловом, птицы активно стали осваивать морскую среду, и Тихий океан для этого был наиболее предпочтителен. Это подтверждено ископаемыми данными, и к тому же уместно будет напомнить, что в мезозойскую эру Африка, Южная Америка, Индия, Австралия, Новая Зеландия и Антарктида образовывали единый материк Гондвану. Тогда ещё не было Атлантического и Индийского океанов, а вот Тихий океан был всегда, он в то время простирался до Южного полюса, так как Антарктида была сдвинута на север в сторону современного Индийского океана... Тихий океан является самым древним океаном по сравнению с другими, и его геологическая судьба тянется с докембрия, более 1 млрд. лет назад.

Так вот, почти на всех прибрежных скалах и труднодоступных местах Тихого океана кипит разноголосая и, вроде бы, безалаберная жизнь птичьих базаров. Кого тут только нет: крикливые чайки, беспокойные глупыши, неуживчивые топорки, остроклювые забавные кайры, вечно голодные бакланы и ещё великое множество стариков, конюг, тупиков и прочих шумных обитателей островов. Птицы даже самим островам подарили свои имена: Арий Камень на Командорах назван в честь кайры, по-местному – ары, остров Топорковый – напротив острова-вулкана Матуа, островки Птенец и Базарный неподалёку от Парамушира, там же – мыс Бакланий, посёлок и гора Буревестник на Итурупе, скала Чайка...

И повсюду поражает обилие и доверчивость птиц... В местах гнездований к ним можно подойти на расстояние вытянутой руки – птицы лишь вертят головами, настороженно поглядывая на пришельца, но взлететь не спешат. Этой доверчивостью нередко пользуются песцы, протоптавшие целые тропы к гнездовьям. Но песцы, несмотря на свою кровожадность, не нарушают сложившегося равновесия, и на скалах не умолкают весёлый гвалт

и суета. Гвалт этот именно весёлый, наполненный безудержной жизнью, и трудно представить себе скалы пустынными, когда наступают поздняя осень и зима...

И среди всего этого гама, от которого не только глохнешь, но и дуреешь, пробивается порой несмолкаемый писк ещё одних морских птичек – чистиков, который усиливается почему-то ночью, когда другие птицы немного замолкают, а под утро уже так надоедает, что не знаешь – куда от него деться. Неприхотливая птичка, маленькая и невзрачная, а шума – не приведи Господь! Гнёзда она, как и многие морские птицы, не устраивает, достаточно подходящей расщелинки в скалах, так что иногда даже яйцо в ней заклинивается, да только птенец всё равно это препятствие рано или поздно преодолевает. Но об этом чуть позже...

К слову будет заметить, что эти маленькие птички, ко всему прочему, весьма любопытны, они безбоязненно подплывали к нашему боту вплотную, когда мы обследовали литораль острова Тюлений, и при малейшем намёке на опасность – ныряли, а вынырнув чёрными поплавками – опять устремлялись к медленно движущемуся боту... Любопытствующие чистики очень занимали нас. Особенно приятно было, когда плотные стайки пролетающих мимо чистиков обдавали лёгким ветерком, плюхались неподалёку от нас, и их игра продолжалась. Крохотные чистики были просто воплощением игривого любопытства, и трудно было понять, почему подобным образом не ведут себя более крупные птицы...

Вероятно, щедрая расточительность природы в прежние эпохи была так велика, что большое разнообразие древних птиц отличал их гигантизм, что, несомненно, не могло не отразиться на их исчезновении. К примеру, среди предков альбатросов были виды с размахом крыльев до семи метров, они представляли собой лёгкую добычу, и природа, чтобы сохранить себя, постепенно пришла к необходимости мельчания. Маленькие птицы могли позволить себе излишнюю доступность, не рискуя когда-либо исчезнуть: кому нужны такие милые крохи?!

Но кроха крохе рознь, и из крошек слагается кучка. Вот и чистики, устраивая свои гнёзда в глубоких расщелинах скал и под навалами камней, где обычно бывает очень сыро, выстилают своё гнездо ... мелкими камешками, чтобы яйца не подмокли. В отличие от других морских птиц маленькие чистики могут быстро и ловко бегать, и в глубоких пещерках оказываются совершенно неуловимы. К тому же, в тёмных расщелинах их надёжно скрывает чёрное оперение, и лишь красные лапки выдают обитателей каменных укрытий.

Интересная деталь: вроде бы, преданные своему потомству, чистикородители зачастую покидают место гнездования до вылупления из яиц птенцов. Оставшись одни, птенцы копошатся в надтреснутых яйцах: они шевелятся и из них доносится писк. Благодаря этому шевелению, яйца сами выкатываются из нор, падают на нижние карнизы или галечный пляж, и разбиваются. Только теперь почему-то появившиеся птенцы опять начинают

вызывать заботу у своих родителей, так что те беспокойно кружат над ними в воздухе и истошно кричат, будто бы не зная – что им предпринять, но, всё же, очень переживая. Необычность такого поведения родителей поражает, и многие из птенцов при этом, конечно, становятся жертвами кровожадных чаек, которые непременно воспользуются странной оплошностью чистиков. Учёные объясняют отсутствие родителей рядом с появляющимся на свет птенцом тем, что самец и самка заняты добыванием для него корма, разыскивание которого для крохотных птиц является делом далеко не лёгким, и на самом деле чистики отличает очень заботливое отношение к своим деткам.

Чистики, несомненно, занятные существа, да и имя своё они получили, по-видимому, тоже благодаря одному их занятному качеству... Дело в том, что охотятся чистики, ныряя с прибрежных скал, и, погрузившись под воду, именно «летают» в водной толще, размахивая своими крохотными крылышками. Движения их действительно напоминают обычный полёт в воздухе, так они изворотливо лавируют под водой, и, достигнув дна, тщательно обследуют камень за камнем. Но появившись на поверхности с зажатой в клюве рыбёшкой или рачком, чистик никогда сразу не проглотит добычу и не улетит с ней к гнезду, а непременно «прополощет» её, несколько раз опуская в воду и наклоняя голову то в одну, то в другую сторону. По всей вероятности эта привычка и дала название чистикам, проявляющим себя как настоящие «чистюли»...

Ещё чистиков прозвали на Дальнем Востоке «каюрками», потому что они протяжно свистят. Но почему – «каюрки»? Слово это, и в Сибири, и на Дальнем Востоке, обозначало проводника, кучера при езде на собаках, словом – «каюра», который правил упряжью, всё время посвистывая. Чистики, наверно, свистят оттого, что чрезвычайно обеспокоены тем, как прокормить своих птенцов, за то и получили, казалось бы, совсем не подходящее им прозвище, а поскольку малы, то слово «каюр» было преобразовано людьми в «каюрки», то есть – постоянно посвистывающие от переживаемой заботы милые птицы.

Ещё один, достойный внимания мелкий чистик с серовато-зелёным верхом, белым брюшком, чёрной головкой и светленькими полосками на ней, появляющимися в брачном наряде вдоль боков темени до самых глаз, именуется «стариком». С каким-то благообразным выражением глаз и трогательностью, составляющей весь его маленький облик, старик вызывает такое же трогательное отношение к себе, когда сидит «столбиком» на голом камушке, или лежит, опять же, как будто робко опираясь грудью на почвенный субстрат. На суше птицы большую часть времени неподвижно лежат на одном месте, хотя при необходимости перемещаются довольно резво: старики либо ползают, отталкиваясь лапками, либо прыгают, перемещаясь за один прыжок на фут, либо передвигаются короткими перебежками, во время которых держат туловище наклонно. Благодаря цепким коготкам старики хорошо лазают даже по почти отвесным скалам...

Чем-то они напоминают нашего лесного обитателя – поползня, передвигающегося по стволу дерева ползком или быстрой перебежкой.

Старик – мал, а тем не менее – причудлив в поведении, оставаясь неординарным во всём... Взять, хотя бы, его способность взлетать с воды без разбега: сидящая птица, отталкиваясь ногами, подпрыгивает на полметра от поверхности воды и начинает полёт. Сходным образом взлетает старик и с суши. Ну, чем, казалось бы, не молодец? Как солдатик, вытянувшись в струнку, взмывает старик в воздушное пространство, будто окунаясь в море, и, наверное, находит в этом удовольствие. Старик – очень занятная морская птичка из семейства чистиков, ни на кого из своих братьев, между тем, не похожая при схожести между собой всё тех же многочисленных чаек...

Вот и странное имя – «старик», откуда оно взялось? Что лежит в его основе? Может быть то, что птица всегда сидит в наклонном положении или вовсе лежит, проявляя таким образом «старческие» наклонности? Старик как будто «старится», держа себя на суше так, и это, вероятно, происходит по той причине, что птица старается оставаться незаметной.

Но, так или иначе, старика не назовёшь тихоней, и задора ему не занимать, не смотря на его не великие размеры. Обосновавшись в колонии после прилёта, старик становится очень криклив, особенно – в начале размножения и во время перехода птенцов из гнезда в море. И если птенцы, выбираясь из гнезда, попискивают негромко – «пси-пси-пси...», то взрослые птицы провозглашают совершающееся действие во всеуслышание, очень настойчиво и с постепенным усилением звука к концу – «ции...ции...циии-и, црриври, црриври, црриври-и!» Облечённые родительскими заботами, старики становятся независимыми, даже, кажется, бесстрашными.

Гнёзда свои старики, как и все чистиковые, устраивают в камнях, выискивая между ними глубокие трещины или пещерки, где их никому не достать. Но если тебе всё-таки удаётся усмотреть чистика в какой-нибудь расщелинке и ты попытаешься прихватить его пальцами, чтобы лучше разглядеть, то птичка неожиданно выплеснет в тебя струю пахучей жидкости и исчезнет в камнях, а то – проворно плюхнется в море и поплывёт стремительными рывочками вперёд, вытянув шею и воровато оглядываясь. Дело в том, что многие из морских птиц, гнездящихся на птичьих базарах, кормят своих птенцов, отрывая полупереваренную рыбу, и некоторые из них, такие, как чистики, даже вырабатывают настоящее «птичье молоко» - особую маслянистую жидкость, или желудочный жир. Вырабатывается он железистой стенкой желудка, главным образом – из употребляемой пищи. Таким путём птица запасает пищу на несколько дней, улетая далеко от колоний, а когда возникает необходимость обороны – тотчас пользуется желудочным жиром, отрывая его в нарушителя своего спокойствия пахучей струёй.

Одна очень милая черта чистиков, правда, только очковых, - их белые пятнышки по обеим сторонам головы. Они сразу вызывают ощущение того, что птица – в очках, душки которых аккуратно заправлены за уши, и чистик,

таким образом, будто пытается разглядеть что-то в окружающей жизни, стараясь не пропустить. Эти воображаемые очки, точно как и ярко-красные лапки, очень идут чистику и заметно его выделяют. Маленькая птица воспринимается уже совсем по-другому, с большим вниманием, хотя сами чистики об этом ничего не ведают, и светлые пятнышки на их головках, вероятно, всего лишь способ отличать друг друга в многообразии пернатого сообщества, населяющего птичий базар.

На средних островах Курильской гряды – Симушире, Шиащкотане, Экарма, Чиринкотане и Райкоке, собираются многотысячные стаи морских конюг, птиц с очень занятыми хохолками на голове из загибающихся вперёд узких перышек. Клюв у них – яркий, оранжево-красный с желтоватой вершинкой. Большая конюга, хоть она так и называется, размерами несколько превосходит скворца, вернее – с перепёлку, а малая конюга и совсем мелкая, с воробья. Эти небольшие птички окрашены в тёмно-серый, аспидный цвет, а на воде кажутся чёрными. В местах, где расположены их гнездовые колонии, конюг скапливается так много, что они «роятся» в воздухе, как пчёлы. Когда стая таких морских пичуг оказывается по ходу судна, они, пытаясь избежать встречи, испуганно разбегаются по воде или разлетаются в стороны.

На птичьих базарах конюги очень крикливы. В весеннее время, когда устанавливаются ясные безветренные дни, голоса конюг, похожие на лай, разносятся далеко над водой, а поскольку конюги обычно держатся стаями, иногда – очень большими, то можно себе представить – какие звуки они издают. Одиночные птицы попадаются крайне редко.

Гнездятся конюги обычно в открытых осыпях, а иногда даже занимают старые норы топорков. Бывает, что пары устраивают гнезда в щелях скальных обрывов, но случается, что и зарываются в землю на глубину в несколько метров. После особо снежных зим, когда снежные наносы лежат на птичьем базаре до середины лета, конюги могут откладывать яйца прямо на снег... Большая и малая конюги такие непредсказуемые птицы, что не знаешь – чего от них ждать, да и вообще сведения по поведению конюг скудны.

Но хорошо известно, что конюги – очень деятельные птицы: они не только с вечера до утра напоминают всем о своём существовании пронзительным криком, а ещё и забавно ведут себя во время тока... Самец, прежде чем начать свои ухаживания, несколько раз встряхивает головой и взъерошивает перья на шее. При каждом новом встряхивании он всё выше и выше поднимает голову, выпячивает вперёд грудь и издаёт лающие звуки, совершая резкий выпад головой вверх при каждом новом крике, а соприкоснувшись клювом с клювом самки, начинает издавать низкую мелодичную трель. При этом и самец, и самка медленно склоняют головы к земле, чуть ли не ложась на неё, оставаясь в таком умилённом состоянии довольно длительное время. И не мешает птицам творящееся вокруг всеобщее сумасшествие, в которое, впрочем, и конюги вносят свою

посильную лепту. Стоит невообразимый галдёж, и, кажется, что сам остров ходит ходуном!

Но сумеречный скрытый образ жизни этих кукольных птичек, особенно – малых конюг, делает их малозаметными среди вездесущих чаек, шумных кайр и беспокойных тупиков. Днём конюгу и вовсе редко увидишь, лишь иногда плавают они стайками в море, а больше – всё светлое время сидят в укрытии, в каких-нибудь каменных завалах, насиживая одноединственное яйцо. Вечером же и в ночное время, когда поверхностный слой воды наиболее насыщен всплывшим из глубин планктоном, конюги вылетают в поисках пропитания. В эту пору они делаются очень разговорчивыми, будто вознаграждая себя за длительное дневное молчание, и до утра громко и без умолку тарарычат, за что и получили среди моряков прозвище – «тараторки».

Невозможно не упомянуть и об очень красивой птице, похожей на топорка и тупика, но имеющей, в отличие от них, белоснежное брюшко, тогда, как и у тупика и у топорка животики чёрные, как северная ночь. Это – ипатка, своеобразная птица, почти весь год проводящая на воде, а потому привыкшая переносить штормовое волнение, промозглые туманы и сильные ветры. Лишь в гнездовой период ипатки появляются на суше, и сразу обращают на себя внимание своей занятой внешностью. Вернее даже будет сказать – импозантной, не подходящей своей броскостью к здешним угрюмым широтам. Ипатка – очень яркая птица, так что ею невозможно не восхищаться.

Впервые увидев ипатку на острове Ионы, располагающегося в самой холодной северо-западной части Охотского моря, я был поражён и её обликом, и тем, что такая диковинная птица здесь очутилась. Её приземистую, крепко сбитую фигурку отличает точность линий, природа зачем-то безукоризненно вылепила эту птицу, а постоянно приподнятая аккуратная головка – удивительно изящна. Ипатке даже присуща некоторая интеллигентность, поскольку и в благородной посадке головы, и в умных, агатово-дымчатых глазах птицы с завораживающей точкой посередине, угадывается скрытое достоинство.

Это ощущение подчёркивают и красные веки, и чёрные кожистые брови над ними, и неоперённые выросты, напоминающие рожки. Всё в облике ипатки как будто наострено, нацелено на очень существенное, что ей непременно суждено пережить, ну, а ребристый и достаточно весомый лимонного цвета клюв с красной вершинкой и вовсе усиливает необычный вид птицы. Кажется, что такой массивный клюв вот-вот перевесит её, птице тяжело с этим справиться, но ипатка крепко стоит на своих красных лапках, даже – почти вертикально, и напоминает маленького рыцаря на краю высокой скалы, лихо запахнувшегося в тёмный плащ и готового в любой момент сразиться с неприятелем, защищая свою честь. Но тем не менее в позе ипатки не чувствуется ничего угрожающего, а наоборот – только миролюбие и доброжелательность, какой-то очень милый и тихий покой

совершенно небоязливой птицы, способной, между тем, отстаять своё право на принадлежащее ей законное место в этой будоражащей воображение гнездовой колонии пернатых.

Несмотря на ошеломляющую красоту ипатки и непонимание того, зачем нужна такая красота седому и дремучему северу, тебе почему-то не просится на язык, что ипатки – до красок ярких падки, и ещё до чего-то такого, до чего ни человеку, ни им самим всё равно не дотянуться... Но птицы, всё-таки, как-то по-своему стремятся быть вот такими неотразимыми, и ими невозможно не восхищаться. Как невозможно не восхищаться самой природой, способной на подобное во имя чего-то непостижимого, но, оказывается, достигаемого: ведь увидел я этих чудесных птиц, мирно ютящихся на голых островах, озадачился их необъяснимой принадлежностью к северу, и отчего-то возмечтал в душе никогда ему не изменять.

А полёт у ипатки – стремительный, даже, можно сказать, красивый. Но когда почти потеряешь ипатку из виду, и частые взмахи её коротких крыльев постепенно начинают сливаться в глазах, создаётся впечатление, что ипатка теряет краски и их сила преобразуется в полёт птицы. И тогда вдруг на минуту самому захочется стать никому ненужной северной птицей-ипаткой, воспарившей над морем. И как представишь, что ты летишь, тоже постепенно растворяясь вдали, то и забудешь о своём минутном перевоплощении, оно оказывается совсем ненужным: ты и так весь насквозь проникнут морем, севером и бушующей в нём жизнью.

Занимая одни и те же острова, разные виды птиц живут каждый своей жизнью. Описывая обитателей птичьих базаров, и учитывая, что чайки на них – преобладают, невозможно не упомянуть моёвок – наиболее запоминающихся птиц из всего чаячьего сообщества. Моёвки, по-видимому, и самые многочисленные чайки из всех, что обитают на Сахалине и Курилах. Очень много их на островах Тюленьем и Монероне. Моёвки – типичные птицы морских побережий и мелких островов, а все неприступные скалы – их излюбленное место.

Если кайры, к примеру, гнёзд не делают, то моёвки устраивают гнёзда, и нередко очень громоздкие. Они умудряются прочно закреплять их там, где, казалось бы, вообще нельзя удержаться. Причём, птицы не выбирают совершенно чистые, без почвенного покрова скалы, но там, где появляется земля и растительность – селятся с удовольствием.

Моёвка, или трёхпалая чайка, как её ещё называют, является представительницей особого чаячьего рода, отличительным признаком которого служит отсутствие или очень малое развитие заднего пальца. Если искать другие отличительные признаки, то их можно обнаружить в более тонком клюве и относительно коротких ногах, пальцы которых, однако, довольно длинные и между ними находятся большие перепонки. Оперение

взрослой птицы на голове, шее, задней части спины, хвосте и нижней части тела – ослепительно белое, верхняя часть спины серовато-голубая, маховые перья беловато-серые, а кончики их, как и лапы, чёрные. Глаза карие, ободок вокруг глаз кораллово-красный, и лимонно-жёлтый клюв.

По земле моёвка ходит довольно плохо и делает это редко, но плавает охотно и продолжительно, даже при самом сильном волнении. Летаёт моёвка легко, иногда махая крыльями, иногда паря и неподвижно держась в воздухе, и при полёте производит разнообразные и красивые повороты. Время от времени она ловко бросается с высоты в воду, чтобы схватить приблизившуюся к поверхности воды рыбу или другое животное, а потом взмывает в небо, оглашая округу громкими и резкими вскрикиваниями – «хэ-э, хэ-э, хэ-э, дак-дак, дак-дак, дак-дак, ка-ка-тай, ка-ка-тай, ка-ка-тай!» Моёвки, кажется, вообще не способны молчать, и даже когда несут сор в клюве для постройки гнезда или рыбу, продолжают непрерывно издавать хриплые горловые звуки...

Оказавшись в среде других птиц, моёвка отличается удивительной склонностью к обществу себе подобных, что чаще всего объясняют её, будто бы, кротким нравом, даже некоей преданностью своим сородичам, но на самом деле моёвке присущи совершенно обезоруживающая неприхотливость, непредсказуемая живучесть и невероятная жадность, необыкновенно сплывающая птиц. Отдельных моёвок можно встретить лишь редко, всё больше они держатся огромными стаями, и, объединившись, совершенно преображаются: не дай, Бог, оказаться у них на пути!

С чего начинается птичий базар для моёвок? Птицы, конечно, должны прилететь, и как только воды Охотского моря очистятся ото льдов, что происходит в начале мая, тут же появляются моёвки. После прилёта птицы сразу начинают вести себя агрессивно – много и, кажется, безо всякой необходимости перемещаются и без умолку кричат. Пары ещё не образовались, но поведение птиц самое, что ни на есть, приподнятое: всё в их действиях предполагает сексуальную озабоченность – выбор места для гнезда, его постройка, знакомство с симпатичной для себя особью противоположного пола, долгожданное спаривание и насиживание яйца, а когда птенец вылупляется – неутомимая забота о нём при равно затрачиваемых усилиях обоих родителей. И всё это сопровождается неумолчным криком, который вспыхивает сразу после того, как самцы захватывают небольшие временные участки, иногда в самой колонии, но чаще возле её границ. Это – так называемые предварительные территории...

Заняв их, самцы ведут себя всё время настороженно: осматриваются по сторонам, привстают на цыпочки, даже подпрыгивают, но выбранного участка не покидают, и стоит какой-нибудь чайке пролететь мимо, как они тотчас реагируют продолжительным криком. А поскольку и на скалах, и в воздухе над колонией находится множество чаек, и крик испускают все птицы, протестующие против возможного вторжения, это временное место обитания птиц характеризуется несмолкающим оглушительным гомоном, так

что если вы попытаетесь поделиться своими впечатлениями с находящимся рядом человеком – у вас вряд ли что получится, поскольку вы просто не будете услышаны.

Интересно, что в отличие от возбуждённых самцов, усиленно ударяющих в полёте крыльями, самки ведут себя спокойно и крыльями взмахивают коротко и плавно. Они как будто присматриваются ко всему происходящему, время от времени опускаются на землю возле кричащего самца, но не приближаются. Самцы от такого поведения самок ещё более воодушевляются, уже пытаются разыгрывать перед ними спектакль... Вскоре и самец и самка занимают распластанную позу, широко раскинув на камнях крылья, какое-то время неподвижно остаются в ней, и вдруг, внезапным рывком выпрямившись, резко отворачивают друг от друга головы... Так начинается у чаек брачный ритуал.

Поскольку окраска у самца и самки одинакова, различить их можно по агрессивному поведению самца, когда он раздувает шею, ещё более истошно кричит и теребит у самки перья. Видно, что он находится в состоянии чрезвычайного напряжения, впадает в явную нетерпимость по отношению к другим птицам и даже принимается исступлённо клевать землю. Очевидно, что самец переживает пик любовного возбуждения, и одновременно отстаивает необходимое для своей пары жизненное пространство... Вид у него при этом самый воинственный!

Как только пара окончательно сформировалась, и между самцом и самкой, наконец, устанавливается умиротворение, поведение самца в корне меняется, и он смягчается. Птицы привыкли друг к другу, самка перестаёт кокетничать с другими самцами, и начинает выпрашивать корм только у своего, а он заботливо кормит её. Затем сформировавшаяся пара подыскивает внутри колонии не занятый подходящий участок для будущего гнезда, и, найдя, защищает его от всех прочих чаек, не переставая издавать умопомрачительные крики: «китт-уээйк, китт-уээйк, китт-уээйк!» Гласно взывая ко всему окружающему миру – не нарушать их отвоёванного счастья, моёвки тем самым его и закрепляют. Орать – не зевать!

Но кричат, да бранятся моёвки весь Божий день не потому, что они вздорны: само существование на птичьем базаре молчать не велит. Это кричит рождающаяся жизнь, ибо кто умирает – молчит, а моёвки своим громогласным криком утверждают будущее своего рода. Они рвутся к нему, бьются за лучшее место ради него, даже негодуют, когда оно им не достаётся. Как говорится: не всяк кричит, кого бьют, моёвки – только во имя жизни, за всё неистребимое пернатое племя, за всех своих собратьев, ради счастья, которое переживает каждый, кто попал на это птичье сборище и остался им очарован, если даже он не птица. Не перекричать, одним словом, чаек-моёвок, да и кому придёт в голову соперничать с ними? Без голоса, как говорится, не кричится...

При всей своей шумной агрессивности в отношении других видов птиц, посещающих птичьи базары, моёвки придерживаются строгого

единобрачия – пары держатся вместе весь сезон, причём не редко и не один год. Встретившись по весне на территории гнездовой колонии, самец и самка легко узнают друг друга по каким-то только им известным признакам, ибо каждая птица обладает индивидуальными отличиями. Они могут проявляться во внешнем облике, например, в форме пятна на кончиках крыльев, в поведении, когда одни птицы ведут себя очень активно, а другие проявляют робость, в особенностях крика... Так или иначе, моёвки быстро определяют знакомых им особей, тем более – близких родичей, и безо всякой подготовки создают пару. Эта наблюдательность и память, которую обнаруживают птицы, отличает почему-то именно моёвок.

Ничто не препятствует моёвкам быстро увеличивать своё количество, поскольку птицы действительно очень неприхотливы, скорее даже – необычайно жадны. На острове Тюленьем моёвки не гнушаются во время забоя котиков мясом и салом забитых зверей, отчего птенцы развиваются и растут быстро. К тому же, моёвки поедают яйца кайр и отбирают корм у их птенцов.

Ко всему прочему моёвки не пугливы, поскольку гнёзда свои устраивают на краю высоких обрывов, куда не в силах забраться хищники, и это способствует спокойному выведению потомства. Но благополучно предоставленные самим себе и избавленные от присутствия врагов, моёвки, между тем, отличаются неуёмной драчливостью между собой, так как вынуждены отстаивать наиболее узкие и безопасные для них карнизы, попадающиеся нечасто. Если сравнить места гнездования прочих чаек и те, что занимают моёвки, то последним требуются самые края обрывов, причём, еле-еле выдающиеся на отвесной стене, чтобы на них никто, кроме моёвок, не смог уместиться.

Моёвки очень щепетильны в выборе подходящего места для устройства гнездовища, лишь немногим из них достаётся подходящий уступ, тогда как остальные вынуждены длительное время вести ожесточённые сражения в попытках отвоевать приглянувшийся карниз. Схватки не прекращаются в течение всего сезона, и многим моёвкам так и не удаётся обзавестись своим местом, а значит – они остаются без детёнышей, что, наверное, ещё более ожесточает птиц.

Трудно себе вообразить состояние птицы, прибывшей ранней весной на птичий базар и весь сезон, до осени, активно проявляющей себя на нём, но в итоге так и не выведшей потомства... Что должна она переживать при этом, как себя вести?! Становится понятной мера привязанности двух птиц, всё-таки нашедших друг друга...

Моёвки, в отличие от других чаек, удивительно трогательны в своих взаимоотношениях... Если самец перестаёт теревить перья у своей подруги, значит они уже достаточно привыкли друг к другу. Во время кормления самки самец никогда не отрывает пищу, а удерживает её в горле, откуда самка её и выклёвывает, едва самец откроет клюв. Со стороны кажется, что птицы целуются... Даже в тех случаях, когда самка этого не делает, он не

выбрасывает пищу на землю, как прочие чайки, и снова её проглатывает. Такое поведение – результат приспособления птиц к особым условиям существования на своих крохотных карнизах, где пищевые отходы неминуемо накапливались бы и разлагались, тогда, как другие чайки обитают на больших участках и отрыгнутые и не подобранные остатки пищи рассеиваются повсюду, не доставляя им каких-либо помех. Моёвки заботятся о чистоте своего маленького гнезда, и с той же предосторожностью впоследствии кормят птенцов, проявляя завидную предусмотрительность.

Но прежде, чем вывести птенцов, моёвки должны обустроить гнездо, которое тоже отличается от гнёзд остальных чаек, в подавляющем большинстве наскоро выскребающих под собой неглубокую круглую ямку, а моёвки, обитающие на узких каменных карнизах, нередко – с наклонной плоскостью, начинают с того, что самец приносит с морского побережья сухие водоросли и ил, скрепляющий их. Затем они с самкой тщательно всё утаптывают, пока не образуется твёрдый, плотно прилипающий к скале коврик. С одной стороны – он расширяет площадь будущего гнезда, а с другой – выравнивает его и обеспечивает устойчивость, где в течение последующих нескольких дней совершается кладка двух-трёх охристых или оливково-бурых с тёмными пятнами яиц.

Самка первое время постоянно обогревает птенцов, а самец пять-шесть раз в день приносит пищу в виде отрыжки. Самка перехватывает отрыгнутую пищу и делит её между птенцами. К концу лета птенцы моёвки уже поднимаются на крыло. Тщательность, с какой моёвки сооружают свою гнездовую площадку, обнаруживает в них особый ум, соответствующий особенностям мест их гнездования.

Любопытно, что отвесные утёсы с узкими карнизами определяют и поведение птенцов: у моёвок оно имеет своё отличие. Если птенцы прочих чаек начинают вылезать из гнезда и расхаживать вокруг него на второй или третий день жизни, то птенцы моёвок гнезда не покидают. Они лежат в нём или стоят на его краю, отрешённо повернувшись к обрыву, но шагов никаких не предпринимают. Послушание, выказываемое родителями, проявляемая птицами основательность и, казалось бы, не свойственное молодым птицам терпение, – поражают. Птенцы остаются сидеть точно на том месте, куда посадили их папа и мама, в таком поведении проявляется, в конце концов, их безопасность, и это свойство также выгодно отличает птенцов моёвки от других птиц.

Птенцы моёвок отличаются красивым серебристым нарядом, тогда как другие молодые чайки могут похвастаться лишь невзрачной покровительственной окраской коричневого, серого или чёрного с пестринами цвета. У птенцов моёвки, при их обитании на коварных и очень узких уступах, где им не грозят хищники, не возникает потребности в маскировке, и они могут позволить себе покрасоваться. К тому же, моёвки – единственный вид, птенцы которого имеют на шее чёрную полосу, не только выгодно подчёркивающую ровный серебристо-дымчатый окрас, но и

свидетельствующую об особенном приспособлении моёвок подавать спасительный для себя сигнал: осторожно, мы не так просты какими кажемся!

Обыкновенная моёвка не больше сизой чайки, и очень на неё похожа, но меньше серебристой, которую тоже сильно напоминает. В отличие от этих двух чаек – моёвка держится исключительно по берегам и на островах, и как бы наиболее выражает своим характером и поведением всех чаек, создаёт их образ. Образ неудержимой и не сдерживаемой ничем свободы...

Когда я вижу, как моёвки садятся на воду, не обращая внимания на ветер и высокие гребни волн, я ощущаю вместе с ними эту свободу. Чайки, похоже, ничего не боятся и берут от своей жизни, приверженной морю, абсолютно всё. Они – неотъемлемая часть морской стихии, далёкой от каких-либо раздумий и переживаний. Всё, что нужно чайкам – это быть самими собой, отрешённо и в тоже время неукоснительно заполняя необъятное морское пространство, расчерчивая его и смыкая, преодолевая и утопая в нём, преодолевая и пытаясь вырваться за его пределы, но не в силах сопротивляться этой оглушительной бесконечности – вновь с головой бросаться в холодящую морскую необозримость. Само необозримое пространство подымает чаек на крылья, а затем ввергает в умопомрачительную бездну, которая, кажется, ещё более окрыляет безотчётные судьбы этих вольных птиц, и чайки будто надсмехаются над своей неприкаянной жизнью, с жалобным криком растворяясь между небом и морем.

Стая чаек – это не просто сплошной колышущийся ковёр, а целая держава, господствующая над другими видами птиц своей неисчислимостью и всеохватывающим оглушительным надрывом. Разве место в ней какой-либо иерархии с отдельными княжескими персонами? Нет, только общее, объемлющее каждого члена этой птичьей необъятности устремление быть всегда вместе, скопом, покрывая собой, словно гигантская волна, скалы, воздух, всё морское пространство. Настоящее базарное торжище, где первенствуют чайки-моёвки...

В небе происходит безостановочное кружение... Каждый тип чайки представляет собой совершенный, и в тоже время чем-то отличный от других птиц летательный аппарат. Скоро я научился безошибочно определять для себя – какой особенной чертой отличается каждый вид чаек, и все они создавали в небе незабываемое зрелище, которое возможно увидеть только вот на таких затерянных в океане островах с благословенными и таинственными названиями – Ионы, Монерон, Тюлений, Экарма...

Глядя на чаек, всегда начинает казаться, будто они требуют, чтобы ты убрался с их территории, и приходят в отчаяние от тщётности своих усилий. Слетающиеся к малейшему объекту охоты, чайки всегда выглядят быстрыми, злыми и драчливыми. Как обезумевшие, бросаются они за каждым куском, не обращая внимания на соседство себе подобных. Небо от их силуэтов темнеет, а чайки только ещё более раззадоривают себя хотя бы

предполагаемой поживой. Почуять корм и в последний момент уступить его собственным собратьям, - они не в силах. И так, неистовство одних птиц передаётся другим, и невозможно, будучи чайкой, не принимать участия в этом ожесточённом споре за свою долю явств.

Чайки обычно чувствуют себя настолько полновластными хозяйками береговой полосы, что прогонят любого, кто, по их мнению, претендует на добычу, которую они приписывают только себе, и человек для жадных птиц не исключение. Если кто из морских птиц и готов к отчаянному нападению на человека, так это именно моёвки. Они его совершенно не боятся и готовы наброситься в любой момент, даже если человек ничего не собирает, а просто прогуливается по пустынному дикому пляжу. Что уж говорить, когда ты потрошишь у кромки воды рыбу: тут чайки способны обезуметь, бесстрашно атакуя человека.

Чайки тучей сосредотачиваются у тебя над головой, от соприкосновения их крыльев стоит угрожающий треск, и птицы нападают с таким упорством и смелостью, что поначалу становится просто не по себе, а вскоре ты уже всерьёз вынужден отбиваться от птиц обеими руками, и, в конце концов, бежать... Смешно чувствовать себя затравленным птицами, но именно это однажды и произошло со мной, когда я вышел к прибою с полным тазом только что выловленной кунджи...

Сначала мне было на самом деле забавно ощущать на себе внимание негодующих чаек, которые вырывали кишки чуть ли не из рук, кружили рядом плотным скопищем, взвизгивали от нетерпения, галдели, схватывались то и дело между собой. Я подбрасывал им в воздух хвосты и головы, и птицы не давали им опуститься в прибрежную пенящуюся воду, они, кажется, застлали собой и воздух, и небо, и я уже начал не на шутку беспокоиться от их бесцеремонного присутствия, когда вдруг несколько птиц сходу ударили меня крыльями по голове, плечам, одна даже вцепилась в рукав, и от такого обращения уже несколько обезумел я... Птицы выглядели неуправляемыми, а главное – меня поразило ощущение, что они целенаправленно и совершенно осознанно атакуют меня.

Согнувшись над тазом и стараясь прикрывать от этих жестоких ударов, в первую очередь, лицо, я лихорадочно продолжал потрошить рыбу, стараясь теперь не разбрасывать кишки, но от этого чайки обезумели ещё больше. Они лезли ко мне уже не с воздуха, а пешком, чуть ли ни протискиваясь под мышками с обеих сторон, большая же масса наседала сверху. В какой-то момент я отчётливо осознал, что если не предприму сейчас же нечто неожиданное, то окажусь попросту заклёванным разбушевавшимися птицами. Но что можно было противопоставить этой дикой стае, кроме как удариться в позорное бегство? И я побежал.

Чайки гнались за мной по пятам вдоль всего пляжа, немедленно наседая всем скопищем, стоило мне остановиться на мгновение, чтобы передохнуть или изменить направление. Больно было чувствовать своё незавидное положение, но что же поделаешь? Чайки ловко лавировали в

воздухе хвостами и крыльями, ударяли меня клювами и по-прежнему безумолчно галдели. Казалось, они собрались со всей округи, чётко представляя для себя, как я напуган, и, по-видимому, стремились запугать ещё больше. Создавалось впечатление, будто птицы застали меня за кражей яиц из их собственных гнёзд, - такими они выглядели раздосадованными.

В какой-то момент я даже вынужден был остановиться, поскольку чайки вставали передо мной сплошной стеной, с тыла же нажимали другие, и двигаться я не мог. Вдобавок те, что пританцовывали в воздухе над моей головой – тоже с раздражённым криком бросались вниз, придавливая меня к земле. Вконец вымотавшись, я вдруг по-настоящему испугался.

Так знайте, дорогие читатели, что тот, кто отваживается подобным образом раздражать видом лёгкой поживы этих дотошных птиц, рискует подвергнуться немедленному нападению целой стаи чаек, как я это описал. И, конечно, он не избежит испытать на себе силу ударов чаячьих крыльев и клювов, всю эту неистраченную птичью энергию, которой, кажется, нет конца. Ведь надо помнить, что прелесть чаек проявляется, в первую очередь, в том, если их не наделять человеческими чертами, а воспринимать отвлечённо от нашего мира, только - в морском, где чайки погружены в свои заботы и выглядят замечательно отчуждённо, как, впрочем, и подобает обитателям первозданной природы.

Внешне – грациозная и красивая, по своему образу жизни чайка взбалмошна, криклива и очень жестока, порой просто отчаянна в добывании пищи... Птица эта хищная, и в открытом море не знает жалости, так как главное для неё – найти пропитание. Люди, потерпевшие кораблекрушение, представляют для чайки обычный корм, а если они мертвы, то расправиться с ними совсем не составляет труда. Когда же человек жив и беспомощно барахтается в воде, лучше всего сначала выклевать его глаза. Никакой опыт не закрепляется у хищников так быстро, как тот, что связан с добычей пищи. Этого требует инстинкт самосохранения.

Во время морских сражений в годы второй мировой войны морякам приходилось часто вылавливать в море людей с пустыми глазницами и растерзанным лицом, и потому несчастным, оказавшимся в воде в ярком оранжевом жилете, особенно привлекающим птиц, нельзя было позавидовать. С каким ужасом, наверное, приходилось взирать этим людям на приближающихся к ним чаек, которых совсем недавно они воспринимали как неотъемлемую часть морской экзотики, совершенно для них безобидной!

Вот и оказавшись на птичьем базаре, поначалу теряешься: как вести себя здесь, что противопоставить великому птичьему исступлению?! С наступлением утра всеохватный гвалт быстро растёт, раздирает рассвет на части и это повергающее птичье возбуждение неминуемо превращается в дикое празднество. Всё новые стаи слетаются откуда-то, вступая в воздушный хриплый ор, в то время как уже сбившиеся в огромное облако птицы жмутся к воде и вода вскипает от их белопенного неудержимого вторжения. Сквозь этот хаос, кажется, невозможно пробраться даже кораблю.

А морские хозяева всю пируют, пьянея от обилия корма и воли. Живое облако превращается в торжествующую тучу, способную взбудоражить, наверное, даже подводный мир. И всё-таки, в своём несметном количестве чайки чрезвычайно красивы, необычны, и сделали бы честь любой птичьей стае, вознамерившейся кого-либо повергнуть или хотя бы удивить. В чайках поражает острвенелая индивидуальность их бесчисленного племени, в котором каждый член – нестигаемый и неумолчный дух, очаровывающий своей непревзойдённой воздушной формой, цветом и устремлением.

Чтобы художнику, скажем, передать эту всеобъемлющую многочисленность, необходимо, должно быть, выписать каждую чайку с её жадностью, неслыханным бесстрашием и красотой. В тоже время не устаёт поражать неслыханная доверчивость этих прекрасных тварей! Замечая любую возможность поживиться, даже если это бесхитростная человеческая приманка с леской и крючком, тысячи пернатых безумцев начинают бороться за право быть пойманными. Восхитительные и глупые чайки! Безмозглая жертвенность красивых птиц вынуждает пребывать в таком же красивом неведении относительно людей, способных на многое высокое, но пользующихся необоснованно низким малым...

Когда рассвет над морем перетекает в роскошный, полный жизни день, чайки, устав добывать пропитание, постепенно разлетаются и воздух будто пустеет. Вспенённая водная поверхность сверкает в золотистых солнечных лучах, словно переливающаяся груда несметных драгоценностей, и в этот миг перед вашим взором, наконец-то, предстаёт море, какое оно есть: с всепобеждающей синью и глубиной, радостное, таинственное и очень мудрое...

Однако вернёмся к всепобеждающему и жизнеутверждающему царству морских пернатых, среди которых белая чайка – ещё одна из птиц, чаще других посещающая птичьи базары. Кажется, она олицетворяет чистоту и моря, и неба, и незамутнённого ничем студёного воздуха, который до предела насыщен присутствием пернатых. Птицы – повсюду, и среди них – белые изящные силуэты, необыкновенно оживляющие суровое северное пространство. Из-за ослепительной белизны птиц создаётся впечатление, будто они только для этого и созданы, и, конечно, ты забываешь о том, какие чайки надоедливые, крикливые, а порой – просто невыносимые.

Белая, как полярный снег, чайка эта ещё более ослепляет, подчёркивая свою белизну коротким зеленовато-жёлтым клювом и красными краями век. У молодых птиц случаются на крыльях тёмные пестрины, но и они лишь привносят в белизну присущую ей чистоту. Белая чайка – это неподдельная радость, которую хранит в себе море, и её обитание на диких дальневосточных островах придаёт ему ещё большее обаяние.

Белые чайки всегда присутствуют на птичьих базарах, без них он не полон, не насыщен таким очарованием, которое приносит нежный излом белых крыльев, и даже когда чайки дерутся между собой, это не вызывает

какого-либо отторжения. Белая чайка – истинное украшение северной природы, у моря, когда всё живое радуется приходу весны, в том числе – и мы, люди, взирая на кружащих над головой белых чаек. Суровое ледовое окружение для этой чайки привычно, всю жизнь она проводит среди снегов и льдов, и тёплые края её не привлекают.

Взирая на кружащих над головой белых чаек, всегда выделишь среди них какую-то одну, почему-то приглянувшуюся тебе, и уже стараешься не упустить птицу из виду. А чайка, будто чувствуя твоё внимание, и вести себя начинает соответственно своим переживаниям: она, по-видимому, всё понимает и старается не изменить себе, уделяя внимание человеку. Чайка чувствует твою энергию, кружит рядом, то приближаясь, то удаляясь, но не в силах оставить приглянувшийся ей, необъяснимый источник чего-то притягательного: птице хорошо с тобой, она, кажется, становится ещё более счастливой от того, что прилетела на птичий базар и встретила там неизвестную, но дорогую для неё энергию. Чайка может даже обезуметь от переполняющих её чувств, и от тебя, наверное, зависит, - как глубоко ты сам чувствуешь и понимаешь её незаметную птичью судьбу, способную, оказывается, и к сопереживанию.

Глядя на белую чайку, всегда почему-то представляется, что все чайки непременно должны быть белоснежными. Таково первое впечатление, когда сталкиваешься с этими оживлёнными морскими птицами. Но, присмотревшись к ним повнимательнее, вскоре уже так не думаешь, захваченный более их своеобразием: чайки могут быть и сизыми, и серыми, и пёстрыми, и даже розовыми, каждая при этом неся и отстаивая своё, ни на кого не похожее «я». Белая чайка в этом многочисленном ряду – как будто начало начал бесконечного птичьего рода, испокон веков приносящего человеку больше пользы, нежели вреда.

Во-первых, белые чайки всегда радовали человека, побуждая осуществить свою самую сокровенную мечту. И человек, благодаря присутствию рядом с собой этих птиц, действительно начинал жить по-новому, более достойно, воплощая в делах и поступках то, что совсем недавно казалось ему недостижимым. Своей сокровенной белизной и стремительно-зависающим, кажущимся совершенно отрешённым от всего полётом, хотя это и не так, чайка просто убаюкивает и сознание, и восприятие, и даже чуткую сосредоточенность души, когда неутомимо следишь за птицей, боясь упустить её из виду. Так она прекрасна, и не надо думать, что получается у неё всё это волшебство случайно... Нет, чайка – убедительная вдумчивость природы, её чудесный лёгкий сон, надежда для того, кто сам себя в себе оставил, не веря в заложенные в него силы, а разглядев на горизонте белоснежную прекрасную птицу, чудесным образом вернулся к своей неповторимой душе.

А белая чайка будто торжествует, казалось бы, никчёмная в сравнении с нашими огородными горихвостками, уничтожающими за день до пяти тысяч вредных насекомых и сберегающих урожай, но, несомненно, птица

совершенно незаменимая в море, когда ты надолго покидаешь берег. В восхищении взирая на белую чайку, тебе невольно вспоминается занесённая дорогими сердцу снегами среднерусская полоса, оказывается, совсем позабытая за морскими красотами, и именно белоснежная чайка тебя к ней возвращает. Одиноко парящая над морем белая чайка напоминает собой необъяснимо любимую, родную снежную безбрежность, её непревзойдённую белизну, и на душе вдруг становится так, будто ты только родился, уже точно зная, что никогда не умрёшь...

Много интересного связано с чайками, в том числе – и с белыми. С помощью этих хорошо заметных птиц, например, английские моряки в годы второй мировой войны довольно успешно охотились за подводными лодками противника. С учётом того, что у чаек отличное зрение и что они подбирают в море судовые отбросы, английским подводным лодкам было дано задание – в проливе Ла-Манш оставлять за собой следы из камбузных отходов. Это стало привлекать тучи чаек, которые привыкли видеть тень лодки, а затем появление корма. Постепенно у них выработался рефлекс – кружиться над всеми подводными лодками в ожидании пищи. А так как передвижение своих кораблей командование ВМС Великобритании чётко контролировало, то всегда было ясно, когда чайки летали над чужими подводными лодками.

Конечно, может возникнуть ощущение, что чайки в своих действиях подвержены природному инстинкту, но они вовсе не глупы, и доказательством этому может служить случай, произошедший с одной пожилой американкой. Восьмидесятидвухлетняя американка Флинн Рэйчел, прогуливаясь по берегу моря, оступилась, упала с высокого откоса и сильно расшиблась. Рядом с женщиной опустилась морская чайка, которую Флинн постоянно подкармливала хлебом. Через минуту чайка взмыла в небо, подлетела к дому Рэйчел и стала отчаянно биться в окно. На шум вышла сестра Флинн и, догадавшись, что всё это неспроста, поспешила за птицей, которая привела её к месту несчастья. Флинн спасли только благодаря быстро оказанной помощи.

Чайки – превосходные летуны, и когда они скользят по воздушным струям, можно вскоре с уверенностью ожидать перемены погоды к худшему: погода неустойчива, раз есть восходящие токи воздуха, давление понижено. А раз достаточно сильно понизилось давление воздуха, чайки выбирают на песчаные или галечные берега, оправдывая известную пословицу – «чайка ходит по песку, моряку сулит тоску». Следует ждать шторма и, скорее всего, затяжного, и, значит, поднимающийся ветер и волны понесут к берегу всякую поживу, до которой так падки чайки.

Зато, когда чайка села на воду или даже на оснастку корабля, чтобы только не летать, тогда можно надеяться на устойчивую хорошую погоду. Чайки присаживаются на воду потому, что нет им поддержки от восходящих воздушных потоков – вода холоднее воздуха и давление высокое. Кстати, тело чайки неглубоко сидит в воде при плавании, поскольку кости у неё не сплошные, они наполнены воздухом, и, вероятно, резкое понижение

давления воздуха, предшествующее шторму, вынуждает их нещадно ныть, от чего особенно выразительными становятся крики и стоны чаек в штормовую погоду. Словом, по поведению чаек можно безошибочно определить погоду, и это, несомненно, было ощутимой поддержкой морякам в прежние времена, когда они были лишены таких точных приборов, как барометры. Различимая в любую погоду, белая чайка не раз, наверное, спасала отчаянных мореходов.

Но если в море можно, наверное, ориентироваться по птицам, исходя из их укоренившихся привычек, то находясь на птичьем базаре, эта возможность совершенно пропадает. Опытный моряк знает, что днём морские птицы летят хаотично: они просто парят над водой, выжидая, когда на поверхности появится рыба, чтобы мгновенно на неё спикировать, а ближе к вечеру они своим поведением могут подсказать моряку, близка ли земля. Если птицы опустятся на воду и будут спокойно сидеть, покачиваясь на волнах, значит, земля далеко. Когда же они взмывают высоко в небо и устремляются всей стаей в определённую сторону, земля близко, и птицы хотят отдохнуть там за ночь.

С помощью белых чаек айны, коренные жители Курил, промышляли лис. Привязав чайку к чему-нибудь в том месте, где приметят лисьи следы, окружали её петлями, а охотник сидел, притаившись, чтобы лисица не успела, попавшись в петлю, перегрызть её. Зверь, услышав порхание свободолюбивой птицы, не знающей покоя, и тем более – скоро завидев её, тотчас бросался на свою добычу и попадал в петлю. Таким образом, неугомонность заметной чайки с выгодой использовалась местным населением, которое хорошо знало окружающий мир природы.

Белая чайка, наверное, именно за свой неугомонный нрав и яркость оперения, служила у мудрых айнов приманкой ещё для одного хищника – орла. На берегу они ставили небольшой шалаш с одним отверстием на самом верху. Внутри шалаша, сразу под отверстием, привязывали белую чайку. Орёл, спустившись, вцеплялся в неё когтями, и пока он силился добычу свою оторвать или оставался пировать на ней, его убивали.

Белую чайку невозможно было не заметить, и люди, тесно связанные с природой, ценили её свойства, отдавая дань в своём культе морской птице. Скульптурные изображения птиц имеются на многих предметах, которые, благодаря этому, на взгляд айнов, приобретали все лучшие качества птицы: хорошую ориентировку, возможность легко преодолевать значительные пространства, изощрённую способность к добыванию пищи, а значит – выживанию и продлению рода, вольного и красивого образа жизни. Символическое значение имела фигурка птицы, вырезанная на коньке крыши надмогильного домика, предполагающая положительную роль для находящейся в домике души. Гармония, установившаяся между птицей и человеком, кажется, не несла ничего худого ни тому, ни другому.

Но что, если птицы живут одним грабежом, которому они подвергают менее слабых чаек, кайр, чистиков и топорков, а иногда даже детёнышей котиков? Как это делают, к примеру, большие североморские чайки...

Возможна ли в природе подобная кровожадная отрешённость, когда одни птицы всё время преследуют других, и ничего более их не занимает?

Беспримерная настырность этих крупных чаек скорее не озадачивает, а поражает, и всё-таки, несмотря на их беспощадность, они, между тем, не приносят особого вреда всем вышеперечисленным видам. Наоборот, благодаря жестокой нацеленности большой североморской чайки, кажется, не без удовольствия осуществляющей свои нападки, происходит отбор самых приспособленных и поддерживается здоровье и постоянный уровень жизнедеятельности всех членов популяции птичьего базара. Как на острове Тюленьем, славящимся и многочисленными гнездовьями пернатых, и ежегодным приходом на остров морского зверя...

Вдоль всего котикового лежбища, возле серо-голубых скал, нависших над ним, торопливо пролетают старики, конюги, топорки, кайры и бакланы, поглощённые своими птичьими заботами, и только большие североморские чайки никуда не спешат, а назойливо парят поблизости, высматривая поживу. Вот одна опустилась близ недавно родившей матки, попыталась подойти к ней, чтобы утащить детёныша, но зверь отогнал птицу. Чайка терпеливо выжидает. Наконец животные привыкают к присутствию птицы настолько, что теряют в какой-то момент бдительность, и хищник беспрепятственно хватается мощным жёлтым клювом малыша, вытаскивая его на свободный участок лежбища. Но тут новое осложнение – на чайку набрасывается самец, и птица вновь отскакивает, терпеливо выжидает, а когда зверь возвращается к гарему, спокойно оттаскивает добычу ещё дальше и принимается её расклёвывать. Конечно, больно наблюдать за этой трапезой, жалко несмышлёных малышей, но такова суровая жизнь у самого моря, которая неотступно притягивает своей открытой и доступной красотой.

Эти извечные спутники морей и диких скалистых берегов, несмотря на свою хищность, действительно красивы. Они вооружены длинными жёлтыми клювами, загнутыми на конце, как пиратские кинжалы. Острые и цепкие, они не знают жалости ни к своим пернатым собратьям, ни к их потомству, ни к беспомощным чернышам – детёнышам морских котиков. Эти сильные североморские чайки – жестокая изошрённость, живущая у моря и питающаяся чужой слабостью.

Их не назовёшь ненасытными, они почему-то именно злые и безжалостные, оказывающиеся именно там, где в этот миг нужна поддержка, а не насилие. Но они несут с собой только насилие и страх, всех повергая своим появлением в смятение. Молниеносное нападение, удар и расправа, чтобы в следующий миг повторить то же самое. Им некого страшиться, может быть – только без ущерба для себя опасаться, и большие чайки всю бесчинствуют, наводя среди пернатого населения прибрежных скал и диких островов ужас.

Впрочем, переживают ли в полной мере ужас совершенно незащитные птицы или маленькие животные, когда они оказываются повергнутыми безжалостными «воздушными пиратами» мгновенно? Успевают ли они хоть

как-то отреагировать на происходящее? Ведь мгновенность – суть жизни морских стервятников, и они безукоризненны в своей природной приверженности. Движения их отточены и ловки, устремления же однозначны: большие и сильные чайки берут то, что принадлежит им по праву, а подвергнувшись нападению птицы даже не успевают ужаснуться.

Но при этом большие североморские чайки не всегда прямолинейны, как принято о них думать. Им, оказывается, присуща изворотливость, которой можно только позавидовать, учитывая, какие эти чайки настырные. По всей вероятности, это самое качество в условиях жёсткой борьбы и предопределило у птиц неминуемость наглого натиска, когда неограниченная ничем сила достигла пика.

Большие сильные чайки превратились в холодных палачей, за что и получили, должно быть, среди моряков, большинство из которых были выходцами из среднерусских деревень, своё отчаянное прозвище – «мартыны», суть которого – в настигающей их на птичьих базарах некоей бездушной слепоте, обуревающей по весне, на Мартына-лисогона, лисиц, теряющих над собой контроль. Знающие русскую природу, бывшие мужики, ставшие моряками, видели в лихой безудержности чаек неподдающуюся описанию весеннюю взбудораженность зверей, заключающуюся, по их мнению, в ёмком, каком-то оторванном и брошенном в пространство имени – «мартыны». А ещё «мартынами» в России называли чернорабочих артельщиков, которые шли в работу к купцу бесплатно, устраивали крытые лубьями и рогожами амбары, принимали, меряли и ссыпали пшеницу на свой ответ, всю артелью живя воровством и обмером, кражей хлеба у продавцов. Понятие «мартынничать» или «мартышничать» - означало промышленным мошенническим занятием, и пошло оно, по-видимому, от слова «мартышка», от зверя, также проживающего мошенничеством и кражей.

Изошрённость «мартынов», конечно, отлична от простой изворотливости, присущей рядовым чайкам, и несёт в себе идеальное угадывание ситуации, которую можно максимально обернуть в свою пользу, порой даже доведя до абсурда. Вот, самка морского котика отлучилась в море, чтобы привести себя в порядок от последствий постоянного ухода за взрослым самцом, а один из её многочисленных детёнышей на какое-то время остался один. Я наблюдал подобный случай неоднократно, причем, вблизи, и всегда поражался умению «мартына» мгновенно оценивать конкретную обстановку, когда вокруг расположилось звериное стадо в несколько сот голов...

«Мартын» безошибочно примечает оставшегося без присмотра малыша, в мгновение оказавшись рядом, и прикидывается обыкновенной любопытной чайкой, не предполагающей какого-либо злого умысла. Он опустился на песок меж блестящих, распластавшихся тел котиков как будто случайно, чтобы просто передохнуть. И вдруг – бросок, молниеносный удар по неокрепшему черепу и хладнокровно выклеванные маленькие голубые глаза... Разве мало ему поблизости корма и во имя чего он так

неистовствует? Причём, спокойно, совершив этот вандализм – тотчас забывая о нём и нацеливаясь на другой подходящий объект.

Мало того, у большой морской чайки, имеющей длину тела более семидесяти сантиметров, а размах крыльев около двух метров, зачем-то существует двойник – большая полярная чайка, обладающая такими же внушительными размерами. Родиной этих прекрасных птиц служит крайний север, и большая полярная чайка также охотно посещает птичьи базары, где для неё – полное раздолье, ибо не существует врагов. Большую полярную чайку неслучайно прозвали «бургомистром»...

«Бургомистр» в северных балтийских губерниях – градской начальник, а в русских деревнях помещик ставил бургомистром над вотчиной старосту из крестьян. При Петре 1 в 1699 году посажены были по городам бургомистры или бурмистры, подчинённые московской бурмистерской палате или ратуши. Словом, «бургомистр» - всему голова, выше его – никого нет. По этому значению, видимо, и отметили звучным именем крупную полярную чайку, задающую порядок среди морского пернатого царства, её постоянно путают с большой североморской, и неслучайно, но это, всё-таки, разные птицы, хотя и схожие по характеру и внешнему облику.

И ещё несколько слов о главенствующих на птичьих базарах птицах, отличающихся значительными размерами и наглостью: не стоит путать большую морскую чайку, кем-то называемую «мартыном», и большую полярную, именуемую «бургомистром», с тихоокеанской клушей. Как и «бургомистр», и «мартыны», клуша, несмотря на своё непутёвое имя, осуществляет набеги на кладки яиц кайр и их птенцов, поедает плаценту, оставшуюся после щенки самок морского котика, нередко атакует павших детёнышей морского котика и даже новорождённых, сначала выклёвывая им глаза. На острове Шикотан клуши даже питались во времена китового промысла останками китов, выбрасываемых в море китобойным комбинатом.

В общем, клуша, как и большая североморская чайка, и бургомистр, - грозный морской хищник, и прозвали её так, видимо, из-за частичного сходства с квохчущей наседкой, какой она себя проявляет, когда насиживает яйца очень плотно: к насиживающей самке можно подойти почти вплотную, и она не оставит гнезда. А поскольку «клушей» испокон веков называли ещё и дурно одетую или закутанную, чем ни попадя, женщину с серыми быстрыми глазами воровки, что очень напоминает эту птицу, имеющую ко всему прочему очень растянутую линьку, и, следовательно, постоянную взъерошенность, то, может быть, всё вышеизложенное и послужило основой для наименования большой и несколько неопрятной тихоокеанской чайки «клушей». Но стоит увидеть клушу в действии, когда она нещадно терроризирует обитателей птичьего базара, и вы забудете о её несколько неожиданном для неё прозвище: ведь, скорее, она – хищник, нежели «клуша» в той мере, в которой её больше воспринимают?!

Конечно, чаще всего эта птица держится на морских побережьях, где питается выбросами моря: морскими ежами и звёздами, крабами и

ракообразными. На Курилах я видел, как клуши охотятся за ходовой рыбой, поджидая движение сельди. На острове Тюленьем клуши охотно поедают яйца и птенцов кайр, а также рыбу, приносимую кайрами для птенцов. На Сахалине какая-то часть клуш даже улетает далеко от морских берегов, в глубь острова, где они охотятся за полёвками. Нередко клуши забивают детёнышей морского котика и даже новорождённых... Но, тем не менее, эта тихоокеанская чайка – ещё одна необыкновенная птица, украшающая собой прибрежные скалистые обрывы, небольшие острова, разбросанные по морю, или отдельно стоящие в море кекуры...

... Жизнь у моря, при видимой размеренности происходящего, необыкновенно кипуча и таинственна. Поначалу ты начинаешь чувствовать себя здесь каким-то затерявшимся несмышлёнышем, которого, как и этого несчастного котика-черныша, забиваемого чайками, кто-то водит за нос и наслаждается от ощущения твоей растерянности. Вот когда нужно собрать свою волю в кулак, и вслушиваясь, всматриваясь в окружающий мир – попытаться почувствовать себя ему сопричастным.

Птичий базар околдовывает и будоражит, и ты рано или поздно, оказавшись на нём, откажешься от несущественного в своей жизни и воспрянешь духом, если хотя бы на миг утратил его присутствие. Тебе, опять же, помогло море и те существа, которые слагают его суть, - морские птицы...

Какая радость, думаешь ты, что однажды море предстало перед тобой, ты жил в нём и желал для всех такого же счастья обладания тем, что никогда нельзя потерять. Радость обладания была всегда так огромна, что хотелось делиться ей, никого при этом не обременяя. Но разве возможно обременить счастьем обладания такой необъятной радостью, как море?

На первый взгляд безмерность его ограничена уровнем развития твоей души... Но потом ты понимаешь, что как бы развита ни была она, море всё равно остаётся безмерным и непостижимым. И птичье царство на краю его будет всегда лишь свидетельствовать о морской безбрежности, несущей в себе притягивающую необъятность, обаяние нескончаемой широты, куда можно всегда отправиться в путешествие. Птицы, несомненно, украшают удивительное морское пространство, они его ещё более насыщают жизнью.

Пожалуй, хватит перечислять особенности птиц, посещающих птичьи базары, тем более, их всех не перечесть, так они многочисленны и неподражаемы. Птичьи базары хороши именно своим необыкновенным птичьим сообществом, тем, что вместе собираются непохожие друг на друга птицы, и все они – по-своему неповторимы. А люди стремятся к ним, и, как ни странно, пытаются найти среди этих птиц своё счастье. Вернее, самого себя, то, на что ты способен.

Птицы, оказывается, помогают человеку почувствовать себя другим, лучшим, готовым посвятить свою жизнь нескончаемому путешествию к

Божественному тождеству, к возможности воспарить над собственной нерешительностью и достичь недостающей гармонии со всем миром. Стать птицей в собственной душе, означает – полететь, и мысленно и наяву к самому дорогому, что может быть для человека, к Богу. И чайки, и тупики, и конюги со стариками, и топорки, и даже клуши, кажется, осознанно приглашают нас к какому-то очень важному, внутреннему учению, не считая человека чужим. Вот что почувствовал я на многоголосом и не поддающемся точному описанию птичьем базаре, где и мысли, и душа моя, и сам я превратились в морскую птицу, мужественно отстаивающую свою способность быть свободным, вольно паря над бескрайней морской стихией, не отрываясь сердцем от суши.

Интересно находиться на птичьем базаре, когда и одинокая скала, и море окутаны туманом... Птиц не видно, но вскрикивания их перемешиваются и, благодаря туманной пелене, будто приближаются к тебе вплотную. Вот-вот чудится, что обеспокоенные туманом птицы налетят на тебя и сшибут с ног, и тебе не удержаться на голых, скользких камнях. Все птицы воспринимаются большими, еле различимыми тенями, и вдруг где-то прорвётся туманная завеса, выглянет солнце и в коротеньком разрыве откроется холодная небесная синева, и упругая зелень моря... Необыкновенно радостно станет на душе!

А уже через несколько мгновений туман, подобно театральному занавесу, раздвигается, и взору открываются серовато-голубые скалы, где густо, плечом к плечу, сидят чайки и кайры, оглашая всё близлежащее пространство неумолчным криком. Каменный остров – сплошная копошащаяся птичья колония, где каждому, как это ни странно, находится место, ибо когда одни птицы срываются в полёт, другие, возвращаясь с моря, тотчас их заменяют. Во истину – птичий рай, несмотря на жуткую тесноту и плотность!

Чайки, словно снег, покрывают обрывистые отроги. Они не боятся человека, и смело нападают, непрерывно обстреливая серовато-белыми брызгами помёта, который ударяется о камни и медленно сползает длинными рваными полосами. А сидящие на краю карниза кайры, то и дело поливают жидкими испражнениями других птиц, сидящих ниже на скале.

Вокруг стоит неопикуемый ор, и невозможно различить, кто шумит более – птицы или море? Самки с криком встречают подлетающих с кормом самцов, особенно усердствуют моёвки, и тяжело вздыхает внизу прибой. Гам, шум, крик налетают какими-то рваными порывами, а лицо приятно обдаёт сырой тёплым воздухом, принося солоноватые запахи взбитой волнующимся морем пены, холодного камня и смрада птичьего базара, в котором перемешаны горечь оплывающего грязного льда и затхлость полуразложившейся рыбы, зловоние птичьего помёта и разбитых яиц, терпкая морская свежесть... Кипит великое птичье сообщество, состязаясь с самим морем, и необыкновенно радостно быть здесь и всё это видеть!

И всё-таки, намаявшись от нелёгкого труда у моря, с его промозглой сыростью и ветрами, неустроенным бытом и опостылившей ломотой в суставах, перенасыщенных азотом, захочется тебе, рано или поздно, сухого тепла и домашнего уюта. Экспедиция подходит к своему завершению: сколько незабываемых впечатлений увозишь ты с собой, счастливый от переполняющих тебя эмоций! Не терпится поделиться ими с друзьями и родными, с нескрываемым восхищением передавая увиденное, а потом вдруг успокаиваешься, неожиданно замкнувшись... Север научил тебя быть сдержанным, несмотря на шумное многоголосье разнопёстрого птичьего базара, куда ты вскоре вновь мечтаешь отправиться, чтобы до глубины души проникнуться его скупыми красками, запахами и неугасимым жизненным ритмом... Птичий базар неотступно манит тебя в новое увлекательное путешествие.

«БАКЛАН»

В безлюдных дальневосточных просторах, среди угрюмых скал, обитает не похожий на других морских птиц баклан. Море в изобилии даёт ему корм, а неприступные скалистые кручи служат птице укрытием и местом гнездования. Бакланы всегда встречаются недалеко от земли.

Бытует мнение, будто бы наличие птиц в море – есть верный признак близости земли. Это далеко не так, поскольку есть птицы чисто водяные, которые держатся постоянно над водой и к ним относятся альбатросы и разного рода буревестники. А вот появление рядом с судном бакланов означает, что берег должен быть где-то поблизости. Бакланы более привержены берегу, нежели открытому морю.

Этих необычных на вид существ – бакланов, редко увидишь вместе с кайрами, тупиками, топорками или какими-либо чайками. Чаще они держатся в одиночестве, когда часами, совершенно неподвижно, просиживают на прибрежных скалах или отдельных камнях у самого моря. Такое задумчивое пернатое племя, на первый взгляд, непонятно для восприятия, потому как большинство морских птиц крикливо, и ведёт себя всегда очень оживлённо. И, тем не менее, бакланы не выглядят птицами, желающими только чтобы их не заметили, а наоборот, как бы даже приподнято насторожены в своём терпеливом ожидании у моря.

«Чёрные птицы»... Так называют бакланов впервые увидевшие их люди, и довольно мрачное первое впечатление развеивается только после того, как они познакомятся с ними поближе. Бывает, на уступах скалы, от её подножия до верха, по самым узким карнизам, умещаются тысячи морских птиц, гнёзда их – повсюду, но бакланы почему-то предпочитают держаться в отдалении – на прибрежных камнях, хотя и рядом с бесчисленным птичьим сообществом. Бакланы не белят так скалы известью, как чайки.

Оперение бакланов действительно чёрное, с зеленовато-бронзовым оттенком, который можно различить лишь вблизи. Крылья у бакланов короткие, закруглённые, и по этой причине птицы не могут долго парить над морем. Ноги же у них отнесены далеко назад, что облегчает бакланам плавание и особенно – ныряние. Вдобавок, стержни грудных перьев у баклана сильно изогнуты, и поскольку при нырянии оперение испытывает в воде большое давление, то изогнутые стержни слегка разгибаются, не прижимаясь к телу птицы, и перья намокают не сразу. С таким расположением ног, оперением и короткими крыльями баклану легче передвигаться под водой, чем по воздуху.

Ещё у баклана клюв загнут на конце крючком, что придаёт птице сосредоточенный вид, даже некую основательность. Но такое строение клюва необходимо для удержания сопротивляющейся добычи, будь то маленькая рыбёшка или моллюск. Отыскав добычу, баклан ловко зажимает её в клюве и устремляется на поверхность, где, резко откинув голову назад, тотчас проглатывает. Ни секунды не передыхая, он, в мгновение

перевернувшись, вновь бросает себя в очередной нырок, и до того у него это получается целеустремлённо и расковано, что ты невольно начинаешь завидовать птице. Вот бы и тебе так же озорно и стремительно освоить погружения под воду, а ведь баклан способен нырять на несколько десятков метров!

Под водой баклан совершенно преображается! Как молния проносясь в толще воды значительные расстояния по горизонтали, баклан способен опускаться на глубину и по вертикали, зигзагообразно сложив крылья и вытянув шею. Со стороны сначала покажется, будто это запущенный кем-то бумеранг, разящий без разбору каждого, кто попадаете ему навстречу.

Манёвренность прохождения под водой у баклана невероятна: он гребёт и взмахивает крыльями в толще воды точно так же, как и в воздухе. Во время нырка баклан может молниеносно менять направление, вкручиваться в глубину наподобие штопора, вертеться на месте и крутить сальто с такой лёгкостью, что даже засомневаешься: не рождена ли эта птица для подводного обитания и так ли свободно она нацелена на добычу в воздухе?

Причём, ныряет баклан чаще всего из положения на плаву, и под воду уходит мгновенно, находясь там минуту и даже более. Судя по всему, баклан чувствует себя в воде увереннее, чем на берегу, а главным двигателем его оказываются лапы с широкими перепонками. Короткие же крылья используются как их дополнение, для манёвра. Необыкновенная птица, порождённая неповторимой морской стихией!

Однажды, работая под водой, я был напуган подобным нырком баклана, который вошёл в воду совсем рядом, оставив за собой пенящийся шлейф. Его тёмно-коричневое оперение мгновенно покрылось мириадами воздушных пузырьков, и баклан предстал прямо перед моими глазами в сверкающем одеянии, лихо наброшенного на его выпуклые плечи. Баклан даже, кажется, косил на меня свой карий глаз, и ещё более остервенело рванулся вниз. Поначалу я подумал, что это свалился с прибрежной скалы камень...

Прошло больше минуты, а баклан не появлялся. Наверное, он уплыл куда-нибудь в сторону, подумал я, и прошло ещё с полминуты, прежде чем я заметил, уже в значительном удалении от себя, устремлённую вверх птицу. Баклан теперь выглядел каким-то сдавленным, как будто он похудел на глубине, и чуточку истощённым, но всё равно плыл к поверхности уверенно, в этот раз не взглядывая на меня. Всё его спрессованное подводным давлением существо было нацелено на высвобождение от глубинных пут и баклан что было сил молотил перепончатыми лапами, будто бежал по земле. Вскоре он исчез, и лишь серебристая дорожка мелких пузырьков какое-то время напоминала об этом отважном ныряльщике.

Бакланы действительно отменные пловцы и способны погружаться на очень значительные глубины, демонстрируя восхитительную технику ныряния. Недаром японцы использовали этих птиц при добыче жемчуга,

когда бакланы, опускаясь на дно, выхватывали из раскрытых раковин драгоценные горошины, привлекающие их своим блеском, и, зажав в клюве, поднимались с ними наверх, к своему хозяину. Баклан, при своей склонности погружаться на значительную глубину, мог поднять со дна гораздо большее количество жемчуга, чем ныряльщик.

Держась больше у берега и добывая себе пищу, в основном, подводным способом, баклан, тем не менее, довольно быстро летает. Правда, полёт у него какой-то прямолинейный, не манёвренный, как у чаек, и когда он летит, вытянув длинную тонкую шею и часто взмахивая крыльями, то несколько напоминает уток или гусей. В облике баклана вернее обнаружишь нечто сухопутное, отчего поостережешься сразу назвать его «морской птицей», и более того, сразу после первого знакомства с ним, возникает ощущение, что полёт для баклана – довольно тяжёлая работа. И всё же некоторые бакланы не преминут из любопытства лишний раз облететь проходящее мимо судно, в удовлетворении усевшись в скором времени на камни.

Сидит баклан на оголившихся после отлива камнях обычно с полуразвёрнутыми крыльями, будто настороженно всматриваясь в простирающееся перед ним водное пространство, готовый вот-вот ринуться туда, и поначалу начинает казаться, что он высматривает добычу. Но приглядевшись, убеждаешься: баклан словно отчего-то забылся или даже задумался, отрешённо взирая на море, и вроде бы даже не помышляет о рыбе. А может быть он, таким образом, просто передыхает от напряжения, которое испытывает на глубине...

Вероятнее же всего бакланов можно часто видеть торчащими столбиками на прибрежных камнях потому, что они вынуждены всё-таки время от времени просушивать перья. Пепельно-коричневое оперение бакланов недаром грязновато, до черноты, под стать прибрежным невзрачным камням, но как бы бакланы не маскировались, их всё равно сразу отличишь по неподвижной вытянутой фигурке, напоминающей кувшин с длинным горлышком или бутылку шампанского.

Что высматривают бакланы в бесконечной морской дали, о чём их непостижимые птичьи думы, - непонятно. Может быть, они силятся что-то вспомнить или им просто некуда девать своё время? Но ведь другие морские птицы не ведут себя подобным образом, и даже присаживаясь отдохнуть на какое-то время, вскоре вновь срываются в стремительный полёт над морем, на который они обречены всем своим образом жизни... Бакланы же продолжают своё отрешённое созерцание морской поверхности, кажется, не в силах оторвать от неё взгляд.

Устроившись поудобнее на голых скалах, бакланы обычно сидят, не двигаясь, лишь изредка поводя головой из стороны в сторону, и вновь на долгое время замирают. Иногда они утробно курлычат – «урр...урр...урлл, урр...урр...урлл...», как будто чем-то недовольны. Но так, правда, беспокоятся по весне и в начале лета только заботливые бакланы мамыши, которые закрывают растопыренными крыльями своих длинношеих

детёнышей, наклоня на бок головы, - видно, что у них на уме одно беспокойство и тревога за своих малышей.

В таком положении бакланы подпускают к себе очень близко, и можно подобраться к ним на несколько метров, хорошо разглядев зеленовато-сизое горло и грудь, чёрно-угольную спину и в бурых подпалинах крылья с хвостом. Глаз у баклана тоже какой-то зеленовато-сизый, с чёрной точкой посередине, и он почему-то всегда тревожно сверкает, то и дело вздрагивает, как тёмно-серый мешочек под клювом – своеобразная кошёлка для рыбы. Малыши обычно бесцеремонно заглядывают в него и шарят там в поисках рыбы, у каждой мамы их не меньше трёх.

Бывает, бакланы сидят на камнях у самой воды, в цепочку, и вспугнутые чем-либо, также все вместе поднимаются в воздух. Птицы летят вслед друг другу, вытянувшись в длинную вереницу, словно нанизанные на невидимую верёвку неведомые чёрные рыбины. Получается это у них так неторопливо и ровно, что, кажется, – нырни сейчас первый баклан под воду, и остальные тоже размеренно, ни секунды не колеблясь, дружно последуют за ним. Вся эта бакланья живая гирлянда завораживает именно своей размеренной неразъединённостью полёта, даже – тишиной, поскольку бакланы не издают при этом ни звука. Но самое поразительное, что они не меняют дистанцию между собой, сохраняя то расстояние, на котором отрешённо восседали рядом на камнях. Кажется, даже ружейный выстрел не нарушит этого выдержанного птичьего порядка.

Кстати, об охоте на морских птиц... Во времена Витуса Беринга на Командорских островах обитал очковый баклан, который довольно быстро был сведён на нет из-за своей доверчивости. Те самые, потерпевшие крушение матросы из экспедиции Беринга, и били птиц палками, и большие глуповатые птицы, а потому, отчасти, и неповоротливые, ничего не могли этому избиению противопоставить. Они действительно были порядком тяжёловесны, о чём свидетельствовал член экспедиции Беринга зоолог Стеллер, кстати, его именем впоследствии будет названа морская корова, так же, как очковый баклан со временем выбитая, так вот этот Стеллер утверждал, что одного очкового баклана с избытком хватало на троих измученных голодом людей. Вес этих птиц, опять же по воспоминаниям очевидцев, достигал 30 фунтов, то есть – двенадцати килограммов, и именно его большие размеры, доверчивость и вкусное мясо привели к тому, что за несколько десятков лет баклан этот полностью был уничтожен.

Что же касается вкуса мяса других морских птиц, то он даже для голодного человека неприятен, а кому-то и вовсе противен, поскольку запах морских растений, присутствующий в нём, очень чувствителен, и кусок птичьего мяса просто застревает в горле. В давние времена, когда судно уходило в море на два-три года и начинало скоро сказываться отсутствие свежего провианта, моряки ловили альбатросов и чаек на уду, после чего сразу в пищу пойманную птицу не употребляли, а некоторое время держали в так называемом «курятнике», кормя мукой, разведённой на тёплой воде.

Мясо птиц от этого постепенно теряло неприятный вкус и запах, отчего альбатросов можно было сравнивать даже с гусями, чаек же – с утками.

Мясо бакланов тоже сильно отдаёт морскими водорослями, а вдобавок – рыбой, к тому же – оно жестковато, и от долгой варки совершенно деревенеет. Когда нам пришлось однажды голодать около двух месяцев на острове Атласова, о чём будет рассказано позже, то легче всего получалось стрелять именно бакланов, поскольку сидели они на камнях у береговой полосы и были более доступны, нежели другие птицы. При отсутствии какой-либо другой пищи, за исключением ягод, отбитые бакланы тушки шли у нас на «ура».

К слову заметить, мясо морских животных, а именно – дельфина или тюленя, не имеет подобного неприятного привкуса рыбы и водорослей, и даже более того, отдалённо напоминает, на мой взгляд, лесную дичь. Не знаю, чем это вызвано, но мелкопорезанные и пережаренные с луком кусочки мяса самки дельфина возбудили однажды в моей памяти ничто иное, как аромат хорошо пропечённой глухарятины. Впрочем, чего только не вообразит себе изголодавшийся желудок!

Но почему только баклан считается менее пригодным в пищу?! Вероятно, виной тому его способность нырять на довольно значительную глубину, когда у него оказываются задействованы все мышцы, и упражняясь таким образом в течение тысячелетий, эти птицы укрепили себя до невозможности: тела их стали твёрдыми и выносливыми. И где уж тут до кулинарных опытов, если мясо птиц трудно подчиняется обработке для приготовления самого неприхотливого варёного блюда, пусть даже для кого-то воспринимаемого изысканным?!

Да, бакланы – непревзойдённые ныряльщики! Конечно, есть морские птицы, которые и летают, и плавают, и ныряют несравненно дальше, быстрее и глубже, но разве можно сравниться с загадочным, каким-то совершенно необъяснимым в своём отрешённом поведении бакланом, когда он сидит спокойно на прибрежных скалах, так что трудно ожидать от него какого-либо неожиданного, не вяжущегося с его покойным образом поведения, и вдруг, сорвавшись, молниеносно врывается в морские воды, надолго исчезая в них. Неужели баклан погиб?

Раньше, ещё до того, как я стал погружаться под воду, мне всегда хотелось заглянуть туда, где волны только что сомкнулись над этой удивительной птицей, и посмотреть, как там у неё всё получается? Но прежде, чем погрузиться вместе с бакланом в глубину, я с какой-то необъяснимой привязанностью любовался, как он отрешённо сидит на скале, всем своим видом давая понять: уединённость – моя стихия, и точно так же, как я отрешённо держусь в одиночестве на берегу, я свободно парю и под водой. Мне нет равных в способности нахождения у моря с самим собой, когда я совсем один, и это состояние соответствует моему глубинному птичьему настрою.

Баклан как будто специально удалён от всего, исключён на время из жизни, может быть даже отлучён кем-то? Баклан и отделён от других морских птиц, существующих сообща, но в тоже время – с ними, только находящийся неподалёку. Возможность быть отрешённым обязывает баклана ко многому, ведь пропитание легче добывать себе в море дружным сообществом, и всё-таки – он один, а одинокому везде дом – и на голой скале, и на неприятном утёсе, и на открывающихся в отлив острых рифах.

Одна голова, как говорится, не бедна, а и бедна, так одна. Баклан не может быть иным, и лучше принять его таким, какой он есть, - непохожим ни на кого, задумчивым, даже по загадочному бесстрашным, составляющим одно целое с вольным морским простором.

С присущей бакланам необычностью, они и места обитания выбирают недоступные. Или это высокий, затерявшийся в море островок, или камни у прибрежной скалы, где даже в отлив никакой полоски суши нет, и к гнездовью не подойдёшь. Да и подплыть к нему вплотную тоже нельзя: участок воды у подножия скалы ограждён от вечно наседающих волн то появляющимся, то исчезающим под водой каменным барьером. Лучше сюда не соваться!

Мутновато-свинцовые воды тяжело и отупело бьются о груды скользких камней, неохотно разлетаясь на бессчетное количество холодных брызг, но не в силах сокрушить их. А бакланы сидят, как ни в чём не бывало на этих самых голых камнях, и не нужно им какого-либо другого убежища, где бы птицы почувствовали себя более свободно. Их дом – здесь, среди затерянных в тумане бухт и скалистых островков. Счастье бакланов – это именно неприхотливые птичьи радости, которые птицы переживают в необъятности неприятных северных морей, и которых лишиться себя они не могут: жив баклан – живо и море, несущее всему живому своё спасительное дыхание.

Обычно, приближаясь к одинокому скалистому островку, застаёшь невообразимый птичий гвалт. Птицы, обременённые своими домашними заботами, улетают, снова прилетают и кормят птенцов. Поначалу всё это птичье столпотворение покажется сущей несурезицей и не поддающейся объяснению неразберихой, пока не соприкоснёшься с неизведанным миром величайшей жизненной энергии и не ощутишь на себе его силу. А когда ощутишь, то и себя почувствуешь неутомимым ныряльщиком – бакланом, с полным зобом возвращающегося с моря.

Вот, ты подлетаешь к утёсу, идёшь на посадку, и приспускаешь крылья, делая ещё что-то очень по-птичье простое, присущее только баклану. Словом, включаешь какие-то «внутренние тормоза», на самом деле уже давно существующие в тебе, но не мешающие. Главное, что ты отчаянно не хлопаешь крыльями, не горланишь по чьему зря, не жадничаешь, вытаскивая рыбу из-под других птиц, не хлопаешь отчаянно крыльями, стараясь создать ненужное возбуждение вокруг себя, чтобы насладиться сиеминутной победой... Вся твоя жизнь сейчас – это предоставленная тебе природой

возможность научиться преодолевать, казалось бы, непреодолимое, и разве обойдёшься при этом без обилия всех тех природных образов, что дарит море?!

А бакланам порой действительно приходится нелегко, особенно – в штормовую погоду, когда птенцам приходится нередко голодать, так как в эту пору бакланам добывать корм нелегко или почти невозможно. Удастся бакланихе возвратиться с промысла нагруженной рыбой – и малыши, а их у бакланов бывает по трое в гнезде, по очереди с пронзительным воплем буквально погружаются с головой в горловой мешочек матери, жадно вытаскивая рыбу и тут же проглатывая её. Детёныши изо всех сил стараются насытиться немедленно, ибо неизвестно – когда ещё мамаше удастся добыть корм! Самцы обычно свободны от семейных дел, и их задача – нести сторожевую службу. Тёмными вытянутыми силуэтами застывают они по краям утёсов, намётанным глазом поглядывая за тем, что происходит в бухте.

Словно неведомые сторожевые, как солдаты, располагаются бакланы по вершинам одиноких скал и утёсов, оборотившись к морю все в одном направлении. Обычно бакланы пользуются одним и тем же, раз избранным местом, и происходит это, по-видимому, ещё оттого, что ходьба для них весьма затруднительна и представляет собой жалкое ковыляние. Лучше – замереть, так что, заметив птиц, поначалу подумаешь, будто кто-то оставил на прибрежных скалах изящные кувшины, вызывающие притягательное ощущение наполненности...

Да и самих бакланов нельзя обвинить в отсутствии содержательности, вернее – понятливости. Недаром в Японии и Китае бакланов издавна приучали, помимо охоты за жемчугом, ещё и к ловле рыбы, когда птицы беспрекословно исполняли волю человека. Дрессировать бакланов начинали с раннего возраста, вынуждая молодых птиц бросаться в воду, нырять и выносить на поверхность пойманную рыбу по приказанию хозяина. Естественное желание проглотить её баклан осуществить никак не мог по причине того, что на шею ему надевалось металлическое кольцо. Птице, волей неволей, приходилось плыть к лодке, где рыбак принимал у неё добычу, или он накидывал на баклана сетчатый сачок и подтягивал птицу к себе, так как часто случалось, что крупную рыбу баклан терял. Затем рыба отнималась, а в вознаграждение птица получала немного корма, после чего баклану давали отдохнуть и, вскоре, вновь посылали под воду. Чтобы смыслённая птица не удрала с рыбой, ей за ногу привязывалась бечёвка...

... Глядя на одиноко сидящих у самого уреза воды бакланов, у тебя, в конце концов, действительно возникает ощущение, что они о чём-то думают, в неподвижности взирая вдаль моря. Могут птицы находиться в таком состоянии и час, и два, и ни разу не поворотят головы, не обратят внимание на появление сивуча или человека. Ничто их, кажется, не интересует: только бы сидеть вот так, в одиночестве, на прибрежной скале, и созерцать бесконечность морского пространства. Баклан – это какое-то необъяснимое морское упорство, внутренняя нацеленность на то, чего ему совершить

никогда не суждено. Но баклан об этом не знает или не догадывается, и самозабвенно сосредоточен на своей неизведанной, может быть даже непонятной ему самому мечте, переживая, наверное, нечто непередаваемое, и, тем не менее, отчего-то близкое его трепетному птичьему сердцу, даже – приятное.

«КАЧУРКИ»

Не сразу и не всегда разглядишь над морем маленьких морских птичек – качурок... Имеющие оперение тёмно-коричневого цвета, в пасмурную погоду качурки кажутся и вовсе чёрными, неприметными. Впрочем, сквозь тёмно-бурую окраску иногда слабо проглядывает беловатый рисунок, но он бывает заметен лишь в ясный солнечный день и когда качурки находятся на достаточно близком расстоянии, а ещё лучше – в руках, после того, как столкнулись в непогоду с судовыми надстройками и, оглушённые, на время потеряли ориентацию. Осторожно проводя пальцем по взъерошенным перышкам, ты непременно разглядишь эти белёдые пряди и ещё более бережно разгладить их, ощущая под рукой трепетное биение маленького птичьего сердца.

Наверное, именно из-за своего небольшого размера, стремясь остаться незаметными, качурки и ведут, по большей части, ночной образ жизни. В пору насиживания и выкорма птенцов устраивая норки, а где это невозможно – находя себе самые узенькие и глубокие закоулки и щели в скалах, качурки, в целях самозащиты, летают только ночью, днём же – беззвучно сидят в укрытии. Привычка хорониться от хищников, по-видимому, обуславливает и миграционные перелёты в ночное время, когда, как это нередко случается, птицы и попадают в непогоду, и поскольку летят качурки низко – они наталкиваются на судовые надстройки и во множестве гибнут.

Птиц, встревоженных бурей, словно охватывает какое-то безумие. Рассекая маленькими крыльями насыщенный влагой воздух, они мечутся над палубой, ударяются о ванты и рубку, истошно кричат, будто стараясь перекричать шум волн. Взмывая в метущуюся черноту, а затем камнем падая вниз, на палубу судна, птицы издают громкие и очень пронзительные вопли ужаса. Качурки обезумели от непрекращающейся непогоды, но их то и дело мелькающие в воздухе маленькие силуэты не кажутся зловещими. Скорее, они вызывают острое сожаление, что невозможно никак им помочь.

Птицы и воздух как бы сплавляются, становясь похожими на живую рваную тучу, разбивающуюся о судовые надстройки. Нет сил смотреть на всё это, но моряки ничего не могут поделать, и вынуждены только наблюдать за тем, как бьются несчастные птицы. Однажды в сильный шторм привелось подобное увидеть и нам, и все свободные от вахты члены экипажа, не сговариваясь, приняли участие в спасении попавших в беду морских ласточек, насколько это было возможно. Может быть, именно по причине соперничества моряками незавидной доли этих маленьких морских птиц, они однажды и стали называть качурок «ласточками»...

Только вообразите себе... Ночь, штормовое море, и вы стоите на вахте, у руля, а в стёкла рубки, прямо перед вашим взором, ударяют волны... Сила волн такова, что при каждом ударе кажется, будто вот эта волна непременно сметёт всё на своём пути и, в том числе, вас. И точно с такой же силой, вперемешку с мутновато-зелёными потоками воды, ударяются в окна

надстройки и маленькие, коричнево-пегие птицы – качурки, не способные сопротивляться разбушевавшейся стихии.

Совершая долгий перелёт, птицы, по-видимому, абсолютно вымотались в борьбе с непогодой. Ураганный ветер высосал все силы из этих птах, они ударились о такелаж судна, соскальзывали по стёклам рулевой каюты на мокрую палубу и оставались лежать там. У кого из них ещё хватало сил, прятались - куда было возможно, некоторые даже опять пытались взлететь, но сбиваемые смерчем, вновь ударились о стальные борта и погибали.

Под утро те из птиц, что ещё остались живы, были истощены до такой степени, что отдавались в руки моряков без какого-либо сопротивления. И всё же, недоверие к людям не проходило, птицы, даже в каютах, старались спрятаться подальше, забиться под койку, в самый угол. Они были очень напуганы. И удивительное дело: маленькие пушистые комочки, избитые ветром и непогодой, как бы это странно ни звучало, дополняли суровую простоту судового быта и скрашивали вахту и часы отдыха экипажа, стремящегося хоть как-то помочь птицам. А сколько морских ласточек погибает в пути от переохлаждения!

Качурки до того хрупкие и стройные птички с массой тела всего в тридцать-сорок граммов, что на первый взгляд трудно даже вообразить, что они приспособлены к жизни в море. Английские моряки, имея, наверное, это в виду, уже давно прозвали их «цыплятами матушки Кери». Под матушкой Кери подразумевалась Святая Дева Мария. Богородица считалась покровительницей моряков, поэтому они уважительно называли её «наша Леди». С её покровительством связывалась, в частности, благоприятная погода, что было особенно важно во времена парусного флота:»Наша Леди, - говорили моряки, - попутный ветер».

У качурок есть ещё одна интересная особенность: в отличие от крохотного тела они имеют непропорционально длинные, буквально как ходули, ноги. При добыче пищи качурки, подняв крылья, танцующей походкой семенят по воде, бросаясь из стороны в сторону, и это, действительно, создаёт иллюзию танца. Так, пританцовывая, они и держатся всегда над морем, будто не желая терять с ним связи, и это выгодно отличает их от других морских птиц, гораздо больших по размеру, которые всё больше парят над морской стихией, словно опасаясь к ней приблизиться.

Вобщем, наблюдая за качурками, не перестаёшь удивляться, что такие крохотные птички – морские. Но и на суше качурки довольно беспомощны. Как и буревестники, они не могут даже стоять на ногах и при передвижении по земле опираются на всю цевку. И всё-таки, их стихия – море, и именно морю посвящают морские ласточки свой порхающий полёт и трепетные жизни.

К слову заметить, с этой частой гибелью птиц в непогоду связано, по-видимому, их настоящее имя. Предполагают, что оно произошло от «качуриться» или «окочуриваться», что на самом деле и происходит во время

шторма. Качурки в прямом смысле слова, побившись, - околевают, издыхают, «качурятся», более всего вызывая интерес моряков, наверное, именно этим.

Правда, на море качурки из-за своих малых размеров не очень привлекают внимание, если не собираются в большие стаи. Они как бы теряются среди волн и морского простора. Тем не менее, моряки с качурками знакомы лучше, чем со многими другими морскими птицами, потому как они чаще попадают в беду, и надолго отлучённым от родной земли людям, самим порой оказывающимся в очень непростых ситуациях, представляются ближе и приятнее сердцу.

Из-за своей хрупкости качурки, конечно, не способны спорить с сильным ветром, отчего нередко случаи заноса их в большом количестве в глубинные районы суши. Но как бы то ни было, морские ласточки – птицы открытого моря, море является родным домом для этих внешне беззащитных пернатых крох. При жестоких штормах качурки стараются держаться между валами волн, где ветер потише, и можно кормиться даже в плохую погоду. Это ещё одно завидное свойство маленьких птичек, выгодно отличающее их в море от своих собратьев.

Кстати, на островах Пасхи морские ласточки издавна являлись предметом культа человека. Оказывается, на небольших островках, разбросанных вокруг основного острова, гнездятся эти маленькие чёрные ласточки, которых местные туземцы считают священными. Морские ласточки – перелётные птицы, и в определённый день они прилетают к своим гнездовьям. Тогда лучшие воины острова кидаются в море и плывут к островкам наперегонки. Тот из воинов, кто первым находит гнездо ласточки и приплывает с ним обратно, не разбив при этом ни одного яйца, становится героем, а его хозяина провозглашают человеком-птицей, равным богам. Ритуал охоты за ласточкиными яйцами проходит ежегодно, и специальные жрецы решают – когда наступает знаменательный день.

Нет сомнений, что на островах Пасхи гнездятся, помимо ласточек, и другие морские птицы, но жрецы почему-то выбрали в качестве ритуального поклонения именно качурок, может быть, даже не зная, что они так называются, и наделяют почестями героев, добывших яйца только морских ласточек. Чем замечательным отличились эти маленькие морские птицы, что их отметили люди – неизвестно. Вероятно, морские ласточки привлекли к себе внимание незначительной величиной, при том, что совершают длительные перелёты в любую погоду, стройным поджарым тельцем, лёгким полётом, действительно напоминающим головокружительное парение ласточки, и чудесным белоснежным оперением под хвостом, пронизывающим пространство над водой изящной вилочкой. Трудно найти более обаятельную и кроткую птицу, бесстрашно вступающую в единоборство с морской стихией. Не зря моряки называют качурок штормовыми ласточками!

Питаются качурки очень мелкими рыбёшками и крупными планктонными рачками. Эти изящные морские пташки вьются в шторм вблизи корабля, следуют за ним, низко летя над его кормовой струёй, и используют сравнительно спокойную воду кормовой струи корабля для того, чтобы ловить там пищу, недоступную при штормовом волнении. Вероятно, винт, вращаясь, глушит всякую мелкую живность, и она, всплывая в кормовой струе, тоже приманивает морских ласточек. Ко всему прочему качурки очень любят ворвань, отчего приходят в большое возбуждение, завидя дохлого кита или тюленя, за что моряки прозвали их ещё и «китовыми птицами».

Что же касается крика, то он у качурок чирикающий, с переливами, и очень напоминает щебет ласточек, только тоном пониже, а когда птицы, неожиданно появившись из темноты, осыпают всё судно, то возникает ощущение, будто движется и шелестит воздух. Совершенно не остерегаясь людей, птицы вьются над палубой - даже когда шторма нет, и всё норовят попасть на свет, залетая и в рубку, и в каюты. Трудно сказать – чем привлекают морских ласточек световые потоки, но вот плохую ориентацию их можно объяснить тем, что глаза у качурок располагаются где-то сзади, чуть ли не на затылке, и возможно из-за такой странной постановки глаз они и видят плохо впереди себя, натываясь на мачты, стены рубки и освещённые стёкла иллюминаторов. Если бы морские ласточки не бились даже в отсутствие непогоды, и не падали раненые на палубу, после чего они уже не в силах подняться в воздух, то можно было бы назвать их кружащие над морем стайки весёлыми и радостными.

Впрочем, таковыми качурки и являются, несмотря на то, что гибнут в огромном количестве, и вызывают ещё уважение, стоически перенося свои увечья и неволю. Те птицы, что не разбились насмерть сразу, ведут себя, как ни странно, очень скромно: не подавая вида, что им плохо, и стараясь оставаться неприметными, они кособоко передвигаются вдоль переборок, как можно более незаметно приволакивая перебитые крылышки. Так и хочется брать каждую из них в руки, пытаюсь хоть как-то облегчить им мучения, и в этом случае птицы всегда ведут себя смирно, не вырываются, как будто понимая, что им не желают зла, и эта их миролюбивость, при сильно трамвированном тельце, до глубины души трогает.

Однажды я набрал к себе в каюту с десяток покалеченных птиц, и все они выявляли удивительную безропотность. Лишь по причине отработанной в них природой защитной реакции, качурки изредка всё же отрывали в лицо и на руки струю бурой маслянистой жидкости – ворвани, совершая подобную процедуру, скорее, машинально, но я нисколько не сердился на беззащитных птичек. Птиц требовалось только немного обогреть и успокоить, может быть, именно своим вниманием вдохнув в них недостающую им энергию. И птицы быстро это понимали, и так же скоро шли на поправку, после чего я их по очереди, торжественно, выпускал на свободу, и морские ласточки бесшумно взмывали вверх, в своём ныряющем

парении тотчас подстраиваясь соответственно движению волны. Порхая на одном и том же уровне, ласточки точно ластились к волнующейся воде, несмотря на недавно приключившееся с ними несчастье, вновь играя. Ведь Тихий океан редко бывает спокойным, и даже крохотные его обитатели к этому давно, конечно, привыкли.

Качурки – самые прелестные и грациозные создания из числа морских птиц. Они и гнездо своё устраивают так же ненавязчиво и грациозно, будто опасаясь хоть немножко кого-либо побеспокоить: это ничто иное, как небольшая вмятинка в песке или гальке, иногда едва приметная, посреди совершенно голого пляжа. Ласточка приземляется, припадает к грунту и быстро начинает работать жёлтенькими ножками, вращаясь вокруг своей оси. Песок с мелкими камешками летит во все стороны, и такое нехитрое строительство занимает совсем немного времени.

Но самое интересное заключается в том, как эти милые птички украшают свои гнёзда камешками и осколками ракушек, в каждом из которых находятся два или три яичка голубовато-зелёного оттенка с буроватыми крапинками. Ласточки подбирают на берегу мелкие кусочки морских ракушек и обкладывают ими кромку чаши гнезда, словно формируя замысловатую цветную мозаику. Думая о такой чудесной способности этих птичек, часто разбивающихся в непогоду о судовые надстройки и безжизненными тельцами покрывающими всю палубу, неожиданно пообещаешь себе впредь выстраивать свою жизнь так, чтобы другие люди угадывали в ней только достойные поступки, которые бы, как и гнёзда морских ласточек, отражали их красоту и трепетную силу.

«МОНЕРОН»

Много лет проработал я на Сахалине, привелось не раз бывать на Курилах и Камчатке, острове Тюленьем и Шантарах, Командорских островах и Прибылова, одиноком скалистом островке Ионы, затерянном в северо-западной части Охотского моря, но вот Монерон как-то всегда приходилось миновать, хотя и очень хотелось попасть в этот удивительный уголок дальневосточной природы. Чем-то неизъяснимым притягивал к себе Монерон, о нём постоянно думалось, и даже только одно имя острова – «Монерон», завораживало. Словом, Монерон необыкновенным образом волновал моё воображение, и мечты о нём незаметно перетекли в действительность: однажды, спасаясь от надвигающегося шторма, мы вынуждены были завернуть в его укромную бухту Кологераса, вдающуюся в северный берег острова между мысом Северный и мысом Сивучий. Моё надолго затянувшееся желание посетить остров наконец-то осуществилось, но какое-то время было неясно – сможем ли мы подойти к острову... У Монерона, почти со всех сторон, разбросано очень много камней.

Остров Монерон, названный Лаперузом в честь инженера его экспедиции, довольно гористый, и лежит в 47 милях к северу от японского острова Ребун и в 26 милях к западу от западного берега южной части острова Сахалин. Самой высокой точкой острова является вершина горы Старицкого высотой 439,3 метра, расположенной в его средней части. Все вершины, возвышающиеся на острове, почти лишены растительности, отдельные участки поверхности острова поросли травой, а на береговых скалах гнездятся чайки. Но наиболее забавные из всех селящихся здесь птиц, помню, как сейчас, были тупики...

Именно тупики первыми попали в поле нашего зрения, да, вобщем-то, и составили самое главное впечатление об острове, поскольку находились мы у его берегов недолго, только ожидая окончания шторма. Помнится, всё моё восприятие этого, как будто заколдованного каменного существа, затаившегося где-то в немыслимой глубине, выразилось именно в живых милых птицах, как мне тогда казалось – очень непутёво устранивающих свою жизнь. Остров словно ждал, что его кто-то разбудит, в своём отрешении ото всех выглядел могучим и неповоротливым, а забавные тупики очень оживляли его суровые берега. Мало того, они, несомненно, выражали своими несущественными перемещениями скрытую душу острова, и, наблюдая за ними, нам становилась понятной его глубинная, но в тоже время очень жизненная и простая суть...

Тупики похожи на сказочных гномов или маленьких клоунов, и гнездятся обычно не только на Монероне, но и в юго-восточной части полуострова Крильон и на Малой Курильской гряде. Почвы в таких местах очень рыхлые, песчано-глинистые или с мелкой галькой, где тупики и вырывают свои норы-гнезда. Глубина их достигает двух метров, но иногда в отверстие норы хорошо видно насиживающего тупика, и глубина такой норы

не превышает 20-30 сантиметров, тогда как входное отверстие всего лишь 15 сантиметров. Часто норы соединены между собой и образуют сложную подземную сеть. При ходьбе по такой колонии ноги то и дело проваливаются в норы, что небезопасно, поскольку склоны острова крутые и, оступившись, немудрено сорваться.

Прилетают тупики в места гнездовой рано, в марте месяце, когда ещё не растаяли снег и лёд, но, тем не менее, птицы приступают к расчистке гнездовых нор, делая это постепенно, по мере оттаивания земли. Массовая кладка яиц происходит уже в середине мая. Тупики откладывают всего одно яйцо, редко – два. Яйца больше куриных, расцветка – беловато-кремовая. Своё единственное яйцо парочка тупиков тщательно оберегают, и насиживают его родители поочерёдно.

Птенцы появляются в первой декаде июня и всегда покрыты густым и нежным пухом, по цвету напоминающим окраску голубого песка. Родители кормят птенцов в течение ночи, принося с моря рыбу тоже по очереди. Остатки пищи можно, как правило, обнаружить у норы и чаще всего – это тихоокеанская сельдь, иваси, корюшка и песчанка.

Мясо тупиков по вкусу ничем не отличается от мяса кайры и топорка. Оно вполне съедобно, но слегка суховато и требует длительной варки. К тому же, немного отдаёт рыбой, чего не замечаешь, только когда ты сильно голоден.

Тупик – очень занятное существо, и передвигается он тоже очень забавно. Находясь в совершенно спокойном состоянии, он вдруг бросается в какую-то прижимающуюся к земле побужку, семенит ножками так часто, что становится очень смешно наблюдать за ним, и при этом старательно приседает, весь напрягается и усердно побряхтывает. Тупики – само совершенство, сочетающие в себе, казалось бы, совершенно не сочетаемые свойства. Они – лучшее, что могло произвести море, когда ты ни летать толком не можешь, ни нырять, как бакланы, ни корм добывать в таком количестве, чтобы птенцы горя не знали. И всё-таки - тупик и летает, совершая 400 взмахов в минуту, несмотря на короткие крылья, и довольно неплохо ныряет, погружаясь на десяток метров и оставаясь под водой минуту, и старается прокормить своих малышей, неумело отбиваясь от настырных чаек, постоянно пытающихся отобрать у него рыбу, которую тупик очень умело зажимает в клюве, порой удерживая до десяти песчанок одновременно, но часто – не в силах противостоять их напору. Остаётся тупику надеяться на самого себя, и только самому себе может он доверить свои сокровенные ночные побряхтывания, когда ему на самом деле кажется, что он – лучший. Звук этот напоминает некое протяжное утробное томление, как будто кто-то время от времени нажимает на игрушечного резинового совёнка, и тот, вбирая в себя воздух, очень мило, с присвистом, посапывает.

Представляешь сразу, как тупики это делают, - смешные и славные птицы, не доставляющие никому беспокойства. И воображая себе чудных тупиков, их занятные повадки, становится понятным неприхотливое

существование птиц у моря, предполагающее между собой скорее милое обхождение, нежели раздоры. Тупики так обаятельны в своём возбуждённом поведении, то и дело скрываясь в норках и неожиданно выныривая из них, что и самому непременно захочется подурачиться, перебегая мелкой побежкой, присесть и ... рассмеяться. Ты – тупик, в это трудно поверить, но тебя не покидает желание побыть милой птицей, маленьким птичьим клоуном, и ты искренне отдаёшься мысленно этой незамысловатой игре, пробуя на себе привычки забавного тупика.

Сходство с клоунами у тупиков проглядывает в постановке косолапых ножек, постоянно принимаемой ими забавной позе и треугольных ярко-красных клювах, с помощью которых птицы отстаивают свои гнездовья, яростно сцепляясь этими клювами и не разъединяясь порой до полудня. Ухватившись за клюв соперника, тупик неоднократно поворачивается вокруг своей оси, но хватки не прекращает. При этом опять же утробно кряхтит, озабоченно постанывает и, кажется, нет ему не до чего дела, как только выстоять и не отступить. Сцепившиеся птицы кувыркаются по крутому склону, валятся с обрывистых каменных козырьков вниз, ударяясь о камни, а клюва ни за что не разомкнут. Милому тупику присуща и такая черта, как упрямство.

В отличие от многочисленных чаек, достаточно схожих между собой, тупик, конечно, выделяется среди других морских птиц своей внешностью. Хотя, если не брать во внимание его яркий клюв, как и у топорка сжатый с боков и напоминающий секиру, то ничего необычного в нём вроде бы и нет: тупик как тупик. Забавный коротыш с нескладным плотным тельцем, очень схожий с небольшой морской уточкой серовато-чёрного цвета. Глаза голубовато-белёдые, с желтизной, но невероятно пронзительные, будто тупик неотступно что-то высматривает, всегда обратя голову к морю.

Само его имя – «тупик», выражает в нём чудесное обаяние, какое-то несказанное природное таинство, присутствующее в этой птице. Тупик, кажется, как раз не «тупит», а именно проясняет обыкновенное для всех обитателей прибрежной полосы моря пространство, будто разрезая его своим красивым носом. Из-за него тупика прозвали «носорогом», хотя он ничего общего не имеет с этим внушительным зверем, и очень мило и неброско устраивает свою жизнь поблизости с морем, без которого не может существовать.

Иногда тупики любят отдыхать на воде. Только что они в возбуждении сновали над морем, неистово ныряли в поисках рыбы, и вот – неожиданно замерли на волнующейся морской поверхности, как раскрашенные деревянные уточки, и в ус не дуют, что их появления ожидают птенцы: выглядят вопросительно из-за колыхающихся волн, что-то высматривая, понятное только им... Это поведение птиц выражает в них какую-то милую природную отрешённость, как будто тупики впадают в некую, очень необходимую для них задумчивость, не пытаясь её преодолеть, а только отдаваясь ей совершенно. Тупики – чудные существа, и даже когда они

отчего-то негодуют, к примеру, спасаясь бегством от чаек, или схватываются между собой, будто от нечего делать, - обаяния своего от этого не теряют. Чудесные птицы, волшебное украшение природы, для которой они, кажется, всё время пытаются что-то очень милое совершить, но это им никак не удаётся.

Виной милому образу, который тупик производит сразу при первой встрече, - его ноги... Они сильно отставлены назад, поэтому на суше тупик постоянно находится как бы в настороженной позе, держа тело почти вертикально, опираясь на цевку и пальцы. В спокойной позе тело его расположено слегка под уклоном, но всегда возникает ощущение, что тупик насторожен, находясь в ожидании того, что как-то может повлиять на его жизнь. Тупик – как крохотный маячок с ярким клювом-огоньком, предназначенный для ещё более крохотных морских обитателей, в бесчисленном количестве витающих вокруг острова в тумане или сумрачным днём. Этот его яркий цвет сразу привлекает к себе их внимание: благодаря ярко-красным светящимся огонькам морские птицы угадывают своё гнездовище... Хорошо заметен и красный цвет лап тупика, которые он растопыривает в воздухе, руля ими. Эта птица, с компактным обтекаемым телом, крупной головой и контрастной окраской – верх чёрный, а низ белый, без всяких сомнений привлечёт внимание любого, кто желает насладиться дальневосточной экзотикой.

Тупики, как и морские ласточки, сумеречные птицы, вернее даже будет сказать – ночные, и днём, втихомолку, отсиживаются в норах. Но если вдруг почему-либо возникает тревога, тупики, как по команде, выбираются наружу, всматриваются пристально во все стороны, пытаясь определить причину своего беспокойства, и тихонько переговариваются между собой, будто решая – что предпринять дальше. С заходом солнца они опять отправляются в море в поисках пищи.

Срываясь с крутого склона в полёт, тупики смешно растопыривают лапки. Дело в том, что хвоста у них нет, и птицам приходится рулить именно лапками, то и дело меняя их направление. Тупик, тормозящий в воздухе этим своеобразным способом, несомненно, вызывает невольную улыбку.

Такими я и застал тупиков впервые в одной из укромных бухт Монерона, наблюдая, как они, необычно для птиц, лавируют в воздухе, увёртываясь от надоедливых чаек. Благополучно добравшись с зажатыми в клюве песчанками до своих гнёзд и покормив птенцов, тупики вскоре выбиравались наружу, смешно оглядывались, так же забавно перебежали то туда то сюда, и непременно отчего-то опять схватывались между собой в занятные драки, не вызывающие какого-либо опасения за их жизни. За тупиков не было страшно, даже когда они валились с самых высоких скал, кувыряясь по крутому склону вниз, и ударялись о каменные выступы... Но тупики не расцеплялись вплоть до самой воды, которая отрезвляла птиц, и они, уже успокоенные, принимались неторопливо взбираться в гору, напоминая маленьких усердных человечков, поставивших себе целью

непрерывно взобраться на самую вершину острова, чтобы только следовать своему неизведанному птичьему пути.

Было непонятно, как тупикам удаётся вышагивать по почти отвесному склону, но они упрямо продвигались вверх, обстоятельно обходя повсюду торчащие камни, и так притягивали к себе этой обстоятельностью внимание, что ты невольно начинал улыбаться, не в силах оторвать от них взгляд. Можно было часами смотреть на птиц и это тебе ничуть не надоедало. Более того, ты незаметно привязывался к чудесным тупикам, открывая в них для себя нечто полезное, чему невозможно научиться у кого-либо другого.

Сидя на палубе и улыбаясь ото всего увиденного, я и себя отчего-то начинал представлять маленьким беззащитным тупиком, в тоже время умеющим постоять за своё потомство. И вместе со мной улыбались скалы, море, небо, и даже ещё кто-то выше, кого я не видел, но Он видел меня прекрасно, и точно так же, как и я, радовался всему происходящему. Глядя на забавных птичек, мне становилось хорошо и покойно от одной мысли, что я нахожусь именно там, где и должен сейчас находиться, - у берегов острова Монерон, по соседству с очаровательными тупиками. Соседство с чем-то божественным никогда не покидало меня на Дальнем Востоке.

Меня всегда привлекала в птицах их воля, но и она обычно подвержена своим непререкаемым законам, порождённым великой силой природы. Тупик – одно из её чудесных воплощений, как, впрочем, и человек, способный на всё. Захочешь – и полетишь птицей, хотя бы как тупик; родится в сердце мечта – ты можешь осуществить её, несмотря ни на что.

Отправляйся в дальнюю дорогу, живи полной жизнью, как звери и птицы, и ничего не бойся. Изучать себя и мир, - лучшее, что можно осуществить в своей жизни, и обретение счастья при этом неминуемо. Но помни – чтобы стать счастливым, нужно оставаться честным, в первую очередь, по отношению к собственной душе, никогда не переставая искать своё предназначение, а обнаружив его – уже не оставлять усилий в осуществлении задуманного, открывая и для других людей возможность более гармоничного существования.

Поскольку на Монероне мы находились неполный день, а лишь часов шестнадцать, значительная часть из которых приходилась на тёмное время, то нам удалось высадиться на берег только один раз, выделив для себя именно тупиков, которые были более заметны среди всех птиц, обитающих на острове. Милые тупики стали для нас олицетворением Монерона, его сутью, которая, конечно, гнездилась где-то в его глубинной каменной утробе, может быть ещё в чём-то очень важном и великом, для нас всех пока непостижимом, а птицы лишь дополняли красоту его надводного существования и облагораживали всё окружающее пространство.

И, тем не менее, именно благодаря маленьким тупикам почувствовал я скрытую жизнь этого неведомого острова, существующего отдельно ото всех, но в глубинах своей души, наверное, не представляющего себя обособленным от всего живого. Что можно было с этим поделать?!

Вероятно, только рассказывать обо всём увиденном, надеясь ещё раз побывать в чутком уголке природы, на острове Монерон, зачем-то оказавшемся в скромном уединении, однажды отдалившись от своего величественного соседа – Сахалина, но сохранившего при этом свой незабываемый и до конца не постижимый облик.

«КАЙРЁНОК»

Представьте себе птичий базар в самый разгар весны, всеобщее птичье столпотворение, и вот посреди всего этого природного безумства, на первый взгляд, совершенно беспорядочного и не поддающегося никакому осмыслению, папа с мамой кайры выводят к краю скалы своего единственного птенца-кайрёнка, ненавязчиво склоняя его ... броситься вниз, в бушующее у подножия скалы море. Зачем? – спросите вы, поражённые нарисованной картиной, на самом деле ежегодно и тысячекратное количество раз повторяющейся на каждом птичьем базаре испокон веков. И я вам отвечу: только для того, чтобы продлить свой род, находясь в полной убеждённости за наличие у будущего потомства истинной жизнестойкости и силы.

Нет в подобном жизнепроявлении ни глупого жеманства, ни самовлюблённого ломания и кокетства, ни лживых оправданий собственной лени, равнодушия и невежества, ни хамства, ни глубоко скрытого желания во что бы то ни стало добиться власти или славы, ни каких-либо иных эгоистических побуждений, присущих человеку, а есть только единственное и ничем неугасимое стремление выжить, чтобы следующей весной опять огласить всю близлежащую к острову округу неумолчно-пронзительным – «кгээ-э, кгээ-э, кгээ-э, арра-арра-арра-арр!» Но что предшествует появлению на свет нашего героя?!

Сначала в первых числах мая на гнёздовьях появляются взрослые птицы. Зиму они провели в Японском море, у берегов острова Хоккайдо, Сахалина и у южных островов Курильской гряды. Особенно много кайр зимует в проливе Лаперуза, на берегах которого я однажды пережил незабываемое ощущение от слияния двух морей – Японского и Охотского.

Пока остров Тюлений и мыс Терпения окружают льды, кайры, другие морские птицы и котик в этих местах не появляются. Впервые попав на остров, недоумеваешь: как могут быть дороги птицам эти холодные, казалось бы, совершенно безжизненные скалы, где они опять безо всякого удобства начнут скоро выводить новое потомство, которое на следующий сезон будет также заботиться о своём?! И всегда, из года в год наблюдая за одним и тем же чудесным действием, произвольно задумываешься: как бы и тебе обустроить свою жизнь так, чтобы может быть остепениться и больше уже никуда не ездить, а просто жить тем, что тебя окружает, довольствуясь малым?!

А между тем наступает массовый прилёт птиц на остров, после чего совершается спаривание: природа берёт своё! Всё это невообразимое священнодействие сопровождается драками между самцами из-за гнездовых участков. Кайры обычно стремятся захватить под гнездовье ранее занимаемые ими места, где они уже выводили потомство. Кладка яиц начинается уже через неделю после появления птиц. Случается, что один самец кроет сразу двух и более самок, но самки оказываются не против:

главное – всеутверждающая жизнь, призванная к нескончаемому продлению рода.

Птицы откладывают яйца на ровной каменистой поверхности плато острова, если таковое имеется, в противном случае – на карнизах и выступах обрыва скалы. Порой, на отдельных участках базара, представляющих собой большие и малые кекуры, нередко располагающиеся вдали от острова, в море. Яйца кайр лежат так тесно, что между ними нельзя просунуть палец, не сдвинув их с места. Но кайрам это, кажется, ничуть не доставляет неудобства.

Среди некоторых учёных распространено такое мнение, что кайра насиживает только своё яйцо. Это утверждение справедливо лишь по отношению к базарам карнизного типа и, наоборот, оно ошибочно для плоскостных базаров. К тому же, на плоскостном базаре яйца сильно запачканы калом и грязью, от чего внешне малоразличимы. Уже по одному этому легко допустить, что кайры могут насиживать не только отложенные ими яйца. Трудно вообразить, что в таком огромном и тесном скоплении птиц, когда они постоянно перемещаются и дерутся, возможно находить только свой яйцо, ни на миг не упуская его из виду, а также обнаруживать его в этом птичьем столпотворении даже после короткого отсутствия.

Кайры занимают буквально все свободные площадки скал, лишь бы они не были покрыты травой и на них могли держаться, не скатываясь, яйца. Яйцо кайры не случайно имеет форму конусообразную и вертится на каменистой голой поверхности как магнитная стрелка, не скатываясь и не разбиваясь. Центр тяжести яйца находится в его тупой округлой части, получается эффект ваньки-встаньки, при котором яйцо как бы ни крутилось - остаётся в целости. Но, несмотря на это, известны случаи, когда кайры, всё же, подкладывали пластинки сланца под яйцо для его устойчивости.

Обычно кайры имеют в кладке всего одно яйцо и лишь в случае его гибели откладывают второе, а иногда даже третье. Как правило, яйца имеют белую, кремовую, голубовато-зелёную и иногда аквамаринную окраску со всевозможными крапинками коричневого, бурого или чёрного цвета, а у молодых птиц даже встречаются яйца с ярко-красными пятнами. Но грязь и помёт делают своё дело, и при сборе нами яиц на острове Тюленьем все они выглядели одинаково, а обретали своё лицо только после того, как их тщательно отмывали в приборной полосе.

Яйца кайр очень крупные, грушевидные, достигающие весом почти двухсот граммов и в длину десяти сантиметров. Если сравнивать калорийность яиц кайры из расчёта числа калорий в 1 кг, то у кайры оно будет составлять – 1988, у говядины – 1358, у мяса курицы – 1288, и у коровьего цельного молока – 683. Как видно, питательная ценность яиц кайры высокая. Желток яйца кайры ярко-оранжевого цвета, белок, сваренный в крутую, имеет голубовато-синюю окраску. Принято считать, что длительное хранение яиц кайры крайне затруднено из-за большой пористости скорлупы и даже слегка насиженные яйца портятся в течение 4-5

дней, так как бактерии проникают через поры. Но мы, собирая яйца кайры при забое котиков на острове Тюленьем, держали их на бетонном полу в старой бильярдной, и поскольку погода в течение всего сезона, с мая по сентябрь, стояла прохладная, яйца сохранялись довольно долго.

В насиживании яиц у кайр принимают участие оба родителя, что подтверждается наличием наседного пятна и у самца, и у самки. Срок насиживания длится максимум до 35 дней, поскольку последний сбор яиц мы производили на острове Тюленьем в первых числах июня, а первые птенцы появились в конце первой декады июля.

За сутки до выклева зародыш пищит и шевелится в яйце, слегка покачивая его. Вылупление продолжается ещё один день, пока птенец полностью не освободится от скорлупы. Интересно, что птенец появляется с остатком желточного мешка, содержимое которого обеспечивает его питанием в первые два-три дня. В течение недели желточный пузырь полностью рассасывается, но иную пищу птенец начинает принимать лишь на третий-четвёртый день.

Первые дни после вылупления птенцы обогреваются родителями и остаются на месте выклева. Правда, природа уже позаботилась о них и наделила коротким жёстким пухом, более похожим на шерсть. Жёсткость пуха затрудняет раздувание его ветром, и поэтому такой пух оказывается весьма целесообразным на обдуваемом ветром уступе скалы. Развитие птенцов кайры идёт очень быстро и уже к концу первого месяца они покрываются контурным пером, тогда как пух остаётся только на темени. Всё это способствует тому, что птенец покрывается плотным оперением, которое препятствует теплоотдаче организма и противостоит намоканию.

Кайры – удивительные птицы, созданные природой, в отличие от других морских птиц, по-особому. Природа почему-то выделила этих птиц, постаравшись сделать так, чтобы уже с раннего возраста птенцы кайры были готовы к суровой жизни северных широт. По-видимому, кайр не случайно отличает и одно замечательное свойство: эти птицы очень доверчиво относятся к человеку.

Кайры будто по какому-то своему природному чутью или знанию не считают его врагом, и к ним можно подойти очень близко, когда они открыто сидят на скале или утёсе. Даже если люди неоднократно забирали из-под кайр яйца, птицы, кажется, не воспринимают подобное обращение за что-то худое и продолжают вести себя открыто, по-прежнему подпуская человека на близкое расстояние, чем ему, конечно, не стоит злоупотреблять. Кайры – очень милые птицы, и особенно проявляется это их качество в отношении своих птенцов, когда они подрастают, и родители находят нужным приступить к их обучению.

Какая оживлённая возня тогда происходит около гнезда, которого, впрочем, нет: своё единственное яйцо кайры сносят на голые камни. Бывает, что после того, как яйцо по какой-либо причине пропадает, птицы сносят ещё одно, очень редко – третье, ограничиваясь, как правило, первым. Весь период

выведения птенца родители-кайры обычно крайне волнуются и издают пронзительные крики, будто предвзято своим озабоченным поведением предстоящее для него испытание: это очень торжественный и ответственный момент в жизни птиц!

И тут уместно будет заметить, что птенцы кайр покидают родные уступы менее чем через три недели после появления на свет. В отличие от них птенцы чистиков и конюг, устраивающих гнёзда в узких каменистых расщелинах, остаются в своих тесных, но безопасных убежищах два месяца. Какое преимущество имеет перед ними кайрёнок, так рано начавший самостоятельную жизнь!

Только кайры сводят своих птенцов на воду задолго до того, как малыши научатся летать: так легче их прокормить, ведь иначе на скалах у гнезда постоянно вынужден дежурить один из родителей, потому как птенцов могут сожрать чайки. Стоит родителю зазеваться – и птенец уже схвачен, ненасытная клуша или большая морская чайка заглатывают его целиком. Вот ещё одно подтверждение того, что моряки выбрали для воплощения своих душ после смерти далеко не лучших птиц!

Занятно наблюдать, как кайра-мама и кайра-папа сопровождают малыша к краю скалы. За ними почему-то увязываются и следуют гуськом другие кайры, наверное, свободные почему-либо от родительских обязанностей. Вся эта процессия, торжественно и в тоже время деловито поспешая, приближается к обрыву... Трогательный ритуал приобщения птенцов к будущей большой и интересной жизни происходит у кайр именно на краю высокой скалы, откуда птенец должен сигануть вниз, в воду, которая ударяется мощными валами в прибрежные острые скалы.

Что-то подобное существует у золотоволосых пингвинов, которые, правда, в отличие от кайр, находятся в море, и, поджидая удобную волну, несущуюся к высоким обрывистым скалам, бесстрашно бросаются в неё, чтобы у самого их подножия, на этой же бушующей и вздымающейся вверх волне, взметнуться к узким карнизам, и, на мгновение замерев, ловко присесть на них, застыв там настороженными столбиками, тогда как волна с сокрушительным грохотом рушится вниз. Карнизы эти начинают располагаться с середины скалы, они способны уместить на себе лишь небольших, плотно прижимающихся к каменным стенкам морских птиц, тогда как волны ударяются в неприступные берега с такой остервенелой силой, что остаётся непонятным: как пингвинам удаётся не разбиться, и даже задержаться на них, долгое время при этом оставаясь неподвижными, сохраняя равновесие? Интрига, и в случае с летящими вниз, к бушующему в камнях морю кайрятами, и играющими со стихией пингвинами, в общем-то, одинакова: и те и другие подвергают себя невероятному риску... Поражает иное: золотоволосые пингвины довольно крупные существа, к тому же – это уже достаточно взрослые особи, тогда как кайрята – ещё толком не оперившиеся трёхнедельные крохи... Но не размеры определяют характер, а природная отвага!

И так, когда птенец подрос и обрёл способность самостоятельно передвигаться, он подводится своими родителями к краю скалы. Самец и самка при этом необыкновенно возбуждены, но стараются всё-таки сдерживать обуревающие их чувства, и птенца с обрыва не сталкивают, как утверждают некоторые исследователи, предоставляя ему самому принять решение. Остановившись неподалёку от края, кайры-родители лишь убеждают его совершить прыжок, терпеливо наговаривая: «Арра...арра...ррры...ррры...арра-а...» И между тем озабоченно поглядывают по сторонам – не видать ли чаек?

Бедняжка, кажется, ужасно трусит, тогда, как родители продолжают ободрять его резкими возгласами, пока кайрёнок переминается с ноги на ногу, то и дело смешно заглядывая в пропасть, куда ему сейчас предстоит отправиться. И вот, наконец, птенец решается: неловко подковыляв к головокружительной пропасти, он раз-другой повернётся туда-сюда, немножко покрутившись у самого края, пискнет коротко, и – пошёл вниз, одним прыжком бросаясь в море! Как только на такое действие оказывается способным столь маленькое существо, уместяющееся на ладони?!

И, тем не менее, кайрёнок летит на оголяющиеся из-под воды камни, рискуя разбиться, и родители обеспокоенно наблюдают за ним, готовые в любой момент отправиться вслед. Жутко даже делается от этого зрелища, а птенец уже в воде оранжевыми лапками изо всех сил под себя подгребаёт, стараясь от опасных камней подальше убраться. Великое таинство кайрового рода совершилось, и инстинкт сохранения вида взял своё: кайрёнок обещает вырасти в большую здоровую птицу, которая продолжит кайровый род!

Если кайрёнку повезло, и он живым и здоровым выныривает из воды, то сразу ищет защиты у родителей, боязливо прижимаясь к ним и норовя забраться на спину, но те побуждают кроху ещё раз совершить свой подвиг, опустившись под воду. И так – несколько раз, пока кайрёнок не делается смелее и не перестанет остерегаться водной стихии. Родители учат его, как отыскивать себе пищу, и когда он достаточно научится всему тому, что следует знать морской птице, чтобы вести самостоятельное существование, родители вместе с ним отправляются в море, куда собираются и другие семьи, и там уже полувзрослые кайрыта заканчивают своё воспитание.

Птенцы научаются бороться с непогодой и смело парить над бушующим морем, когда садятся на гребни вздымающихся волн и добывают себе рыбу. Но далеко не все из птенцов оказываются на волне окружающего их многообразия жизни, многие платятся ей за свой первый прыжок в море: сгинул кайрёнок в бушующей у прибрежных скал морской пучине, не выплыл, как бы сильно не волновались и не поддерживали его родители, значит, не судьба быть продлённым именно этому птичьему роду, не имеет ему здорового потомства... Подвергая своего птенца такому испытанию, самец и самка проверяют крепость своих птичьих уз во имя будущей здоровой жизни, и если маленькая птица, не умеющая ещё толком управлять своими движениями, с размаху падает на камни и разбивается на смерть, -

природа обнаружит своё достойное продолжение в других, более удачливых и выносливых птенцах.

Именно такой, удачливый кайрёнок, поразил меня однажды на острове Тюленьем, когда бросился в метущиеся волны с высокой скалы, смешно растопырив в стороны оранжевые лапки. Наверное, он в одно мгновение сразу снискал для себя счастье ожидающего его вольного существования в суровых северных морях, на диких птичьих утёсах, привлекающих миллионы таких же счастливицев нескончаемого семейства пернатых. Признаюсь, ничего более трогательного в природе до этого я не видел...

Это было своего рода жизненное крещение, и кайрёнок справился со своим страхом, решившись броситься с отвесной скалы навстречу неизведанной для него стихии: ему повезло, он выжил. Как тут не подумаешь и про человеческих отпрысков, готовящихся выйти на жизненную дорогу! Так ли правильно, в отличие от кайр, ведут себя родители у людей, чтобы их ребёнок вырос в настоящего человека, и не пример ли это для него, в отличие от кайрёнка имеющего гораздо больше возможностей преодолеть собственную нерешительность, но, тем не менее, не совершающего в своей жизни достойного шага, тогда как недалёкие, казалось бы, птицы как раз этим необходимым знанием обладают, и очень умело им пользуются?! Никто иной, а именно крохотный птенец своим чудесным бесстрашием побуждает нас стать сильнее, обретя в себе недостающую для жизни радостную уверенность.

Но трудно учиться тому, начало чего сам в себе не пробудил. Так, совершите же свой прыжок с высокой скалы навстречу долгожданному и выношенному в себе желанию или мечте, и вы станете ближе к Богу, которому в радость, когда человек упражняется в своей воле. Учись, как говорится, доброму, а худое и само придёт, к нему только нужно быть готовым, полностью это худое приняв, чтобы было и Богу, и людям. А всего лишь побуждает тебя к полной и достойной жизни крохотный кайрёнок, неотъемлемая частица нашего мира, в том числе – и моря, где всякому найдётся своё место, если он готов к восприятию своей судьбы как единственной и неповторимой.

«ПРИБОЙ»

За долгие годы работы в море я так свыкся с ним и полюбил, что прибой звучит в моих ушах непрерывно, и днём и ночью. Даже сейчас, когда я пишу эту книгу, он постоянно беспокоит меня, укачивает душу, но не доводит до смятения, а лишь умиротворяет. Прибой...

Шум волн проникает в моё сознание безостановочно, в момент утреннего пробуждения он уже со мной, и некоторое время, не подымаясь с постели, я обычно вслушиваюсь в его отдалённый рокот, убеждаясь, что прибой ни на мгновение меня не покидал. Я лежу и вспоминаю, как так случилось, что море привлекло моё внимание, позвало к себе и возбудило до сих пор не ослабевающий интерес. Началось всё именно с прибоя, о повадках которого я попытаюсь рассказать...

Впервые прибой вошёл в мою жизнь в детстве, когда мне было четыре года, и так поразил воображение, что я сразу осознал: всё это безмерное, повергающее своей мощью водное пространство – родное. Когда-то я его уже видел, так же остро переживал ошеломляющую морскую безмерность и, кажется, был счастлив. Прибой в мгновение вдохнул в меня давние воспоминания о воде, из какой-то прошлой жизни, так что они не отступают до сих пор.

Тогда, в детстве, стоя босиком на мокром песке дикого пляжа под Анапой, я зачарованно взирал на бушующий послештормовой прибой и не в силах был отвести взгляд. Бурно пенящиеся зеленовато-коричневые валы пытались ухватить меня за ноги, угрожающе шипели, но почему-то не пугали. Они лишь вызывали восхищение неудержимой, всесокрушающей силой, берущейся, вроде бы, ниоткуда...

Одни валы в точности повторяли другие, на первый взгляд ничего нового не происходило, но именно это монотонное чередование размеренно надвигающейся на сушу водной толщи и завораживало. Сейчас отчего-то представляется, что тогда я вбирал в себя прибой глазами взрослого, повидавшего жизнь человека, хотя шёл мне всего лишь пятый год... Я хорошо помню это необыкновенное впечатление, и тот первый в моей жизни прибой, наверное, пробудил сознание. Всё в картине прибоя воспринималось необыкновенным и в то же время простым: я уже как будто жил когда-то в этой очаровывающей морской стране, не раз испытывая на себе злую волю шторма и безволие штиля, а шум мерно набегающих на берег морских волн сливался с ударами моего беспокойного маленького сердца...

С тех пор я уже не мог обойтись без шума прибоя, его неудержимого мощного наката, и всегда обращал свой взор к морю. И когда вырос – уехал на Дальний Восток, поступил в мореходку, и вскоре ушёл с рыбаками на путину. Потом был подводным пловцом морского ежа, ламинарии и трепанга, а ещё позже закончил водолазную школу и работал много лет на научных судах вместе с биологами, вулканологами и метеорологами, обходя морскими дорогами всю северо-западную часть Тихого океана, включая

Сахалин и Курилы, Камчатку, Командорские острова и Шантары... И везде, куда бы не занесла меня беспокойная моряцкая судьба, с восхищением переживал нахождение с водной стихией, с неутихающим властным прибоем... Прибой и рядом, и в твоей душе, - природа ваша неразделима!

В прибое кроется лишь мизерная часть необъятной силы моря, но и её достаточно, чтобы быть по-хорошему захваченным его энергией. Даже жалко становится, что волна, появившись на свет где-то в неведомых глубинах океана, путешествует к континенту тысячи миль, затем, достигнув его, закручивается в бурун, вырастает и ... разбивается при соприкосновении с земной твердью... Но такие же бесчисленные волны следуют за ней по пятам, и днём и ночью происходит это нескончаемое шествие, и будет продолжаться до тех пор, пока не дрогнет сердце Земли и она не исчезнет во времени.

Представив это, начинаешь воспринимать волны внутренним зрением, чутко улавливая их нескончаемые перевоплощения как плод вселенского дыхания, переживаемого и тобой. Волны то набегают, то отступают, будто разговаривают, и вскоре начинает уже казаться, что море смыкает собственные мысли, а сам ты становишься лёгким, свободным... Порой же чудится, словно море беседует именно с тобой, терпеливо растолковывает что-то, пытаюсь донести, вобщем-то, простое: будь самим собой, будь самим собой, будь - собой... Так прибой неумолимо наставляет человека.

Созерцать волны лучше у берега, а не в море, где они теряются. Прилив обостряет это зрелище, когда прибой словно расправляет плечи, будто стараясь превзойти своими размерами и землю, и небо. Но насколько захватительна подобная картина, настолько она и быстро надоедает, если волны накатывают на берег еле-еле... Тогда ни лазурь моря, ни отражающийся в ней солнечный свет, ни доводящий до слёз запах соли и выброшенных водорослей – не вдохновляют, а равномерно сменяющие друг друга пенистые бурунчики скоро становятся утомительны для восприятия...

У прибоя особая красота, в которой ощущается, как ни странно, нечто земное. Земля неподвижно внимает наступающим на неё водам и, в то же время, будто испытывает трепет перед могучим голосом Природы. Ведь морские волны – это её пульс, и без соединения земли и моря невозможна жизнь. Ритм волн, населяющих морские просторы, олицетворяет биение пульса трепетной земной плоти.

Прибой, как и море, никогда не бывает одинаков, он всегда многозначен и неповторим. Монотонность звучания набегающих на берег морских волн лишь видимая, на самом деле они несут в себе целую гамму звуков. В них слышится ниспадающее журчание водопада, грозное гудение необузданной космической стихии, ласковое шипение и перезвон далёких неведомых колоколов... Если напрячь слух, то всё это – совершенные звуковые сочетания, присутствующие во всём, что окружает тебя здесь, у моря, и море будто объединяет все эти звуки в единую музыку и бескорыстно

льёт её на берег: так у него много этой нескончаемой энергии, незаметно переливающейся в гармонию.

Слушая, впитывая, проникаясь происходящим – и сам достигаешь в себе гармонического звучания, сообщающего тебе какие-то важные известия, навеянные морем по воле Вселенной, и ты задумываешься о хорошем, о главном, и оно кажется тебе вполне достижимым. Музыка моря и музыка твоей души, оказывается, - одно целое, они звучат воедино.

Но услышать прибой, как это ни странно, не так просто: к нему нужно быть готовым. Доступность его звуков достигаема по мере взросления твоей души, и если совсем недавно мелодия набегающих волн не порождала в ней ничего нового, то вот сейчас, вдруг, всё в душе переворачивается и воспаряет. Как хорошо быть рядом с морем, чувствовать, как оно вливается в тебя и пробуждает забытые напевы, благодаря которым хочется ещё более взволнованно жить, ощущать каждой клеточкой тела и море, и солнце над ним, и всю Вселенную. А прибой мягко накатывает, иногда величаво всплескивается, вроде бы, на что-то негодую, и вмиг повергает своей мощью... И всё нагоняет и нагоняет искрящуюся пену на гладкий плотный песок: ши-ши-ши-и-и...

Можно ли назвать прибой своенравным, когда его причуды порой оказываются несравнимы даже с женским непостоянством? Или он, скорее, отражает достоинства мужчины, которому, на деле, чаще всего нечего противопоставить его настойчивости и терпению? Прибой, наверное, несёт в себе отголоски чего-то более совершенного, чем просто мужское и женское начало, отчётливо улавливая чуткий ритм бесконечного пространства Вселенной.

Вслушайтесь в его не иссякающий гул и попытайтесь не упустить хотя бы начальный час подъёма воды или её ухода... Ведь по мере нарастания приливной энергии моря – шум прибоя усиливается, а отступая – вода не менее яростно борется, не желая сдавать своих несокрушимых позиций!

Волнительно замирание воды перед её отступлением в море... Отражённые волны, спешащие теперь оказаться подальше от берега, необыкновенно напряжены, звучат по-особому и звук этот ещё более завораживающе действует на слух, чем рокот наката. Море в такие моменты, кажется, объявляет войну собственному, установленному природой ритму: так оно велико и своевольно.

Но прибой всё-таки более проникновенен в своей настойчивости, когда, кажется, пробуждает даже бессловесные камни: камни начинают тереться друг о друга, перешёптываться и еле слышно охать. Порой, если замереть и набраться терпения, можно даже уловить в этом шевелении какие-то восклицания, относящиеся, должно быть, к еле угадываемому говору земли, с великой древности находящейся в самом близком соседстве с морем. А может быть, это неведомые обитатели морских глубин зачем-то зывают к тебе почти ясными голосами и, наверное, надеются, что ты отзовёшься им... Хорошо жить у моря и слушать его прибой, рассказывающий о многом.

Рано или поздно ты начинаешь чутко вслушиваться в прибой, а наиболее чувствительным по отношению к нему становишься к вечеру, потому как перед ночью прибой обретает иную ритмику, - его мерное дыхание незаметно заполняет собой подступающую темноту и ласково сливается с ней. Хорошо лежать в постели какого-нибудь небольшого дома, стоящего неподалёку от прибойной полосы, и через закрытое окно угадывать это морское дыхание, не уставая им наслаждаться.

А бывает, дышит только кромка прибоя, когда на море – штиль. Даже в тихую погоду не всегда доносится до твоего слуха этот еле угадываемый прибойный шорох. Лишь лёгким всплескиванием, иногда, напоминает о себе угмонившаяся на время стихия, и тебе не верится, что это ласковое море может породить громовые раскаты, нагоняя на берег разрушительные валы.

Но чаще всего ритм прибоя нетороплив, размерен, несмотря на настроения моря. Порой он понижается, порой возрастает, а то звучит своим чарующим глубинным тембром, отчего пробуждается в душе желание отправиться в дальнее путешествие. И тогда время наполняется необыкновенной торжественностью, а ты обретаешь недостающую волю в принятии самых ответственных решений.

И всё же самое незабываемое зрелище, когда прибой разрастается во всепобеждающий рокот, предшествующий последней дерзостной атаке воды на сушу. Война эта объявлена давно, длится, наверное, бесконечность, но не перестаёт быть неутомимой. Такова суть моря и прибоя, его могучая сила нескончаемого процесса созидания и разрушения, рождения и смерти. В рёве прибоя море, вероятно, пытается донести до человека постоянное стремление к более высокому уровню внутренней энергии...

Проще говоря, и Вселенная и море неутомимо работают над тем, чтобы у человека, наконец, хватило сил ощутить присутствие во всём Единого Творца, и беспрестанно набегающий на берег прибой ненавязчиво пытается донести до него это замечательное действие. Чтобы человек прислушался к созидающей всё вокруг Силе, изменил своё отношение к Жизни и, приняв её истинную красоту, тоже стал необыкновенно силён. Божественными раскатами отдалённого грома море напоминает человеку о том, каким он может быть могущественным, потому что человек – неотъемлемая часть его нестигаемой сути, и прибой будто подсказывает ему своим неумолчным, но ненадоедливым говором: «Слушай больше, говори меньше, и сила твоя любой камешек обточит, если будешь, как и я, на дела достойные безбрежен...» А человеку, в благодарность за такое великодушное расположение к нему морской стихии, остаётся только, подобно набегающей на берег прибойной волне, вторить ей своё, еле различимое и вкрадчивое: «Море моё, море моё, море моё...»